

КАМЧАТКА РОССИЯ МИР

Материалы III Исторических чтений,
посвященных 170-летию обороны
Петропавловского порта 1854 г.
и 120-летию событий Русско-японской
войны 1904–1905 гг. на Камчатке

УДК 908(470)
ББК 26.89(2Рос-4Камч)
К18

К18 Камчатка – Россия – Мир : материалы III Исторических чтений, посвященных 170-летию обороны Петропавловского порта 1854 г. и 120-летию событий Русско-японской войны 1904–1905 гг. на Камчатке / Министерство культуры Камчатского края ; Камчатская краевая научная библиотека им. С. П. Крашенинникова. – Петропавловск-Камчатский : КГБУ «ККНБ им. С. П. Крашенинникова», 2024. – 212 с.

ISBN 978-5-88736-043-0

Сборник содержит материалы III Исторических чтений, посвященных 170-летию обороны Петропавловского порта 1854 г. и 120-летию событий Русско-японской войны 1904–1905 гг. на Камчатке. Чтения проводились 5–6 сентября 2024 г. в Камчатской краевой научной библиотеке им. С. П. Крашенинникова и являлись частью III регионального фестиваля «Камчатка – Россия – Мир». Опубликовано более 30 докладов, представленных специалистами научно-исследовательских институтов, высших учебных заведений, архивов, учреждений культуры Петропавловска-Камчатского, Москвы, Санкт-Петербурга, городов Сибири и Дальнего Востока. Издание адресовано историкам, краоведам, исследователям, студентам и преподавателям высших и средних образовательных учреждений, а также всем, кто интересуется вопросами истории Камчатки.

**УДК 908(470)
ББК 26.89(2Рос-4Камч)**

Ответственный за выпуск – Т. А. Дикова

ISBN 978-5-88736-043-0

© Камчатская краевая научная библиотека
им. С. П. Крашенинникова, 2024

Сборник содержит материалы Исторических чтений «Память поколений», проведенных в рамках III фестиваля «Камчатка – Россия – Мир», посвященного 170-летию обороны Петропавловского порта (1854) и 120-летию событий Русско-японской войны (1904–1905) на Камчатке.

Чтения проводились 5–6 сентября 2024 г. в Камчатской краевой научной библиотеке им. С. П. Крашенинникова. На конференции было представлено более 40 докладов по следующим направлениям: «Дни героических камчатских событий в контексте истории России», «Камчатка – Россия – Мир» через истории камчатских семей, «Личность в истории: новые открытия, новые знания», «Народы Севера – участие в исторических событиях».

В Исторических чтениях приняли участие сотрудники библиотек, архивов и музеев, ученые и преподаватели учебных заведений различных регионов страны, включая такие города, как Хабаровск, Владивосток, Москва, Санкт-Петербург, Николаевск-на-Амуре, Южно-Сахалинск, Тюмень, Якутск, Калининград и Новосибирск.

Участникам и гостям мероприятия были представлены следующие выставки: художественная – «Авачинская бухта. Мир и война»; планшетные – «Камчатские просветители XX века», «Петропавловск-Камчатский – город воинской славы»; книжно-иллюстративные – «Камчатка: веки памяти и славы», «Град Петра и Павла».

На пленарном заседании прозвучало 15 докладов по основным направлениям Чтений, в которых были раскрыты темы героических эпизодов, произошедших на Камчатке. Данные региональные события показаны во взаимосвязи с общей историей России и мира. Эти темы нашли отражение в докладах С. И. Покладова, Р. С. Авилова, Т. В. Воробьевой, В. Н. Григоревского и других.

Работа конференции продолжалась по секциям, которые объединили сообщения и доклады по определенным тематическим направлениям.

На секции «Память поколений. Казаки на службе Родине» прозвучали выступления С. И. Вахрина, В. В. Махины, С. Е. Дурынина, А. А. Каргопольцева, Н. В. Бянкина, М. А. Лукояновой. В докладах раскрывались темы: освоение полуострова; роль казачества и коренного населения Камчатки в главных исторических событиях региона; личности прошлого, которые создавали славу России.

Секция «Лучшие библиотечные практики по краеведению» объединила сообщения участников из сс. Эссо и Мильково, гг. Вилучинска, Петропавловска-Камчатского, Санкт-Петербурга. Она открылась докладом Н. М. Балацкой, старшего научного сотрудника Отдела библиографии и краеведения Российской национальной библиотеки, которая своим сообщением определила направление и ход дальнейшей работы. Представители библиотек края рассказали об интересных, новаторских проектах, активно претворяемых в жизнь, вовлекающих в сферу деятельности и общественной жизни различные слои населения.

На базе социально-гуманитарного факультета Камчатского государственного университета им. Витуса Беринга прошел круглый стол «События Крымской войны и Петропавловской

обороны на страницах школьных учебников». Обсуждались проблемы изучения и методики преподавания данной исторической темы, особенностей освещения ее регионального компонента.

В рамках проведения Фестиваля «Камчатка – Россия – Мир» и Исторических чтений состоялась встреча молодежи с потомками героев Петропавловской обороны – М. Д. Максutowой, И. Н. Селивановой, Н. М. Ильцовой (Крупениной), О. Е. Мутовиным.

Итоги работы Чтений были подведены 6 сентября 2024 г., где обсуждалось следующее предложение краевого отделения Российского географического общества: «Органам власти региона внести дополнение в Закон Камчатского края “О праздниках и памятных датах Камчатского края”, установив новую памятную дату: День формирования народного ополчения на Камчатке во время Русско-японской войны в 1904 г. – 23 апреля (наряду с днями: 18 августа – День Курильского десанта; 5 сентября – День героической обороны Петропавловского порта от нападения англо-французской эскадры)».

Гости Фестиваля, представители Севастопольской общественной организации сохранения исторического наследия «Гренадер», провели интерактивную лекцию с демонстрацией некоторых артефактов, которые они привезли с собой. Лекция дала возможность прочувствовать и «поучаствовать» в исторических событиях 1854 г., напомнила о великих именах и великих деяниях наших предков.

И. В. Витер

Раздел I

ГЕРОИЧЕСКОЙ ОБОРОНЕ ПОСВЯЩАЕТСЯ

(к 170-летию отражения нападения англо-французской эскадры на Петропавловский порт во время Крымской войны, 1854 г.)

Р. С. Авилов

ВЛИЯНИЕ ОБОРОНЫ ПЕТРОПАВЛОВСКОГО ПОРТА В АВГУСТЕ 1854 г. НА РУССКОЕ ВОЕННОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ НА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ТЕАТРЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ВО 2-й ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Дан анализ внешнеполитических угроз России во второй половине XIX – начале XX в. Оборона русскими войсками Петропавловского порта от удара англо-французской эскадры в ходе Крымской войны (1853–1856) оказала непосредственное влияние на разработку стратегии по охране дальневосточных рубежей. Данные события заставили военные ведомства уделить более пристальное внимание организации противодесантной защиты важнейших пунктов побережья Тихого океана, включая разработку планов строительства фортификационных сооружений Владивостокской крепости.

Ключевые слова: Крымская война; Петропавловская оборона; Русско-турецкая война; Русско-японская война; Восточный Сибирский военный округ; Приамурский военный округ.

Оборона русскими войсками Петропавловского порта в 1854 г. в ходе Крымской войны 1853–1856 гг. от удара англо-французской эскадры и отражение высаженного противником морского десанта является одним из важнейших событий военной истории российского Дальнего Востока в имперский период. Оборона Петропавловска стала одним из немногих событий военной истории российского Дальнего Востока, которое признавали значимым и достойным увековечения. Так, в память о героической обороне Петропавловска были названы три береговые батареи Владивостокской крепости: береговая артиллерийская батарея (после капитальной перестройки в 1896–1898 гг. получила название «Петропавловская мортирная» № XVIII), расположенная в средней части п-ова Назимова; береговая батарея «Петропавловская пушечная» № XVII, расположенная вблизи м. Артур на том же полуострове; береговая батарея «Петропавловская нижняя», расположенная на том же полуострове, но к настоящему времени почти не сохранившаяся [1, с. 287–297].

Крымская война 1853–1856 гг. стала первой войной, которую Российская империя вела с европейскими державами не только на Европейском, но и на дальневосточном театре военных действий. Попытка европейцев захватить Петропавловск во время Крымской войны 1853–1856 гг. во многом определила дальнейшее восприятие угроз российскому Дальнему Вос-

току в главных управлениях Военного и Морского министерств. До начала Японо-китайской войны 1894–1895 гг., высветившей японскую угрозу, основным и наиболее вероятным противником России в регионе считалась Британская империя. Наиболее вероятным сценарием развития событий в случае начала войны с ней являлся удар британского флота с моря с последующей высадкой десанта, но на этот раз не по Петропавловску, а по расположенным южнее Владивостоку (что привело к строительству в этом пункте приморской крепости) или району зал. Посыета.

Равным образом для европейских держав (Великобритании и Франции) попытка захватить расположенный в Авачинской бухте русский порт стала первой в их истории морской десантной операцией, проведенной против русского Тихоокеанского побережья. В дальнейшем планы подобного рода операций разрабатывались еще как минимум дважды. В 1878 г. во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. англичане разрабатывали план возможного удара по русскому Тихоокеанскому побережью на случай входа русских войск в Стамбул (Константинополь), делавшего неизбежным начало войны между Россией и Британской империей. Второй раз – весной 1885 г. во время Мервского (Афганского) кризиса из-за проблемы разграничений русской и английской сфер влияния в Средней Азии. Оба раза в качестве возможных целей для

удара с моря и последующей высадки десанта рассматривались Владивостоки и район зал. Посьета, и в обоих случаях к встрече с неприятелем на российском Дальнем Востоке серьезно готовились.

К весне 1877 г. ситуация на Балканском полуострове накалилась настолько, что стало очевидно – войны с Османской империей России не миновать. 12 апреля 1877 г. Российская империя объявила войну Турции, началась Русско-турецкая война 1877–1878 гг. Внешнеполитическая обстановка на момент начала конфликта была достаточно благоприятной. С Австро-Венгрией имела договоренность о нейтралитете, Франция восстанавливалась после Франко-прусской войны 1870–1871 гг., Германия внимательно следила за этим процессом восстановления, опасаясь реванша, а Британская империя была заинтересована в ослаблении России, но не в очередной войне с ней [2, с. 165–167; 3, с. 174–194].

Однако опыт Крымской войны 1853–1856 гг. подсказывал военным, что лучше перестраховаться, т. к. по мере достижения успехов русской армией позиция Великобритании, имевшей серьезные торговые и стратегические интересы в Турции, должна была становиться все более жесткой. Реальной возможности нанести России ощутимые удары в районе проливов Босфор и Дарданеллы Британская империя не имела. Британская армия была в первую очередь предназначена для ведения колониальных войн, противостоять русской в одиночку, без серьезных союзников, как это было в Крымскую войну 1853–1856 гг., не могла. Флот, в свою очередь, не мог оказать существенного влияния на ведение боевых действий на суше. Тем не менее, оставалась возможность повторения сценария Крымской войны 1853–1856 гг., когда англо-французская эскадра сначала сделала попытку высадить десант в порту Петропавловск на п-ове Камчатка, а затем и в зал. Де-Кастри [4]. Таким образом, угроза удара британского флота была вполне реальной, а активные действия англичан на слабозаселенных дальневосточных окраинах империи могли нанести ущерб имиджу России на международной арене и привести к малопредсказуемым последствиям.

К войне с Британской империей на Дальнем Востоке начали готовиться за полгода до начала войны с Турцией. Уже 29 октября 1876 г. в г. Иркутск была получена шифрованная депеша военного министра Д. А. Милютин. В ней указывалось: «Разрыв с Англией возможен,

а потому осторожнее принять заблаговременно меры обороны» [5, л. 4; 6, л. 8об.–9об.]. Было незамедлительно собрано совещание, участники которого констатировали, что «с приведением в исполнение последних распоряжений, все наше побережье в Великом океане предоставлялось обороне сухопутных войск, расположенных в Приморской области и что во время обсуждения вопроса о наилучшей обороне означенного побережья совершенно невозможно было предвидеть, какого рода нападению оно могло подвергнуться, потому, что в точности неизвестен был даже предполагаемый неприятель и те средства, коими он будет располагать...». Поэтому решено было, «не входя в оценку каких-либо комбинаций, обсудить: 1) вероятные пункты, на которые неприятель может произвести нападение в Приморской области и 2) количество тех боевых частей, которыми можно воспользоваться для обороны этих пунктов, а также передвижение этих частей в означенные пункты» [6, л. 102об.–103об.].

По первому пункту пришли к выводу, что «на первом плане стоят: Владивосток, как сосредоточие наших морских учреждений в этом океане и Николаевск, как областной город и наиболее значительный торговый пункт побережья, расположенный к тому в устьях р. Амура, единственного удобного пути во внутрь страны; следовательно, оборона этих пунктов должна составлять предмет первой заботы. Затем весьма важное значение имеет залив Посьет с бухтами Новгородскою и Экспедиции, у которых лежит пост Новгородский и урочище Новокиевское. Сверх означенных пунктов, можно ожидать нападение неприятеля на посты Корсаковский и Дуэ, находящиеся на острове Сахалине и на пост Александровский, лежащий при заливе Де-Кастри в верстах 60 к востоку от г. Софийска». Со вторым вопросом все было намного проще – это были те части, которые либо уже находились в Приморской области, либо могли быть туда переброшены в обозримом будущем из других регионов Восточного Сибирского военного округа [там же, л. 104 об.–106 об.].

Далее был выработан комплекс мер по обороне побережья, включавший: «1) приведение тех частей войск, на которые предполагалось возложить оборону прибрежных пунктов Восточного океана к штатам военного времени и снабжение их лошадьми; 2) приведение в точную известность боевых средств имеющихся в Приморском крае и могущих служить для обороны его; 3) заготовление для войск продовольствия

и госпитальных принадлежностей; 4) снабжение чинов, призываемых из запаса, обмундированием и амуницией; 5) обеспечение войск Приморской области медицинским персоналом, а также средствами для сохранения здоровья войск; 6) усиление береговой обороны минными заграждениями и укреплениями с размещением в последних орудий» [6, л. 103об.–104об.]. Все дальнейшие меры, реализованные в 1877–1878 гг. по обороне Владивостока и обеспечению безопасности Южно-Уссурийского края, в целом в полной мере происходили в рамках разработанного плана. Более того, именно тогда было принято концептуальное решение о необходимости обороны Владивостока не только с моря, посредством строительства береговых батарей, но и с суши, где было признано необходимым строительство линии сухопутных укреплений на п-ове Муравьева-Амурского для защиты города с севера на случай высадки противником десанта в бухтах Уссурийского залива и удара по Владивостоку со стороны суши. Именно эта идея впоследствии ляжет в основу концепции Владивостокской крепости.

Подписание Берлинского трактата способствовало ослаблению политического напряжения в Европе, ненадолго стабилизировав отношения с Британской империей, и сняло угрозу английского десанта, однако в то же время, из-за застарелых проблем, начали заметно охлаждаться отношения России и Китая. Тем не менее, случившийся уже через год Кульджинский кризис 1879–1881 гг. не привел к повторному использованию опыта организации противодесантной обороны времен Крымской войны 1853–1856 гг. Несмотря на активную подготовку Китая к войне с Россией операции китайского флота против русского Тихоокеанского побережья считались невозможными. Таким образом, влияние опыта обороны Петропавловска 1854 г. прослеживалось только относительно угроз, создаваемых морскими державами – Британской империей, а впоследствии – Японией, но не континентальным Китаем, не имевшим тогда флота, достаточного для проведения десантной операции у Тихоокеанского побережья России.

Вставший в 1882 г. на повестку дня «Савеловский вопрос» – пограничный спор местных русских и китайских властей из-за принадлежности д. Савеловки и небольшого участка территории, где она располагалась, привел к притязаниям властей Гиринской провинции на часть территории русского побережья в районе зал. Посьета, в т. ч. на весь участок русско-корей-

ской границы. Снова начались приготовления к возможной войне с Китаем, однако до 1885 г. угроза удара с моря русскими властями всерьез не рассматривалась по тем же причинам, что и во время Кульджинского кризиса.

Однако ситуация резко изменилась к 1885 г., когда начавшийся Мервский кризис 1885 г. немедленно отразился на британской политике на Дальнем Востоке, наложившись на еще не решенный «Савеловский вопрос». В результате возникла угроза войны не только с Китаем, но и с Британской империей из-за проблемы разграничения сфер влияния в Афганистане. Вести войну с Россией через территорию Афганистана или на Европейском ТВД (театр военных действий) Великобритания не могла. Первое было бы слишком накладно, а второе просто невозможно. Альтернативой являлся удар по русскому Черноморскому или Тихоокеанскому побережью. Оба варианта прошли апробацию в Крымскую войну 1853–1856 гг., но черноморский был предпочтительнее, т. к. его апробация оказалась успешной, в отличие от действий на Тихом океане, да и флота на Черном море, способного противостоять английскому, Россия не имела [7, с. 195–196]. Ввод английских кораблей в Черное море и высадка десанта на кавказском побережье или действия против Одессы вместе с возможными акциями Турции в Закавказье стали бы серьезной проблемой для России. Однако эту угрозу удалось ликвидировать русским дипломатам, которые в апреле 1885 г. обратились к Германскому правительству с просьбой в соответствии с 3-й статьей русско-австро-германского договора 1881 г., продленного в 1884 г. еще на три года, воздействовать на Турцию с целью заставить султана соблюдать принцип закрытия проливов. Канцлер О. фон-Бисмарк, стараясь, чтобы Россия ни в коем случае не пошла на компромисс с Англией, мобилизовал для воздействия на Турцию не только Австро-Венгрию, но и не участвовавшую в договоре Италию. Подключилась к действиям и Франция, недовольная захватом англичанами Египта. В результате Черноморское побережье оказалось недоступным для Британской империи [2, с. 127; 3, с. 203–204].

Оставался удар по дальневосточным владениям России, для чего требовалось наличие выгодно расположенной военно-морской базы. Гонконг находился значительно южнее русских владений, а севернее у британского флота не было даже угольной станции. Тогда была реализована идея сэра Г. Паркса (в 1865–1883 гг.

британского посланника в Японии, с 1883 г. и до самой смерти 10 (22) марта 1885 г. – британского посла в Пекине) образца 1875 г. о занятии «Порта Гамильтон» (о-ва Комундо), опираясь на который можно было действовать как по наиболее важным и уязвимым пунктам российского Тихоокеанского побережья (Владивосток и зал. Посыета), так и по корейскому берегу при попытке русских «приобрести там незамерзающий порт» [8, р. 190–191; 9, р. 20–22]. В результате в Приамурском военном округе (создан в 1884 г.) пришлось в срочном порядке готовиться к возможному британскому удару с моря по уже известным с Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. пунктам: Владивостоку или району зал. Посыета. В связи с этим во Владивостоке были выставлены минные заграждения, усовершенствованы оборонительные сооружения (крепость официально будет учреждена только в 1889 г.) и весной 1885 г. произведено сосредоточение русских войск в Южно-Уссурийском крае в этих пунктах. К счастью, внешнеполитические противоречия и с Китаем, и с Британской империей удалось разрешить мирным путем.

К разработке мер противодействия возможному удару с моря по русскому Тихоокеанскому побережью вернулись уже в 1895 г. на финальной стадии Японо-китайской войны 1894–1895 гг. Только теперь в качестве основного и наиболее вероятного противника рассматривалась уже не Британская империя, а Япония. Впрочем, основные направления возможного удара по территории Приамурского военного округа с моря, а именно: Владивосток, район зал. Посыета и низовья с устьем р. Амур, были уже известны с предыдущих кризисов, так что их оборону оставалось только развивать и совершенствовать по мере возможностей.

Куда хуже обстояло дело с обеспечением противодесантной обороны новых территорий – арендованного в 1898 г. Квантунского полуострова с Порт-Артуром и возводимым торговым портом Дальний. И если вопросы противодействия высадке японского десанта непосредственно на этих территориях хоть как-то решались, то комплекс мер противодействия высадке японского десанта в целом на территории Маньчжурии или Кореи – единственный реальный способ предотвратить военными методами надвигающуюся Русско-японскую войну – так и не был ни разработан, ни осуществлен. Именно это привело к наиболее тяжелым последствиям на начальном этапе кампании: вместо того, чтобы просто не дать противнику

высадить войска на континент, ему сначала позволили беспрепятственно высадиться, а уже потом пробовали оказать сопротивление, что при имевшем место в начале войны соотношении сил было практически бесполезно. Игнорирование при военном планировании опыта Петропавловской обороны 1854 г. привело в 1904–1905 гг. к самым печальным последствиям.

После Русско-японской войны 1904–1905 гг. угроза японского удара с моря по территории Приамурского военного округа сохранялась, а значит, сохранялась и угроза вражеских десантных операций. Несмотря на взятый правительствами двух стран внешнеполитический курс на сближение, реализация очередных военной и военно-морской программ шла в Японии своим чередом, что заметно нервировало командование Приамурского военного округа.

К 1909 г. наконец завершились дискуссии о целесообразности усиления Владивостокской крепости. Было решено строить новую линию сухопутной обороны (форты проектов 1910 г.) и береговой фронт крепости, включающий в себя не только береговые артиллерийские батареи, но и мощную систему противодесантной обороны – береговые орудийные капониры и полукапониры. Активная фаза строительства продолжалась с 1910 г. вплоть до начала в 1914 г. Первой мировой войны.

Причем угроза десанта считалась местным командованием настолько высокой, что в 1910 г. параллельно с разработкой новых планов строительства оборонительных сооружений Владивостокской крепости, по указанию Командующего войсками Приамурского военного округа инженер-генерала П. Ф. Унтербергера, был разработан комплексный план фортификационной обороны побережья всего зал. Петра Великого. Документ предусматривал строительство целого комплекса оборонительных сооружений, задачей которых было существенно затруднить, а в идеале и вовсе не допустить высадку японского десанта во всех без исключения десантоопасных районах зал. Петра Великого. Этот проект не получил поддержки в Главном управлении Генерального штаба и так и не был воплощен в жизнь [10, с. 232–266]. Тем не менее, береговую противодесантную оборону зал. Петра Великого в 1930–1940-х гг. все-таки пришлось создать. Работы велись уже на новом советском этапе оборонительного строительства на Дальнем Востоке, но против старого противника – Японии. Инженер-гене-

рал П. Ф. Унтербергер до этого, естественно, не дожидаясь, однако стратегические выкладки как его самого, так и его подчиненных оказались настолько точными, что значительная часть советских оборонительных сооружений (ДОТы, орудийные капониры и береговые батареи) была построена накануне Второй мировой войны не только в местах, указанных в проекте 1910 г., но и с практически идентичным обоснованием. Строительство при этом велось уже на новом этапе развития военно-инженерного искусства, с максимальным использованием опыта Первой мировой войны [11, с. 62–103; 12, с. 168–199; 13, с. 200–245; 14, с. 8–129]. Это обусловило существенные отличия итогов советского

военного строительства на побережье зал. Петра Великого от имперского проекта. Сама оборонительная концепция при этом осталась практически без изменений – противник не должен был получить возможность беспрепятственно высадиться в удобном для него месте, как это было в 1894 г. во время Японо-китайской войны и в 1904 г. во время войны Русско-японской.

В тот же период 1930–1940-х гг. была создана и новая система береговой обороны устья Амура, зал. Де-Кастри и Петропавловска-Камчатского [15, с. 76–80, 94–110, 121–123, 141] – тех самых районов, против которых в годы Крымской войны 1853–1856 гг. действовала англо-французская эскадра.

1. Авилов Р. С., Аюшин Н. Б., Калинин В. И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди : [в 4-х ч.]. Ч. III : «Крепость трех измерений». Владивосток : Дальнаука, 2016. 517 с.
2. История внешней политики России, вторая половина XIX в. (от Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза) / В. М. Хевролина, Ю. Ф. Субботин, Н. И. Хитрова [и др.]. М. : Междунар. отношения, 1997. 384 с.
3. Хвостов В. М. История дипломатии : [в 5-ти т.]. Т. II : Дипломатия в новое время, 1871–1914. М. : Госполитиздат, 1963. 820 с.
4. Защитники Отечества. Героическая оборона Петропавловска-Камчатского в 1854 г. : сб. офиц. док., воспоминаний, ст. и писем / [сост. Б. П. Полевой]. Петропавловск-Камчатский : Дальневост. кн. изд-во, Камч. отд-ние, 1989. 270 с.
5. РГВИА [Российский государственный военно-исторический архив]. Ф. 400. Оп. 1. Д. 470.
6. Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 765.
7. Кондратенко Р. В. Морская политика России 80-х годов XIX века. СПб. : Ле-Ко, 2006. 344 с.
8. Kiernan E. V. G. British Diplomacy in China: 1880–1885. Cambridge : Cambridge University Press, 1939. 327 p.
9. Hamilton A. W. The Komundo Affair // Korea Journal. 1982. № 6. P. 20–33.
10. Авилов Р. С. Проекты береговой обороны залива Петра Великого для противодействия высадке японского десанта на дальних подступах к Владивостокской крепости (1910 г.) // Вопросы истории фортификации. 2021. № 8. С. 232–266.
11. Противодесантные долговременные фортификационные сооружения береговой обороны Владивостока / С. А. Воробьев, А. В. Стехов, Ю. В. Иванов [и др.] // Крепость Россия : ист.-фортификац. сб. Владивосток, 2003. Вып. 1. С. 62–103.
12. Воробьев С. А., Стехов А. В., Калинин В. И. Артемовский сектор береговой обороны Главной военно-морской базы Тихоокеанского флота «Владивосток». 1941–1945 гг. Ч. I : Казематированные сооружения ближней обороны // Там же. Владивосток, 2005. Вып. 2. С. 168–199.
13. Они же. Артемовский сектор береговой обороны Главной военно-морской базы Тихоокеанского флота «Владивосток». 1941–1945 гг. Ч. II : Артиллерийские батареи // Там же. С. 200–245.
14. Противодесантные долговременные фортификационные сооружения Владивостокского сектора береговой обороны Главной военно-морской базы Тихоокеанского флота «Владивосток». 1932–1945 гг. / В. И. Калинин, А. В. Стехов, Ю. В. Иванов [и др.] // Там же. Владивосток, 2010. Вып. 4. С. 8–129.
15. Калинин В. И., Воробьев С. А. Сталь и бетон против Микадо. Береговая оборона и укрепленные районы сухопутной границы на Дальнем Востоке СССР. 1932–1945 гг. // Там же. Вып. 2. С. 76–167.

С. И. Вахрин

КАМЧАДАЛЫ – ЗАЩИТНИКИ ОТЕЧЕСТВА

Даны списки камчадалов – участников военных операций по защите российских рубежей, включая Петропавловскую оборону (1854), Русско-японскую войну (1904–1905), Великую Отечественную войну (1941–1945).

Ключевые слова: история; ительмены; камчадалы; Петропавловская оборона; Завойко В. С.; Русско-японская война; Великая Отечественная война.

Чтобы начать эту тему, нужно сначала привести в соответствие с исторической реальностью само слово «камчадалы», которое сегодня используется всуе и трактуется так, как кому заблагорассудится, не считая и тех людей, которые считают себя специалистами в области этнографии и истории Камчатки. Давайте заглянем в бессмертное «Описание земли Камчатки» Степана Петровича Крашенинникова: *«Природных тамошних жителей считается три народа: камчадалы, коряки и курилы. Камчадалы живут в южной части Камчатского мыса [полуострова. – авт.], от устья реки Уки до Курильской лопатки и на первом Курильском острове называемом Шоумичу. По реке Камчатке от вершины до устья по впадающим в нее посторонним рекам и речкам по берегу Восточного моря на юг до устья реки Налачевой, а на север до Уки реки»* [1].

И вот главное: *«Камчадалов по разности языка можно разделить на два народа: на северный и южный»*. Северный, по определению С. П. Крашенинникова, – проживает в долине реки Камчатки, где народ *«за столповой по справедливости почестся может: ибо оной и поступками в рассуждении других лучшие, и нравами не столь суров, и в языке нигде почти никакой не имеет отмены... Напротив того, у прочих в каждом остроге особое наречие примечается»* [Там же].

И что же произошло? Два «оспелых поветрия», две эпидемии унесли тысячи жизней коренных камчадалов именно в долине р. Камчатки по линии административных центров Большерецк – Верхнекамчатск – Нижнекамчатск. Чтобы восстановить административную связь между этими центрами, восстановить так называемую «каюрную гоньбу», сюда переселяют камчадалов с восточного и западного побережий, которые говорят на разных диалектах. Итог плачевен – камчадалы переходят в своем общении на камчадальское наречие русского языка, утрачивая свой природный язык.

Карл фон Дитмар в середине XIX в. уже отмечал, что в долине р. Камчатки практически никто из камчадалов не говорит на своем языке. Тем не менее, официально никто и нигде

в те времена не приравнивал этих камчадалов к русским. И если мы с вами возьмем в руки Исповедальные росписи камчатских церквей за 1893 г., то в этих росписях будет четкое разделение камчадалов, крестьян, мещан, казаков, церковнослужителей.

Всего на период прихода на Камчатку Советской власти на полуострове насчитывалось 36 аборигенных поселений. В 1926 г. этнограф Е. Орлова пришла к справедливому выводу о том, что камчадалы – коренные жители южной части п-ва Камчатка утратили свой язык и обрусели: стали строить избы, а не жить, как прежде, в землянках; носить цивильную одежду, а не кухлянки и торбаса; охотиться с ружьями, а не со стрелами и копьями, и т. д. Сохранившийся язык у аборигенов Камчатки она отмечает только в восьми поселениях Тигильского района.

Орлова физически отменяет камчадалов. Южных она переводит в новую национальную категорию – великоросс или русский. А для северных в 1926 г. вводит новый этноним – ительмены. И камчадалы, как этнос, на долгие 60 лет выпадают из национальной истории Камчатки.

А в 1950–1970-х гг. большинство из старинных поселений аборигенов, просуществовавших несколько тысяч лет, исчезают в связи с лососевой катастрофой – из-за японского дрейфтерного промысла были закрыты предприятия, люди выселены, потеряв не только исторические, национальные, но и родственные связи, историческую память, историко-культурное наследие своих предков. А другие, оставшиеся «на плаву», поселения, наоборот, разрослись, наполнились новым содержанием, новыми жителями, среди которых также потерялись коренные жители со своей национальной историей и культурой.

Какие поселения исчезли? Начинаем идти с юга на север по западному побережью: Явино, Голыгино, Кихчик, Коль, Колпаково, Облукови-на, Брюмка, Ича.

Долина реки Камчатки: Кирганик, Щапино, Машура, Толбачик, Ушки, Камаки.

По трассе на Большерецк–Усть-Камчатск: Малка, Ганалы.

Сохранились (НО УЖЕ НЕ КАК НАЦИОНАЛЬНЫЕ): Соболево (Воровское, Мономахово), Крутогорово, Пушино, Шаромы, Козыревск.

В 1989 г. начался процесс возрождения камчадалов как этноса.

Но посмотрите, что пишут в Интернете, а главное, утверждают и наши камчатские специалисты: *«Камчадалы – этнографическая группа русских, старожильческое население современной территории Камчатского края, Магаданской области, Чукотки, образовавшееся вследствие этнических контактов немногочисленных русских переселенцев с представителями аборигенных северных этносов»* [2]. Правда, тут же и приписка: *«В XVIII в. термином камчадалы обозначали ительменов»* [там же].

Так почему же тогда так честно и не написать, что ительмены и камчадалы – это один и тот же народ? Нет, этнографы и сами не разобрались в этом вопросе, и запутали всех вокруг.

Но сегодня мы будем говорить о роли камчадалов в защите своего Отечества. Первое военное испытание, которое выпало на долю Камчатки – Петропавловская оборона в августе–сентябре 1854 г. В Петропавловске в это время находился Камчатский флотский экипаж, экипаж фрегата «Аврора», Камчатская казачья команда и добровольцы, или, как их в те времена называли, охотники из числа местных жителей.

В воспоминаниях Юлии Завойко проходит светлый образ камчадала Дурынина, который по просьбе «старика» (так камчадалы называли самого Завойко) сопровождал семью губернатора на Хутор, где они пережидали Петропавловскую баталию. Сам Дурынин возвратился на поле брани и погиб. Странно, но за 170 прошедших лет никто из историков и краеведов так и не вернулся к образу этого старика-камчадала, единственного из аборигенов Камчатки, сложившего «свою буйную голову» на поле сражения, будучи метким стрелком. А кто же будет искать, если камчадалы по нашему современному определению – это те же русские. А русским ведь «за благо погибать за Отечество».

Сегодня мы имеем генеалогические исследования, которые показывают и доказывают, что отцами, дедами и прадедами многих современных камчадалов были природные аборигены, а не русские казаки. Было и наоборот, когда русские казаки женились на коренных

жительницах и на свет появлялись дети русской и камчадалской крови. Но этих камчадалов и в XIX в. выделяли особо, как камчадалов русской крови или русских старожилов. И мы сейчас речь ведем не о них, русских старожилах, а о природных камчадалах, аборигенах по крови.

Итак, старик Дурынин. Житель с. Коряки. Его полное имя: Дурынин Филипп Спиридонович (1807–24.08.1854). Погиб при отражении десанта англо-французов в период обороны Петропавловского порта. Жена – Слободчикова Степанида Петровна (1820). В 1864 г. вдова Дурынина вышла замуж за петропавловского казака Иосифа Ивановича Шемаева. Детей у него не было. Но родственников было много. Его отец, Дурынин Спиридон Иванович (1775 г.р.), был тойоном в с. Малка в 1807 г., а затем в 1825 г., – тойоном в с. Коряки. Жена – Аграфена Петровна (1786).

Но Филипп Спиридонович был не единственным защитником Петропавловского порта из числа аборигенов Камчатки.

27 апреля 1855 г. из Морского министерства за номером 234 отправлено письмо «О награде серебряными медалями „За усердие“ на Георгиевской ленте... закащика Начикинского селения [Михаила] Пермякова», который «отличился более других храбростью и стойкостью» [3].

Бронзовые медали в память о Крымской войне на Георгиевской ленте (как непосредственным участникам обороны Петропавловского порта) были вручены: камчадалам Корякского селения – Дехтяреву Петру Климовичу (1826), Уваровскому Ивану, Волкову Ивану Захаровичу (1834), и камчадалам Начикинского селения – Мерлину Василию (1807), Гуторову Прокопию Степановичу (1817), Табарину Ивану Никитичу (1826).

Но это неполный список. В письме, подписанном генерал-адмиралом и директором Морского министерства Великим князем Константином и свиты Его Величества контр-адмиралом Н.К. Краббе, сообщалось: *«Бывший Камчатский военный губернатор контр-адмирал Завойко донес мне, что по приходе в 1854 г. неприятельской эскадры к Петропавловскому порту в тот же день из ближайших селений явилось к нему 25-ть человек камчадалов с винтовками, с изъявлением готовности защищать порт от неприятеля»* [там же].

Когда объединенная Тихоокеанская эскадра англо-французов позорно покинула акваторию Авачинской бухты, губернатор Камчатской области В. С. Завойко понимал, что англо-фран-

цузы обязательно вернутся, чтобы снять с себя позор за это поражение от «ничтожного» (как они предполагали) гарнизона Петропавловского порта.

И тогда Василий Степанович Завойко обратился к жителям Камчатки с призывом встать под оружие, чтобы отразить второй натиск врага: *«...на другой же год, по приглашению его, контр-адмирала Завойки, собралось камчадалов для той же цели 250 человек, которые по случаю перенесения порта на Амур были употреблены для переноски из порта в окрестности всего того имущества и провианта, которые не вместились на суда, чрез что неприятелю не досталось ничего».*

Именно благодаря этим камчадалам удалось в кратчайшие сроки загрузить казенным имуществом суда Камчатской флотилии и уйти этим судам со всем гарнизоном из Петропавловского порта до прихода англо-французов.

И вот читаем: *«По всеподданейшему моему докладу, Государю Императору благоугодно было Высочайше повелеть: 1. Объявить камчадалам, вооружившимся для защиты края во время последней войны благоволение Его Величества, и 2. Тех из них, которые участвовали в бою, наградить медалями, установленными в память минувшей войны, на Георгиевской ленте. Остальным дать те же медали на Андреевской ленте».*

Не всем из 250 человек достались эти медали. Но имена тех, кто их получил, мы извлекли из недр РГА ВМФ [3].

Камчадалы Корякского селения: Николай Елагин, 33 года; Алексей Дехтерев, 30 лет; Николай Елагин, 33 года; Гаврила Елагин, 22 года; Иван Осьминин, 29 лет; Павел Осьминин, 19 лет.

Камчадал Начикинского селения: Ермолай Гуторов, 31 год.

Камчадалы Малкинского селения: Семен Волков, 26 лет; Роман Волков, 30 лет; Николай Абакумов, 31 год; Петр Дурынин, 21 год; Осип Чегликов, 25 лет; Кир Пермяков, 22 года; Иннокентий Дурынин, 41 год; Михайло Волков, 24 года; Петр Абакумов, 24 года; Алексей Абакумов, 41 год.

Камчадалы Ганальского селения: Федор Лукашевский, 41 год; Иван Елагин, 32 года; Мартын Шахурдин, 41 год; Андрей Елагин, 39 лет; Тимофей Елагин, 33 года.

Камчадалы Шеромского селения: Артамон Садовников, 40 лет; Василий Панов, 25 лет; Николай (? – неразборчиво) Каменской, 20 лет.

Камчадалы Кирганского селения: Феоктист Пермяков, 21 год; Константин Пермяков, 44 года.

Камчадалы Машурского селения: Егор Мерлин, 30 лет; Николай Красильников, 32 года; Андрей Конев, 25 лет.

Камчадалы Щапинского селения: Иван Пермяков, 38 лет; Иван Овцын, 25 лет; Николай Овцын, 47 лет; Андриан Овцын, 30 лет.

Камчадалы Козыревского селения: Герасим Чуркин, 30 лет; Евстафий Метевский, 37 лет; Василий Чуркин, 20 лет.

Камчадалы Ушковского селения: Захар Жировиков, 44 года; Роман Варганов, 37 лет; Федор Варганов, 31 год; Алексей Варганов, 27 лет; Захар Ощепков, 21 год.

Камчадалы Харчинского селения: Ефим Чабаев, 36 лет; Семен Клочев, 35 лет; Иван Клочев, 29 лет.

Камчадалы Еловского селения: Федор Третьяков, 37 лет; Кирик Могилев, 28 лет; Осип Коллегов, 37 лет.

Камчадал Кичигинского селения: Касьян Варганов, 53 года.

Но ни один из них впоследствии не был включен в список ветеранов Петропавловской обороны, а память о Филиппе Спиридоновиче Дурынине сохранилась только в благодарственной памяти Юлии Завойко, но и она ни разу не упомянула его по имени, не говоря уже об имени-отчестве. И не пора ли одну из улиц в селении Коряки, на родине героя, назвать в память о Филиппе Спиридоновиче Дурынине, героическом сыне народа камчадалы (ительмены), его именем.

А через пятьдесят лет на Камчатку обрушилась новая военная напасть. Сегодня мы уже знаем о героической обороне Камчатки силами народного ополчения. Но мало кто знает, что основную силу этого ополчения составляли как раз те самые природные камчадалы, которых спустя 20 лет лишат национальности, а еще через 15 лет начнут расстреливать за участие в «жандармских дружинах».

И здесь мы приведем полный список тех из коренных жителей Камчатки, кто был отмечен медалью в память о Русско-японской войне как участник военных событий на Камчатке. И этот список (хотя он значительно сокращен – без имен русских старожилов) будет огромным. Он полностью опубликован в третьем томе книги «Дело об убийстве Володимера Атласова. Камчатская Сибириада» [7]. Здесь же мы указываем имена не только камчадалов и коряков (которые в Исповедальных росписях 1893 г. тоже обозна-

чены камчадалами, вплоть до сел Лесная (на западе) и Ука (на востоке) включительно, но советские этнографы исправили и эту «ошибку», переведя их из камчадалов в коряки).

Аббакумов Александр Григорьевич (03.10.1880), с. Малка; Аббакумов Демид (Диомид) Николаевич (1888), с. Малка; Аббакумов Яков Клементьевич (1870); Антонов Алексей 2-й Федорович (1863), с. Апача; Антонов Аверкий Иванович (1879); Антонов Василий Иосифович (1881); Антонов Даниил Матвеевич (1883); Антонов Федор Иванович (1883); Антонов Федор Алексеевич (1883); Атласов Иван Калистович (25.09.1885–1946), с. Шаромы; Баранников Петр, с. Воямполка; Баранников Трофим, с. Воямполка; Бекеров Михаил Федорович (1881), с. Седанка; Бекеров Прокопий, с. Кахтана; Бекеров Феофан, с. Седанка; Белоусов Кирилл, с. Лесная; Белоусов Николай, с. Лесная; Бобровский Лев, с. Хайрюзово; Бурнашев Григорий Александрович (1860); Бурнашев Федор Иванович; Бутин Василий Иванович (1877), с. Явино; Бутин Василий Лукич (1878), с. Явино; Бутин Иван Ефремович (1874), староста с. Голыгино, награжден серебряной медалью «За усердие»; Бутин Максим Ефремович (1876), с. Явино; Бутин Михаил Ефремович (1871), с. Явино; Бутин Петр Ефремович (1870); Вагин Дмитрий Герасимович, староста с. Колпаково, награжден серебряной медалью «За усердие»; Вагина Евдокия Дмитриевна (1888), награждена серебряной медалью «За усердие» на Станиславской ленте; Вагина Матрена Дмитриевна (1889), награждена серебряной медалью «За усердие» на Станиславской ленте; Волков Захарий Евфимович (1885), с. Малка; Волков Федор Михайлович (1886), с. Малка; Данилов Алексей, с. Хайрюзово; Данилов Илья; Данилов Степан, с. Хайрюзово; Дехтерев (Дектярев) Василий, с. Явино, награжден Георгиевским крестом 4-й степени; Дехтерев Иван; Дурынин Прокопий Ерастович (1875); Дурынин Игнатий Степанович (1874–1919); Дурынин Прокопий Петрович (1875), с. Коряки; Дьяконов Афанасий, с. Морошечное; Дьяконов Григорий Иванович (1867), с. Морошечное; Дьяконов Иннокентий, с. Морошечное; Дьяконов Прокопий, с. Морошечное; Дьяконов Прокопий Терентьевич (1854), с. Коряки, награжден серебряной медалью «За усердие»; Евстафьев Иван Михайлович (1866); Елагин Андрей Филиппович (1881), с. Пушино; Жирков Никита, с. Сопочная; Жировиков Егор Иванович (1875), с. Ушки; Жировиков Степан Иванович (1879), с. Ушки; Жуков Иван, с. Кахтана; Жуков Никифор Федо-

рович (1890), с. Кахтана; Заев Герасим, с. Белоголовая; Заев Григорий; Заев Даниил, с. Лесная, награжден Георгиевским крестом 4-й степени № 169567; Заев Евстроп, с. Утхолок; Заев Илья, с. Хайрюзово; Заев Тарас, с. Хайрюзово; Запороцкий Афанасий Трофимович (1883), с. Морошечная; Запороцкий Гавриил, с. Седанка; Запороцкий Иннокентий Васильевич (1861), с. Морошечная; Запороцкий (Запородский) Прокопий Никандрович (1866), с. Морошечная; Запороцкий Тимофей Иванович (1878), с. Морошечное; Калтякин Федор Иванович (он же Калтяков Ф., он же Кинтякин Федор) (1876); Кильтякин (Кальтакин) Федот (Федор, Феодосий) Михайлович (1886); Климовский Иван Андреевич (1879); Климовский Поликарп Андреевич (1883); Климовский Степан Евстропович (Евстратович) (1865), староста с. Облуковина, награжден Георгиевским крестом 4 степени № 171295; Клочев Александр Спиридонович (1868), с. Ушки; Клочев Василий Семенович (1855), с. Харчино; Клочев Семен Васильевич; Коллегов Алексей Васильевич, с. Ключи; Коллегов Иван, с. Нижнекамчатск; Коллегов Михаил Григорьевич (1884), с. Большерецк; Красильников Василий, с. Машура; Краснояров Егор, с. Хайрюзово; Краснояров Иван, с. Хайрюзово; Кривогорницын Илларион Илларионович (1868), с. Кихчик; Кривогорницын Илья Ионович (1875); Кузнецов Гавриил Петрович (1882); Лазуков Гордей, с. Воямполка; Лазуков Иван Павлович, староста с. Воямполка, награжден серебряной медалью «За усердие»; Ласточкин Николай, с. Утхолок; Лукашевский Егор Васильевич (06.03.1864); Львов Аполлон Степанович (Ильич) (14.12.1862); Мерлин Алексей Родионович (1882), с. Голыгино; Мерлин Василий, с. Щапино; Мерлин Георгий Ульянович (1870–22.01.1907), с. Машура; Мерлин Гурий Степанович (1878), с. Машура; Мерлин Иван Маркелович (1877), с. Голыгино; Мерлин Николай Ульянович (1875), с. Голыгино; Мерлин Павел Маркелович (1880), с. Голыгино; Митевский Иван Викторович (1874), с. Толбачик; Мохнаткин Андриан, с. Палана; Мохнаткин Аристарх; Мохнаткин Григорий; Мохнаткин Иван; Мохнаткин Иван; Мохнаткин Константин; Мохнаткин Роман; Мохнаткин Трофим; Мохнаткин Федор; Наседкин Дмитрий Гаврилович (1884), с. Напана; Наседкин Григорий Иванович (1869), с. Колпаково; Наседкин Никифор (Никанор) Гаврилович (1877), с. Напана; Наянов Андрей, с. Кинкиль; Наянов Валерьян, с. Аманино; Наянов Леонтий, с. Кинкиль; Нестеров Елисей,

с. Лесная; Нестеров Иван; Никифоров Антон, с. Палана; Осьминин Иван Павлович (1880), награжден Георгиевским крестом 4-й степени № 171300; Осьминин Филипп Павлович (1870), староста с. Коряки, награжден серебряной медалью «За усердие»; Ощепков Илья Ионович (1882); Павлуцкий Григорий, с. Сопочная; Панкарин Георгий, с. Воямполка; Панкарин Иннокентий, с. Воямполка; Панов Василий Васильевич (1867), с. Шаромы; Панов Власий Ильич (1881), с. Апача; Панов Гавриил Иванович (1882), награжден Георгиевскими крестами 4-й (№ 169566) и 3-й (8610) степеней; Панов Даниил Петрович (1875), с. Апача; Панов Евстигней (Евстрат) Прокопьевич (1863), с. Апача, награжден серебряной медалью «За усердие»; Панов Иван Ильич (1879), с. Апача; Панов Прокопий Евсеевич (1886), с. Малка; Панов Яков Гаврилович, с. Апача; Пермяков Арсений Герасимович, с. Машура; Пермяков Василий Семенович (1875–1913), с. Кирганик; Пермяков Николай Миронович (1881), с. Малка; Петров Василий Трифонович (1865), с. Облуковина; Петров Петр Иннокентьевич (1878), с. Облуковина; Петров Клим Федорович, с. Облуковина; Пономарев Павел, с. Седанка; Попов Евграф, с. Крутогород; Притчин Петр, с. Голыгино; Притчин Степан, с. Ковран; Протунцевский, с. Напана; Расторгуев Алексей Степанович (1880), с. Камаки, награжден Георгиевским крестом 4-й степени № 171282; Расторгуев Игнатий Автономович (1874), с. Камаки; Расторгуев Игнатий Владимирович (1881), с. Камаки; Расторгуев Петр Васильевич (1887), Расторгуев Петр Степанович (1881); Камаки; Расторгуев Семен Автономович (1886), с. Камаки, награжден серебряной медалью «За усердие»; Расторгуев Степан Андрианович, староста с. Камаки, награжден серебряной медалью «За усердие» на Станиславской ленте; Слободчиков Александр, с. Ковран; Слободчиков Александр Федорович (1873), с. Толбачик; Слободчиков Андрей, с. Ковран; Слободчиков Василий Тимофеевич (1856), с. Колпаково; Слободчиков Георгий Митрофанович (1887), с. Толбачик; Слободчиков Иван Григорьевич (1881), с. Утхолок; Слободчиков Ипполит, с. Белоголовое; Слободчиков Павел Павлович (1885), с. Сопочная; Слободчиков Руфь, с. Ковран; Соболев Галактион Филиппович (1880); Соболев Никандр Филиппович (1887); Соловьев Никифор; Спешнев Анкудин (Анкидин) Михайлович (1853 – 18.07.1906), с. Воровское; Спешнев Борис Степанович (22.03.1867), староста с. Воровское; Спешнев Василий Петрович (1867–

18.07.1906); Спешнев Петр Петрович; Спешнев Феофан Степанович (1877–18.07. 1906); Спешнев Александр Григорьевич (1886–18.07.1906); Спешнев Гавриил Прокопьевич (1871–18.07.1906); Спешнев Иван Васильевич (1878–18.07.1906); Спешнев Николай Филиппович (1856); Спешнев Сергей Степанович; Спешнев Степан Николаевич (1883); Сторожев Иван Федорович (1863), с. Утка; Сторожев Семен Яковлевич (1852), с. Голыгино, награжден серебряной медалью «За усердие»; Суздалов Кондратий Михайлович (1886), с. Лесная; Суздалов Прокопий Егорович (1889), с. Утхолок; Тескин Косьма Филиппович (1886), с. Апача; Тескин Илья Филиппович (1876), с. Апача; Тезкин Кузьма Филиппович (1884), с. Апача; Тескин Осип, староста с. Ича; Тезкин Федор Митрофанович (1885); Трапезников Алексей, с. Хайрюзово; Трапезников Илья, с. Хайрюзово; Трапезников Каллист Иннокентьевич (1878), с. Воровское; Трапезников Федор Федосеевич (Иванович), с. Хайрюзово, награжден серебряной медалью «За усердие»; Турнаев Николай, с. Еловка; Уваровский Дмитрий Кузьмич (1856), с. Начики, староста в 1904 г., награжден серебряной медалью «За усердие»; Уваровский Егор Михайлович (1879); Уваровский Захар Захарович (1880), с. Апача; Уваровский Николай Захарович (1879), с. Апача; Укусников Семен Иакинфович (1876), с. Кихчик; Федотов Стратилат Гаврилович (1878–1938), с. Седанка, награжден Георгиевским крестом 4-й степени № 171288; Чурин Афанасий Васильевич (1865), с. Еловка; Чуркин Иннокентий Андреевич, с. Козыревск; Чуркин Петр, с. Кирганик; Чуркин Петр Яковлевич (1884), с. Козыревск; Шадрин Семен, с. Хайрюзово; Шмагин Авксентий, с. Кинкиль; Шмагин Демьян Артемович (1871), с. Палана; Шмагин Иван, с. Палана; Шувьрин Андрей, с. Кахтана; Яганов Василий, с. Лесная; Яганов Георгий, с. Напана; Яганов Григорий Яковлевич (1889), с. Лесная; Яганов Кирилл Ксенофонтович (1879–25.05. 1938); Яганов Николай, с. Напана; Яганов Спиридон Данилович (1885), Лесная; Яганов Яков, с. Лесная; Ятский Никандр Варфоломеевич (1874), с. Утка; Яцкий Евдоким Иванович (1882), с. Утка.

Став русскими, камчадалы выпали из состава КМНС – коренных малочисленных народов Севера, и они были лишены статуса, предписывающего государству беречь этот малочисленный уникальный этнос, как это происходило повсеместно в отношении малых народов.

В 1939 г. коренные камчадалы наравне с остальной советской молодежью, не подпадающей под эту категорию КМНС, были при-

званы в ряды Красной Армии, а 22 июня 1941 г. вступили в бой с врагами.

В этот день, 22 июня, в Бресте погиб камчадал Климовский Анатолий Семенович из села Облуковина.

4 ноября 1941 г. в немецком концлагере скончался камчадал Слободчиков Иннокентий Андрианович (07.09.1919) из с. Толбачик.

В феврале 1942 г. пропал без вести Влас Кириллович Вагин (1917) из с. Колпакова.

В феврале 1943 г. пропал без вести Александр Яковлевич Панов (1919) из с. Апача.

3 марта 1943 г. убит Аббакумов Савелий Александрович (1919).

3 марта 1943 г. пропал без вести Красильников Георгий Максимович (1921) из с. Машура.

22 марта 1943 г. убит Коллегов Петр Павлович (1923) из Усть-Камчатского района.

20 апреля 1943 г. награжден медалью «За отвагу» Осьминин Яков Иванович (1921) из с. Коряки.

26 июля 1943 г. награжден медалью «За отвагу» Колтакин Македон Федотович (1914) из с. Облуковина.

1 августа 1943 г. орденом Красной Звезды награжден Пермяков Василий Васильевич из с. Кирганик.

5 сентября 1943 г. пропал без вести Климовский Пантелеймон Леонтьевич (1924), уроженец с. Облуковина.

29 октября 1943 г. представлен к награждению орденом Красной Звезды Федотов Степан Стратилатович (1912) из с. Седанка.

21 декабря 1943 г. пропал без вести Наседкин Георгий Алексеевич (1913) из с. Напана.

28 февраля 1944 г. убит Яцкий Иннокентий Михеевич (1908) из с. Утка.

В феврале 1944 г. убит Николай Николаевич Кривогорницын (1918), уроженец с. Кихчик.

12 марта 1944 г. убит Владимир Семенович Тескин из с. Апача.

16 марта 1944 г. представлен к ордену Красной Звезды уроженец с. Начики Бурнашев Емельян Петрович (1914).

17 марта 1944 г. пропал без вести Климовский Алексей Поликарпович, уроженец с. Облуковина.

19 марта 1944 г. убит Климовский Анатолий Михайлович, его земляк.

В этот же день представлен к награждению медалью «За боевые заслуги» еще один из земляков Климовских – Петров Иннокентий Алексеевич (1917).

В марте 1944 г. погибли Пановы Петр Власович (1921) и Петр Данилович (1909), уроженцы

с. Апача. Пропали без вести их земляк Тескин Александр Семенович (1921), а также Пермяков Иосиф Алексеевич (1912) из с. Щапино.

22 июля 1944 г. награжден орденом Александра Невского Бурнашев Емельян Петрович (1914) из с. Начики.

25 июля 1944 г. к этому же ордену представлен Пермяков Василий Васильевич (1920) из с. Кирганик.

13 октября 1944 г. погиб снайпер Данилов Николай Алексеевич (1915) из с. Хайрюзово.

20 октября 1944 г. к медали «За отвагу» представлен командир башни танка Т-34 Яцкий Александр Иринархович (1921) из с. Кихчик.

Воевал под Сталинградом, на Курской дуге, участвовал в Корсунь-Шевченковской операции потомок тойона Машуры Начика Машурина (в крещении Мерлина) Мерлин Анемподист Ильич (1919).

9 января 1945 г. пропал без вести Борисов Георгий Васильевич (1917), уроженец с. Крутогорова.

28 января 1945 г. медалью «За отвагу» награжден Слободчиков Федор Логинович (1924) из Мильковского района.

3 марта 1945 г. к награждению орденом Красной Звезды представлен Гуторов Иван Григорьевич (1918) из с. Начики.

8 марта к ордену Отечественной войны II степени представлен снайпер Яганов Никодим Игнатьевич (1916) из с. Лесная.

24 марта 1944 г. погиб Владимир Калистратович Спешнев (Спеснев) (1924) из с. Соболево.

17 апреля 1945 г. орденом Отечественной войны II степени награжден Яцкий (Ятский) Александр Иринархович (1921) из с. Кихчик.

13 мая 1945 г. представлен к награждению орденом Отечественной войны II степени Ключев Василий Кириллович (1920) из с. Харчино – потомок Ключевых, принимавших участие и в событиях, связанных с Петропавловской обороной и обороной Камчатки в период Русско-японской войны.

Конечно, это далеко не полный список. Но, по сути, мы повторили в этом списке все основные фамилии героических участников двух предыдущих военных событий на Камчатке.

А 18 августа 1945 г. началась Курильская десантная операция, участие в которой также приняли коренные камчадалы. И не все из них дожили до победы.

ВЕЧНАЯ СЛАВА ГЕРОЯМ!

В этом списке мы не стали разделять коренных камчадалов и камчадалов русской крови, сложивших свои головы, чтобы вернуть России острова, некогда освоенные их предками.

Абакумов Борис Павлович
Антонов Григорий Алексеевич
Белокопытов Василий Павлович
Верецагин Иринарх Андреевич
Винокуров Леонид Иванович
Винокуров Прокопий Федорович
Волокитин Георгий Федорович
Горковенко Иван Елисеевич
Григорьев Алексей Кириллович
Данилов Григорий Данилович
Данилов Иван Степанович
Данилов Петр Иосифович
Евстафьев Иван Владимирович
Иванов Ксенофонт Васильевич
Заочный Павел Гаврилович
Заочный Спиридон Александрович
Зимин Иннокентий Порфирьевич
Зимин Петр Порфирьевич
Зимин Урван Васильевич
Зимин Федор Дмитриевич
Конев Михаил Илларионович
Коршунов Калистрат Михайлович
Косыгин Иван Харлампиевич
Косыгин Иван Константинович
Косыгин Павел Васильевич
Красильников Георгий Максимович
Краснояров Алексей Федотович
Краснояров Иван Алексеевич
Краснояров Иван Федотович
Логинов Михаил Денисович
Мерлин Михаил Сергеевич
Миронов Иван Васильевич
Осьминин Василий Павлович
Пермяков Александр Алексеевич
Пермяков Алексей Алексеевич
Пермяков Иосиф Алексеевич
Пермяков Павел Павлович

Пермяков Степан Михеевич
Пермяков Филипп Алексеевич
Петров Петр Капитонович
Пинигин Ксенофонт Матвеевич
Пинигин Максим Максимович
Плотников Аркадий Феофанович
Плотников Гавриил Иванович
Плотников Иван Григорьевич
Плотников Кузьма Калиникович
Плотников Федор Савватеевич
Пономарев Михаил Александрович
Попов Михаил Никифорович
Попов Николай Павлович
Потапов Анатолий Гаврилович
Савинский Александр Дмитриевич
Сахаров Леонид Васильевич
Сафрыгин Василий Дмитриевич
Слободчиков Петр Николаевич
Сновидов Алексей Владимирович
Спешнев Александр Январович
Спешнев Николай Николаевич
Тюменцев Василий Васильевич
Тюменцев Николай Николаевич
Хохряков Петр Николаевич
Черепанов Виталий Семенович
Чуркин Константин
Яковлев Николай Павлович

Я очень надеюсь, что когда-нибудь и на Камчатке наступит то время, когда мы научимся чтить память своих земляков и создадим музей, в котором будет объединена вся огромная (с позиций истории) и единая СЕМЬЯ народов Камчатки – героев обороны Петропавловского порта в 1854 г., обороны Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг., участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и войны с Японией 1945 г.

Это будет уникальный музей ИСТОРИИ КАМЧАТСКИХ ДИНАСТИЙ – верных Сынов нашего Отечества. Но пока, к сожалению, об этом можно только МЕЧТАТЬ.

1. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки : с прил. рапортов, донесений и др. неопубл. материалов. М.; Л. : изд-во Главсевморпути, 1949. 842 с.
2. [Камчадалы : статья] // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%B0%D0%BC%D1%87%D0%B0%D0%B4%D0%B0%D0%BB%D1%8B> (дата обращения: 01.09.2024)
3. РГА ВМФ [Российский государственный архив Военно-Морского Флота]. Ф. 283, Оп. 3, Д. 5493. Л. 1–7.
4. Вахрин С. И. Камчадалы – защитники Отечества. Оборона Петропавловского порта 1854–1855. СПб. : Свое изд-во, 2017. 139 с.
5. Он же. Камчадалы – защитники Отечества. Летопись Великой Победы. Владивосток : Дальпресс, 2018. 219 с.
6. Он же. Камчадалы – герои Отечества. СПб. : Свое изд-во, 2018. 98 с.
7. Он же. Дело об убийстве Володимера Атласова. Камчатская Сибириада : [в 3 кн.]. Т. 3. Петропавловск-Камчатский : Камчатпресс, 2023. 996 с.

**ДОКУМЕНТЫ ПО ПОДГОТОВКЕ К ОБОРОНЕ ПЕТРОПАВЛОВСКОГО ПОРТА
В 1854 г. ИЗ ФОНДА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ**

О подготовке дальневосточных рубежей к возможному нападению противника и роли фрегатов «Аврора», «Диана», «Паллада» и транспорта «Байкал» в Петропавловской обороне (1854). По материалам писем генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева. Документы хранятся в фондах Дальневосточной государственной научной библиотеки (г. Хабаровск).

Ключевые слова: история Дальнего Востока; Петропавловская оборона; Муравьев Н. Н.; «Аврора», фрегат; «Диана», фрегат; «Паллада», фрегат; «Байкал», транспорт.

В фонде редких и ценных изданий Дальневосточной государственной научной библиотеки хранится сборник рукописных документов «Переписка Главного управления Восточной Сибири с разными лицами с 1852 по 1872 гг.». Среди документов сборника – четыре письма, относящихся к обороне Петропавловска-Камчатского в 1854 г., написанных генерал-губернатором Восточной Сибири Н. Н. Муравьевым. На всех письмах слева в верхнем углу имеется печатный штамп: «Генерал-губернатора Восточной Сибири и командующаго войсками в оной расположенными».

Первое письмо датировано 15 июня 1854 г. и значится под номером 66. Оно адресовано генерал-адъютанту Е. В. Путятину и написано Н. Н. Муравьевым на биваке при селении Кизи на Амуре. На письме имеются пометки: «весьма нужное» (чернилами) и «осталось не отправленным» (простым карандашом). Накануне, 14 июня, в семи верстах от Мариинска, генерал-губернатор встретился с капитаном 1-го ранга Г. И. Невельским, который доложил о состоянии постов на Амуре и Сахалине, о находящихся в Де-Кастри судах «Диана», «Иртыш», «Байкал» и «Восток». Также он рассказал о планах генерал-адъютанта Е. В. Путятин в случае нападения неприятельской эскадры. Таким образом, составляя 15 июня письмо Путятину, Муравьев уже был введен в курс дела. В нем он сообщает о своем прибытии в Кизи из Забайкальской области с войсками, назначенными для усиления защиты Камчатки и устья Амура. Также дает распоряжение немедленно перевезти в Петропавловский порт 400 человек и хочет отправиться туда сам. Еще Муравьев просит его как можно скорее прислать в Де-Кастри один из фрегатов, так как «усиление Петропавловского гарнизона не терпит ни малейшего отлагательства».

Российское правительство давно видело растущую угрозу нападения неприятелей на Камчатку. Еще в 1848 г. Муравьев начал на полуострове строительство военных укреплений, а с началом Русско-турецкой войны в 1853 г. он обратился к великому князю Константину Николаевичу с просьбой разрешить сплав войск по Амуру для защиты устья реки и Камчатки. Разрешение было получено, и 14 мая был отдан приказ отправиться в поход [7, с. 22–24].

В воды Амура флотилия вступила 18 мая. Во главе каравана судов, состоявшего из 5 лодок, 4 вельботов, 18 баркасов, 13 барж, восьми плашкоутов и 29 плотов, был первый на Амуре пароход «Аргунь». На судах и плотках было размещено до 1000 солдат и казаков [6, с. 309]. Сплав по Амуру завершился в конце июня на оз. Кизи. В результате в бухту Де-Кастри через узкую полосу суши были переправлены груз и суда. Оттуда подкрепление пришло на Камчатку. 24 июля военный транспорт «Двина» доставил в Петропавловск 350 солдат Сибирского линейного батальона, 2 двухпудовые мортиры и 14 пушек 36-го калибра. К концу июля гарнизон порта насчитывал 988 человек.

В письме к Путятину Муравьев также выражает желание лично с ним встретиться и обсудить вопросы защиты восточных портов и берегов России, думает сам отправиться на транспорте «Байкал» в Императорскую гавань. Но плавание на парусном судне может продолжиться несколько дней, а перед губернатором стоит срочная задача – лично распорядиться как распределением прибывших команд, так и назначением постройки для них зданий и укреплений. Поэтому Муравьев просит Путятин самого прибыть в гавань Де-Кастри. Также он отдает распоряжение следовать в гавань фрегатам «Диана», «Аврора» и «Паллада», если они

уже прибыли в Императорскую гавань. Еще он делится с Путятиным мыслью по поводу ветхости «Паллады» – предлагает снять с нее артиллерию и отправить ее для защиты устьев Амура.

Русское командование, учитывая непростую обстановку и возможность начала военных действий, еще осенью 1853 г. отправило на Дальний Восток для укрепления Тихоокеанской эскадры под командованием вице-адмирала Е. В. Путятина фрегаты «Аврора», «Диана» и «Паллада», корвет «Оливуца», шхуну «Восток» и транспорты «Двина» и «Князь Меншиков» [3].

«Аврора» под командованием капитан-лейтенанта Ивана Николаевича Изыльметьева вышла из Кронштадта в августе 1853 г. По пути фрегат остановился только два раза: в Рио-де-Жанейро и порту Кальяо в Перу, где попал в окружение англо-французской эскадры. Неприятель ждал известие о начале войны, чтобы захватить русский фрегат, но «Аврора» смогла вырваться из ловушки в середине апреля 1854 г. При густом тумане с нее были спущены на воду семь шлюпок, которые отбуксировали корабль в открытое море. Там фрегат поднял паруса и скрылся в океане. Известие о начале войны пришло уже через неделю [1].

Путь «Авроры» до российских берегов был тяжелым: не хватало пресной воды, две трети экипажа заболели цингой, в том числе и капитан. 19 июня корабль подошел к Петропавловску. Один из сыновей военного губернатора Камчатки В. С. Завойко вспоминал:

«Совершенно случайно, в начале июня, зашел в Петропавловск 44-пушечный фрегат “Аврора”, шедший в Японию на пополнение его эскадры, но зашедший в Петропавловск потому, что между командой его развивалась сильная цинга, и из 350 человек команды до 200 человек были больны. От командира его и офицеров отец узнал, что ожидается разрыв с Францией и Англией» [2, с. 78].

В. С. Завойко попросил И. Н. Изыльметьева остаться в Петропавловске и помочь отразить нападение неприятеля. Часть экипажа «Авроры» была переведена на берег, орудия правого борта были сняты для береговых батарей. Сам Изыльметьев позже вспоминал, что «случайное явление фрегата “Аврора” в Камчатку послужило для порта с большою пользою – фрегат снабдил Петропавловский порт людьми, пушками и порохом, и в такую минуту, когда помощь и средства были необходимы» [там же, с. 203].

Фрегат «Диана» отправился на Дальний Восток немного позже «Авроры» – в октябре

1853 г. Он должен был сменить фрегат «Паллада», который пришел в негодность, и доставить российскую экспедицию в Японию для продолжения переговоров. В конце сентября 1854 г. «Диана» отправилась к берегам Японии, но в результате землетрясения и цунами получила серьезные повреждения и в начале 1855 г. затонула.

Что касается фрегата «Паллада», то морское ведомство потребовало проверить судно «на предмет его благонадежности». Освидетельствование показало, что корабль требует капитального ремонта в доке. На зимовку «Палладу» оставили в Константиновской бухте, матросы откачивали из ее трюма воду, зимой обкалывали лед. Весной 1855 г. контр-адмирал В. С. Завойко хотел перевести «Палладу» на буксире в Амурский лиман, но попытка не увенчалась успехом, позже фрегат был затоплен [4].

В конце первого письма Н. Н. Муравьев сообщает Е. В. Путятину, что война с Англией и Францией уже объявлена, и дальнейшие распоряжения будут зависеть от их совместных совещаний.

Следующее письмо под номером 67 написано Муравьевым также 15 июня на озере Кизи, уже на пароходе «Аргунь». Оно адресовано командиру транспорта «Байкал». В записке он просит как можно скорее доставить предыдущее письмо адресату:

«По получении, препровождаемого при сем, пакета, за № 66 и 1608, на имя Генерал Адъютанта Путятина, предписываю Вашему Благородию немедленно сняться с якоря и идти в Императорскую гавань, для доставления сего пакета Его Превосходительству. Генерал Лейтенант Муравьев».

Командиром транспорта «Байкал» в то время был подпоручик Никита Ильич Шарыпов. Он вел дневники, куда ежедневно записывал сведения о происходящих событиях. Так, 13 июня он сначала сдал часть груза в находящийся в заливе де-Кастри Александровский пост, затем, сойдя на берег, сдал Невельскому до 62,5 тыс. рублей серебром, получил квитанцию и инструкцию для следования в Императорскую гавань за свежими депешами и пароходом «Восток». На судно он вернулся 14 июня в 5 утра и сразу же вышел в море, но из-за порывистого ветра встал на якорь. В 17 часов с берега подошел вельбот с приказом вернуться в пост, так как было получено уведомление о прибытии генерал-губернатора Восточной Сибири в Кизи. В Императорскую гавань плыть не пришлось – 15 числа прибыл пароход «Восток», за которым

посылали «Байкал». Подробностей о происшедшем 15 и 16 июня в записях нет. Судя по пометке «осталось не отправленным», эту записку Муравьева не передали Шарыпову, и «Байкал» оставался рядом с Александровским постом [8, с. 20].

16 июня Муравьев вновь написал Е. В. Путятину, но письмо под номером 68 также осталось неотправленным.

В нем он пишет, что дал распоряжение капитану 1-го ранга Невельскому приказать командиру транспорта «Байкал» немедленно сдать весь имеющийся у него сухопутный провиант, всю морскую провизию на одно из находящихся в распоряжении Путятина судно, а транспорт «Байкал» отправить немедленно в Петровское зимовье «для исполнения возложенных на него важных и не терпящих отлагательства поручений».

Известно, что 18 июня Шарыпов получил предписание от Невельского взять на транспорт 46 кулей муки и 7 бочек крупы и немедленно следовать в Императорскую гавань, сдать там весь груз и идти в Петровское зимовье, где оставаться до 10 июля [там же].

До Императорской гавани транспорт «Байкал» шел 10 дней. С 1 июля он следовал за фрегатом «Паллада». 15 июля корабли стали на якорь возле м. Лазарева. С Муравьевым Шарыпов встретился 27 июля. С 31 июля транспорт стал готовиться к походу, для помощи в работе получил 10 человек линейного Оренбургского батальона и пять матросов с «Паллады». 4 августа генерал-губернатор приказал следовать «Байкалу» по лиману.

13 августа 1854 г., проплыв по сахалинскому фарватеру, корабль подошел к Петровскому посту – главной базе Амурской экспедиции. Генерал-губернатор находился уже там. В честь транспорта «Байкал» было сделано с берега пять пушечных выстрелов [там же, с. 31]. Это было поздравление с благополучным проходом через лиман. Большое парусное судно «Байкал» первым прошло из Татарского пролива в Охотское море. Это стало большим и значимым событием для всех. Н. Н. Муравьев и Г. И. Невельской были в величайшем восторге [там же, с. 32].

После этого Муравьев приказал следовать Шарыпову в Петропавловск. Письмо Камчатскому военному губернатору (значится под номером 122) Муравьев написал еще 29 июля 1854 г., когда находился в южной части лимана Амура у м. Лазарева:

«Вследствие сделанных мною распоряжений, о которых словесно донесет Вам Коман-

дир транспорта Байкал, покорно прошу Ваше Превосходительство немедленно приступить к приготовлению тысячи пуд сухарей с тем, что бы количество это непременно было готово к Октябрю месяцу. Настоящее предписание мое посылается Вам дубликатом чрез другие суда. Генерал Лейтенант Муравьев».

15 августа «Байкал» загрузился 113 кулями муки, принял на борт пассажиров и 16 августа отправился в Аян. 18 августа транспорт прибыл в порт, где уже находился генерал-губернатор. В Аяне еще никто не знал, что 17 августа англо-французская эскадра подошла к Петропавловску и на следующий день совершила нападение на гарнизон. Муравьев попросил Шарыпова поместить на корабль как можно больше скота. 21 августа, приняв 25 быков, корабль отправился к берегам Камчатки. 1 сентября на меридиане м. Лопатка «Байкал» встретил шхуну «Восток», с которой предупредили, что в Авачинской губе находятся неприятельские суда [там же, с. 35].

Со шхуны на транспорт перенесли почту, и «Байкал» взял курс на Большерецк. Капитан Шарыпов опять сделал невозможное – он прошел вторым Курильским проливом, куда ни одно судно не смело показать и носу, но в военное время ему пришлось рискнуть [там же, с. 37].

12 сентября транспорт встал на якорь недалеко от Большерецка, двух человек отправили в селение для получения сведений о Петропавловске. 22 сентября люди вернулись и вручили Шарыпову предписание камчатского генерал-губернатора В. С. Завойко следовать в Петропавловск. 1 октября корабль достиг порта, и капитан встретился с губернатором [там же, с. 40]. Скот, пробыв на транспорте 40 суток и пережив несколько морских передраг, был доставлен в целости и сохранности. «Байкал» остался на зимовку в Петропавловском порту и вошел в состав камчатской эскадры.

Таким образом, в 1854 г. транспорт «Байкал», отправленный Н. Н. Муравьевым на Камчатку, не принимал прямого участия в обороне Петропавловска, но исследуя Амурский лиман, он подготовил пути для русской эскадры, которые были неизвестны вражеским судам, и благодаря которым в 1855 г. наши корабли благополучно скрывались от неприятеля. В обороне Петропавловска 18–24 августа 1854 г. участвовали только фрегат «Аврора» и транспорт «Двина». Вместе с экипажами кораблей гарнизон порта насчитывал всего лишь 988 человек. Со стороны неприятеля было 6 кораблей, на

которых было примерно 200 орудий, а личный состав насчитывал около 2 700 человек, причём 500 из них были специально обученные десантники [5].

Неприятели предприняли две попытки штурма Петропавловска, но несмотря на значительный перевес сил противника они завершились провалом.

1. Героическая оборона Петропавловска // Военное обозрение. Москва, 2014. URL : <https://topwar.ru/56310-geroicheskaya-oborona-petropavlovsk.html>. (дата обращения: 08.02.2024).
2. На волне памяти. О Петропавловской обороне 1854 г. : сб. воспоминаний, ст., писем и офиц. док. / авт.-сост. Н. С. Киселева. Петропавловск-Камчатский : Камчатпресс, 2010. 260 с.
3. «Неприятель бежал в беспорядке». Дальневосточные сражения Крымской войны. // Центр содействия сохранению исторической памяти «Наследие Отечества». М., 2021. URL: <http://heritagefatherland.ru/novosti/nepriatel-bezal-v-besporadke-dalnevostocnye-srazenia-krymskoj-voyny>. (дата обращения: 08.02.2024).
4. Паллада (фрегат) : [статья] // URL : [https://ru.wikipedia.org/wiki/Паллада_\(фрегат\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Паллада_(фрегат)). (дата обращения: 29.01.2024).
5. Петропавловская оборона : [статья] // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Петропавловская_оборона. (дата обращения: 29.01.2024).
6. Сгибнев А. С. Амурская экспедиция 1854 г. // Древняя и новая Россия. 1878. № 12. С. 309.
7. Сильницкий А. П. Архивные материалы к истории событий на Дальнем Востоке России, с 1847–1855 гг., извлеченные из дел Владивостокского портового архива. Хабаровск : тип. Штаба Приамур. воен. окр., 1897. 134 с.
8. Шарытов Н. И. Записки командира транспорта «Байкал» (1854–1856 гг.) / сост. В. М. Латышев, Г. И. Дударец. Южно-Сахалинск : Сахалин. обл. краевед. музей, 2013. 108 с.

СЕМЬЯ АДМИРАЛА В. С. ЗАВОЙКО НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Представители дворянского рода Завойко служили в армии и на флоте, участвовали в сражениях Крымской, Русско-японской, Первой мировой, Гражданской войн, совершали кругосветные плавания. За храбрость и верность Отечеству награждены многочисленными орденами и медалями. Адмирал В. С. Завойко отличился при защите Петропавловска-Камчатского от англо-французской эскадры в 1854 г. В статье представлены биографические сведения членов семьи Завойко, их родственные связи с баронами Врангель, Унгерн-Штенберг.

Ключевые слова: Завойко; Врангель; дворянин; родословная; Петропавловск-Камчатский.

В истории России дворянский род Завойко сыграл заметную роль. В XIX в. представители рода подают прошение в Департамент герольдии Правительствующего Сената о признании их в дворянском достоинстве Российской Империи.

Будущий адмирал Василий Степанович Завойко родился 15 июля 1809 г. (в автобиографии В. С. дает дату 1810 г. – Ред.) в селении Прохоровка Полтавской губернии Золотоношного уезда в семье морского лекаря Степана Осиповича Завойко, женатого на Евфимии Фесун. Семья владела 4 дворовыми душами мужского пола и хутором в 60 десятин на берегу Днепра [1, с. 2].

В 1819 г. поступил в Черноморское штурманское училище в Николаеве, произведен в гардемарины Черноморского флота, в 1821–1826 гг. на бригах «Мингрелия», «Орфей» и шлюпе «Диана» крейсировал в Черном море. В 1827 г. произведен в мичмана с переводом в Балтийский флот, на корабле «Александр Невский» перешел из Кронштадта в Портсмут, откуда в эскадре контр-адмирала графа Гейдена отправился в Архипелаг и участвовал в Наваринском сражении, за что был награжден орденом Св. Анны III степени с бантом. В 1834–1836 гг. в чине лейтенанта на транспорте «Америка» под командованием капитан-лейтенанта Ивана Ивановича фон Шанца (1802–1879) совершил кругосветное плавание от Кронштадта до Камчатки и обратно. За этот вояж был награжден орденом Св. Владимира IV степени. В 1837–1839 гг. на компанейском корабле «Николай» под командою капитан-лейтенанта Евгения Андреевича Беренса (1809–1878) Завойко совершил кругосветное плавание к северо-западным берегам Америки и обратно.

28 февраля 1840 г. В. С. Завойко поступил на службу РАК (Российско-американская компания) и назначен начальником Охотской фактории. В 1843–1844 гг. был занят перенесением Охотской фактории в порт Аян и устройством сообщения этого порта с Якутском. 26 янва-

ря 1844 г. произведен в капитан-лейтенанты. В 1846 г. награжден орденом Св. Анны II степени, произведен в капитаны 2-го ранга с назначением начальником Аянского порта. 4 апреля 1849 г. произведен в капитаны 1-го ранга.

15 февраля 1850 г. назначен исправляющим должность Камчатского военного губернатора и командиром Петропавловского порта, награжден орденами Св. Георгия IV класса и Св. Анны II степени с императорской короной. 23 июня 1853 г. Василий Степанович Завойко произведен в генерал-майоры и утвержден в занимаемой должности. 17 ноября 1854 г. переименован в контр-адмиралы с оставлением в занимаемой должности и награжден орденом Св. Станислава I степени. Во время Крымской войны Завойко отразил нападение англо-французской эскадры, осаждавшей Петропавловский порт с 17 по 24 августа 1854 г. Во время боя русскими было взято английское знамя.

В начале 1855 г. было решено перенести военный порт из Петропавловска в устье Амура. Перевод порта начался в самый разгар войны. Суда выходили, прорубая лед и готовясь к бою с неприятелем. Завойко с эскадрой, состоявшей из 1 фрегата, 1 корвета, 3 транспортов и 1 бота, прибыл в Де-Кастри. Сюда подошел и неприятель, имевший 3 военных судна. В ночь с 9 на 10 мая русская эскадра под прикрытием тумана успела незаметно войти в устье р. Амур мимо сторожившего ее неприятеля. В два с половиной месяца на берегу Амура был построен город Николаевск.

За отличие, оказанное при отражении нападения англо-французской эскадры на Петропавловск, Завойко был награжден орденом Св. Георгия III степени.

10 декабря 1856 г. Василий Степанович был отчислен от должности Камчатского губернатора и командира Петропавловского порта. 29 июля 1857 г. назначен членом Морского генерал-аудитората. 23 апреля 1861 г. произведен

в вице-адмиралы, в 1864 г. награжден орденом Св. Анны I степени с мечами над орденом. 3 января 1865 г. член Морского генерал-аудитора, вице-адмирал В. С. Завойко подает прошение о покупке казенных ферменных земель Подольской губернии в Балтском уезде [2, с. 3–4].

1 августа 1867 г. Завойко назначен состоять по Морскому ведомству, 1 января 1874 г. произведен в адмиралы. В 1884 г. награжден орденом Белого Орла, а в 1890 г. получил орден Александра Невского. После выхода в отставку и до своей кончины адмирал с семьей жил в имении Великая Мечетня на юге Украины.

Незадолго до кончины адмирал Завойко был чрезвычайно обрадован, что именем героического города Петропавловска назван эскадренный броненосец.

Василий Степанович писал: «Многоуважаемый Николай Матвеевич [Чихачев, 1830–1917]! Не нахожу слов, чтобы выразить Вам мою сердечную благодарность за Ваш лестный о моей деятельности отзыв, который послужил основанием к тому, что Государь Император уважил мою всеподданнейшую просьбу. Я глубоко ценю постоянное теплое Ваше отношение ко мне и память Вашу с нашей совместной службы на Дальнем Востоке. Получив высокий пост управляющего Морским министерством, Вы захотели увековечить нашу деятельность на Востоке, и представили на благоусмотрение Его Императорского Величества между другими достойными именами для названия судов русского флота имя “Петропавловск”. Государю Императору благоугодно было назвать этим именем броненосец 1 ранга, по размерам своим равный броненосцам, носящим славные имена “Севастополь” и “Полтава”. Такая Монаршая милость порадовала меня за всех моих сослуживцев, деятельность и служба которых этим актом вносилась в памятники истории... Василий Завойко» [3, с. 2–3].

В свидетельстве, выданном причтом церкви Рождества Богородицы Балтского уезда Подольской губернии от 16 мая 1898 г. указано: «адмирал В. С. Завойко, 88 лет, умер 15-го, а погребен 18 февраля 1898 г.» [4, с. 33].

Командир Владивостокского порта 20 ноября 1898 г. контр-адмирал Чухнин (1848–1906) отправляет официальное письмо управляющему Морским министерством адмиралу Тыртову (1836–1903): «Ваше Превосходительство Павел Петрович! По смерти адмирала В. С. Завойко у генерал-майора Стрижева [1848–1917], коменданта крепости Владивосток, явилась

мысль увековечить славный Петропавловский бой, поставить памятник главному руководителю, адмиралу Завойко, которому Россия обязана этой славной победой на берегах Тихого океана, одержанной над во много раз сильнее-шим неприятелем. Обсудив этот вопрос совместно, пришли к заключению, что памятник в честь этого события, хотя и ближе всего было бы соорудить в Петропавловске, но имея в виду, что этот город не имеет будущности, а так же почти и непосещаем, почему памятник не служил бы наглядным напоминанием славного боя. Лучшие всего его поставить во Владивостоке, будущность которого обеспечена» [5, с. 21].

Контр-адмирал Зеленой (1833–1909) отвечает Чухнину 14 января 1899 г.: «Управляющей Морским министерством приказал сообщить, что испрашение разрешения на поставку памятника адмиралу Завойко со стороны Морского министра будет отдано возможное содействие к осуществлению означенного предложения» [там же], на что контр-адмирал Чухнин отвечает: «Генерал-лейтенант и командующий войсками Гродеков [1843–1913] по докладе о сем генерал-майором Стрижевым, вполне одобрил мысль и высказал большое сочувствие этому делу, пожертвовав значительную сумму на основание фонда для сооружения памятника и назвав новую батарею на мысе Иродова – Петропавловской батареей» [там же].

21 января 1899 г. Приамурский генерал-губернатор Н. И. Гродеков отправляет письмо управляющему Морским министерством П. П. Тыртову: «Милостивый Государь! Павел Петрович. Считаю долгом довести до Вашего Превосходительства, что я вошел с представлением к МВД об испрашении Высочайшего Его Императорского Величества соизволения на сооружение в городе Владивосток памятника покойному адмиралу В. С. Завойко на счет капитала, который мог бы образоваться из добровольных пожертвований, собираемых посредством открытия с означенною целью, повсеместной в пределах Империи подписи» [там же].

Был объявлен сбор средств. 21 мая 1901 г. состоялась торжественная закладка памятника. 8 февраля 1902 г. Комиссия по рассмотрению проектов, присылаемых в Императорскую Академию художеств, обсуждала присланный при отношении Техническо-строительного комитета МВД от 31 января 1902 г. № 156 проект памятника адмиралу Завойко во Владивостоке. Комиссия предложила облегчить пьедестал согласно прилагаемому рисунку [6, с. 4].

К осени 1904 г. в Петербурге была закончена отливка памятника Завойко из темной бронзы работы скульптора И. Я. Гинзбурга (1859–1939). Однако лишь весной 1908 г. он был доставлен во Владивосток. 18 мая 1908 г. при большом стечении народа состоялась торжественная церемония открытия памятника адмиралу Завойко.

Речи, произнесенные при открытии памятника адмиралу Завойко в 1908 г., были опубликованы отдельной брошюрой «Памяти адмирала Василия Степановича Завойко» [под редакцией начальника Гидрографического управления М. Е. Жданко (1855–1921)].

«Пятьдесят лет тому назад совершилось важное событие в истории нашей Родины, к России был присоединен обширный Приамурский край под непосредственным руководством вдохновителя генерал-губернатора Восточной Сибири графа Н. Н. Муравьева-Амурского [1809–1881] и его сподвижников: адмиралов Г. И. Невельского [1813–1876] и В. С. Завойко. Когда Преосвященный Иннокентий прибыл на Камчатку и познакомился там с энергичными действиями Завойко, то он и предложил Муравьеву учредить Камчатское губернаторство. С того времени Завойко стал играть при Муравьеве видную роль, как непосредственный сотрудник [7].

Далее было отмечена важная роль Завойко при обороне Петропавловска и его энергичные действия при постройке укреплений в устье Амура. В заключении своей речи при открытии памятника Жданко сказал: *«Прими же от нас, Василий Степанович, этот памятник, сооруженный на пожертвования со всех сторон нашей Родины, как скромную дань беспредельного уважения к тебе всей России, а эти живущие ныне пусть скажут тебе о всегда живой любви благодарного тебе всего русского воинства и, в частности, морской семьи, которой ты своими деяниями подарил одну из самых славных страниц истории русского флота»* [там же].

Памятник адмиралу Завойко простоял до установления советской власти в Приморье осенью 1922 г.

В 1989 г. в имении адмирала Великая Мечетня Николаевской области был торжественно открыт еще один памятник Завойко. Василий Степанович и его супруга Юлия Георгиевна с 1865 по 1898 г. проживали в этом селе. Усадьба была расположена на участке площадью шесть гектаров, на приусадебной территории адмирал высадил лес и сад из деревьев, привезенных с Камчатки. Вблизи находился небольшой пруд и родовое кладбище.

Из метрики об умерших, выданной из Рождества Богородицы церкви Балтского уезда Подольской губернии от 26 сентября 1898 г., видно, что жена адмирала В. С. Завойко, Юлия Георгиевна, 62 лет, умерла от горячки 1 декабря 1883 г., а 3 декабря погребена на кладбище Завойко в имении Великая Мечетня. 2 сентября 1989 г. состоялось перезахоронение праха героя Петропавловской обороны. На площади в с. Великая Мечетня Кривоозерского района Николаевской области, около его бывшей фамильной усадьбы, был установлен памятник.

В память об адмирале Завойко была названа посыльная яхта для Камчатской администрации. В 1911 г. охранный судно «Адмирал Завойко», построенное на Охтинском судостроительном и механическом заводе «В. М. Крейтон и К^о», прибыло в Петропавловск. Яхта *«имела 570 тонн водоизмещения, была снабжена 2-киловаттной радиостанцией системы Телефункен со звучащим передатчиком для волн от 600 до 1400 метров, дальность действия днем 125 морских миль при высоте мачты 28 метров. Для плавания во льдах судно имело укрепленный нос и утолщенную обшивку в носовой части, а также имело артиллерийское снаряжение – две пятидесятимиллиметровые пушки и два пулемета»* [8, с. 3].

До 1922 г. яхта находилась в распоряжении губернатора Камчатки, в 1923 г. была переведена в класс сторожевых кораблей и получила название «Красный вымпел». 28 июля 1958 г. постановлением Военного Совета ТОФ сторожевой корабль «Красный вымпел» объявлен мемориальным кораблем и поставлен на вечную стоянку на Корабельной набережной во Владивостоке.

17 октября 2018 г. в Санкт-Петербурге состоялась торжественная церемония открытия мемориальной доски первому генерал-губернатору Камчатки В. С. Завойко (18-я линия В. О. [Васильевский остров], д. 11). В мероприятии приняли участие: губернатор Камчатского края В. И. Илюхин, председатель Комитета по культуре Санкт-Петербурга К. Э. Сухенко, главный архитектор Санкт-Петербурга В. А. Григорьев, контр-адмирал К. Г. Маклов, а также потомки адмирала – А. М. Завойко и Е. А. Завойко.

Торжественное открытие памятника Василию Степановичу Завойко в Петропавловске-Камчатском состоялось 4 ноября 2014 г., в год 160-летия обороны города от англо-французских захватчиков. На открытии присутство-

вали губернатор края В. И. Илюхин, председатель Законодательного собрания В. Ф. Раенко, казаки и рядовые жители города. Памятник освятил епископ Петропавловский и Камчатский Артемий. Скульптура выполнена из гранита и мрамора, высота вместе с постаментом составляет 7 м.

Продолжим родословную линию Василия Степановича Завойко. Боевыми морскими офицерами были и родные братья адмирала.

Ефим Степанович Завойко «в 1821 г. в службу вступил в Черноморский флот гардемаринном, в 1822–1826 гг. на бригах “Мингрия” и “Орфей”, шлюпе “Диана” и корабле “Император Франц” плавал между Севастополем и Николаевым. В 1827 г. произведен в мичмана. В 1827 г. на Дунайской гребной флотилии плавал по Дунаю, а в 1828 г. на той же флотилии участвовал при блокаде крепости Тульчи. За отличия награжден орденом Св. Владимира IV степени с бантом. В 1829 г. участвовал при взятии крепости Силистрия, за отличия был награжден орденом Св. Анны III степени с бантом. В 1830–1831 гг. на корабле “Память Евстафия” плавал в Черном море. В 1832 г. произведен в лейтенанты и на брандвахтенном фрегате “Поспешный” был в кампании на Севастопольском рейде. В 1833 г. на корабле “Императрица Екатерина II” плавал от Севастополя до Константинополя и обратно. В 1834–1837 гг. на транспортах “Кит”, “Редут-кале”, “Опыт”, “Успех” и кораблях “Память Евстафия” и “Императрица Мария” плавал по черноморским портам. 20 июля 1838 г. Ефим Завойко уволен от службы чином капитан-лейтенанта» [9, с. 149–152].

Иван Степанович Завойко «в 1831 г. поступил в Морской кадетский корпус кадетом, в 1836 г. произведен в гардемарины. В 1836–1839 гг. на фрегатах “Венус”, “Александр Невский”, “Прозерпина”, корабле “Орел” крейсировал в Балтийском море. В 1838 г. произведен в мичмана. В 1840 г. переведен с Балтийского в Черноморский флот. На шхуне “Смелая” был в отправке судов абхазской экспедиции, после чего на корвете “Пендераклия” крейсировал с кадетами черноморской штурманской роты в Черном море. В 1841 г. на тендере “Луч” находился в той же экспедиции. В 1842–1843 гг. на том же тендере был при занятии брандвахтенного поста на Феодосийском рейде, потом на том же тендере крейсировал у восточного берега Черного моря. В 1844 г. произведен в лейтенанты и на фрегате “Месеврия” плавал

между Севастополем и Одессою, после чего на брандвахтенном тендере “Луч” был в кампании на Керченском рейде. В 1845 г. на транспорте “Суджук-кале” плавал по реке Буг и Днепровскому лиману. В 1846–1851 гг. на пароходах “Дарго”, “Херсон”, “Бердянск”, фрегате “Месеврия”, корабле “Султан-махмуд”, транспортах “Рион” и “Гастагея” плавал по Черноморским портам. 27 августа 1852 г. назначен асессором Комиссии военного суда в Измаиле, с переименованием в капитаны по адмиралтейству. В 1854 г. находился на Дунайской гребной флотилии, участвуя в боях против турок. 13 октября 1856 г. назначен асессором в Севастопольскую комиссию военного суда. В 1858 г. произведен в майоры, и в 1859 г. зачислен по резервному флоту. 25 декабря 1867 г. произведен в подполковники с увольнением от службы» [там же].

Василий Степанович Завойко был женат на дочери действительного статского советника барона Врангеля Юлии Егоровне (Георгиевне) Врангель фон Луденгоф. Она была родственницей знаменитого русского мореплавателя барона Фердинанда Петровича Врангеля (1797–1870) и Верховного главнокомандующего Русской армией, генерал-лейтенанта Генерального штаба, барона Петра Николаевича Врангеля фон Луденгофа (1878–1928).

Отец Юлии Завойко (1819–1883) – барон Егор Васильевич Врангель (1783–1841), окончив курс наук в Дерптском университете, продолжил занятия в Виттенбергском и Гейдельбергском университетах, служил в 1804 г. секретарем Дерптского уезда Лифляндской губернии. Затем поступил на службу в Комиссию составления законов при М. М. Сперанском. 16 декабря 1809 г. он был зачислен на должность адъюнкта правоведения Казанского университета, 23 марта 1811 г. стал там же экстраординарным профессором, а 27 марта 1815 г. – ординарным профессором. 5 августа 1819 г. был уволен из Казанского университета. В 1820–1837 гг. читал лекции в Царскосельском лицее и Благородном пансионе при Петербургском университете. В 1832 г. получил звание профессора в Главном педагогическом институте, а в 1836–1841 гг. зачислен профессором в Петербургский университет. При открытии в 1835 г. Императорского училища правоведения был назначен его инспектором и преподавателем Государя Наследника – будущего Александра II. В 1841 г. Е. В. Врангель похоронен на Волковском лютеранском кладбище.

Егор Васильевич был женат на Прасковье Ильиничне (1794–1858), дочери профессора Ильи Федоровича Яковкина. Они имели детей: Екатерину (1815–1863); Вильгельма (1816–1860), действительного статского советника; Варвару (1817–1873); Юлиану (в дальнейшем Завойко); Анну (1820–1895); Виктора (1823–1836); Егора (1827–1875).

Юлия Егоровна так описывала свою жизнь в Петропавловске: *«На берегу Губки в Петропавловске расположены казенные магазины и, выйдя из которого и идя по ложбине по главной улице, придешь в ветхую церковь, она единственная в городе. Это Петропавловский собор. Ограда церкви и сад губернаторского дома отделяются только улицей. В этом саду довольно высокие деревья, их садила еще адмиральша Рикорд, первая русская дама, совершившая вышеописанное, дальнее странствие. За губернаторским домом, в глубине ложбины, расположены казармы, офицерские флигеля. Это новая часть города, выстроенная по перенесению сюда Охотского порта в 1850 г.*

16 лет во всяком семействе оставляют грустный след! Многих не стало! Тяжелая жизнь отозвалась на детях, и долго мне пришлось бороться с их недугами, пока, наконец, тиф не унес в раннюю могилу моего старшего сына. Второй мой сын захватил во время наших перевозных странствий злой ревматизм, почему и не мог служить во флоте. Третий по необыкновенной слабости зрения также. И так разбилась самая законная, самая светлая наша надежда, что сын будет служить во флоте, с которым мы так сроднились.

Многих из наших сподвижников не стало. Мы сами состарились и как бы умерли для действительной жизни. Выше описанные труды и смертельные душевные тревоги могут сломить самое железное здоровье, самые могучие силы. Поэтому я и рискнула на закате дней, пока родная мать земля не покроет на вечный покой, и не положит конец и трудам, и заботам, собрать мои отрывочные записки и поделиться воспоминаниями этой тяжелой, но вместе с тем и славной эпохи нашей русской жизни. Всех и каждого на Руси одушевляла тогда единоклубная героическая отвага, непоколебимое мужество! Всяк нес и с севера и юга, востока и запада свою посильную лепту труда и полного самоотвержения, свою собственную жизнь на Алтарь Отечества!» [10].

От счастливого брака с баронессой Врангель у адмирала В. С. Завойко родились дети:

Георгий (1842–1858), гардемарин, умер от тифа и похоронен на Волковском православном кладбище в Санкт-Петербурге; Прасковья (1842–?), замужем за капитан-лейтенантом Николаем Алексеевичем Фесуном, впоследствии контр-адмиралом; Павел (1846–1862), подпоручик по Адмиралтейству, убит горцами под Пятигорском; Мария (1847–1919), замужем за Степаном Борисовичем Враским (1844–1922).

Старший сын адмирала – Степан Васильевич Завойко (1844–1908). В 1884 г. за отлично-усердную службу пожалован чином действительного статского советника. 11 июня 1886 г. назначен представителем Государственного контроля в Комитете Департамента финансов. 5 апреля 1887 г. награжден орденом Св. Станислава I степени. В походах и делах против неприятеля был в составе Полевого контроля на Балканском полуострове при войсках действующей армии в 1877–1878 гг.

От первого брака с Екатериной Ивановной Драгневич (?–1899) у С. В. Завойко было три сына: Георгий (1875–1906), Василий (1874–?) и Михаил (1879–1920). После кончины Е. И. Драгневич в 1889 г. Степан Васильевич женился на художнице Софье Васильевне Алферьевой (1860–1919), ученице профессора А. И. Мещерского. Вместе с сестрой Софья владела домом № 52 в Санкт-Петербурге по ул. Николаевской [ныне ул. Марата, д. 52]. С 1889 г. и по настоящее время в этом доме жили и живут потомки адмирала Завойко.

Второй внук адмирала – Василий Степанович Завойко (1875–1947) в 1895 г. окончил Александровский лицей, в 1898 г. был причислен к Парижскому и Лондонскому посольствам, затем ушел в отставку и уехал в Подольскую губернию, получив в наследство от деда, адмирала Василия Степановича Завойко, имение Великая Мечетня.

В 1901 г. Василий Степанович был избран Гайсинским уездным предводителем дворянства и возглавил уездную земскую управу, а в 1902 г. – уездный Комитет о нуждах сельскохозяйственной промышленности. В 1912 г. Завойко переехал в Петербург и стал членом Правления Санкт-Петербургского стеклопромышленного общества.

Во время февральской революции Василий Степанович [внук] находился на нефтепромыслах общества «Санто» в Ферганской области, откуда 12 марта 1917 г. переехал в Баку. Приехав в Петроград 5 апреля 1917 г., он собрал в своей квартире «одинаково настроенных лю-

дей». На встрече была разработана программа контрреволюционной деятельности, возглавить которую должен был генерал Лавр Георгиевич Корнилов (1870–1918). В конце мая 1917 г. В. С. Завойко выехал на фронт в штаб 8-й армии к генералу Корнилову, где стал его адъютантом и ординарцем. В ночь на 30 августа 1917 г. выехал из Ставки Верховного главнокомандующего в Могилеве с письмом Корнилова к А. М. Каледину (1861–1918), но уже 31 августа был арестован и допрошен Следственной комиссией секции Гомельского Совета рабочих и солдатских депутатов. 7 сентября был допрошен чинами штаба Петроградского военного округа. 20 октября 1917 г. освобожден из тюрьмы. В дальнейшем эмигрировал в Лондон, где проживал под именем полковника Курбатова.

Внук адмирала Василия Степановича Завойко, Георгий Степанович Завойко (1875–1906) в службе числился с 1891 г. В 1894 г. окончил Морской кадетский корпус, был зачислен в состав 15-го Флотского экипажа. Участвовал в заграничном плавании младшим, затем старшим штурманом на крейсере «Дмитрий Донской» (1895–1898), на канонерской лодке «Отважный» (1898–1899). Зачислен в штурманские офицеры 1-го разряда в 1899 г. Назначен командиром 4-й роты экипажа эскадренного броненосца «Петропавловск» с 11 октября 1899 г. Участвовал в подавлении Боксерского восстания в Китае в 1900 г. В запасе флота числился с 25 мая 1902 г.

Георгий делится впечатлениями о событиях в Китае: «...Завтра утром я ухожу с командой на берег воевать, и Бог знает, вернусь ли целым обратно или вовсе не вернусь. О начале военных действий вы, вероятно, уже знаете из газет. Войны пока нет и вряд ли она будет. Хотя теперь ее легко могут объявить немцы – у них китайцы на днях убили посланника в Пекине. Да и мы не знаем, что с нашим посланником, более недели нет никаких известий. Европейских войск теперь здесь довольно много около 12 000 человек и больше половины русских.

Потери у нас уже довольно большие, китайцы как буры бьют на выбор офицеров. Из шести наших офицеров один ранен смертельно и три довольно тяжело; не считая убитых двух офицеров на лодках во время взятия крепости и двух тяжело раненных там же. Матросов раненых и убитых мы уже потеряли около 200 человек. Все вместе державы потеряли уже более 50 убитых и раненых офицеров. Из сухопутных офицеров русских убито 4 и ранено 7. Китайцев в плен у нас не берут, за то и они не стесняются

и на глазах при отступлении наших замучивают раненых...

Наши уже отбили у китайцев более 500 пушек, а про ружья, сабли и знамена нечего и говорить. Нашим десантам, правда, уже пришлось познакомиться с кониной. Первое время было довольно странно слышать постоянно ружейную и орудийную стрельбу, но теперь так к этому привыкли, что на отдельные выстрелы не обращаем внимание... *Лейтенант запаса флота Георгий Степанович Завойко*» [11].

В 1904 г. Георгий Степанович состоял в 37-м Флотском экипаже. После начала Русско-японской войны призван из запаса обучающимся командиром подводной лодки «Дельфин». Подводная лодка была отправлена из Петербурга по Транссибирской железной дороге во Владивосток, куда прибыла 29 декабря 1904 г. Она неоднократно выходила в море на боевое патрулирование, но встреч с противником не имела. М. Н. Беклемишев по итогам плавания подводных лодок в 1905 г. дал характеристику: «...бравый и усердный Завойко, хорошо управлявшийся с лодкой и внушавший полное доверие...» [12].

10 марта 1906 г. Георгий Степанович переведен в Сибирский флотский экипаж, назначен заведующим эшелоном № 1 морских команд Сибирского флотского экипажа в с. Спасском. По приказанию Морского министра 18 марта 1906 г. подал прошение об увольнении в отставку. Скончался 31 марта 1906 г. Тело было погребено в с. Спасском, впоследствии перезахоронено в Санкт-Петербурге на Новодевичьем кладбище.

Третий внук адмирала – Михаил Степанович Завойко (1879–1920) в 1893 г. поступил в Морской кадетский корпус в Санкт-Петербурге. Именно он передал исторические флаги деда в Морское министерство. «Внук адмирала В. С. Завойко вошел с ходатайством о разрешении ему передать на линейный корабль «Петропавловск» для хранения принадлежавшие адмиралу Завойко три флага: контр-адмиральский, вице-адмиральский и адмиральский, из коих контр-адмиральский флаг был поднят на фрегате «Аврора» во время Петропавловского боя» [13].

20 декабря 1919 г. Михаила Степановича арестовали. В справке о реабилитации, которую получил в 1992 г. его внук А. М. Завойко, написано: «дворянин, отставной титулярный советник, заведующий музеем райконефти и заведующий отделом сельскохозяйственных машин и орудий. Привлечен к уголовной ответственности коллегией ВЧК и председателем Петропав-

вета. 9 января 1920 г. за участие в шпионской организации в связи с белогвардейским заговором в Петрограде он был расстрелян. Реабилитирован военным прокурором ЛенВО 23 сентября 1998 г. на основании ст. 3 Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г.».

От брака Михаила Степановича с Елизаветой Михайловной Есауловой (1890–1976) в 1912 г. в г. Каменец-Подольский родился сын Михаил (1912–1956). В 1919 г. семья переехала в Петроград. После окончания школы правнук Завойко поступил в Политехнический институт, откуда был отчислен за дворянское происхождение. В дальнейшем окончил Строительный институт в Ленинграде, работал в различных организациях треста «Сантехмонтаж».

От брака Михаила Михайловича с Ниной Ивановной Ветчинкиной (1913–1992) в 1935 г. родился сын Александр. Александр Михайлович Завойко (1935–2021) после окончания школы в 1953 г. поступил в Ленинградский институт холодильной промышленности, в 1967 г. защитил кандидатскую диссертацию, работал в «Нии-химмаш» до выхода на пенсию в 1996 г. За время научной деятельности получил 30 авторских свидетельств на изобретения и опубликовал более 80 научно-технических статей в различных специализированных журналах.

Прасковья Васильевна Завойко (1842–1916), дочь адмирала В. С. Завойко, была замужем за Николаем Алексеевичем Фесуном (1835–1909). 8 марта 1848 г. Николай Фесун поступил в Морской кадетский корпус, 11 августа 1851 г. стал гардемаринном. В 1852 г. на фрегатах «Константин» и «Церера» крейсировал в Балтийском море. 13 августа 1853 г. произведен в мичманы.

В 1853–1854 гг. на фрегате «Аврора» под командованием капитан-лейтенанта И. Н. Изыльметьева совершил кругосветное плавание из Кронштадта на Камчатку. В августе 1854 г. мичман Фесун, как и другие члены экипажа фрегата «Аврора», принимал участие в обороне Петропавловска от англо-французской эскадры в ходе Крымской войны 1853–1856 гг. 24 августа 1854 г. был произведен в лейтенанты и награжден орденом Св. Владимира IV степени с бантом.

После окончания Петропавловской обороны Фесун продолжил службу на фрегате «Аврора». Весной 1855 г. после зимовки в Петропавловске фрегат в составе флотилии контр-адмирала В. С. Завойко отправился к устью Амура. Лейтенант Фесун был награжден орденом Св. Анны III степени, и в 1856–1857 гг. на том же фрегате перешел на Балтику.

В 1858–1859 гг. проходил службу на линейном корабле «Ретвизан» в Средиземном море. За спасение утопающих был награжден золотой медалью на владимирской ленте «За спасение погибавших», а также получил австрийский орден Железной Короны III степени.

В 1861–1862 гг. совершил переход на винтовой канонерской лодке «Морж» из Кронштадта через Магелланов пролив в Тихий океан. В 1863 г. был награжден орденом Св. Станислава II степени и произведен в капитан-лейтенанты с назначением для особых поручений при управлении Морским министерством. В 1864–1867 гг. командовал однобашенной броненосной лодкой «Ураган», плавал между Петербургом и Кронштадтом и в финляндских шхерах. В 1865 г. награжден орденом Св. Станислава II степени с императорской короной. 20 апреля 1869 г. пожалован орденом Св. Анны II степени. 10 января 1870 г. Фесун был уволен для службы на коммерческих судах в Русском обществе пароходства и торговли, но продолжал продвигаться в званиях по Морскому ведомству. 1 января 1871 г. произведен в капитаны 2-го ранга, в 1875 г. в капитаны 1-го ранга.

19 марта 1884 г. произведен в контр-адмиралы с увольнением от службы. Николай Алексеевич Фесун после увольнения со службы проживал вместе с женой в Ницце, где умер 13 ноября 1909 г. После смерти мужа Прасковья Васильевна вернулась в Россию.

Представители дворянского рода Завойко и родственных фамилий оставили заметный след в истории России, были боевыми офицерами, совершали кругосветные путешествия, их именами названы улицы, географические объекты на карте России, поставлены памятники и мемориальные доски.

1. РГА ВМФ (Российский государственный архив Военно-Морского Флота). Ф. 1365. Оп. 1. Д. 4. С. 2.
2. Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1368. С. 3–4.
3. Там же. Оп. 5. Д. 3972. С. 2–3.
4. Там же. Оп. 2. Д. 1100. С. 33.
5. Там же. Оп. 6. Д. 151. С. 21.

6. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 789. Оп. 12. 1902 г. Д. 5 «З». С. 4.
7. Памяти адмирала Василия Степановича Завойко / [ред.-сост. М. Жданко]. Владивосток : тип. Сиб. флот. экипажа, 1908. 12 с.
8. РГИА. Ф. 1289. Оп. 10. Д. 2777. С. 3.
9. Общий морской список. СПб. : тип. В. Демакова, 1898. Т. 10. С. 149–152.
10. РО ИРЛИ РАН (Рукописный отдел Института русской литературы Российской академии наук). Р. I. Оп. 10. Д. 4.
11. РГИА. Ф. 1102. Оп. 2. Д. 354. С. 1–38.
12. *Конеv А.* Первые российские командиры подводных лодок : [статья] // URL: http://shturman-tof.ru/Personal/22_konev/01_konev_pervue_kpl.html (дата обращения 19.09.2024).
13. *Долгоруков П. В.* Российская родословная книга : [в 4-х ч.]. Ч. III. СПб. : тип. К. Вингебера, 1857. С. 320–334.

**«ИСТОРИЯ ОСВОЕНИЯ И ОБОРОНЫ НИЖНЕГО АМУРА 1848–1856 гг.»
В СБОРНИКЕ АРХИВНЫХ КОПИЙ ДОКУМЕНТОВ РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА**

В Российском государственном архиве Военно-Морского Флота хранятся ценные документы по истории освоения и обороны Нижнего Амура (1848–1856 гг.). Копии данных источников составили сборник «Амурская экспедиция», который находится в фондах Межпоселенческого краеведческого музея им. В. Е. Розова (г. Николаевск-на-Амуре). В настоящее время эти документы оцифрованы и в электронном виде переданы Камчатской краевой научной библиотеке им. С. П. Крашенинникова. В статье представлены перечень и описание источников, которые связаны с Петропавловским портом и деятельностью губернатора В. С. Завойко.

Ключевые слова: архивные документы; Амурский вопрос; Амурская экспедиция; Завойко В. С.; Российский государственный архив Военно-Морского Флота.

«Трудных предметов нет, но есть бездна вещей, которых мы просто не знаем, и еще больше таких, которые знаем дурно, бессвязно, отрывочно, даже ложно. И эти-то ложные сведения еще больше нас останавливают и сбивают, чем те, которых мы совсем не знаем» [1]. И действительно, с глубиной этой мысли, принадлежащей русскому писателю, критику, публицисту и общественному деятелю Александру Ивановичу Герцену, трудно спорить, особенно сейчас, в период поисков исторической правды о нашем Отечестве.

Работая архивистом, автор неоднократно становился свидетелем слабой подготовки исследователей, обращающихся в архив с тематическими запросами. Чаще всего проблема их информационной дезориентации кроется в расплывчатом выборе тем работ, их целей и границ, и, что еще сложнее, – недостаточном знании источниковой базы. Несмотря на все большую доступность последней, современный (особенно молодой) исследователь все меньше имеет представления о методах поисковой работы и зачастую упускает ценные первоисточники, довольствуясь уровнем компиляций, и в конечном итоге *«...эти-то ложные сведения еще больше нас останавливают и сбивают...»* [там же].

Сборник архивных копий документов по истории освоения и обороны Нижнего Амура 1848–1856 гг. «Амурская экспедиция», которому посвящено настоящее исследование, представляет собой еще неизвестную научной общественности коллекцию источников ценной информации [10].

О его существовании автору впервые стало известно в 1990 гг. в период начала его краеведческой и музейной деятельности. Тогда в рамках своих должностных обязанностей вплоть до

2005 г. ему неоднократно приходилось использовать сборник. И с тех пор, по словам работников музея, он практически оставался не востребованным посетителями музея и краеведами.

Как выяснилось, он был сформирован Российским государственным архивом Военно-Морского Флота (РГА ВМФ) по заказу Николаевского-на-Амуре городского краеведческого музея в четыре тома (два из них – дублиеты). Суммарное число оригинальных копий документов середины XIX в. составляет 126 единиц.

Согласно документам муниципального архива Николаевского района (фонд Р-646 «Муниципальное учреждение “Межпоселенческий краеведческий музей им. В. Е. Розова” Николаевского муниципального района», 1946–2012) попытки сбора и систематизации документальных источников по истории региона были предприняты директором Николаевского-на-Амуре областного краеведческого музея Василием Алексеевичем Уваровым еще в начале 1950-х гг.

Отметим, что музей в г. Николаевске-на-Амуре был окончательно образован как учреждение культуры согласно решению исполнительного комитета Нижнеамурского областного Совета депутатов трудящихся от 14.04.1944 № 133 [9], а открыт для посещений только 28.09.1946 г.

Поскольку комплектование и сохранение фондов музея, доступность его коллекций всегда являлись приоритетными задачами музейного дела, то и в конкретном случае, согласно справке о работе Николаевского-на-Амуре городского краеведческого музея, *«...основное внимание обращалось на собирательскую работу по сбору документов и экспонатов для отделов дореволюционного прошлого и Советского периода»* [11].

О высокой потребности музея в документальных первоисточниках свидетельствует ответное письмо начальника Центрального государственного архива Военно-Морского Флота СССР подполковника Самарова от 08.05.1953 г. № 816 на имя директора музея следующего содержания: *«В Центральном государственном архиве Военно-Морского Флота не имеется специальных подборок по истории возникновения и освоения портов Аяна и Охотска; для выполнения Вашего запроса необходимо проделать большую работу по специальному выявлению. Подобные запросы архив в плановом порядке выполнить не может. Выполнение запросов за счет дополнительной оплаты архив в настоящее время не производит. Для выявления материалов по интересующим Вас вопросам Вам следует командировать своего сотрудника в архив, который смог бы подобрать необходимые материалы в Ленинградских архивах для вверенного Вам краеведческого музея»* [8].

Возможность очного выявления и отбора архивных источников непосредственно в центральных архивах страны представилась директору музея в 1956 г. во время прохождения им курсов директоров городских и районных музеев, организованных Министерством культуры РСФСР (г. Москва).

В частности, в справке о работе Николаевского-на-Амуре городского краеведческого музея, адресованной начальнику городского отдела культуры Г. А. Воронину, об этом сказано следующее: *«...После окончания курсов директор музея, в командировке, на 20 дней выезжал в Ленинград, где работал в Центральном государственном архиве Военно-Морского Флота, откуда были получены копии документов об освоении Охотского побережья и низовьев Амура, об истории города Николаевска-на-Амуре, фотокопии схем и карт, фото улиц города Николаевска-на-Амуре, относящихся к 1912 г. Все полученные документы и фотографии представляют большую ценность для фондов музея, для изучения истории прошлого г. Николаевска-на-Амуре, низовьев Амура и Охотскую побережья»* [12].

Последующие в жизни музея события едва сказались на сохранности полученных из центральных архивов и библиотек источников. Большинство из них не утратили актуальности и в наше время.

Сейчас сборник архивных копий хранится в научно-вспомогательном фонде музея под

учетными номерами НМКМ НВФ 305 1/78 и НМКМ НВФ 305 79/200 (протокол № 256).

В нем представлены уникальные исторические материалы следующих фондов РГА ВМФ: № 16 – «Лихачев Иван Федорович, вице-адмирал (1826–1907)» [2], № 19 – «Меншиков Александр Сергеевич, адмирал (1787–1869)» [3], № 315 – «Материалы по истории русского флота “Сборный фонд” (коллекция)» [4], № 410 – «Канцелярия морского министерства г. Петроград (1836–1918)» [5] и № 906 – «Петропавловский военно-морской порт (1812–?)» [6].

Учитывая важность содержащихся в сборнике источников для потенциальных исследователей, автор, посоветовавшись с коллегами муниципального бюджетного учреждения «Межпоселенческий краеведческий музей им. В. Е. Розова» и муниципального казенного учреждения «Муниципальный архив Николаевского района», принял решение о формировании на его основе электронной коллекции копий архивных документов РГА ВМФ «История освоения и обороны Нижнего Амура 1848–1856 гг.» [приложение 2]. Конечной целью проявленной инициативы стала идея передачи коллекции в пользование научной общественности Камчатской области. Тематически в нее вошли источники лишь двух фондов, детально отражающих события освоения и обороны Дальневосточных рубежей середины XIX в. – это №№ 410 и 906.

Рассмотрим их подробнее. По фонду № 410, опись 2–1 выбрано 6 ед. хр., а именно: № 262 (568 – здесь и далее в абзаце указаны номера единиц учета после и до их переработки, согласно переводной таблице) [7] «О посещении английским судном “Марфа” Петропавловского порта в июле-августе 1851 г. и противозаконных действиях капитана судна (часть документов на иностранных языках) 27.05.1852–18.02.1854; № 908 (982) «О подчинении Приамурского края в религиозном отношении Камчатскому архиепископу и распространении христианства среди местного населения» (14.11.1854–22.05.1855); № 921 (1222) «О нецелесообразности укрепления Петропавловского порта в 1855 г., желательности перевода военных судов и экипажей в устье р. Амур» (03.12.1854–26.07.1855); № 922 (1223) «Материалы о перенесении Петропавловского порта в Николаевский пост; успешном окончании 2-й Амурской экспедиции и снаряжении 3-й экспедиции; плавании эскадры судов под командованием контр-адмирала В. С. Завойко из Петропавловского порта в залив Де-Кастри; боевых действиях в 1855 г. с англо-француз-

ской эскадрой; пребывании неприятельских судов в Петропавловском порту; принятии мер к защите устья р. Амур от возможного нападения неприятеля 1856 г.» (03.12.1854–30.10.1856); № 1082 (1230) «О пребывании англо-французской эскадры в Аянском порту, посещении ею Ново-Архангельска; взятии в плен команды погибшего фрегата “Диана”. Донесение главного правления Российско-американской компании о столкновении гарнизона о. Ситха с местным индейским племенем колошей (30.09.1855; лл.50–54)» 09-30.09.1855; № 1242 (1459) «О составлении положения и штата по управлению Приморской областью Восточной Сибири» (21.03.1856–08.01.1859).

По фонду № 906, опись 1 выбрано 8 ед. хр., а именно: № 17 «О прибытии судов Российско-американской компании в Петропавловский порт, с грузами, следующими по заказу от компании в казну» (17.05.1853–06.02.1854); № 29 «О назначении Камчатского военного губернатора начальником Амурского края и морских сил на устьях Амура сосредоточенных» (27.05–13.07.1855); № 31 «О введении судов Камчатской флотилии и фрегата “Аврора” в устье р. Амура к Николаевскому посту» (15.06–25.07.1855); № 33 «О переносе порта в Николаевский пост» (03.07.1855–17.08.1856); № 34 «О сформировании в Николаевском poste сводного экипажа из команд фрегатов “Паллада”, “Диана”, “Аврора” и винтовой шхуны “Восток”» (15.07–08.08.1855); № 35 «О введении в лимане брига Р. А. К^о “Охотск” должностящего убить от Аянского порта» (15.06.1855–24.04.1856); № 38 «Об устройстве фортов для защиты устья Амура и о постройке плавучих батарей» (02.06.1855–11.08.1856); № 41 «Положение о преобразовании Камчатского края и переписка о назначении В. С. Завойко Камчатским военным губернатором и командиром Петропавловского порта» (01.04.1850–29.11.1851).

Всего в электронной коллекции представлены архивные копии 71 ед. учета. Большая их часть – 42 ед. – относится к фонду № 410. Приведем для ознакомления заголовки лишь некоторых из них.

«Письмо управляющего министерством Иностранных дел Сеньявина Л. Г. управляющему морским министерством великому князю Константину Николаевичу от 12.02.1854 № 1313 “Об ответственности за пребывание английской шхуны “Марфа” в Петропавловском порту в июле-августе 1851 г.”» (ед. хр. 262, л. 51); «Копия с отношения архиепископа Якутского и Кам-

чатского Иннокентия генерал-губернатору Восточной Сибири Муравьеву Н. Н. от 02.09.1854 № 664, к № 545» (ед. хр. 908, л. 4–5); «Копия письма управляющего морским министерством великого князя Константина Николаевича Муравьеву Н. Н. от 07.12.1854 № 867 “О стратегии в Дальневосточном театре Крымской войны” (гриф “секретно”), Гатчина» (ед. хр. 921, л. 7–7об.); «Письмо государственного канцлера управляющему морским министерством [великому князю Константину Николаевичу] от 10.02.1855 № 97 “О передислокации войск с Камчатки в устье р. Амур» (ед. хр. 922, л. 45); «Копии с копий писем лейтенанта Мусина-Пушкина агенту Российско-американской компании Юлию Ивановичу № 1 и от 24.07.1855 № 2; список офицеров и нижних чинов, взятых в плен английским пароходом “Барракута”» (ед. хр. 1082, л. 30–31); «Копия письма управляющего Морским министерством генерал-адъютанта барона Врангеля в Сибирский комитет от 19.07.1856 № 12971 “О внесении изменений в положение и штат управления Камчатской области от 10.01.1851 г.”» (ед. хр. 1242, л. 47–50).

При подготовке электронной коллекции копий архивных документов РГА ВМФ «История освоения и обороны Нижнего Амура 1848–1856 гг.», автором был произведен отбор ее источников, отображенных в «Перечне копий архивных документов Российского государственного архива Военно-Морского Флота, вошедших в электронную коллекцию» [прил.]. Были составлены заголовки к каждой единице учета, указано их расположение в томах (книгах) оригинального сборника.

Поскольку оцифровка материалов для коллекции происходила техникой не профессионального уровня и без расшивания томов, то в целях сохранения содержания документов в структуру «Перечня копий архивных документов...» был добавлен раздел «Восстановленный текст архивной копии». Сформированная коллекция оформлена в 71 файл типа Adobe Acrobat (pdf) общим объемом 60,5 Мб и записана на компакт-диске.

В заключение отметим, что ценность хранящегося в фондах муниципального бюджетного учреждения «Межпоселенческий краеведческий музей им. В. Е. Розова» сборника архивных копий 126 документов РГА ВМФ по истории освоения и обороны Нижнего Амура 1848–1856 гг. «Амурская экспедиция» для исследовательской аудитории безусловно высока и не утратила своей актуальности спустя десятилетия.

тилетия. Однако его безвестность в научных кругах отодвигает возможность новых поисков и открытий по данной, достаточно сложной, теме, сохраняет ошибочные представления и заблуждения у современной молодежи.

А презентуемая по случаю исторических чтений в рамках III Регионального фестиваля «Камчатка – Россия – Мир», посвященного 170-летию обороны Петропавловского порта в августе

1854 г. и 120-летию отражения японского десанта камчатскими ополченцами в 1904 г., электронная коллекция копий архивных документов РГА ВМФ «История освоения и обороны Нижнего Амура 1848–1856 гг.» является бескорыстным подарком от двух ключевых в деле сохранения исторического наследия Николаевского муниципального района Хабаровского края учреждений – архива и музея.

Приложение

№ п/п	Заголовок копии единицы учёта	Фонд	Опись	Ед. хр.*	Лист	Тип документа	Том сборника	Страница сборника	Восстановленный текст архивной копии
1.	Копия письма Меншикова А. С. Сенявину Л. Г. от 27.05.1852 № 9597 «О предоставлении документов по факту пребывания английской шхуны “Марфа” в Петропавловском порту в июле-августе 1851 г.»; г. С-Петербург	410	2	568	1	отпуск	1	97	
2.	Письмо Сенявина Л. Г. [Меншикову] А. С. от 24.06.1852 № 5358 «О последствиях пребывания английской шхуны “Марфа” в Петропавловском порту в июле-августе 1851 г.»	410	2	568	2–3	отпуск	1	102–104	
3.	Копия письма Меншикова А. С. Муравьеву Н. Н. от 12.07.1852 № 9645 «О предоставлении документов по факту пребывания английской шхуны “Марфа” в Петропавловском порту в июле-августе 1851 г.»; г. С-Петербург	410	2	568	4	отпуск	1	105	«В Санкт-Петербурге. 12 июля 1852 г. № 9645»
4.	Рапорт генерал-губернатора Восточной Сибири Муравьева Н. Н. на имя начальника Главного морского штаба его императорского величества от 17.04.1852 № 521; г. Иркутск	410	2	568	6–8	подлинник	1	93–96	
5.	Письмо управляющего министерством Иностранных дел Сенявина Л. Г. управляющему морским министерством великому князю Константину Николаевичу от 12.02.1854 № 1313 «Об	410	2	568	51	подлинник	1	125	«Министерство иностранных дел. Департамент внутренних

№ п/п	Заголовок копии единицы учёта	Фонд	Опись	Ед. хр.*	Лист	Тип документа	Том сборника	Страница сборника	Восстановленный текст архивной копии
	ответственности за пребывание английской шхуны “Марфа” в Петропавловском порту в июле-августе 1851 г.»								сношений. Отделение 1. Стол 1. февраля 12 дня 1854 года № 1313»
6.	Копия рапорта генерал-губернатора Восточной Сибири Муравьева Н. Н. на имя управляющего морским министерством великого князя Константина Николаевича от 08.10.1854 № 545; г. Иркутск	410	2	982	1	подлинник	3	120	«№ 545 октября 8 дня 1854 года г. Иркутск»
7.	Копия с отношения генерал-губернатора Восточной Сибири Муравьева Н. Н. архиепископу Якутскому и Камчатскому [Иннокентию] от 01.09.1854 № 236, к № 545	410	2	982	2–3	копия	3	116–117	
8.	Копия с отношения архиепископа Якутского и Камчатского Иннокентия генерал-губернатору Восточной Сибири Муравьеву Н.Н. от 02.09.1854 № 664, к № 545	410	2	982	4–5	копия	3	118–119	
9.	Копия письма [тайного советника] Карасевского А. его императорскому высочеству [великому князю Константину Николаевичу] от 19.05.1855 № 2703 «О порядке св. крещения туземцев Амура»	410	2	982	17–18	подлинник	1	150	
10.	Копия письма управляющего морским министерством великого князя Константина Николаевича Муравьеву Н. Н. от 22.05.1855 № 10825 «О ходатайстве преосвященного Иннокентия архиепископа Камчатского»; г. С-Петербург	410	2	982	19–20	копия	1	151	«В С. Петербурге. 22 мая 1855 г. № 10825»
11.	Копия письма управляющего морским министерством великого князя Константина Николаевича Муравьеву Н. Н. от 03.12.1854 «О стратегии в Дальневосточном театре Крымской войны»	410	2	1222	1–2	отпуск	1	136–137	«Его пр-ву Н. Н. Муравьеву 3-го декабря 1854 г.»

№ п/п	Заголовок копии единицы учёта	Фонд	Опись	Ед. хр.*	Лист	Тип документа	Том сборника	Страница сборника	Восстановленный текст архивной копии
12.	Копия рапорта генерал-губернатора Восточной Сибири Муравьева Н. Н. на имя управляющего морским министерством великого князя Константина Николаевича от 13.11.1854 № 78; г. Иркутск	410	2	1222	3–6	копия	1	132–135	
13.	Копия письма управляющего морским министерством великого князя Константина Николаевича Муравьеву Н. Н. от 07.12.1854 № 867 «О стратегии в Дальневосточном театре Крымской войны» (гриф «секретно»); Гатчина	410	2	1222	7–7 об	копия	1	138	«В Гатчине 7 декабря 1854 г. № 867»
14.	Копия рапорта генерал-губернатора Восточной Сибири Муравьева Н. Н. на имя управляющего морским министерством великого князя Константина Николаевича от 13.11.1854 № 78; г. Иркутск	410	2	1223	24–27	подлинник	2	72–74	
15.	Общий свод распоряжений генерал-губернатора Восточной Сибири «О сосредоточении всех морских сил и правления Камчатской области на юго-восточном берегу Сибири; защите устья р. Амур; снабжении всем необходимым местных команд и снаряжении экспедиции для сплава по р. Амур» [1854]; к № 2	410	2	1223	27–34	подлинник	2	60–67	
16.	Письмо государственного канцлера управляющему морским министерством [великому князю Константину Николаевичу] от 10.02.1855 № 97 «О передислокации войск с Камчатки в устье р. Амур.»	410	2	1223	45	подлинник	2	75	«Министерство иностранных дел. Департамент внутренних сношений. Отделение 1. Стол 4. февраля 10 дня 1855 года. № 97»
17.	Копия приказа генерал-губернатора Восточной Сибири Муравьева Н. Н.	410	2	1223	85	список	1	152	

№ п/п	Заголовок копии единицы учёта	Фонд	Опись	Ед. хр.*	Лист	Тип документа	Том сборника	Страница сборника	Восстановленный текст архивной копии
17.	по войскам, на устьях Амура сосредоточенным, от 27.05.1855 № 4								
18.	Приказ генерал-губернатора Восточной Сибири Муравьева Н. Н. по войскам, на устьях Амура сосредоточенным, от 01.07.1855 № 17; Мариинский пост	410	2	1223	86	список	2	82	
19.	Приказ генерал-губернатора Восточной Сибири Муравьева Н. Н. по войскам, на устьях Амура сосредоточенным, от 05.07.1855 № 19; Мариинский пост	410	2	1223	87	список	2	83	
20.	Копия диспозиции генерал-губернатора Восточной Сибири Муравьева Н. Н. «морским и сухопутным силам, на устьях Амура сосредоточенным, для защиты оных от неприятеля и для других занятий к помещению оных на зимние квартиры» от 08.07.1855 № 23; Мариинский пост	410	2	1223	88–91	список	2	84–86	
21.	Приказ генерал-губернатора Восточной Сибири Муравьева Н. Н. от 15.07.1855 № 26 «О сводном экипаже»; пост Мариинский	410	2	1223	92–93	список	2	96	
22.	Приказ генерал-губернатора Восточной Сибири Муравьева Н. Н. по войскам, на устьях Амура сосредоточенным, от 23.07.1855 № 28; на пароходе «Аргунь»	410	2	1223	96–98	список	2	101–102	
23.	Приказ генерал-губернатора Восточной Сибири Муравьева Н. Н. по войскам, на устьях Амура сосредоточенным, от 25.07.1855 № 29; на пароходе «Аргунь»	410	2	1223	99	список	2	103	
24.	Копия донесения капитана II ранга Фуругельма от 25.07.1855 «О пленении части экипажа брига Российско-Американской компании “Охотск”; Николаевский пост	410	2	1223	102–103	копия	1	172–173	

№ п/п	Заголовок копии единицы учёта	Фонд	Опись	Ед. хр.*	Лист	Тип документа	Том сборника	Страница сборника	Восстановленный текст архивной копии
25.	Копия рапорта генерал-губернатора Восточной Сибири на имя управляющего морским министерством великого князя Константина Николаевича от 21.09.1855 № 255; пост Мариинский	410	2	1223	104–107	копия	2	107–111	
26.	Приказ генерал-губернатора Восточной Сибири Муравьева Н. Н. по войскам, на устьях Амура сосредоточенным, от 01.09.1855 № 37; пост Мариинский	410	2	1223	128–129	копия	2	105–106	
27.	Выписка из копии инструкции генерал-губернатора Восточной Сибири Муравьева Н. Н. Камчатскому военному губернатору Завойко В. С., [1855];	410	2	1223	138–141	выписка	2	68–71	
28.	Копия инструкции генерал-губернатора Восточной Сибири Муравьева Н. Н. Камчатскому военному губернатору Завойко В. С., [1853]	410	2	1223	142–145	копия	2	55–58	
29.	Рапорт генерал-лейтенанта Венцеля на имя управляющего морским министерством великого князя Константина Николаевича от 19.07.1856 № 1276; г. Иркутск	410	2	1223	219–221	подлинник	2	113–115	
30.	Выписка из записки контр-адмирала Завойко В. С. о перенесении Петропавловского порта на р. Амур и о действиях на Амуре по ноябрь месяц 1855 года	410	2	1223	237об–243, 247–259об.	подлинник	2	113–115	
31.	Копия рапорта генерал-майора Венцеля на имя управляющего морским министерством великого князя Константина Николаевича от 12.08.1855 № 1701; г. Иркутск	410	2	1230	1	подлинник	1	174	«Доведено до сведения Его императорского высочества 15 сентября 1855 г.»
32.	Копия с копии рапорта капитан-лейтенанта Кашеварова на имя генерал-майора Венцеля от 05.07.1855 № 204	410	2	1230	2	копия	1	165	

№ п/п	Заголовок копии единицы учёта	Фонд	Опись	Ед. хр.*	Лист	Тип документа	Том сборника	Страница сборника	Восстановленный текст архивной копии
33.	Копия с копии рапорта капитан-лейтенанта Кашеварова и помощника начальника порта лейтенанта Сгибнева № 204	410	2	1230	3–6	копия	1	118–121	
34.	Копия выписки из частного письма, полученного в Иркутске из Аяна «О событиях в Аянском порту в период с 02.06. по 05.07.[1855]»	410	2	1230	9–10		1	116–117	
35.	Копия перевода прокламации начальника Британской эскадры Карла Фредерика жителям порта Аян от 28.06.1855 г.	410	2	1230	13		1	164	«Аян 28 июня / 9 июля 1855 г.»
36.	Копия продолжения журнала пребывания англо-французской эскадры в Аянском порту за подписью лейтенанта Сгибнева (копия к № 1856)	410	2	1230	17–19	копия	1	161–163	
37.	Копия выписки из частного письма Григорьева К. Н. Венцелю К. К. от 27.08.[1855] «О событиях в регионе»	410	2	1230	20–20об		1	126	
38.	Копии с копий писем лейтенанта Мусина-Пушкина агенту Российско-американской компании Юлию Ивановичу № 1 и от 24.07.1855 № 2; список офицеров и нижних чинов, взятых в плен английским пароходом «Барракута»	410	2	1230	30–31	копия	1	168–170	
39.	Копия донесения Главного правления Российско-Американской компании на имя Императора Николая I от 11.10.1855 г.	410	2	1230	45–47	копия	1	83–86	
40.	Копия письма управляющего Морским министерством генерал-адъютанта барона Врангеля в Сибирский комитет от 19.07.1856 № 12971 «О внесении изменений в положение и штат управления Камчатской области от 10.01.1851 г.»	410	2	1459	47–50	подлинник	1	196–198	«Министерство морское Канцелярия Министерства Отделение 1 в С-Петербурге 19 июля 1856 г. № 12971»

№ п/п	Заголовок копии единицы учёта	Фонд	Опись	Ед. хр.*	Лист	Тип документа	Том сборника	Страница сборника	Восстановленный текст архивной копии
41.	Копия письма управляющего Морским министерством генерал-адъютанта барона Врангеля министру финансов от 25.07.1856 № 12982 «О внесении изменений в положение и штат управления Камчатской области от 10.01.1851 г.»	410	2	1459	51–52	копия	1	199–200	«В С-Петербурге 25 июля 1856 г. № 12982»
42.	Копия письма министра финансов управляющему Морским министерством генерал-адъютанту барону Врангелю от августа 1856 № 4153 «О согласовании нового расхода в размере 5300 руб. из Государственного казначейства»	410	2	1459	53	подлинник	1	201	«Министерство финансов Департамент государств. казначейства Часть Распорядит. Отделение 2 Стол 1 ... августа 1856 года № 4153 ответ на № 12982»
43.	Копия Положения об управлении Приморской области Восточной Сибири от 31.10.1856 г.; Царское село	410	2	1459	67–83		1	202–215	«В Царском селе, 31 октября 1856 года»
44.	Копия ведомости о провизии и провианте, доставленных от Российско-американской компании для Петропавловского порта на 1853 г.	906	1	17	5–5об.		1	106–107	«Уксу- ренского; Масла коровьего; Гороху; Патока (для экипажа) №; Круп овсяных; -»- гречневых; -»- ман- ных №; Нашаты- рю №; Мяс- а соленого; Меду красного №; Мяты сушеной №; Солоду; Воску №; Имбирю №; Перцу горо- шистого №; -»- стручко- вого №;

№ п/п	Заголовок копии единицы учёта	Фонд	Опись	Ед. хр.*	Лист	Тип документа	Том сборника	Страница сборника	Восстановленный текст архивной копии
									Мыла №; Клеенки двустрон. №; Свечей стеариновых (вместо сальных); Тесьмы холщевой №; Олова пруткового №; Портвейну красного №; Меди (в деле) до; как-то: полукружников №; чайников в 4 №; стек-беченов; шандалов или подсвечников; Сверх сего провианта Муки ржаной; Крупы яичной №»
45.	Копия донесения камчатского комиссионера Российско-американской компании Больмана Егора на имя исправляющего должность Камчатского военного губернатора от 11.10.1855 г. «О готовности к выгрузке»	906	1	17	22	подлинник	1	122	«№ 121 (?) июня 1853 года»
46.	Копия рапорта содержателя Петропавловских провиантских магазинов Чудьбина на имя капитана Петропавловского порта от 13.07.1853 № 68	906	1	17	25	копия	1	123–124	«13 июля 1853 года № 68»
47.	Копия приказа генерал-губернатора Восточной Сибири Муравьева Н. Н. по войскам на устьях Амура сосредоточенным от 27.05.1855 № 4	906	1	29	1	заверенная копия	1	153	
48.	Копия письма генерал-губернатора Восточной Сибири Муравьева Н. Н.	906	1	29	2-3	подлинник	2	80–81	«13 июля 1853 года № 68»

№ п/п	Заголовок копии единицы учёта	Фонд	Опись	Ед. хр.*	Лист	Тип документа	Том сборника	Страница сборника	Восстановленный текст архивной копии
	Камчатскому губернатору Завойко В. С. От 31.05.1855 № 53 «О дополнительных полномочиях»; Мариинский пост								
49.	Копия приказа Камчатского военного губернатора Завойко В. С. от 13.07.1855 «О порядке мелочной меновой торговли Амурских аборигенов с русским населением»	906	1	29	8–9	подлинник	2	91–92	
50.	Копия рапорта состоящего по особым поручениям при генерал-губернаторе Восточной Сибири Невельского Г. И. Камчатскому военному губернатору Завойко В. С. от 25.05.1855 № 190; Николаевский пост	906	1	31	7–9	подлинник	2	76–79	
51.	Копия предписания Камчатского военного губернатора Завойко В. С. командиру эскадрой, капитану II-го ранга Изылметьеву от 09.06.1855 № 1297	906	1	31	15–15об.	копия	1	171	
52.	Копия предписания [Камчатского военного губернатора Завойко В. С.] командиру эскадрой, капитану II-го ранга Изылметьеву от 09.06.1855 № 1308	906	1	31	16–16об.	копия	1	166	«9 июня 1855 г. № 1308»
53.	Копия предписания Камчатского военного губернатора Завойко В. С. Капитан-лейтенанту Лесовскому от 09.06.1855 № 1309	906	1	31	17–17об.	копия	1	167	«9 июня 1855 г. № 1309»
54.	Копия инструкции контр-адмирала Завойко В. С. командиру корвета «Оливуца» от 31.03.1855 № 1152	906	1	33	25	копия	1	141	
55.	Копия инструкции контр-адмирала Завойко В. С. командиру транспорта «Двина» от 31.03.1855 № 1153	906	1	33	26	копия	1	140	
56.	Копия инструкции контр-адмирала Завойко В. С. командиру транспорта «Иртыш» от 31.03.1855 № 1154	906	1	33	27	копия	1	142	

№ п/п	Заголовок копии единицы учёта	Фонд	Опись	Ед. хр.*	Лист	Тип документа	Том сборника	Страница сборника	Восстановленный текст архивной копии
57.	Копия инструкции контр-адмирала Завойко В. С. командиру транспорта «Байкал» от 31.03.1855 № 1155	906	1	33	28	копия	1	139	
58.	Копия рапорта Камчатского военного губернатора Завойко В. С. на имя управляющего морским министерством [великого князя Константина Николаевича] от (3) апреля 1855 № 453 (гриф «весьма секретно»)	906	1	33	36–37	копия	1	143–145	«№ 453... апреля 1855 г.»
59.	Копия рапорта Камчатского военного губернатора Завойко В. С. на имя управляющего морским министерством [великого князя Константина Николаевича] от (?) апреля 1855 № 456 (гриф «весьма секретно»)	906	1	33	38	копия	1	146	«№ 456... апреля 1855 г.»
60.	Копия рапорта Камчатского военного губернатора Завойко В. С. на имя генерал-адъютанта, вице-адмирала и кавалера Путятина [Е. В.] от (?) апреля 1855 (грифы «весьма секретное» «весьма нужное»)	906	1	33	39–40	копия	1	147–149	«№... апреля 1855 г.»
61.	Копия рапорта Камчатского военного губернатора Завойко В. С. на имя управляющего морским министерством [великого князя Константина Николаевича] от 28.06.1855 № 1630	906	1	33	120–123	копия	1	154–160	«№ 1630 28 июня 1855 года.»
62.	Копия приказа генерал-губернатора Восточной Сибири Муравьева Н. Н. от 15.07.1855 № 26 «О сводном экипаже», пост Мариинский; Копия приказа Камчатского военного губернатора Завойко В. С. от 26.07.1855 № 445 «О сводном экипаже»	906	1	34	1–2	копия	2	93–95	
63.	Копия рапорта капитана II-го ранга Фуругельма на имя Камчатского военного губернатора Завойко В. С. от 20.07.1855 № 50; пост Николаевский	906	1	35	21–22	заверенная копия	2	97–99	

№ п/п	Заголовок копии единицы учёта	Фонд	Опись	Ед. хр.*	Лист	Тип документа	Том сборника	Страница сборника	Восстановленный текст архивной копии
64.	Копия списка команды бывшей на бриге Российско-американской компании «Охотск», составленного капитаном II-го ранга Фурутельмом, 1855 г.	906	1	35	23	копия	2	6–7	
65.	Копия рапорта Камчатского военного губернатора Завойко В. С. на имя генерал-губернатора Восточной Сибири Муравьева Н. Н. от [1]0.07.1855 № 2090	906	1	35	24	копия	2	100	«№ 2090 ... 0 июля 1855 г.»
66.	Копия рапорта корпуса штурманов поручика Воронина [А. И.] на имя Камчатского военного губернатора Завойко В. С., 1855 г.	906	1	35	25–27	копия	2	87–90	
67.	Копия письма генерал-лейтенанта Венцеля Камчатскому военному губернатору Завойко В. С. от 28.01.1856 № 259 «О сопровождении награды командиру брига Российско-Американской компании “Охотск” шкиперу Юзелиусу»; г. Иркутск	906	1	35	31	подлинник	2	112	
68.	Копия уведомления о награждении командира брига Российско-американской компании “Охотск” шкипера Юзелиуса золотой медалью «За храбрость» от 25.04.1856 № 1455	906	1	35	32		2	116	«25 апреля 1856 года № 1455»
69.	Копия записки Камчатского военного губернатора Завойко В. С. о средствах к защите устьев Амура на имя генерал-губернатора Восточной Сибири Муравьева Н. Н. от 29.01.1856 № 393; Николаевский пост (гриф «секретно»)	906	1	38	87–95	копия	1	191–195	
70.	Копия Указа императора Николая I-го генерал-губернатору Восточной Сибири [Муравьеву Н. Н.] от 20.02.1850 «О назначении на должность Камчатского военного губернатора капитана I-го ранга Завойко В. С.»	906	1	41	14	копия	2	10	
71.	Приказы Камчатского военного губернатора	906	1	41	15	копия	2	11	«№ 689 № 690»

№ п/п	Заголовок копии единицы учёта	Фонд	Опись	Ед. хр.*	Лист	Тип документа	Том сборника	Страница сборника	Восстановленный текст архивной копии
	Завойко В. С. по: восточному берегу Камчатки от 03.08.1850 № 689; западному берегу Камчатки от 03.08.1850 № 690								

Источник: Сборник копий архивных документов РГА ВМФ по истории освоения и обороны Нижнего Амура «Амурская экспедиция»: в 4-х т. // НМКМ НВФ. 305 1/78. НМКМ НВФ. 305 79/200 (протокол № 256).

Примечание *: нумерация единиц хранения РГА ВМФ дана как в оригинальном «Сборнике музея им. В. Е. Розова» (до переработки описи архивом)

1. Герцен А. И. [Цитата] // URL: <https://cityinfo.info/quote/200184> (дата обращения: 10.06.2024).
2. РГА ВМФ [Российский государственный архив Военно-Морского Флота]. Ф. № 16 «Лихачев Иван Федорович, вице-адмирал (1826–1907)» // URL: <https://rgavmf.ru/fond/16> (дата обращения: 15.06.2024).
3. Там же. Ф. № 19 «Меншиков Александр Сергеевич, адмирал (1787–1869)» // URL: <https://rgavmf.ru/fond/19> (дата обращения: 15.06.2024).
4. Там же. Ф. № 315 «Материалы по истории русского флота “Сборный фонд” (коллекция)» // URL: <https://rgavmf.ru/fond/315> (дата обращения: 15.06.2024).
5. Там же. Ф. № 410 «Канцелярия Морского министерства г. Петроград (1836–1918)» // URL: <https://rgavmf.ru/fond/410> (дата обращения: 15.06.2024).
6. Там же. Ф. № 906 «Петропавловский военно-морской порт (1812–?)» // URL: <https://rgavmf.ru/fond/906> (дата обращения: 15.06.2024).
7. Там же. Переводная таблица к ст. оп. 2, 5 // URL: https://rgavmf.ru/sites/default/files/fond_pdf/fond_410_-_perevodnaya_tablica.pdf (дата обращения: 15.06.2024).
8. Письмо начальника Центрального Государственного архива Военно-Морского Флота СССР Самарова директору Нижнеамурского областного музея Уварову В. А. от 08.05.1953 № 816 // МАНР [Муниципальный архив Николаевского района]. Ф. Р-646. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 16.
9. Решение исполнительного комитета Нижнеамурского областного Совета депутатов трудящихся от 14.04.1944 № 133 «Об организации в г. Николаевске областного краеведческого музея» // Там же. Ф. Р-134. Оп. 1. Ед. хр. 223. Л. 72–73.
10. Сборник копий архивных документов РГА ВМФ по истории освоения и обороны Нижнего Амура «Амурская экспедиция»: [в 4-х т.] // НМКМ [Николаевский-на-Амуре муниципальный краеведческий музей] НВФ 305 1/78. НМКМ НВФ 305 79/200 (протокол № 256).
11. Справка о работе Николаевского-на-Амуре городского краеведческого музея на имя начальника городского отдела культуры Воронина Г. А., 1956 г. // МАНР. Ф. Р-646. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 1.
12. Справка о работе Николаевского-на-Амуре городского краеведческого музея за 9 месяцев 1956 г. // Там же. Ф. Р-646. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 19.

ДНЕВНИК УБИТОГО КАПИТАНА

Подробно рассмотрены события сражений за Петропавловский порт (1854) в период Крымской войны. Материал раскрыт на основе анализа дневника командира англо-французского десанта Чарльза Аллана Паркера. Перевод и комментарий автора.

Ключевые слова: Крымская война; Петропавловская оборона; Паркер Ч. А.

В центре Петропавловска-Камчатского, у подножья Никольской сопки, похоронены убитые в сражении 24 сентября 1854 г. защитники города и англо-французские десантники, в том числе их главный командир, капитан Королевской морской пехоты Чарльз Аллан Паркер.

В 2009 г. в Канаде вышла книга под названием «A Troublesome Berth», что можно перевести как «Непростое назначение» [1]. Это дневники Чарльза Аллана Паркера за 1838–1840 гг. В ту пору он, лейтенант морской пехоты, участвовал в подавлении антиколонизального Канадского восстания, был ранен в «Битве за ветряную мельницу». Нам более интересна биографическая справка, написанная праправнучкой бравого офицера – Розалин Паркер-Арт [2, р. XIV–XXIV], и портрет, помещенный на обложке.

Родился Чарльз Аллан Паркер 13 сентября 1813 г. в графстве Камберленд, в семье морского офицера. Рыжеволосый и голубоглазый озорник, любитель скалолазания и яблочной пастилы по примеру отца подростком ушел в море и уже в возрасте 17 лет произведен во вторые лейтенанты Королевской морской пехоты. Странствуя по морям и странам, Чарльз начал вести дневники, которые адресовал своим младшим сестренкам. Один из первых дневников открывался незатейливым рифмованным посвящением:

*«Вернулся я в родимый порт,
Не смытый бурями за борт,
Хранимый милостью небес.
Любимым сестрам – Кейт, Агнес –
Я посвящаю сей дневник,
Что в час досуга вел для них.
Вам на забаву я корпел,
И если в этом преуспел,
Мечта моя совсем мала –
Всего-то ваша похвала»* [там же, р. XIX].

Нас, разумеется, интересует дневник 1854 г., который Паркер вел в плавании к берегам Камчатки и в дни боевых действий, до самого кануна смерти. Он поныне хранится

в семье Паркеров и, к сожалению, семья не расположена его обнародовать. Однако выдержки из него включены в биографическую статью Розалин Паркер-Арт. Кроме того, дневник использован в магистерской диссертации Роберта Паркера «Тихоокеанская военно-морская станция Британии в 1854 году: проблемы торговли, международных отношений и войны» [3]. (Тихоокеанская станция – это оперативный район британского военного флота, охватывающий западное побережье всей Америки, Берингово море, Гавайские острова. Командовал станцией в 1854 г. контр-адмирал Дэвид Прайс. – *Авт.*). Диссертация дает анализ многих задач, стоявших перед британским флотом: это и политическое влияние, и безопасность торговли, и борьба с пиратством, и противостояние волнениям индейцев и латинским революциям, и др. Война с Россией – только одна из этих задач.

Особое внимание Роберт Паркер уделяет сложности взаимодействия британцев с союзным в ту пору французским флотом. Фигурально утрируя идею диссертанта, французские и британские военно-морские силы можно уподобить кошке и собаке в одной упряжке. Будь в этой упряжке две собаки (то есть те же силы, но под единым британским флагом), Петропавловский порт, полагает Роберт, мог быть ими взят.

Свои рассуждения Роберт подкрепляет сведениями из дневника Чарльза Аллана Паркера, капитана Королевской морской пехоты, человека наблюдательного и близкого к командованию эскадры. Эти сведения интересны и нам для всестороннего представления о событиях Петропавловского боя 1854 г.

(Выдержки из обеих использованных книг будут выделены курсивом, а прямые цитаты из дневника капитана Ч. А. Паркера – жирным курсивом – *Авт.*).

Итак, 3 ноября 1853 года капитан Паркер взойшел на борт фрегата «Президент», отправлявшегося в Тихий океан под флагом нового главнокомандующего станцией, контр-адмирала Прайса. Между Англией и Россией росла напряженность, однако английские министры вну-

шали «командующим офицерам, что войны быть не должно» [2, р. XIX].

Будущего неприятеля Паркер впервые встречал через полгода в перуанском порту Кальяо.

5 апреля 1854 г. в Кальяо пришел французский фрегат «Ла Форт» под флагом контр-адмирала Феврие-Депуанта; 8 апреля – британский фрегат «Президент», флагман контр-адмирала Прайса, а 15 апреля – русский фрегат «Аврора». Весть о начале войны еще не достигла Кальяо, поэтому атаковать русских союзники не решились. 26 апреля «Аврора» беспрепятственно покинула рейд Кальяо и ушла к дальневосточным берегам России.

И только 7 мая 1854 г. «...пришел из Панама военный пароход “Вилаго” с известием, что объявлена война между Англией и Францией, с одной стороны, и Россией, с другой. <...> Приказы назначали судам, базирующимся в Вальпараисо, собраться на Маркизских островах <...>, а оттуда устремиться с полудюжиной фрегатов, чтобы атаковать их [т. е. русских] азиатскую штаб-квартиру в Петропавловском, в Камчатке. И мы надеемся в ближайшие шесть месяцев очистить эти моря от всякого русского флага», – пишет Паркер [2, р. XIX].

Когда 10 мая команде корабля зачитали объявление войны, «оно было встречено троекратным громогласным ура» [там же, р. XIX]. А 17 мая союзная эскадра – английские «Президент» и «Вилаго», французские «Ла Форт» и «Облигадо» – отправились к Маркизским островам, первой вехе 12 000-мильного перехода до Камчатки. «Воистину это Океан Дальних Плаваний [a station of long voyages]: подняв якорь, мы редко отдавали его ранее, чем через две тысячи миль!» [там же, р. XX], – отмечает Паркер (не ведая того, что русский фрегат «Аврора» проделает весь переход до Камчатки без заходов в гавани. – Авт.). На Маркизском острове Нуку-Ива офицеры знакомились с местной жизнью, собираясь вечерами в хижине главной жрицы в долине Тайоа-Вэлли. Здесь к эскадре примкнули три корвета – французские «Артемисия», «Эвридика» и английский «Амфитрита». 3 июля эскадра встала под паруса, а 17 июля пришла на Гавайские острова, в порт Гонолулу. (Между тем, уже 1 июля «Аврора» отдала якорь в Петропавловском порту – авт.)

Офицеры удостоились приема у гавайского короля Камеамеа III. Паркер отметил, что на Гавайях есть «все, чего можно пожелать... Эска-

дра подчистила продуктовые склады, взяв припасов для всех восьми кораблей на полгода вперед» [там же, р. XX]. (Восьмым кораблем стал подоспевший английский фрегат «Пик». – Авт.)

25 июля эскадра вышла из Гонолулу, все еще без определенности, какой корабль куда направится. «26 июля адмирал Депуант ясно дал понять адмиралу Прайсу, что не намерен следовать первоначальному плану идти в Петропавловск. Вместо того он желал отправиться в Сан-Франциско на своем флагмане “Ла Форт” вместе с “Амфитритой”, “Артемисией” и с бригом “Облигадо”. Прайс был недоволен, но поначалу согласился на предложение Депуанта» [4]. Но, полагая четыре британских корабля недостаточной силой для атаки Петропавловска, «Прайс решил пока отказать от похода на Камчатку и вместо этого двинуть оставшиеся четыре корабля на поиски русских военных судов и каперов у берегов Северной Америки и острова Ситха» [там же, р. 169].

Английские офицеры негодовали: ведь русские, по сведениям, засели в Петропавловске. Паркер с горечью писал в дневнике, что эскадра «упускает единственный шанс сослужить хоть какую службу» [там же, р. 158]. Кроме того, рассуждал Паркер, Ситха, хоть и севернее Петропавловска на 4°, судоходна всю зиму, а вход в Петропавловск преграждают льды. Если сразу атаковать Петропавловск, то на обратном пути можно будет зайти в Ситху и разом избавить оба порта от русских военных кораблей [там же, р. 159]. Если же отложить Петропавловск до следующего года, то и русские корабли ускользнут, и оборона усилится, что «затруднит захват этого места» [там же]. Паркер и другие офицеры, убежденные, что Прайс слишком легко уступил капризу Феврие-Депуанта, убедили своего адмирала надавить на француза.

30 июля английский флагман сигнализировал французскому, чтобы тот прислал офицера. В этот момент, как полагал Паркер, Депуант предугадал и предупредил намерение Прайса: послал на «Президент» офицера с предложением: «Форт» и «Облигадо» остаются с эскадрой и следуют в Петропавловск [там же, р. 160].

Таким образом, колебания Прайса объяснялись не только недостатком информации о местонахождении русской эскадры и не слабостью характера, но и непоследовательностью французского адмирала, не проявлявшего особой склонности сражаться. Такое поведение адмирала Феврие-Депуанта имело причиной

болезнь, физическую и психическую, повлекшую менее чем через год смерть [5].

Итак, решение принято, эскадра взяла курс на Петропавловск. Там они намеревались захватить либо уничтожить любое русское судно, которое застигнут в порту; а фрегаты «Аврора» и «Диана», которые они ожидали там найти, были самой желанной добычей. Когда это будет достигнуто, союзники полагали разрушить все батареи, губернаторский дом, казармы, склад и гауптвахту, чтобы исключить использование города в качестве военно-морской базы до конца войны [6].

30 июля «Артемисия» с «Амфитритой» поменяли значительную часть своих припасов на инвалидов и покинули эскадру, направившись к Сан-Франциско, тогда как остальные корабли взяли курс на Петропавловский порт. (Эти два корабля должны были патрулировать берега Калифорнии, где, по сведениям тамошних газет, видели фрегаты и каперские суда под русским флагом. Слухи оказались ложными – Авт.)

Капитан Паркер, повидавший четыре континента, вспоминает в дневнике, как был разочарован, когда получал назначение на «Президент» и думал: *«Я никогда не увижу Азию. В сколь малой мере мы можем предвидеть предстоящее; теперь же, когда и года не прошло после отплытия из Англии, я увижу не просто этот континент, а самые дальние его края»* [2, р. XX].

Три недели спустя, «на расстоянии всего 1000 миль» от Камчатки, Паркер адресовал супруге письмо с пожеланиями для сыновей. *«Если по прошествии лет, по их собственному влечению или иным образом, возникнет намерение отправить кого-либо из моих мальчиков на военную службу, я особенно желаю, чтобы они не шли по моим стопам. В Королевской морской пехоте нет места для проявления способностей или талантов, нет наград за отличия. Хотя мне в собственной карьере сравнительно повезло, выпало служить на хороших кораблях, все же в лучшем случае служба солдата на борту корабля – это постоянное самоотречение. Идеи и чувства, которые он естественным образом впитывает как солдат, постоянно вызывают возмущение, и больше, чем любой другой офицер, он чувствует себя скованно, неуютно... Поэтому я повторяю свое пожелание, чтобы ни Чарльз, ни Рональд не поступали в Королевскую морскую пехоту. К военному флоту у меня тоже нет симпатии – тут молодого человека в нежном возрасте ждут большие*

трудности; оказавшись на небольшом судне, он вместо образования всякий день и час слышит непристойные ругательства, отвратительные проклятия и богохульства, от чего молодой ум притупляется; сверх того, на флоте без влиятельных друзей продвижение по службе очень сомнительно, особенно после звания лейтенанта» [там же, р. XX].

(Королевские морские пехотинцы, они же «морские солдаты», в отличие от моряков носили не синие мундиры, а красные. На корабле исполняли функции полиции, даже размещались между офицерами и матросами, чтобы при необходимости защищать первых от вторых. «Ощущение скованности и неуютно», о чем пишет Паркер, говорит о том, что матросы морпехов недолюбливали, а морские офицеры не считали их вполне своими. – Авт.)

Еще неделю спустя наиболее предусмотрительные морские пехотинцы вручили на сохранение командиру (Паркеру) свои завещания и сбережения. Из-за холода и тумана были надежды шинели, корабль постепенно готовился к сражению, это укрепляло веру, что долгое плавание не обернется пустой тратой времени (В оригинале идиома «a wild goose chase» – «погоня за диким гусем». – Авт.) [там же].

28 августа появилась суша: *«горные хребты, покрытые снегом: колоколообразные конусы, пронзающие небо, и неровный скалистый берег... Более изрезанного и гористого побережья я никогда не видел»* [там же].

28 августа (17 августа по русскому календарю) пароход «Вираго» вошел в Авачинскую губу под флагом Соединенных Штатов и произвел рекогносцировку русских укреплений. Они оказались сильнее ожидаемого, поэтому атаковать сходу в тот же день, как того ждала воинственная молодежь, командиры воздержались. На другой день вся эскадра вошла в губу и стала на рейд вне досягаемости выстрелов. Несколько пушечных ядер с обеих сторон легли в море, только обозначив серьезность намерений. Командиры союзников собрались обсудить план атаки. Решили: флагманские фрегаты «Ла Форт» и «Президент» прежде всего сойдут к батарее № 1 на Сигнальном мысу, одновременно «Вираго» высадит десант во главе с капитаном Паркером южнее батареи № 4, что на Красном Яру, и возьмет ее пешей атакой. Когда эти две батареи замолчат, корабли смогут приблизиться и заняться другими батареями и фрегатом «Авророй». Операция должна была начаться на следующий день, 30 августа.

На следующее утро в семь часов «Вираго» принял на борт десант из 82 матросов, солдат и офицеров во главе с капитаном Паркером. После этого на «Вираго» поднялся адмирал Прайс, чтобы сказать Паркеру и всем морским пехотинцам несколько **«воодушевляющих слов»**. После чего пожал руку Паркеру и ушел [7]. Взяв на буксир три фрегата, «Вираго» начал было движение на позиции, как вдруг получил сигнал снова стать на якорь. И вскоре Паркер и его солдаты услышали, что адмирал Прайс застрелился.

Уныние омрачило обе эскадры, – пишет Паркер [там же]. Когда французскому адмиралу сообщили, что Прайс выстрелил в себя, тот заявил, что не будет продолжать атаку, куда Прайс еще жив, но план остается неизменным и завтра должен быть исполнен [8]. В пять часов пополудни контр-адмирал Дэвид Прайс скончался. Феврие-Депуант стал главнокомандующим; английский дивизион возглавил капитан Николсон, энергичный и честолюбивый баронет, командир фрегата «Пик».

Ранним утром 31 августа атака действительно возобновилась, и все сначала шло по плану. Фрегаты «Президент» и «Ла Форт» расположились так, чтобы поражать батарею № 1 продольным огнем целого борта, имея против себя только две русские пушки. В течение сорока минут батарея была приведена в неспособность действовать (повреждена и засыпана скальным щебнем). Фрегат «Пик» стрелял по батарее № 4 с предельного для своих пушек расстояния. Не причинив русским пушкам никакого вреда, сам схлопотал восемь попаданий, но без существенного ущерба.

В 10.10 гребные суда с парохода «Вираго» высадили десант под командой капитана Паркера **общим числом около 160 человек** в ¼ мили к югу от Красного Яра [9]. (Это вне видимости с батареей. – Авт.). Теперь следовало обойти батарею с тыла, десантники принялись взбираться по крутому заросшему склону. Однако, рассказывает Паркер, **«авангард продвигался так медленно, что я сам пробрался в первые ряды и увидел, что они уперлись в непроходимый кустарник высотой от восьми до двенадцати футов, который характерен для всей местности на многие мили вокруг»** [2, р. XX]. Справедливо рассудив, что большой отряд попросту завязнет в стланиках и упустит время, капитан принял другое решение – приблизиться к Красному Яру (Красный Яр – крутой холм близ нынешней улицы Красная Соп-

ка, где располагается ГСК 85, ул. Кольцевая, 23. – Авт.), обойдя скалу берегом (над этой скалой ныне проходит ул. Охотская. – Авт.). Розалин Паркер-Арт пишет: **«Чарльз Паркер, ведя людей, соскользнул по склону утеса, пробрел берегом и зашел с тыла на крутой холм, на котором располагалась батарея из трех орудий»** [там же, р. XXI]. Сверяясь с местностью и картами, мы видим, что обойти Красный Яр с тыла Паркер мог, поднявшись вверх по руслу ручья Гремучки.

Русскую батарею англичане и французы нашли оставленной. Командир мичман Попов приказал подчиненным (28 человек) заклепать пушки и покинуть батарею, забрав порох.

В 11 часов, под крики «ура» и ружейные выстрелы, над батареей был поднят французский флаг. Десантники принялись рубить топорами пушечные станки и канаты; одну из пушек удалось сбросить с Красного Яра. После этого капитан Паркер и его морские пехотинцы **направились на север, к городу; но приблизились к нему не настолько, чтобы оказаться в досягаемости орудий «Авроры»** [10, р. 182]. Однако, как заметил Паркер, главная цель десанта, **«11-пушечная батарея, находилась прямо перед дулами «Авроры»**» [2, р. XXI]. (Батарея № 2 по русской нумерации, под командованием лейтенанта Дмитрия МаксUTOва, располагалась в основании песчаной косы, на месте нынешнего морского вокзала. – Авт.).

Из города и с фрегата на освобождение Красного Яра выдвинулись русские стрелковые партии. Одновременно с тем в подкрепление Паркеру с кораблей были направлены еще 150 человек. Теперь под его началом состояло **«более 300 человек»** [10, р. 182]. Паркер был уверен, что с этими силами сумел бы **«удержать занятую позицию против любых сил, которые могли выдвинуться из города»** [там же]. Он действительно указывает, что показалась группа русских, но, встреченная ружейным огнем, укрылась за деревьями и не приближалась.

Паркер ждал, когда фрегаты приблизятся к городу, вступят в бой с «Авророй», отвлекая на себя ее пушки [там же, р. 183]. Тогда десанту **«не составило бы трудности пойти и занять 11-пушечную батарею»** [там же, р. 182].

Но ближе к полудню к Паркеру на шлюпке прибыл офицер с приказом – не к наступлению, а к возвращению на корабли. Паркеру приказ казался *странным* [там же, р. 37]. Лейтенант Палмер, участвовавший в высадке, видел объяснение в том, что «приближающееся подкрепление [русских] нам было не по зубам»

[11, с. 205]. Вдумчивый американский историк Эндрю Рат комментирует этот момент так: «Паркер не знал, что в действительности капитан Николсон потребовал отозвать десант, чтобы залатать опасное повреждение ниже ватерлинии “Вираго”» [12, р. 130]. Но нет, пароход «Вираго» получил пробоину позже, когда прикрывал возвращение десанта [9, с. 112] и подставился пушкам фрегата «Авроры», после чего был вынужден ретироваться под защиту Сигнального мыса и заняться починкой.

В 12.25 шлюпки с десантом вернулись на свои корабли. *Здесь Паркер узнал, что отозвали их всего лишь на обед, а когда люди поедят, им предстоит повторная высадка и захват 11-пушечной батареи под прикрытием эскадры, которая свяжет боем «Аврору»* [13, р. 183].

Но самой вероятной причиной для отзыва десанта стало разногласие в командовании союзной эскадры. Отзыву предшествовал (в 11.30) визит капитана Николсона на «Ла-Форт», к адмиралу Феврие-Депуанту [9, с. 112]. Адмирал был недоволен тем, что английские союзники недостаточно его поддерживают, основную работу делает и все потери несет «Ла-Форт». После обеда фрегаты возобновили бомбардировку 11-пушечной батареи, но так и не выходя на дуэль с «Авророй». Повторная высадка не состоялась, через несколько часов Феврие-Депуант укрепился во мнении, что англичане намерены купить победу французской кровью и скомандовал прекращение атаки [14, с. 112].

Чарльз Паркер пишет: *«Французскому адмиралу это надоело, и он с этого момента решил больше в бой не вступать, сказав, что согласно его инструкциям он прибыл сюда лишь затем, чтобы провести рекогносцировку, что она проведена, и что больше ничего не остается, кроме как ждать подхода к нам китайских эскадр. Он также утверждал, что ущерб, который получит эскадра при атаке батарей с близкого расстояния и открытии борта русского фрегата... будет больше выгоды взятия этого города»* [15, р. 184].

Еще раз вчитаемся в слова Феврие-Депуанта, переданные Паркером: *ущерб, который получит эскадра при атаке батарей с близкого расстояния и открытии борта русского фрегата будет больше выгоды взятия этого города*. Это не каприз больного старика, а взвешенный прогноз опытного флотоводца. Несомненно, такой риск ясно видел и адмирал Прайс, но его инструкции и его долг британского адмирала не позволяли увести эскадру без

штурма любой ценой. Смерть Прайса давала шанс сберечь корабли и десятки жизней.

Горячим молодым офицерам, английским и французским, казалось, что это отступление за полшага до победы. Так считал и храбрый капитан Чарльз Паркер, которому *«не составило бы трудности пойти и занять 11-пушечную батарею»*. Поддерживает своего предка и Роберт Паркер, автор диссертации. *«Если трехсотенный отряд ворвется на 11-пушечную батарею одновременно с тем как корабли окажутся в огневой досягаемости “Авроры”, то батарея, скорее всего, будет взята раньше, чем причинит серьезный урон эскадре. А тогда уж все силы и кораблей, и десанта обратятся на “Аврору”*. Эта возможность полностью игнорирована во всех отчетах о Петропавловском сражении», – пишет Роберт [13, р. 38].

Насколько оправдана была уверенность капитана Чарльза Паркера? Красный Яр он взял без боя и, возможно, полагал, что русские и дальше уступят ему дорогу. Но они бы не уступили; десантникам пришлось бы продвигаться с боем через стланики, болотистую дельту речки Поганки и через кладбище, либо же по галечному берегу, на виду пушек «Авроры» и «Двины». Такое сражение состоялось четыре дня спустя и завершилось разгромом англо-французского десанта.

На следующий день, 21 августа/1 сентября препирательства Николсона и Феврие-Депуанта продолжились. *Николсон всеми возможными средствами призывал к возобновлению атаки* [15, р. 185].

В тот же день пароход «Вираго» ходил в Тарьинскую бухту, чтобы предать земле тело адмирала Дэвида Прайса. Также пароход должен был запастись водой и дровами.

Заметив людей на другом участке берега, капитан Паркер и командер Коннолли отправились на баркасе с «Вираго» для выяснения. Обнаружилось девять человек дезертиров с китобойных судов; двое из них, пруссак и американец, были приглашены на борт «Президента» [2, р. XXII].

Вечером капитан Паркер обдумывал новый план атаки, который намеревался представить своему начальству на следующий день. Он предлагал *«поставить “Пик” в 400 ярдах от 11-пушечной батареи; “Президент” и “Форт” – бортом против борта “Авроры”; “Эвридик” поручить батарею № 3, а “Облигадо” – обстреливать батарею № 1, если та будет исправлена и сможет возобновить огонь. Тем*

временем *“Вираго”* высадит всех морских пехотинцев и французских стрелков в месте, откуда можно будет двинуться на 11-пушечную батарею» [16, р. 187]. План, таким образом, предполагал развить и довести до завершения успех первого дня, более эффективно используя все корабли. Хотя адмирал Демуант уже ясно выразил свое отношение к идее лобовой атаки, и Николсон прекрасно понимал, что шансов неубедить его мало [2, р. 187].

Однако американские китобойцы, встреченные во время похорон адмирала Прайса, полагали, что город можно взять силами большого десанта, зайдя с тыла. Когда 22 августа/2 сентября Паркер отправился представлять свой план атаки Николсону, он застал британского командующего за обсуждением возможности такой атаки с американцами и остальными британскими командирами. Паркеру сказали, что за два часа пешим маршем по холмам за Петропавловском можно попасть в лоцину, ведущую прямо в тыл города [17]. На вопрос, можно ли, по его мнению, захватить город силами 700 человек, Паркер ответил: *Нет никаких военных трудностей при взятии города с тыла, кроме возможности провести войско через кустарники; если устранить эту проблему, то это можно сделать* [18]. Американцы заверили, что с обратной стороны холма кустарники расчищены, травы невысоки и во многих местах есть хорошие тропы [19].

Эта беседа Паркера, Николсона и американцев удивляет и заставляет усомниться в правильности перевода (поэтому в сносках даны цитаты в оригинале). Получается, что сойдя на берег, десантникам нужно два часа идти по сопкам, чтобы достигнуть города, а потом штурмовать город! И капитан Паркер подтверждает выполнимость такого марша с оговоркой, если не воспрепятствуют кустарники (т. е. заросли стлаников, с какими он уже столкнулся при первой высадке). Но американцы не отвечают на вопрос, есть ли кустарники по ходу следования по холмам. Они лишь сообщают, что там имеются тропы, местами хорошие; а кустарники вырублены с обратной стороны холма (Никольской сопки), то есть на задворках городка, где были огороды и паслись коровы. Хотя и это обстоятельство немаловажное, ведь если войско действительно войдет в город, ему нужен простор для построения и ведения боевых действий.

(Розалин Паркер-Арт в параллельном фрагменте сообщает без подробностей, что аме-

риканские китобойцы «...указали на карте незащищенную дорогу, по которой можно наступать шеренгой по трое») [2, р. XXII].

Роберт Паркер отмечает, что капитан Николсон предпочел бы возобновить атаку входа в гавань кораблями, а на десантный штурм с тыла решился только за отсутствием другой возможности переломить упрямство Феврие-Демуанта. *«Недостатком этого плана было то, что превосходство эскадры в калибрах не могло бы сыграть значительной роли в бою, так как марш десанта пролегал вне видимости с моря. Другой фактор – людей за время плавания в Тихом океане мало готовили к подобным действиям. В дневниках Прайса и Паркера упоминаются только упражнения по стрельбе по мишеням, никакой специальной подготовки к такой миссии нет»* [20]. Но дневники других участников плавания эскадры (Дж. Н. Дика, Р. Керре) рассказывают о десантных учениях команд. Мичман Н. Фесун, описывая наблюдения за англичанами и французами при встрече в Калье, сообщает: *«Учения артиллерийские, свозы десантов, примерные высадки производились каждый день, по нескольку раз»* [21]. И возможная численность десанта в 700 человек была определена еще до прихода эскадры к берегам Камчатки, составлены повзводные списки, назначены командиры, снаряжены патроны и пр. [22]. О какой другой спецподготовке речь?

Итак, капитан Николсон ухватился за идею десантного штурма города с тыла (с севера) и с этим предложением отправился к адмиралу Феврие-Демуанту. Паркер присутствовал при разговоре и описал его в дневнике: *французский адмирал пребывал «в сильном возбуждении, совершенно не в состоянии спокойно обсуждать дело и выискивал в своих инструкциях любую возможную лазейку, с помощью которой он мог бы отказаться от всего предприятия, цепляясь за одну мысль, что он должен только произвести рекогносцировку, а затем ждать воссоединения с индийскими эскадрами»* [20, р. 188]. (Слова французского адмирала об индийских/китайских эскадрах отражают путаницу в его сознании. В 1854 г. суда этих эскадр в действиях против России не участвовали. – Авт.)

Николсон не отступался, в итоге адмирал приказал ему представить свой план в письменном виде, *но решительное нежелание сражаться со стороны адмирала было совершенно очевидным* [там же]. Препирательства

Николсона и Феврие-Депуанта продолжились в виде обмена посланиями. Адмирал упирал на то, что долг эскадры – крейсерство с целью перехвата других русских фрегатов, предполагаемых поблизости, а не сомнительная высадка, которая может ослабить эскадру до неспособности противостоять русским [23].

22 августа/2 сентября, перед тем, как лечь спать, Паркер записал, что хотя французский адмирал **решиительно против сражения, и хотя им даны два окончательных ответа, переговоры вновь открыты, ибо сэр Фредерик послал очень убедительное изложение дела и пока не считает вопрос решенным** [24]. Николсон повернул вопрос так, что отказ от дальнейших попыток при наличии верного шанса запятнает оба национальных флага, и вина за это ляжет на французов [25].

Обессиленный адмирал отписал Николсону на следующий день с вопросами: каковы будут выгоды при успехе высадки, и какие он ждет потери? Николсон ответил, что, по его мнению, некоторые потери обязательно будут, но конечным результатом будет успех. Оборона города будет разрушена, «Аврора» потоплена либо захвачена, взяты «важные пленные», а само место станет непригодно для базирования других русских фрегатов [24]. Тогда Феврие-Депуант согласился вынести решение о высадке на военный совет, где проголосуют все командиры кораблей, а Николсон приказал Паркеру разработать и представить план завтрашней атаки. Вот он в изложении Роберта Паркера:

«План объединял силу из 700 моряков и морских пехотинцев, по 350 человек от каждой нации. Восемью ротами они в 4 часа утра должны были высадиться в полутора милях правее батареи № 5 (батарея на Озерновской косе, «у рыбного сарая», обозначенная в рапорте В. С. Завойко под № 7. У некоторых русских авторов (Л. Илляшевич, Б. Звонарев) также числится под № 5. Нумерация других батарей в диссертации Р. Паркера совпадает с русской, она явно не из дневника. – Авт.), что на правом краю русских позиций. Под «правым краем русских позиций» (the extreme right of the Russian positions. – Авт.) Р. Паркер понимает северную оконечность Никольской сопки, значит «правее» – севернее. Соответственно, о батарее Красного Яра Р. Паркер говорит, что она располагалась на левом краю русских позиций (on the far left of the Russian positions. – Авт.). Затем войско должно было двинуться к городу путем, предложенным американцами, оставляя с правого фланга

от себя озеро, которое должно было прикрыть их марш. К 7 часам бойцы достигли бы холма прямо позади города. Отсюда две роты должны были спуститься с холма и двинуться маршем на 1-ю и 3-ю батареи. В то же время четыре роты должны были взять штурмом батарею № 6 и продвигаться прямо в тыл Петропавловска с одновременным наступлением двух рот справа от них. Затем одна рота займет губернаторский дом, а три других – 11-пушечную батарею. Две роты останутся в резерве. После того, как все батареи будут взяты, войско должно было отойти на холм, открыть ружейный огонь по «Авроре» и ждать, пока к атаке присоединятся корабли. Этот план был одобрен всеми британскими офицерами» [там же, р. 189].

Диссертант Роберт Паркер полагает, что план его храброго предка мог бы привести к успеху, кабы не французы. «Однако на военном совете, состоявшемся на борту «Форта», французы внесли значительные изменения в предложение Паркера. Вместо высадки 700 человек в полутора милях правее батареи № 5 они решили высадить десант рядом с этой батареей, под прикрытием огня «Ла Форта», в то время как «Президент» вступит в бой с батареей № 3. После захвата пляжа цель будет все та же: бойцы должны вывести из строя батареи и взять город с тыла. <...> По новому плану бойцов ждало куда большее сопротивление. Чтобы взять батареи № 1 и № 3, людям следовало прежде подняться на крутой холм (Никольскую сопку), высший над берегом. А по изначальному плану Паркера они бы просто спустились с холма сзади города (т. е. с Петровской сопки. – Авт.) и получили путь к этим батареям по дороге, идущей вдоль подножья восточного склона Никольской сопки.

Точно так же роты, которые должны были наступать на город, теперь имели гораздо более сложный маршрут, для достижения своей цели они теперь должны были преодолеть теснину между северным склоном Никольской сопки и озером, защищенную сверху батареей № 6. Тогда как при подходе к городу сзади бойцы могли бы обойти эту батарею с фланга или, по крайней мере, атаковать ее с возвышенности.

Кроме того, если первоначально предложенный американцами маршрут к городу был достаточно ясным и имел различные тропы, новый план предусматривал восхождение на «крутой холм, покрытый густыми джунглями». Французы, помимо прочего, отказались атаковать рано утром. Вместо того, чтобы высадиться в четыре часа утра и двинуться на го-

род под покровом темноты, французы решили начать атаку примерно в семь. Для союзников это означало потерять элемент неожиданности, поскольку все их маневры будут проходить прямо перед русскими позициями средь бела дня» [26, р. 45–46].

К сожалению, дневник Чарльза Паркера в пересказе Роберта Паркера – единственный источник, который сообщает нам о существовании такого плана. А все же попробуем его проанализировать.

Предлагаемая точка высадки десанта – 1,5 морские мили, то есть примерно 2,8 км к северу от Никольского холма. Это бух. Сероглазка, где жили семьи казаков. Оттуда колонной по трое 700 вооруженных человек должны были дойти до Култучного озера и обогнуть его по часовой стрелке, следуя подножьями сопки Мишенной и Петровской. Действительно, тропа вокруг озера существовала и до 1851 г. была единственной дорогой из города в селения Сероглазка и Авача, покуда В. С. Завойко не приказал проложить новую проезжую дорогу по Озерновской косе [27].

Култучное озеро в ту пору было больше, заливая нынешние пространства площади В. И. Ленина и стадиона «Спартак», а в дальней оконечности его (култуке) стояло небольшое селение Култук. Карт озера XIX в. у нас нет, не было их и у англичан и французов. По нынешним дорогам протяженность предполагаемого маршрута – около 5 км. Но тропа – не шоссе, она извилиста, бугриста, имеет спуски и подъемы, пересекает ручьи и овраги. Семи сотням моряков, непривычным к пешим маршам, обремененным ружьями, саблями, ранцами, патронными сумками, будут нужны передышки, тем более после бессонной ночи. Обязательно следует учитывать и так называемое «трение войны» – сумму непредвидимых задержек и препятствий.

«Элемент неожиданности» совершенно невозможен. Все перемещения кораблей неприятеля отслеживались русскими дозорными неуспешно. Сама колонна была бы из города видна и слышна, тревожа птиц и собак. Гарнизон успел бы изготавиться к встрече неприятеля.

Другую выгоду кругоозерного марша Роберт видит в возможности обхода батареи № 6 (Озерной).

Что представляла собой эта батарея? По сведениям В. С. Завойко, К. И. Мровинского и Н. А. Фесуна, «укрепления эти существовали в Петропавловске с давних времен» [28], и на момент подхода англо-французской эскадры

имели медных «6 пушек 6-ти фунтовых на северной стороне Петропавловска против озера между горами Никольской и Мишенной» [29], «чуть ли еще не павловских времен и едва годных для дела; не только батарея не была замкнутой, но перед ней не имелось даже бруствера; орудия стояли просто на земле» [21]. В таком виде и застали батарею американские китобойцы, так и описали англичанам и французам. Капитан Паркер мог рассчитывать, что его десантники сумеют избежать огня этих орудий, обойдя батарею по склону Петровской сопки (*холма прямо позади города*).

Но над озером склон Петровской сопки все не был расчищен от зарослей, и пробраться через березняки и стланики было бы затруднительно и одному человеку, а не то что значительному войску. (В этом и ныне может убедиться любой, кто поднимется на сопку и сойдет с тропы. – *Авт.*) А войти в город по дороге помешала бы сама батарея. Ведь она усилиями защитников сильно изменилась буквально за последние дни.

«В то время, когда неприятель уже стоял на большом рейде, под орудия этой батареи были сделаны платформы, и находившиеся на ней старые медные 6-фунтовые пушки заменены новыми чугунными 18-фунтовыми, снятыми с военного транспорта “Двина”. <...> Во время же осады, <...> если выдавалось свободных два или три часа в сутки, то это время употреблялось на <...> устройство баррикад по обеим сторонам батареи № 6. Баррикады устраивались из мешков с мукою (по неимению холста и времени готовить земляные мешки) и вооружались 6-фунтовыми орудиями, действовавшими через амбразуры; между орудиями устраивались бойницы для стрелков. Баррикады обносились рвами» [28].

Расположение батареи по обе стороны ручья, впадавшего в озеро, позволило бы развернуть орудия в сторону десанта, наступающего по дороге от Култука (по ходу нынешней улицы Набережной. – *Авт.*).

Всех этих пагубных обстоятельств не мог знать и учесть капитан Чарльз Паркер, составляя свой план, не знает их и диссертант Роберт Паркер.

Роберт сетует, что «Депуант изменил план атаки Паркера». Да, вероятно, Феврие-Депуант не одобрил идею кругоозерного марша, но и Николсон не настаивал. Решение было принято совместно.

Розалин Паркер-Арт пишет несколько иначе: «План капитана Паркера был изменен командиром “Эвридики” де Ла Грандьером, ко-

торый был **“формально старшим из командиров”**. Паркер согласился, хотя измененный план предполагал более сильное сопротивление, ибо илюпки должны были высадить людей ближе к городу, у <...> батареи в подножье крутой Никольской сопки, заросшей кустарником. Местность будет более сложной, но, поскольку от плана высадки до рассвета отказались, то и сюрпризов не предполагалось» [2, р. XXII].

Но пусть скажет сам Пьер-Поль-Мари де Ла Грандьер [31], командир корвета «Эвридика» и один из трех главных командиров десанта, вот его рапорт Феврие-Депуанту от 5 сентября 1854 г.: «Адмирал, в воскресенье третьего сентября, создав командиров французских кораблей, Вы сообщили им решение, которое приняли совместно с командующим силами Ее Британского Величества г-ном Николсоном: разрушить форты в середине (Батарея № 3, Перешеечная. – *Авт.*) и на севере Петропавловского полуострова (Батарея № 7 на Озерновской косе. Под «Петропавловским полуостровом» подразумевается совокупность Сигнальной и Никольской сопки. – *Авт.*), произвести десант на этой последней батарее, заклепать пушки, затем двинуться с десантными отрядами на высоту, господствующую над городом, и взять с тыла батарею, защищающую вход в порт (Батарею № 1, Кошечную. – *Авт.*). Будучи назначен командовать французской колонной, составленной из команд «Ла-Форты», «Эвридики» и «Облигадо», имею честь направить Вам сей рапорт об этой экспедиции.

Согласно Вашим приказам, я должен был согласовать действия с командиром фрегата «Президент» Барриджем, назначенным командовать английской колонной. Поскольку главный план был утвержден в Вашем присутствии, основанный на указаниях двух американцев, утверждавших, что точно знают места, нам осталось только проработать детали высадки. Замысел был следующий...» [22, р. 177–180].

Продолжение рапорта будет ниже, а пока вернемся к Чарлзу Паркеру. В ночь перед высадкой он записал в дневник свои последние слова: **«В этот вечер утешаюсь чтением 18 псалма»** [2, р. XXIII]. «Difgam te, Domine...» – в славянской Псалтыри 17-й псалом Давида. *«Возлюблю тебя, Господи, крепость моя! Господь – твердыня моя и прибежище мое, Избавитель мой, Бог мой, – скала моя; на Него я уповаю; щит мой, рог спасения моего и убежище мое. Призову достопоклоняемого Господа и от врагов моих спасусь. Объяли меня муки смертные, и потоки беззакон-*

ния устрашили меня; цепи ада облегли меня, и сети смерти опутали меня...» И Бог помогает Давиду: *«Я преследую врагов моих и настигаю их, и не возвращаюсь, доколе не истреблю их; поражаю их, и они не могут встать, падают под ноги мои, ибо Ты препоясал меня силою для войны и низложил под ноги мои восставших на меня; Ты обратил ко мне тыл врагов моих, и я истребляю ненавидящих меня: они вопиют, но нет спасающего; ко Господу, – но Он не внимлет им; я рассеваю их, как прах пред лицом ветра, как уличную грязь попираю их»*.

События следующего дня покажут, на чьей стороне Господь.

Рано утром 4 сентября Чарльз Паркер **«надел новую форму и на шутки сослуживцев отвечал: “Я иду на смерть, так имею право умереть в лучшей одежде”»** [2], (цитата, вероятно, из письма сослуживцев Паркера его семье. – *Авт.*).

В этот день Чарльз Паркер погиб.

Продолжим рапорт французского капитана де Ла Грандьера.

«...Замысел был следующий: отряд морской пехоты поднимется на высоту тропинкой справа от Северной (батареи № 7. – *Авт.*) батареи; французские стрелки под командой г-на лейтенанта де Лакомба незамедлительно последуют той же тропинкой; отряды «Ла Форты» и «Эвридики» под моей командой должны занять обратную сторону горы слева; отряды «Президента» и «Пика», руководимые капитаном Барриджем, должны следовать по стопам английских пехотинцев и наших стрелков. Наконец, отрядам «Облигадо» и «Вилаго», в отличие от остальных, предполагалось взбираться по обрыву в первом же доступном месте. (Отряд из команд «Облигадо» и «Вилаго» от места высадки направился по пляжу в южном направлении и поднялся на сопку, не доходя Лаперузова перешейка. – *Авт.*). Таким образом, мы должны были прибыть на вершину холма тремя различными дорогами, оттуда взять городскую батарею (неясно, о какой батарее речь.

На плане де Ла Грандьера обозначены две «городских» (de la ville) батареи, из которых «1-я» соответствует русской батарее № 5 (нынешний адрес ул. Ленинская, 36), а «2-я» помещена на склоне Петровской сопки (в действительности не существовала). Но возможно, здесь подразумевается батарея № 6, Озерная, взятие которой стояло среди первых задач. – *Авт.*) с тыла и удержать эту позицию. Наиболее четкие рекомендации были прописаны по двум пунктам: вперед двигаться только при уверен-

ности в успехе и друг от друга не отрываться. Наш план был передан Вам в три часа пополудни, равно как и капитану Николсону.

В четыре часа утра десантные отряды были взяты на “Вираго”, и она отбуксировала “Президент” и “Ла Форт” по местам напротив фортов, с которыми эти фрегаты должны были сражаться. Как только огонь батареи, перед которой мы должны были высадиться на берег, был подавлен, мы высадились и построились в назначенном порядке. Затем мы двинулись на форт, который спешно эвакуировался и который мы заклепали и вывели из строя.

Я искал дорогу, которую указали информаторы, а находил только гору, обрезанную почти вертикально, с колючим кустарником между камней и густой лесной порослью на склоне. Рассудив, что продвигаться правильным строем на подобной местности мы не сможем, я послал моего адъютанта, г. Лефевра, предупредить капитана Барриджа и просить его отвести свою часть войска, чтобы поменять наш план наступления. Но дойти Лефевру не удалось, а огонь на левом фланге (т. е. у озера. – Авт.) усиливался. Дальнейшие колебания были неуместны, мы не могли оставить наших союзников и наших стрелков. Посему я приказал французской колонне взбираться вверх, не считаясь с трудностью, и направляться к точке, где наши силы должны были встретиться. Мы изгнали русских на склоне, обращенном к городу, но вскоре наши отряды, лишённые возможности что-то разглядеть, принялись стрелять туда, откуда летели пули, возможно, по красным мундирам англичан, которые походили на одежды русских. Эта ошибка, вероятно, убедила наших союзников, будто враг у них и сзади и спереди, и они стали отстреливаться в обе стороны. Английские солдаты, потеряв своего капитана и видя, как ранены их два лейтенанта, попятись от нас. Те же, кто шел за нами, потеряли из виду свою колонну; пули, миновавшие нас, доставались им, они в ответ стреляли вперед, часто по своим товарищам. Пальба слышалась повсюду. Мы приближались к гребню горы и уже видели городские амбары, за которыми укрывались русские, когда я услышал, что справа люди с “Эвридики” кричат: “В штыки!” Я велел снова бить сигнал атаки и повел людей, которые у меня оставались, туда, откуда исходил призыв. Но там мы нашли только раненых французов и русские трупы. Мы еще были хозяевами положения, под прикрытием деревьев и отделенные ложбиной, но имели перед собой более значи-

тельную силу противника. А вскоре заметили шлюпки, возвращающиеся на борт “Вираго” с английскими солдатами и матросами. Нас обстреливали с трех сторон. Офицеры советовали мне во избежание худшего дать сигнал к отступлению, что происходило уже повсюду. Больше не было шанса войскам собраться и удержаться в этом месте. Трудности местности лишили нас возможности действовать.

Я голосом отдал распоряжение отходить, раненые были вынесены, и все те, кто мог услышать, спустились теми же тропами, что проложили при подъеме. Вернувшись на пляж, я встретил командира “Президента”, и мы условились задержаться на некоторое время, чтобы прикрывать подход отставшим. По нам велся огонь с горы, которую мы только что оставили, и русскими, появившимися на дороге от городской батареи. Мы укрылись за фортом, пушки которого были нами заклепаны, и держались так минут пятнадцать, но поскольку никто больше к нам не подоспел, капитан Барридж и я дали приказ грузиться, что благополучно и было сделано.

Я не буду снова указывать на главный факт – неверные сведения, обрекшие нас на непреодолимые препятствия. Я не мог видеть движение отрядов, за исключением группы людей с “Ла Форт” и “Эвридики”, с которыми я поднимался по горе; я представляю Вашим глазам также доклады командиров отрядов, которые доказывают, что мы имели превосходство везде, где местность это позволила (но что было невозможно бороться с врагом, отделенным от нас неприступными скалами), так как мы легко изгнали русских, а многочисленные найденные трупы свидетельствуют, что они понесли значительные потери. Обе имевшие место штыковые стычки закончились с нашим преимуществом.

Результата, на который Вы рассчитывали, полностью достичь не удалось. Мы разрушили только береговые батареи, а батареи города могли бы взять, только удерживая высоту всеми объединившимися отрядами. Наше отступление, произведенное в порядке и без панической поспешности, хотя и под огнем всех русских сил, свидетельствует о мужестве и стойкости наших матросов и о страхе, который они внушали врагу. Я видел много примеров отваги... С такими смелыми, такими устремленными людьми мы могли бы выполнить вторую часть Вашего плана, если бы знали условия, в которых придется действовать.

Мы вынуждены сожалеть о потере нескольких блестящих офицеров. Мой адъютант,

лейтенант Лефевр, был поражен тремя пулями, когда, идя от меня с приказом, он оказался перед группой русских, в которых помедлил стрелять, принимая по одежде за англичан. Последний крик его был: “В штыки, мои друзья!” За эту смерть отомстили люди, его сопровождавшие. Г-н Бурассе, лейтенант с “Эвридики”, ответственный за гребные суда, был поражен пулей в шею, когда причаливал к берегу, чтобы погрузить раненых. Г-н Жикель де Туш, мичман с “Облигадо”, получил пулю в грудь, идя на соединение с центром колонны. Из офицеров были ранены г-н де Лакомб с “Эвридики”, пулей в бедро, г-н Жикель де Туш, мичман с “Эвридики”, пулей в голову, г-н де Журнель, мичман с “Облигадо”, легкое пулевое ранение в бедро. Прилагаю список убитых и раненных офицеров и матросов. Потери достигают четверти бойцов. Нам противостояли силы, превосходящие вдвое.

Мне остается, Адмирал, просить Вас рекомендовать к благосклонности Императора офицеров и моряков, чей список присоединен к рапортам. Они вели себя с отвагой в атаке и хладнокровием в отступлении, которое благодаря этому стоило нам меньших потерь. Их поведение вызвало восхищение у английских офицеров. Вы заслужили славу – справедливо, что они получают награды.

С глубоким почтением, Адмирал, ваш покорный слуга, капитан П. де Ла Грандьер».

Понимая горечь разбитого командира, никак нельзя согласиться с оправданиями, что, якобы, победили французов и англичан только «трудности местности», а не умелое командование и отвага защитников города. Оборона взяла верх над агрессией, и не числом, не вооружением, а силой духа.

Гибель капитана Паркера стала одним из моментов, определивших победу русских героев. Место его смерти, гребень Никольской сопки, британский лейтенант Джордж Палмер отметил крестиком на плане сражения. Палмер единственный очевидец, описавший этот момент.

«Мы заняли гребень... – пишет Палмер, – пробились к вершине холма, и тут справа от меня был застрелен морской пехотинец, мне же удалось пройти немного дальше, откуда было видно только семь или восемь человек – настолько холм был крут и столь плотно покрыт кустарником. Прямо в этот момент выстрел прошил сердце капитана Паркера. Бедняга, он оставил молодую жену и четырех детей. Я не-

медленно приказал морским пехотинцам выйти из боя и спустить его с холма к лекарям. Ни один из нашей партии, что была со мной на вершине холма, не ушел невредимым» [11, с. 207].

«Беднягу Паркера видели некоторые непосредственно перед тем, как я подошел к нему, – он срубил русскому голову одним ударом кортика» [там же].

«Два морских пехотинца, пытавшихся вынести тело командира из боя, не смогли это сделать, будучи ранены сами».

Те же, кто не видел сам смерти Паркера, пишут о ней по-разному.

Французский судовой врач Анри Геро утверждает, что английский капитан морской пехоты Паркер упал замертво, пораженный пулей в лоб [32, с. 197].

«Паркер, капитан морской пехоты, убит выстрелом из жалкой полевой пушечки», – пишет Джордж Инскип, штурман с британского парохода «Вираго». «Могу сказать, он был жизнью, душой и вожаком отряда» [33, р. 217].

«Ни о ком нельзя сожалеть более, чем о капитане Паркере. Он был отличным солдатом и честью корпуса», – капитан Ричард Барридж [11, с. 194].

«В числе убитых капитан морской пехоты Паркер, очень храбрый человек», – Эдмунд Снейд Гроув, штурман фрегата «Пик» [9, с. 111].

«Отважный, но безрассудный капитан Паркер был поражен насмерть», – Аман Мериадек де Миньяк, командир фрегата «Ла Фор» [22, р. 178].

Рассказы о смерти Паркера с русской стороны находим только в мемуарах.

«Рекрут 47 флотского экипажа, невидный собою, Сунцов был отправлен в дело. Когда подползли к неприятелю, он просил боцмана показать, где неприятельский офицер. Боцман ему указал. Сунцов выскочил вперед и заколол офицера: то был командир всего неприятельского десанта. Сунцов получил по статуту Георгиевский крест, а от убитого неприятельского офицера достались ему труба и золотые часы. Когда я призвал Сунцова и спросил, как он это сделал, он отвечал: “Я слышал, за что Георгиевским крестом награждаются, и пожелал умереть или заслужить крест”» [34, с. 8]. (Автор рассказа, наиболее вероятно, В. С. Завойко. – Авт.)

«Из этой партии [мичмана Михайлова] солдат Сибирского батальона Сунцов подполз из-под горы и пулю прострелил – из-под бороды в череп – голову английского лейтенанта Паркера», – капитан 1-го ранга А. П. Арбузов [35, с. 82].

«Сунцов тихо подкрался к возвышению, на котором красовался щегольски одетый Паркер, выстрелил, и пуля, пройдя чрез подбородок в затылок, мгновенно прекратив жизнь этого офицера, оставя лишь улыбку на помертвевшем, но прекрасном лице его», – А. П. Арбузов [36, с. 167].

«Возвратясь к погребу, я присутствовал там при похоронах – своих и неприятелей. Здесь на сорочке убитого английского предводителя нашли надпись “Parker”, а в кармане – состав высаженного десанта, афишку из театра Франциско в Калифорнии об опере “Эрнани” и пометку на ней карандашом: “N’oubliez pas de prendre dix paires de bracelets”», – А. П. Арбузов [35, с. 84].

(В Сан-Франциско в ту пору действительно с успехом шла опера Дж. Верди «Эрнани». Капитан Паркер не успел побывать в Сан-Франциско, но, видимо, намеревался. – *Авт.*)

«На белье одного из офицеров была метка “Паркер”, наружность и одежда его показывали, что он принадлежит к хорошей фамилии. На следующий год от офицеров неприятельской эскадры узнали, что Паркер оставил после себя жену и пять человек детей... Жестокая судьба!», – Ю. Е. Завойко [37]. (Сочувствует Юлия Егоровна, разумеется, не самому неприятельскому офицеру, а его семье. Сироты не остались без попечения, их воспитал дедушка, почти ослепший, но бодрый отставной офицер. Благодаря этому род Паркеров продолжается донныне. – *Авт.*)

В 1855 г. французский морской офицер Жикель-Детуш обратился к российским дипломатам для розыска своего брата, мичмана с брига «Облигадо», потерянного при атаке Петропавловского порта. Запрос был препровожден контр-адмиралу В. С. Завойко. «Камчатский военный губернатор... донес, что убитых офицеров было четыре и что имя только одного известно по надписи на белье. Это был Паркер. Все убитые с надлежащими воинскими почестями

преданы земле у подножия Никольской горы» [38]. Это единственное упоминание фамилии Паркера, встретившееся в официальных русских документах. Для чего офицеру пометать свое белье? Мы знаем, что Паркер в это сражение надел новый алый мундир; возможно, вещи имели метку из ателье с именем заказчика.

К сожалению, пока не найден рапорт мичмана Михайлова, командира стрелковой партии, в которой состоял сибиряк Иван Сунцов. Но мы достоверно знаем, что 47-го флотского экипажа матрос Сунцов Иван Ильин награжден знаком отличия Военного ордена Св. Георгия за № 102496 [39].

Семья Чарльза Паркера хранит письма от его сослуживцев, которые высоко ставили воинские качества погибшего [2, р. XXIII].

«Если бы военный и правильный взгляд капитана Паркера был принят во внимание, катастрофы, вероятно, не произошло бы», – командер Мэтью Коннолли.

«[Капитан Паркер] стал жертвой того, что его совету не вняли», – преподобный Томас Холм, капеллан фрегата «Президент».

«Следовало исполнить план твоего отца», – хирург флота Джонстон в письме к Чарльзу Арунделу Паркеру, сыну покойного капитана.

Эти строки написаны в поддержку близким, потерявшим сына, мужа, отца, и не свидетельствуют о правоте планов капитана Паркера. Его отвергнутые планы, равно как и те, что англо-французская эскадра попыталась исполнить, не предучитывали героического сопротивления защитников Петропавловского порта, матросов, казаков, волонтеров, что и определило победу русского оружия.

В госфортской церкви Святой Марии Чарльз Паркер-старший поместил табличку в память о любимом сыне с простой эпитафией: «Доблестно пал, возглавляя атаку... верный солдат своей Королевы и Христа» [там же].

1. A Troublesome Berth = Непростое назначение : The Journal of First Lieutenant Charles Allan Parker, Royal Marines: The Canada Years 1838–1840 edited by Robert J. Andrews and Rosalyn Parker. Published by Kingston Historical Society, 2009.
2. Rosalyn Parker Art. Charles Allan Parker, Captain Royal Marines, 1813–1854 // A Troublesome Berth..., 2009. P. XIV–XXIV.
3. Robert A. Parker. The British Pacific Naval Station in 1854; Problems of Trade, International Affairs and War : MA Dissertation. Newcastle : University, 2004.
4. Там же. P. 32. Ref.: Parker Journal, p. 158.
5. Калмыков П. Л. Второй адмирал // Верные долгу и отечеству : материалы XXVII Крашенинник. чтений. Петропавловск-Камчатский, 2010. С. 125–141.
6. Robert A. Parker. P. 34. Ref.: Parker Journal, p. 177.
7. Там же. P. 35. Ref.: Parker Journal, p. 180.

8. Там же. Р. 36. Ref.: Parker Journal, p. 180.
9. Калмыков П. Л. Петропавловский бой в письмах лейтенанта Гроува // Гордиться славою своих предков : материалы XXXVI Крашенинник. чтений. Петропавловск-Камчатский, 2020. С. 112.
10. Robert A. Parker. Р. 37. Ref.: Parker Journal, p. 182.
11. Роналд Палмер. Выдержки из писем и дневника моего деда, адмирала Джорджа Палмера // Завражный Ю. Ю. Забыть адмирала. Петропавловск-Камчатский, 2005. С. 205.
12. Andrew Rath. The Crimean War in Imperial Context, 1854–1856. Springer, 2015. P. 130.
13. Robert A. Parker. Р. 38. Ref.: Parker Journal, p. 183.
14. Калмыков П. Л. Петропавловский бой в письмах лейтенанта Гроува // Там же.
15. Robert A. Parker. Р. 40. Ref.: Parker Journal, p. 184.
16. Там же. Р. 41. Ref.: Parker Journal, p. 187.
17. Там же. Р. 42. Ref.: Parker Journal, p. 187.
18. Там же. Р. 36. Ref.: Parker Journal, p. 180.
19. Там же.
20. Там же. Р. 43
21. Фесун Н. А. [Критический разбор статьи] // Защитники Отечества. Героическая оборона Петропавловска-Камчатского в 1854 г. : сб. офиц. док., воспоминаний, ст. и писем. Петропавловск-Камчатский, 1989. С. 160.
22. Tugdual de Kerros. Journal de mes voyages autour du Monde (de 1852 à 1855). Text et illustrations originales de Jean René Maurice de Kerret, Dessinateur sur La Forte, frégate de la Marine Impériale. Éditions Cloitre, Saint-Thonan, France. 2004. P. 160.
23. Robert A. Parker. Р. 43. Ref.: Nicholson to Des Pointes, 2 September, ADM 1/5631 Nicholson to Admiralty.
24. Там же. Р. 44. Ref.: Parker Journal, p. 190.
25. Andrew Rath. The Crimean War in Imperial Context, 1854–1856. Springer, 2015. P. 133.
26. Robert A. Parker. Р. 44–46. Ref.: Nicholson to Des Pointes, 3rd September, ADM 1/5631 Nicholson to Admiralty.
27. Дитмар К. Поездки и пребывание в Камчатке в 1851–1855 гг. Ч. 1. Исторический отчет по путевым дневникам. СПб. : тип. Имп. Акад. наук, 1901. С. 134.
28. Мровинский К. И. Укрепления Петропавловского Порта в 1854 г. против англо-французской эскадры // Защитники Отечества. Героическая оборона Петропавловска-Камчатского в 1854 г. : сб. офиц. док., воспоминаний, ст. и писем. Петропавловск-Камчатский, 1989. С. 89.
29. Завойко В. С. [Рапорт... об оборонительных работах в порту...] // Там же. С. 177.
30. Robert A. Parker. Р. 46.
31. Tugdual de Kerros. Journal de mes voyages autour du Monde (de 1852 à 1855). Text et illustrations originales de Jean René Maurice de Kerret, Dessinateur sur La Forte, frégate de la Marine Impériale. Éditions Cloitre, Saint-Thonan, France. 2004. P. 31.
32. Калмыков П. Л. «Консилиум» англо-французской эскадры // «На перекрестке континентов» : материалы XXXI Крашенинник. чтений. Петропавловск-Камчатский, 2014. С. 197.
33. «Private Remark Book» by George Hastings Inskip, H. M. S. Virago's master. British Columbia Archives (Add. ms. 805), with a microfilm copy in the National Maritime Museum in Greenwich, England. P. 217.
34. Морской сборник. 1857. Июль. Отдел «Смесь». С. 8.
35. Арбузов А. П. Оборона Петропавловского Порта в 1854 г. против англо-французской эскадры // Защитники Отечества. Героическая оборона Петропавловска-Камчатского в 1854 г. : сб. офиц. док., воспоминаний, ст. и писем. Петропавловск-Камчатский, 1989. С. 82.
36. Он же. Замечания на статью г. Фесуна о петропавловском деле // Там же. С. 167.
37. Завойко Ю. Е. Из «Воспоминаний о Камчатке и Амуре» // Там же. С. 124.
38. Илляшевич Л. В. Русский флот на Восточном поморье в 1849–1856 гг. // Морской сборник. 1876. № 7. С. 80.
39. Вахрин С. И. Камчадалы – герои Отечества. СПб. : Свое изд-во, 2018. С. 8.

МАЛЫЕ ПОБЕДЫ В ХОДЕ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ КАК СЮЖЕТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ (СВЯЗЬ ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ ОБОРОНЫ И СРАЖЕНИЙ У ДЕ-КАСТРИ В КРЫМСКОЙ ВОЙНЕ)

О проблемах освещения так называемых малых побед в ходе Крымской войны 1853–1856 гг. на страницах учебников и учебных пособий. Особое внимание уделено второму этапу обороны Петропавловска от англо-французской эскадры, успешной эвакуации города и сражениям у Де-Кастри.

Ключевые слова: Крымская война; Петропавловская оборона; Петропавловский порт; Де-Кастри; образование; методика преподавания.

История Крымской войны в ХХI в. изучена достаточно глубоко, существует множество научных работ и монографий, посвященных этим событиям и их героям, однако и сегодня существуют так называемые «белые пятна». В год 170-летия героической обороны Петропавловского порта от англо-французской эскадры на Камчатке проходит масса мероприятий, посвященных событиям и подвигу жителей нашего города в августе 1854 г. (например, публичные лекции, квизы, конкурсы). В средствах массовой информации и социальных сетях публикуются отрывки воспоминаний участников обороны, подробная информация о расположении батарей, ходе боев 18–24 августа 1854 г. Дата 5 сентября (по старому стилю 24 августа), как памятная, установлена Законом Камчатского края от 16.12.2009 г. № 361 «О праздниках и памятных датах Камчатского края» и включена в Календарь знаменательных дат и событий Камчатского края [4]. В то же время сами события обороны были невозможны без подготовительного этапа, а после ухода англо-французов с рейда Авачинской бухты действия гарнизона города и добровольцев не завершились. По этой причине автор статьи считает крайне важным и необходимым и в школьном курсе, и в краеведческой литературе, и в средствах массовой информации освещать события 1855 г., произошедшие после того, как прозвучали победные залпы орудий.

Самым доступным и активно используемым школьниками и учителями Камчатки является пособие В. Д. Сергеева «Страницы истории Камчатки». Автор подробно описывает ход боевых действий, приводит фрагменты воспоминаний очевидцев событий, предоставляет схемы и карты-схемы сражений, расположений батарей, а об эвакуации гарнизона и города написано всего три предложения. Маневр у Де-Кастри, удачное построение русских ко-

раблей и дальновидность В. С. Завойко вообще не упоминаются [6]. Однако действия, последовавшие за самими боями, не менее важны для историка и для учащегося, ведь именно они позволяют воссоздать полную картину исторического прошлого и оценить ход событий на тихоокеанском театре боевых действий Крымской войны.

Вторым наиболее цитируемым исследованием является труд военного историка В. Е. Тарле, а особенно его фраза: «*Известие, полученное в Гатчине 30 ноября, об успешном отражении неприятеля на самой отдаленной окраине империи, на пункте, считавшемся почти беззащитным, было как бы мгновенным слабым проблеском на тогдашнем мрачном горизонте*» [9]. Таким образом, победа гарнизона и жителей Петропавловского порта представляется «лучом света» и единственной победой русского оружия в Крымской войне, однако это неверно. Только на тихоокеанском театре боевых действий в 1855 г. можно назвать еще две победы: удачный маневр у Де-Кастри (8–10 мая) и оборона бух. Де-Кастри (5–16 октября). Все эти три важных для истории Дальнего Востока события связаны между собой.

Несмотря на победу над англо-французской эскадрой и защитники Петропавловска, и официальные власти Российской империи понимали, что союзники еще вернутся, чтобы взять реванш. По оценкам адмирала Г. И. Невельского и генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева, «*как ни блестящи были подвиги защитников Петропавловска, но за недостатком продовольствия их положение в случае войны на Камчатке представлялось безвыходным*» [там же]. По этой причине было принято решение о перебазировании Петропавловского порта и основании нового.

В апреле 1855 г. В. С. Завойко организовал эвакуацию города, причем, сделал это до нача-

ла навигации, справедливо опасаясь прихода англо-французов. Расчеты Василия Степановича оказались точны: в мае 1855 г. корабли союзников подошли к берегам Камчатки, но города на месте уже не нашли. Обстреляв берег, убедившись, что закрепиться на нем не удастся (не было ни строений, ни жителей поблизости, ни каких бы то ни было припасов), они отправились разыскивать российские корабли с целью завязать сражение, выиграть его и таким образом добиться капитуляции Тихоокеанского флота России.

Завойко по приказу Муравьева следовал с гарнизоном и имуществом Петропавловского порта в устье р. Амур, его задачей было основать новый порт. Следует отметить, что опыт по перебазированию населенных пунктов Завойко уже имел, он осуществлял перебазирование Аяна. Как отмечают исследователи истории Военно-Морского Флота России: *«англичане побоялись вступить в бой 8–10 мая в заливе Де-Кастри, имея только три судна»* [7]. Благодаря грамотному построению российских судов англо-французская разведывательная группа из трех боевых кораблей посчитала, что у нас шесть боевых кораблей (в действительности, вести интенсивный бой могли всего два из шести).

Согласно рапорту Завойко «произошел обмен ядрами», т. е. небольшой бой. Англо-французы пытались выманить русских в открытое море и выяснить их силы. Именно верное решение и умелая тактика Завойко, направленная на маневрирование и отказ от масштабного сражения, позволила сохранить российские корабли. Для сохранения жизни гражданского населения Василий Степанович приказал им эвакуироваться по суше, высадив людей, чтобы в случае боя они не погибли. Дождавшись удобного момента, под покровом тумана, российские корабли покинули Де-Кастри и ушли по проливу между Сахалином и континентом (позже назван проливом Невельского) в Амурский лиман. Таким образом, Василию Степановичу удалось сохранить корабли Российской империи, гарнизон города и оружие (оно не досталось врагу в качестве трофея). Кроме того, благодаря этому маневру удалось выполнить распоряжение властей и основать новый морской порт на Тихом океане, что сохраняло и гарантировало российское присутствие на Дальнем Востоке. Таким образом, забытый во многих исследованиях (даже В. Е. Тарле упоминает о нем вскользь) успешный маневр русских кораблей и эвакуация города позволили сохра-

нить часть Тихоокеанского флота и земли Приморья и Приамурья.

Сражение в бух. Де-Кастри в октябре 1855 г. хорошо освещено в трудах краеведов Сахалина, Хабаровска [8], Забайкалья [2]. Также подвиг русского оружия и моряков изучают исследователи Русского географического общества (общество изучения Амурского края), Российского военно-исторического общества и Международной военно-исторической ассоциации [3, 5]. Однако на Камчатке об этом сражении и его связи с событиями обороны Петропавловска говорят недостаточно часто.

Камчатский краевед С. И. Вахрин посвятил свое исследование «Сражение в Де-Кастри. Октябрь 1855 года» в рамках проекта «Россия – Дальний Восток – 400 лет вместе: связь времен и народов» поиску связей между защитниками нашего города и Де-Кастри [1]. Благодаря его исследованиям списков, в том числе и нижних чинов, защитников бух. Де-Кастри выявлены несколько дальневосточных фамилий, представители которых проживали в Приморье, Приамурье и на Камчатке. Именно работы исследователей-краеведов позволяют установить взаимосвязь событий обороны Петропавловска и бух. Де-Кастри.

Сражения у Де-Кастри также стали важнейшей страницей в истории Дальнего Востока. Тот факт, что численно превосходящие англо-французы не смогли нанести существенный урон небольшому гарнизону Де-Кастри, не смогли провести ни одну успешную десантную операцию 5–16 октября 1855 г. и покинули российские территориальные воды, не добившись поставленных задач и не получив реванш за петропавловское поражение, за упущенные корабли Завойко, демонстрирует важность этого события, говорит о грамотном руководстве российскими войсками (особо выделяются имена лейтенанта Линдена и есаула Помпея Пузино), о высокой боеспособности российской армии на Дальнем Востоке. Героизм защитников Де-Кастри, их умелые стратегические и тактические действия привели к тому, что англо-французская эскадра покинула территориальные воды России с окончанием навигации в 1855 г. Согласно исследованиям С. И. Вахрина в составе обороняющих Де-Кастри были «якутские, гижигинские и камчатские казаки» [1].

Таким образом, мы можем прийти к справедливому выводу, что все сражения на Тихом океане в 1854–1855 гг. были взаимосвязаны. Именно успех российского оружия стал реша-

ющим фактором сохранения военно-морского присутствия России на Дальнем Востоке. Об этом еще в советский период писал М. А. Сергеев: «*положение России на Тихом океане значительно укрепилось. Воссоединен был фактически Приамурский край, и открылось плавание по Амуру. Заметно увеличилось русское население, выросли и окрепли населенные пункты во главе с крупнейшим центром Приморья – Николаевском, возросла обороноспособность края*» [7].

Однако современные федеральные учебники истории России о малых победах в ходе Крымской войны не пишут, о важности событий на Тихом океане тоже. Понимая ограниченность объемов текста, предполагаем, что 1–2 предложения с краткими выводами о событиях в Петропавловске и Де-Кастри, а также других сражениях по периметру границ Российской империи было бы достаточно для формирования объективной картины происходившего. Детальное изучение событий Петропавловской обороны и Де-Кастри возможно в школе, колледжах и вузах в рамках реализации регионального компонента исторического образования.

Современные требования к курсу «История» на всех уровнях образования включают обязательное знакомство с историей своего региона. Существует несколько вариантов методических решений данного вопроса: лекция, урок-лекция, работа с документами (практическое занятие, лабораторная работа) или проектная деятельность. Однако следует отметить достаточно хорошую

изученность самих событий, поэтому тематика проектов сегодня должна быть несколько иной, не событийной. Например, «Взаимосвязь событий Петропавловской обороны и Де-Кастри», «Роль сражений на Тихом океане в ходе Крымской войны», «Генеалогические древа защитников Петропавловска/Де-Кастри», «Что можно написать к N-летию Петропавловской обороны и Де-Кастри». При изучении темы важно использовать картографический материал, именно наглядность позволит увидеть, как проходил маневр у Де-Кастри, как находчивость и дальновидность командиров Петропавловской обороны и Де-Кастри позволяла сохранять жизни защитников, использовать преимущества ландшафта и отражать нападения превосходящих сил англо-французов.

В заключение следует отметить, что изучение событий на Тихом океане позволяет понять фразу: «*Россия отделалась от тяжелой и долгой войны благополучнее, чем можно было ожидать*» [9]. Действительно, на Дальнем Востоке влияние Российской империи начало расти, позже будут заключены Айгуньский и Пекинский мирный договоры, будет основан Владивосток. Именно героизм защитников Петропавловска и Де-Кастри стал одной из основ дальнейшего развития Тихоокеанского флота и сохранения присутствия России в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Изучение этих малых побед и распространение краеведческих знаний в нашем регионе крайне важно и необходимо.

1. Вахрин С. И. Сражение в Де-Кастри. Октябрь 1855 года: [статья] // URL: <https://pvs-rgo.ru/2023/10/27/srazhenie-v-de-kastri-oktyabr-1855-goda/> (дата обращения: 14.09.2024).
2. Забайкальские казаки против англо-французского десанта в заливе де-Кастри : [статья] // URL: <https://звко.рф/cossack-history/zabajkalskie-kazaki-protiv-anglo-frantsuzskogo-desanta-v-zalive-de-kastri> (дата обращения: 14.09.2024).
3. Исследователь Максим Харченко завершил «SUP-экспедицию по следам адмирала Невельского. Героическая оборона Де-Кастри» // URL: <https://оиа.рф/news/2021-11-22/issledovatel-maksim-kharchenko-zavershil-sup-ekspeditciyu-po-sle> (дата обращения: 14.09.2024).
4. Календарь знаменательных дат и событий Камчатского края на 2024 год / Гос. арх. Камч. края ; сост. О. А. Копотилова. Петропавловск-Камчатский, 2023. 20 с. URL: <https://kgugakk.ru/uploads/Календарь%20знаменательных%20дат%20на%202024%20г..pdf> (дата обращения: 14.09.2024).
5. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России (1849–1855 г.) : [статья] // URL: <http://imha.ru/page,34,1144527293-podvigi-russkix-morskix-oficerov-na-krajnem.html> (дата обращения: 14.09.2024).
6. Сергеев В. Д. Страницы истории Камчатки. Петропавловск-Камчатский : Дальневост. кн. изд-во, Камч. отд-ние, 1992. 189 с.
7. Сергеев М. А. Оборона Петропавловска на Камчатке. М. : Воен. изд-во М-ва обороны СССР, 1954. 96 с. URL: <https://flot.com/publications/books/shelf/petropavlovskdefence/> (дата обращения: 14.09.2024).
8. Сулейманов С. Б. Таежному поселку Де-Кастри – 165 лет : [статья] // URL: <https://svgbdv.ru/dalnevostochniki/taezhnomu-poselku-de-kastri-165-let> (дата обращения: 14.09.2024).
9. Тарле В. Е. Крымская война. М. : АСТ, 2005. 313 с.

**ПИЛКИН СЕРГЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ (1872–1944),
СОТРУДНИК БИБЛИОТЕКИ АКАДЕМИИ НАУК СССР, СЫН ГЕРОЯ
ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ ОБОРОНЫ К. П. ПИЛКИНА (1825–1913)**

О герое Петропавловской обороны (1854) адмирале Российского Императорского флота Константине Павловиче Пилкине и трагической судьбе его сына Сергея Константиновича Пилкина. С. К. Пилкин окончил юридический факультет Петербургского университета, с 1895 г. – на военной службе, в 1906–1916 гг. – в Министерстве финансов, с 1921 г. – заведующий иностранным отделением Библиотеки Академии наук. Арестован в 1929 г., осужден в 1931 г., приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей, реабилитирован в 1989 г.

Ключевые слова: Петропавловская оборона; Пилкин К. П.; Пилкин С. К.; Библиотека Академии наук РФ.

Среди многих известных героев Петропавловской обороны заслуженное место занимает Константин Павлович Пилкин (1824–1913) – потомственный моряк, выдающийся флотоводец, морской инженер, председатель Морского технического комитета (1888–1896), член Адмиралтейского совета (1889–1909), член Конференции Императорской Морской академии (1894–1913), полный адмирал Российского Императорского флота (1896). Пожалован за свою службу многими наградами, в числе которых и высочайший в Российской империи орден Святого Апостола Андрея Первозванного (1912). Погребен на Смоленском кладбище Санкт-Петербурга.

Ярчайшая карьера К. П. Пилкина во флоте складывалась исключительно на основе его личных заслуг. Из 30 лет в офицерском звании он 12 (почти половину) провел в плаваниях [1], совершил три кругосветных путешествия, вел гидрографические исследования в Японском море и зал. Петра Великого (1860–1862), посетил Сан-Франциско в составе эскадры под командованием контр-адмирала А. А. Попова, впервые осуществившей экспедицию русского флота к берегам Северной Америки (1863). В 1864 г., когда его за отличие в службе досрочно произвели в капитаны 1-го ранга, в приказе было особо отмечено: «*К. П. Пилкин отличается смелостью и находчивостью в сложных ситуациях и исключительно гуманным отношением к людям*», а по возвращении в Санкт-Петербург он удостоился «*монаршей благодарности*» по итогам плавания [2, с. 30]. Преданность Отечеству, любовь к флоту, высочайший профессионализм, отвага и человечность – черты, которые, он унаследовал от своего отца, генерал-майора Павла Федоровича Пилкина, начальника морской артиллерии крепости Кронштадт, долгие годы служившего под командованием Ф. Ф. Беллинста-

узена, и, как показало будущее, черты эти были свойственны и детям К. П. Пилкина.

Одна из самых ярких страниц биографии К. П. Пилкина – кругосветное путешествие на фрегате «Аврора» 1853–1857 гг. под командованием капитан-лейтенанта Ивана Николаевича Изыльметьева, где Пилкин служил вахтенным начальником. Именно во время похода на Камчатку ему довелось принять участие в Петропавловской обороне во время Крымской войны (1853–1856 гг.). Когда гарнизон Петропавловска готовился к отражению англо-французского нападения, фрегат «Аврора» занял позицию во внутренней гавани, став плавучей батареей. Лейтенант К. П. Пилкин командовал одной из специальных стрелковых партий, сформированных для отражения десанта, исполнял обязанности командира батареи верхней палубы. За храбрость и мужество, проявленные при обороне Петропавловска, 24 августа 1854 г. Пилкин был награжден орденом Святого Владимира с бантом, а 1 декабря 1854 г. произведен в капитан-лейтенанты. Весной 1855 г., после зимовки в Петропавловске, «Аврора», выйдя в зал. Де-Кастри, вновь приняла участие в отражении англо-французского нападения. За участие в этих боях капитан-лейтенант К. П. Пилкин 30 ноября 1855 г. был награжден орденом Святого Станислава II степени. Кругосветное плавание «Аврора» смогла продолжить после зимовки в Николаевске-на-Амуре и 22 июня 1857 г., по завершении войны, вернулась в Кронштадт.

Сражения, в которых довелось участвовать 24-летнему лейтенанту К. П. Пилкину при обороне Петропавловска, он выразительно и подробно описал в письме к матери, Марии Павловне, урожденной Леман, дочери Павла Михайловича Лемана (1797–1860), генерал-майора, декабриста, героя Русско-турецкой войны

1828–1829 гг. Это письмо вскоре обрело статус исторического документа и впервые было опубликовано историком флота Андреем Карловичем Деливвроном в 1911 г. в «Морском сборнике» [3, с. 13–27]. Он же поместил в своей книге «Петропавловский бой» [4, с. 4, 7, 10] обширные цитаты из данного письма. На это указал выдающийся историк Б. П. Полевой, включивший письмо молодого лейтенанта в число документов, опубликованных в юбилейном сборнике «Защитники Отечества» [5, с. 38–47]. И уже в 2019 г. письмо К. П. Пилкина вновь было напечатано (на этот раз в газете «Вести» от 26 февраля), также с предисловием Б. П. Полевого, в серии публикаций по материалам сборника «Защитники Отечества» Дальневосточного книжного издательства (1989), посвященных 165-летию героической обороны Петропавловского порта [6].

В семье Константина Павловича и Марии Павловны было пятеро сыновей и дочь. Не все публикации, в том числе и в интернете, дают верные сведения. Так, в Википедии, куда первым делом обычно заглядывают, как прежде, когда не было интернета, обращались к «Энциклопедическому словарю Брокгауза и Эфрона», приводятся сведения лишь о троих сыновьях и дочери. Владимир (1869–1950), Константин (1870–1948), Алексей (1881–1960) стали, как отец и дед, военными – Владимир и Алексей выбрали карьеру во флоте, а Константин дослужился до генерал-майора артиллерии. Дочь Александра (1879–1962) вышла замуж за полковника корпуса корабельных инженеров И. А. Гаврилова (1873–1966). Еще два сына – третий по старшинству Сергей Константинович (1872–1944) и четвертый по старшинству Михаил Константинович (1878–1923 [1924]) – упоминаются редко. О Михаиле не так много сведений, образование он получил в Николаевском кадетском корпусе, служил в составе Офицерской кавалерийской школы, дослужился до чина полковника, присвоенного ему в 1917 г. [7]. После событий октября 1917 г. проживал в своей усадьбе Гороховец [8, д. 10, л. 12–12об.; д. 14, л. 39–39об.], там же скончался. Что касается Сергея, упоминания о нем встречаются чаще на сайтах, посвященных репрессированным, возможно, потому, что он избрал гражданскую деятельность и выпал из поля зрения историков флотских династий, к которым по праву принадлежала фамилия Пилкиных.

После событий 1917 г. почти вся семья постепенно эмигрировала. Владимир, лечивший-

ся в Финляндии от туберкулеза в октябре 1917 г., в Россию не вернулся, примкнув к Белому движению, а в 1920 г. переселился во Францию. Алексей в 1918 г. участвовал в Ледовом походе Балтийского флота, по окончании Гражданской войны уехал в Америку. Константин в 1918 г. был арестован большевиками и заключен в Бутырскую тюрьму, но затем отпущен, участвовал в Белом движении, до эвакуации Крыма был в составе Русской Армии, эмигрировал в Югославию, где и скончался в г. Вараждине (сейчас – город на северо-западе Хорватии) [9]. Александра, после эмиграции мужа в Аргентину в 1920 г., жила некоторое время с детьми в Эстонии, затем также переехала в Аргентину.

В Петрограде оставался только Сергей. Тревога о нем и о близких, пока еще не уехавших из России, не оставляла его старшего брата Владимира и в эмиграции, как следует из его дневников 1918–1920 гг., опубликованных частично уже в 2000-е гг. [10, с. 45, 56–57, 98, 137, 184, 264].

Недавно удалось отыскать новые документы о жизни Сергея Константиновича Пилкина. Предваряя основное повествование, можно сказать, что яркие годы его жизни оказались связаны с Библиотекой Академии наук в Петрограде/Ленинграде. Сохранившиеся архивные документы, редкие публикации и упоминания С. К. Пилкина в научной, мемуарной, публицистической литературе позволяют хотя бы отчасти дополнить скудные биографические сведения о сыне героя Петропавловской обороны и восстановить память об этом замечательном человеке.

Родился Сергей Константинович Пилкин в 1872 г. Окончил юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета в 1895 г. [11].

Трудовую деятельность Сергея Константиновича можно проследить по его «трудовому списку», сохранившемуся в Санкт-Петербургском филиале архива РАН [12], наиболее информативному документу, где даны официальные сведения и последовательно записаны события и должности, которые занимал С. К. Пилкин. В эти тревожные и нелегкие годы перемены в состоянии быстро сменяли друг друга, гражданская служба несколько раз прерывалась, когда С. К. Пилкина призывали для прохождения военной службы, и для того, чтобы создать хронологическую канву, надо воспользоваться непосредственно этими записями, разделив их на тематические периоды, а события затем можно дополнить некоторыми интересными

подробностями. В кавычки по тексту заключены прямо цитируемые сведения, вписанные от руки:

Пилкин Сергей Константинович.

Трудовой список

Постановление Совета народных комиссаров Союза ССР о трудовых списках. (Типографским способом. После текста постановления дата: Москва, Кремль, 21 сентября 1926 г.) [12, л. 2].

Родился в 1872 г. июня 19 / июля 2; социальное положение – служащий; образование – высшее: курс наук в Петербургском университете по юридическому факультету с дипломом 1-й степени; профессия: библиотекарь, стаж 20 лет, беспартийный; член профсоюза: работник Просвещения с 1920 г., членский билет № 33196; на военном учете не состоит, «Снят с учета 9 марта 1926 Осн. Пр. 170-25»; Подпись лица, давшего сведения: «сентября 8 дня 1927 г.» «С. Пилкин» [12, л. 2.об.-3].

Второй раздел посвящен данным о прохождении службы, в 1895–1896 г. – военной: 2 окт. 1895 г. назначен канониром 5-й батареи гвардейской Конно-артиллерийской бригады; 2 дек. – бомбардиром; 2 апр. 1896 г. окончил курс учебной команды и назначен младшим фейерверкером; 5 авг. выдержал экзамен на прапорщика запаса.

Затем с 1896 г. гражданская служба: 10 нояб. 1896 г. причислен к Департаменту торговли и мануфактур Министерства финансов; 2 мая 1897 г. назначен помощником столоначальника; 1 окт. 1899 г. – столоначальником; 9 дек. 1902 г. – секретарем при директоре Департамента таможенных сборов (эти записи объединены фигурной скобкой и написано: «Формулярный список по Департаменту таможенных сборов 1917 г. № 4916»).

Следующий период, когда Сергей Пилкин достиг 25-летнего возраста, начинается с записи о работе в Академии наук, 1907–1912 гг.: 1 дек. 1907 г. поручено исполнение обязанностей помощника заведующего книжным складом Академии наук (справа вписано: «Отношение неперменного секретаря 1 дек. 1907 г. № 1962»); 27 янв. 1911 г. назначен чиновником особых поручений VI класса при министре финансов с исполнением обязанностей по прежней должности; 4 дек. 1911 г. поручено исполнение обязанностей помощника правителя канцелярии Департамента таможенных сборов (записи объединены фигурной скобкой и написано: «Формулярный список по Депар-

таменту таможенных сборов 1917 г. № 4916»); «1912 VII 1 Зачислен на службу в АН на должность пом. библи., зав. книжным складом, Пост. Пр. АН от 22/VIII – 1912 [п.] 14».

Следующий период военной службы связан с Первой мировой войной: 30 апр. 1916 г. призван на военную службу прапорщиком; 3 мая прикомандирован к Петроградскому складу [12, л. 3об.-4] огнестрельных припасов; 15 окт. 1916 г. назначен оберофицером для поручений и командировок (сведения объединены фигурной скобкой и написано: «Послужной список по Петроградскому складу огнестрельных припасов 10 апреля 1918 г.»).

И только С. К. Пилкин снова стал библиотекарем, как опять призыв на военную службу 1918–1921 гг.: 1 дек. 1918 г. назначен библиотекарем II отделения Библиотеки Академии наук (справа написано: «Журн. Зас. Правления АН 13 ноября 1918 г. п. 5»); 19 сент. 1919 г. назначен заведующим Артиллерийским складом Запасной армии Республики (Запасные армии – войсковые формирования, предназначенные для подготовки стратегических резервов и пополнений существовали в Красной Армии в 1919–1921 гг. – *Авт.*); 1 авг. 1920 г. – сотрудником для поручений Отдела артиллерийских снабжений Управления снабжений Запасной армии Республики (сведения объединены фигурной скобкой по правой стороне и написано: «Учетно-воинский билет Военного комиссариата гор. Петрограда и Петроградской губернии № 9117»); 2 сент. назначен старшим библиотекарем II отделения Библиотеки Академии наук (справа вписано: «Журн. Зас. Правления АН 6 октября 1920 г. п. 1»); 19 дек. назначен начальником канцелярии Окружного артиллерийского управления Запасной армии Республики и Приволжского военного округа; 18 июня 1921 г. уволен в бессрочный отпуск (последние две фразы объединены фигурной скобкой по правой стороне и написано: «Учетно-воинский билет Военного комиссариата № 9117»).

Наконец, начался довольно продолжительный период службы С. К. Пилкина в БАН (1922–1929 гг.), кроме того, и с военного учета его сняли; 30 сент. 1922 г. поручено исполнение обязанностей заведующего Бюро по международному книгообмену Академии наук (справа вписано: «Журн. Зас. Правления АН. 30 сентября 1922 г. п. 16»); 15 окт. 1923 г. поручено исполнение обязанностей заведующего II отделением Библиотеки Академии наук (справа вписано: «Журн. Зас. Правления АН 26 ноября 1923 г. п. 8»), когда

этот пост покинул философ, блестящий библиограф Ф. Ф. Скрибанович [12, л. 4об.–5]; 1 июля 1924 г. назначен главным библиотекарем (специалистом I разряда), заведующим II отделением Библиотеки Академии наук (справа вписано: «Журн. Зас. Правления АН 7 июля 1924 г. п. 52»); 1 окт. 1925 г. по новому штату назначен заведующим II отделением Библиотеки Академии наук (справа вписано: «Журн. Зас. Правления АН 19 ноября 1925 г. п. 3 и О.С. от 11/X-1925 г. п. 8»); 9 марта 1926 г. снят с военного учета (справа вписано: «Учетно-Воинский билет 1923 г. № 9117»); 14 сент. 1928 г. назначен вр.и.о. помощника директора Библиотеки Академии наук СССР на время командировки последнего на сентябрь 1928 г. в Киев (справа вписано: «П от 7-го VIII. 1928 г., (параграф) 8» [там же, л. 5об.–6].

Итак, проработав, с перерывами, более 20 лет в БАН, Сергей Константинович Пилкин прошел путь от помощника заведующего книжным складом Академии наук в 1907 г. до исполняющего обязанности заведующего Бюро по международному книгообмену Академии наук, затем занимал с 1923 г. должность заведующего II (иностранным) отделением БАН и даже в 1928 г. был назначен вр.и.о. помощника директора БАН на период отсутствия С. В. Рождественского, отправившегося в Киев знакомиться с организацией Всенародной украинской библиотеки.

Годы наиболее активной деятельности С. К. Пилкина в БАН совпали с большими переменами в организационной структуре учреждения, а также с переездом БАН из здания Кунсткамеры, где библиотека размещалась почти два столетия, в новое здание на Биржевой площади, где она находится и сейчас. Сколько он написал служебных записок для улучшения административно-хозяйственного состояния БАН, вникая во все вопросы обеспечения библиотеки оборудованием и библиотечной техникой, в том числе для создаваемого нового Картографического отделения, как ратовал за равноценный книгообмен БАН с другими учреждениями, трудился для обеспечения перемещения книг Иностранного отделения в новое здание, насколько внимательно Сергей Константинович относился к персоналу БАН, заботился о премировании сотрудников, трудившихся сверхурочно по заданиям дирекции, Наркомпроса и по личной инициативе, можно судить по сохранившейся обширной служебной документации БАН.

Характерный пример последнего – служебная записка С. К. Пилкина о повышении

денежного довольствия служащим за срочную работу: «Директору Библиотеки. Во исполнение циркулярного распоряжения Наркомпроса от 9-го мин. января, переданного во II Отделение Библиотеки лишь 15-го февраля, к 18 февраля должны были быть составлены по особой, вновь указанной форме списки, в 4-х экземплярах, журналов и серий, предположенных к выписке из-за границы на 1924 г. для Библиотеки и других учреждений Академии. Ввиду незначительности предоставленного Отделению на выполнение указанной работы срока и необходимости заново пересоставить имеющиеся в Отделении списки прежних лет по новой форме, а также вновь пересмотреть для исправлений и дополнений всю журнальную картотеку, мною привлечен был к занятиям весь наличный состав Отделения, напряженным трудом коего списки, в трехдневный срок, считая в том числе и воскресенье, были составлены. Полагая, что такая экстренная работа, занявшая не только сверхслужебные часы, но и воскресное неприсутственное время, должна быть оплачена особо и не имея возможности выдать перечисленным ниже лицам из причитающегося Отделению незначительного ежемесячного аванса, непременно долгом считаю обратиться к Вам с просьбой об исходатайствовании на сей предмет специальной суммы, в виде отдельного ассигнования, или же соответственного увеличения аванса и просить Непременного Секретаря подержать ходатайство это пред Правлением. Список лиц, принимавших участие в работе. С. С. Абрамович-Барановский, И. Н. Вирославский, Е. Э. Витторф, А. Ф. Гунделах, Н. М. Каратаев, В. И. Кардашевский, О. К. Кен, Н. В. Мелихов, М. М. Милевский, В. В. Николаев, Е. Н. Орлеанская, А. Е. Рыдзевская. Вр. Заведующий Отделением С. Пилкин (подпись)» [13, л. 111–111об.].

Для себя при этом не просил ничего, однако руководство Библиотеки старалось, по возможности, отметить его деятельность. Так, в 1927 г. Пилкин получил удостоверение о том, что, работая в БАН, имеет право на дополнительную площадь с оплатой ее в ординарном размере – весьма значительное поощрение в те годы жилищного кризиса [14, л. 29. От 13.01.1927]. В том же году Сергей Константинович оказался в числе восьми сотрудников Академии, кому испрашивались персональные оклады, среди них академик А. П. Карпинский (450 р.), академик С. Ф. Ольденбург (450 р.), историк А. И. Андреев (215 р.), С. К. Пилкин (240 р.) и другие. [14, л. 31. От 29.9.1927].

Выезжал Сергей Константинович и в научные командировки. Например, Правлением Российской Академии наук был командирован в Новоладожский уезд Петроградской губернии с 30 июля по 1 сентября [14, л. 16].

Занимал он служебный кабинет № 42 на 3-м этаже нового здания Библиотеки [там же, л. 248]. К сожалению, эмалированные овалы таблички с первоначальными номерами сохранились не на всех дверях БАН и точное место не удалось установить.

Одним из важнейших направлений деятельности Академии наук был обмен изданиями с зарубежными библиотеками и специалистами, что давало возможность ученым своевременно получать интересующие их книги и журналы. В новых политических условиях потребовалось упорядочить эту деятельность, чтобы не было дублирования ставшей очень дорогой литературы, а также, не в последнюю очередь, чтобы контролировать книгообмен и международные контакты ученых Академии наук. Для этого 15 сентября 1922 г. было создано централизованное Бюро по международному книгообмену (БюК) в составе трех человек – заведующего, которым был назначен старший библиотекарь II Отделения Библиотеки С. К. Пилкин, и двух научных сотрудников [15, с. 326]. Бюро просуществовало до 1930 г. Пилкин и здесь неформально подошел к порученному делу, отстаивая качество комплектования БАН научными изданиями: «Многие из учреждений, кои получили из Академии полные комплекты ее изданий, ограничиваются посылкою брошюрного материала», – говорил на заседании 14 марта 1927 г. заведующий II Отделением С. К. Пилкин [там же, с. 367].

На годы работы Сергея Константиновича Пилкина в БАН пришелся и масштабный переезд Библиотеки из старого здания Кунсткамеры в специально построенное новое, который проходил в конце 1923 – начале 1924 гг. Именно перемещение книг II (Иностранного) отделения в новое здание в 1924 г. стало одной из значимых страниц в истории Библиотеки Академии наук. Об этом было написано и тогда же, в советской прессе, и в статьях, посвященных Библиотеке Академии наук [19], и в капитальной монографии, посвященной истории БАН [15, с. 342–343]. Самым ответственным и трудным было перемещение 300 000 томов основного иностранного отделения (около 9 тыс. журналов были перенесены в 1923 г.). Сложная шифровка фонда и систематическая расстановка делали очень

трудной эту задачу, легко было перепутать книги местами. Героями этих событий стали С. К. Пилкин, Н. М. Каратаев, ставший вскоре первым заведующим созданного в 1925 г. V Картографического отделения, и Трудовая артель студентов, взявшихся выполнить это непростое дело. Позднее Каратаев написал, упомянув и возвратившегося на работу в БАН Скрибановича: *«Отделение решило применить способ, предложенный его старшим ученым хранителем Ф. Ф. Скрибановичем. Способ этот имел целью обратить передвижение книг из старого здания в новое в равномерный непрерывный поток, передающий книги без промежуточных инстанций, перегрузок и скоплений в пути, подобно бесконечному ремню, непосредственно от отправного к приемному пункту. Для достижения этой цели Ф. Ф. Скрибанович предложил просто переносить книжный фонд особо нанятыми носильщиками, укладывая книги небольшими стопами в один аршин высоты на особые книгоноски, представляющие собой усовершенствованный тип так называемых “коз”, на которых каменички поднимают кирпичи на строящиеся дома. Такие книгоноски – 1) должны были дать возможность переносить книги с места на место без перекладки, 2) избавляли от предварительной работы по перевязке книг и последующей после переезда разборки их и 3) давали возможность легко осуществить переезд, так как при небольшой стоимости они могут быть изготовлены в короткое время в любом количестве. Как окончательный результат, переноска шифрованного фонда выразилась 5 881 рейсами книгоносок и 714 рейсами носилок, что составляет около 15 000 пудов. При общей стоимости переноски 1 227 р., стоимость переноски одного пуда, в зависимости от размера книги, определяется в 8–10 коп. за пуд; таким образом переноска одной книги, весом в среднем в 2 фунта, с места лежания в старом помещении, с установкой ее в порядке шифровки на новом месте, обоилась менее полкопейки. В 16 дней библиотека в 300 000 томов оказалась перемещенной в том же порядке на расстоянии полверсты в новое помещение, и ни одной книги не оказалась поврежденной или утерянной и ни на один день читальный зал не переставал функционировать»* [16].

Работа продолжалась с 19 сентября по 8 октября. Известно, что тогда же, именно в эти дни, когда шел переезд книг в новое здание БАН, случилось сильнейшее наводнение, начавшееся 23 сентября 1924 г. Об этом и о са-

моотверженной работе сотрудников рассказал С. К. Пилкин в рапорте директору БАН Н. К. Никольскому [17, л. 34–34об.]. Руководил работой студенческой артели, которая помогала переносить книги, Н. М. Каратаев. Было спасено несколько тысяч книг. Руководству Академии наук Н. К. Никольский сообщил: *«Докладывая об изложенном, считаю долгом отметить, что только что законченный переезд, состоявшийся без каких-либо случайных утрат, без длительных перерывов в деятельности Библиотеки и без ущерба для существующего распорядка книжных коллекций, мог осуществиться только при дружном и ревностном содействии всего библиотечного персонала, на которого легла вся тяжесть как подготовительных сложных вычислений и [неразб.] физического труда, так и размещения и продолжающегося упорядочения коллекций на новом месте их хранения. В особенности должны быть засвидетельствованы труды, понесенные руководителями отделений А. И. Лященко, В. И. Срезневским, С. К. Пилкиным и Н. М. Каратаевым»* [18, л. 68]. Позднее Н. К. Никольский и С. К. Пилкин написали статью [19, с. 94–107], где большое внимание уделено событиям драматического переезда Иностранного отделения в новое здание БАН [15, с. 340–343].

И так как этот очень удачно зарекомендовавший себя способ получил огласку благодаря освещению в прессе, в БАН стали поступать многочисленные просьбы от самых разных учреждений предоставить эти «переноски» для перемещения книг при переезде или перестановке: 16 ноября 1926 г. – от Бюро сельскохозяйственной метеорологии Государственного института опытной агрономии [17, л. 296], 13 декабря 1927 г. от Государственной публичной библиотеки [там же, л. 321], от Рабфака Ленинградского государственного университета [там же, л. 389] и мн. др.

С. К. Пилкин вместе с несколькими сотрудниками Библиотеки оказались «лишенцами» – они были лишены избирательных прав еще по Конституции 1918 г. Что касается принятой в начале мая Конституции 1925 г., то, согласно ей, круг «лишенцев» еще более расширился. Однако, пока еще в эти категории не входили члены семей военных специалистов царской России, кроме того, Пилкину, очевидно, помогло то, что он с 1922 г. состоял в Союзе работников просвещения [14, л. 1], а этот факт учитывался при принятии решения, так что по результатам рассмотрения жалобы группы сотрудников БАН дело было решено для них в положи-

тельном смысле... Но все же, вероятно, это был опасный прецедент... [там же, л. 24. Протокол от 2.04.1925 о заседании тройки по перевыборам в Ленинградский совет, слушали о протесте группы граждан против неправильного решения их избирательного права, всего 8 чел., среди них С. К. Пилкин].

Трудовая деятельность Сергея Константиновича Пилкина в БАН трагически прервалась осенью 1929 г., когда он был осужден по «Академическому делу». Сергей Константинович был уволен из Библиотеки Академии наук по 1-й категории, согласно постановлению по проверке аппарата Академии наук СССР, и осужден по делу «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России» вместе с С. Ф. Платоновым, Е. В. Тарле, Н. П. Лихачевым, С. В. Рождественским, П. В. Виттенбургом, П. И. Полевым и др.

В выписке из протокола заседания комиссии по проверке аппарата АН СССР от 3.8.1929 г. описана прекрасная, самоотверженная служебная и трудовая деятельность С. К. Пилкина, а затем приводятся сведения, которые, по мнению комиссии, дают основание для репрессий: *«С 1905 по 1917 г. состоял в Конституционно-демократической партии. Был членом Районного комитета В. О. района. Заграницей (так!– Авт.) 4 брата эмигранта, гвардейские офицеры. В Академии по его протекции работают его прежние сослуживцы и родственники Томулец, Милевский, М. М. Риккерт, жена. Постановили, принимая во внимание, что 1) Пилкин С. К. не имеет никакой библиотечной подготовки и научной специальности, 2) Пилкин, будучи Зав. Иностранным отделением, владеет только одним французским языком, 3) заведывание иностранным отделением требует серьезных специальных научных знаний в интересах своевременного доставления работникам Академии наук нужной для научной работы литературы, 4) установлен ряд фактов протекционизма со стороны Пилкина, 5) является чуждым советской общественности и строительству. – Пилкина К. С. (так!– Авт.) с работы в Академии наук снять по первой категории и запретить работу в гос. общественн. и кооперативных учреждениях. Председатель – Фигатнер Секретарь – Садовский 26 авг. 1929 г. № 1338»* [там же, л. 38–38 об. Выписка из протокола заседания комиссии по проверке аппарата АН СССР от 3.8.1929 г.].

При этом С. К. Пилкину было выдано удостоверение, что он работал в Академии наук,

а затем уволен по первой категории с запрещением навсегда работать в государственных, общественных и кооперативных учреждениях [там же, л. 39. Выписка из протокола заседания комиссии по проверке аппарата АН СССР от 3.8.1929 г.].

Пока шло следствие, сроки содержания под стражей подследственных многократно продлевались, все это было оформлено, как пространные списки: «17. ПИЛКИНА Сергея Константиновича, 2 г[од] р[ождения] 1872, б[ывшего] дворянина, сына адмирала, камер-юнкера двора, женатого, беспартийного, с высшим образованием, безработного, несудившегося, проживающего] В[асильевский] О[стров] 17-я линия д. 4 кв. 2, – в прест[уплениях,] предусм[отренных] ст. 58 п. 2, п. 10, п. 11 и п. 14 УК.3) [20, с. 8]; «17. ПИЛКИНА Сергея Константиновича, 3 г[од] р[ождения] 1872, б[ывшего] дворянина, сына адмирала, камер-юнкера двора, женатого, беспартийного, с высшим образованием, беспартийного, несудившегося, проживающего] В[асильевский] О[стров], 17 линия д. 4, кв. 2, – в преступлен[иях,] предусмотрен[ных] ст. 58 п.п. 2, 10, 11 и 14 УК. (также из: Постановление по следственному делу № 1803 о продлении срока содержания под стражей до 1 декабря 1930 г. 80 подследственных, подозреваемых в принадлежности к “Всенародному союзу борьбы за возрождение свободной России” 20 сентября 1930 г.)» [там же, с. 52]; «Постановление Президиума ЦИК СССР об удовлетворении ходатайства ОГПУ о продлении срока содержания под стражей до 1 января 1931 г., 80 подследственных, подозреваемых в контрреволюционной деятельности 23 октября 1930 г. Выписка из протокола №–46/п Заседания Президиума ЦИК СССР от 23 октября 1930 г. С Л У Ш А Л И: П О С Т А Н О В И Л И: Ходатайство ОГПУ о продлении срока содержания под стражей гр[аждан]: Продлить по 1 января 1931 г. 1. ПЛАТОНОВА Сергея Федоровича, 2. ТАРЛЕ Евгения Викторовича, 3. ЛИХАЧЕВА Николая Петровича, 4. ИЗМАЙЛОВА Николая Васильевича, 5. РОЖДЕСТВЕНСКОГО Сергея Васильевича, 6. МЕРВАРТА Ал[ексан]дра Михайловича, 7. РАЕВСКОГО Николая Владимировича, 8. ВИТТЕНБУРГА Павла Владимировича, 9. БЕНЕШЕВИЧА Дмитрия Николаевича, 10. ПЛАТОНОВОЙ Нины Сергеевны, 11. МОЛАСА Бориса Николаевича, 12. ПЕТРОВА Ал[ексан]дра Ал[ексан]дровича, 13. ГЕЛЬМЕРСЕНА Василия Васильевича, 14. КОВРАЙСКОГО Даниила Васильевича, 15. ШОЛЫЦА Эмиля Эмилевича, 16. ПЛАТОНОВОЙ Марии Сергеевны,

17. ПИЛКИНА Сергея Константиновича, 18. БУТЕНКО Вадима Аполлоновича, 19. ТХОРЖЕВСКОГО Сергея Ивановича, 20. МАРТИНСОНА Федора Андреевича, 21. АНДРЕЕВА Ал[ексан]дра Игнатьевича, 22. БЕЛЯЕВА Михаила Дмитриевича, 23. ГИРСА Михаила Михайловича, 24. РОМАНОВА Бориса Ал[ексан]дровича, 25. СКРИБАНОВИЧА Федора Федоровича, ...» [там же, с. 73–74] и т.д.

В Ленинграде Сергей Константинович Пилкин проживал по адресу: В. О. (Васильевский остров), 17-я линия, дом 4, кв. 2 в. В 1931 г. был отправлен в Соловецкий лагерь, затем находился в ссылке во Владимире, где и скончался в 1944 г., в возрасте 73 лет [10, с. 395].

Основные документы о жизни и деятельности С. К. Пилкина сохранились в архивах:

1. СПбФ АРАН [Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук]. Ф. 158. Оп. 3 (1924). № 11 (485 л.); Ф. 4. Комитет Правления. Личные дела служащих АН. Оп. 4. № 1085. О возложении на колл. Сов. С. К. Пилкина исправление должности помощника заведывающего книжным складом Академии. 1 июля 1912 – 23 августа 1929 г. (39 л.); Ф. 4. Комитет Правления. Личные дела служащих АН. Оп. 4. Д. 5540. Пилкин Сергей Константинович; Ф. 247. Никольский Н. Н. Оп. 2. № 107; Ф. 247. Никольский Н. Н. Оп. 2. № 82. Документы о деятельности в комиссии о реорганизации библиотечного дела в АН СССР: выписки из протоколов ОС, положения о центральной и специальных библиотеках, книжных и картографических собраниях, записки, замечания, схемы управления библиотечной сетью. 1929 ноября 6 – 1930 апр. 12; 6. д.

2. ЦГА СПб [Центральный государственный архив Санкт-Петербурга]. Ф. Р-6754. Оп. 252. № 299. Пилкин Сергей Константинович. 23.04.1923–09.03.1926. Военный комиссариат. Архивная опись дел постоянного хранения. Личный состав, М–Я; Ф. Р-7240. Оп. 3. № 910. Пилкин Сергей Константинович. 01.01.1919–31.12.1919. ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет». Архивная опись дел постоянного хранения. Личные дела студентов Петроградского государственного университета. Оп. 3. Д. 910. 1919 г. дело об учебе в Петроградском ун-те, на юридическом факультете; Ф. 643. Глажевский волостной Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Волховского уезда Ленинградской губернии и его исполнительный комитет, 1918–1927 гг.). Оп. 1. Д. 10. Д. 14.

тинович. Управление Николаевской железной дороги. Петроград. 1851–1917. Личные дела рабочих материальной службы 1908–1932 гг.; Указатели к домовым книгам прописки граждан, личным делам и мatriкульным спискам.

1. Кориунов Ю. Л., Прасников В. Б. Лихой парусный капитан. Адмирал К. П. Пилкин – основатель минно-торпедной службы отечественного флота // Военно-исторический журнал. 2016. № 9. С. 59–64. URL: <http://history.milportal.ru/lixoj-parusnyj-kapitan-admiral-k-p-pilkin-osnovatel-minno-torpednoj-sluzhby-otechestvennogo-flota/> (дата обращения: 18.07.2024).
2. Ликин Ю., Логинов А. Винтовые клипера «Абрек» и «Всадник» // Морская Кампания. 2016. Вып. 55, № 3. С. 2–38.
3. Подробности Петропавловского сражения 24-го августа 1854 г. : [письмо К. П. Пилкина, служившего лейтенантом на фрегате «Аврора»] / сообщ. А. де-Ливрон // Морской сборник. 1911. № 3. Неофициальный раздел. С. 13–27.
4. Де-Ливрон А. К. Петропавловский бой: к 60-лет. годовщине. СПб. : тип. Мор. м-ва, 1914. 30 с.
5. Защитники Отечества. Героическая оборона Петропавловска-Камчатского в 1854 г. : сб. офиц. док., воспоминаний, ст. и писем / [сост. Б. П. Полевой]. Петропавловск-Камчатский : Дальневост. кн. изд-во, Камч. отд-ние, 1989. 270 с.
6. Газета «Вести». 26 Февраля 2019 г. URL: http://www.radio3.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=4098:2019-02-26-10-04-46&catid=24»& HYPERLINK «http://www.radio3.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=4098:2019-02-26-10-04-46&catid=24»view=article HYPERLINK «http://www.radio3.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=4098:2019-02-26-10-04-46&catid=24»& HYPERLINK «http://www.radio3.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=4098:2019-02-26-10-04-46&catid=24»id=4098:2019-02-26-10-04-46 HYPERLINK «http://www.radio3.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=4098:2019-02-26-10-04-46&catid=24»& HYPERLINK «http://www.radio3.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=4098:2019-02-26-10-04-46&catid=24»catid=24 (дата обращения: 18.07.2024).
7. Офицеры русской императорской армии. Пилкин Михаил Константинович // URL: https://www.ria1914.info/index.php/Пилкин_Михаил_Константинович (дата обращения: 18.07.2024).
8. ЦГА СПб. Ф. 643 (Глажевский волостной Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Волховского уезда Ленинградской губернии и его исполнительный комитет, 1918–1927 гг.) Оп. 1. Д. 14. Л. 39–39об.; Там же. Д. 10. Сведения о бывших частновладельческих хозяйствах Глажевской волости, Л. 12–12об. URL: https://vk.com/wall-75646142_3266 (дата обращения: 18.07.2024).
9. Русская армия в Первой мировой войне. Пилкин Константин Константинович // URL: <http://www.grwar.ru/persons/person/1014> (дата обращения: 18.07.2024).
10. Пилкин В. К. В Белой борьбе на Северо-Западе : дневник 1918–1920 / ред. И. В. Домнин. М. : Русский путь, 2005. 640 с.
11. ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Личные дела студентов СПбГУ. Оп. 3. Д. 910.
12. СПбФ АРАН. Ф. 4. Комитет Правления. Личные дела служащих АН. Оп. 4. Д. 5540. Пилкин Сергей Константинович. «Трудовой список» [официальный персональный документ, содержащий записи о трудоустройстве гражданина, был введен постановлением Совета Народных комиссаров СССР 21 сентября 1926 г. и существовал до 1938 г., его заменила «Трудовая книжка». Данный документ представляет собой печатную брошюру. Выходные данные «Трудового списка» С. К. Пилкина: М. : изд-во Вопросы труда, 1927].
13. Там же. Ф. 247. Никольский Н. К. Оп. 2. № 107. Л. 111–111об. В верхнем углу документа штамп фиолетового цвета: Российская Академия наук. Библиотека Отделение II (книги на иностранных языках). 1 марта 1924 г. № 40. Рукопись.
14. Там же. Ф. 4. Оп. 4. № 1085. Пилкин Сергей Константинович, заведующий Иностранным отделением БАН. Личное дело. 39 л.
15. История Библиотеки Академии наук СССР. 1714–1964 / С. П. Луппов, А. И. Копанев, М. В. Кукушкина [и др.]. М. ; Л. : Наука [Ленингр. отд-ние], 1964. 599 с.
16. Каратаев Н. М. Библиотека Академии наук // Природа. 1925. № 7/9. С. 159–172. URL: https://sergeyhry.narod.ru/priroda/1925/priroda1925_07_09_11.htm (дата обращения: 18.07.2024).

17. СПбФ АРАН. Ф. 158. Библиотека Академии наук (БАН) СССР (с 1724). Оп. 3. 1924. № 11. Дело производственные материалы 1917–1954.
18. СПФ АРАН. 247. Никольский Николай Николаевич. Оп. 2. № 82. Документы о деятельности в комиссии о реорганизации библиотечного дела в АН СССР: выписки из протоколов ОС, положения о центральной и специальных библиотеках, книжных и картографических собраниях, записки, замечания, схемы управления библиотечной сетью. 6 нояб. 1929 – 12 апр. 1930 г. ; б. д. Внутри дела папка: Разрозненные документы по истории БАН и ее реорганизации. С 1920 по 1925 г. – директор Библиотеки Академии наук и Книжной палаты (Института книговедения).
19. *Никольский К. Н., Пилкин С. К.* Библиотека Академии наук в новом здании // Библиотечное обозрение. Л., 1925. Кн. 2. С. 94–107.
20. Академическое дело 1929–1931 гг. : док. и материалы следств. дела, сфабриков. ОГПУ / сост. М. П. Лепехин ; редкол.: Ж. И. Алферов, Б. В. Ананьич, В. П. Леонов [и др.]. СПб. : БАН, 2015. Вып. 9, ч. 1–3: Обвинение. Приговор. Реабилитация. 1642 с.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ 1853–1856 гг.

Рассмотрена политическая обстановка в Европе в первой половине XIX в. в рамках Венской системы международных отношений. Представлена деятельность Священного союза европейских государств. Дана характеристика внутриэкономического и внешнеполитического положения России накануне Крымской войны (1853–1856). Есть сведения о состоянии вооруженных сил стран-участниц вооруженного конфликта (России, Франции, Англии, Турции).

Ключевые слова: внешняя политика; международные отношения; Венская система международных отношений; Венский конгресс; Священный союз; Крымская война (1853–1856).

Система международных отношений, сложившаяся после завершения Наполеоновских войн, получила название Венской по месту заключения официальных документов на Венском конгрессе (октябрь 1814 – июнь 1815 г.). Она просуществовала около 40 лет до начала Крымской войны 1853–1856 гг. Хотя некоторые историки считают, что Венская система просуществовала до Версальского мирного договора 1918 г. [1, с. 164]. Однако более часто встречающейся и традиционной датировкой Венской системы является все же период с 1815 по 1856 г.

На Венском конгрессе, созванном по завершении Наполеоновских войн, было зафиксировано новое политическое устройство Европы. Прежде всего, решения конгресса перекроили территориальную карту Европы. Все эти решения были изложены в Заключительном акте конгресса, принятом 9 июня 1815 г. Документ был подписан представителями Австрии, Великобритании, России, Франции, Пруссии, Швеции, Италии и Португалии. В дальнейшем к нему присоединились еще 33 государства [2, с. 301].

Основным итогом заключенных соглашений стало создание новой системы отношений в результате перегруппировки международных сил на европейской арене, главные роли на которой теперь принадлежали странам-победительницам – России и Англии. Послевоенная стабилизация международных отношений привела к созданию новой политической реальности, в основе которой лежали принципы легитимизма, консерватизма, баланса сил и политического равновесия. Они были призваны поддерживать европейский мир и стабильность внутриполитической жизни европейских государств.

Решениями Венского конгресса было закреплено новое соотношение сил в Европе, выдвинувшее на первые роли Россию и Великобрита-

нию. Консервативный, охранительный характер новой системы вполне отвечал интересам этих держав. Именно на этой основе был заключен четырехсторонний альянс, куда вошли Англия, Австрия, Россия и Пруссия; уже в 1818 г. к ним присоединилась Франция. Победители пришли к решению о том, что общеполитическая ситуация в Европе будет безопаснее, если не исключать Францию из «концерта» держав и не пробуждать ее реваншистских настроений. Особенностью Венского конгресса явилась его миссия, которая заключалась не в установлении мира (ибо эти решения уже были приняты Шомонским и Парижским договорами), а в провозглашении нового европейского порядка, существовавшего вплоть до Крымского противостояния, которое по своему масштабу вовлеченности заинтересованных держав явилось, по некоторым оценкам, Первой мировой войной XIX в.

Принципиально новым явлением международной жизни после венского урегулирования явилось создание Священного союза, который должен был привнести моральный аспект в отношения великих держав. Автором проекта был русский император Александр I. В основе идеи о союзе лежало стремление подвести под политические акции союзников некую идеологическую основу. Русский император призывал европейских монархов взять на себя моральную ответственность за урегулирование проблем международно-политической жизни Европы, которые должны были решаться в согласии с христианскими нормами сосуществования. Союзные державы, по условиям Акта Священного союза, должны были в своих действиях «руководствоваться... заповедями святой веры, любви, правды и мира».

14 сентября 1815 г. Священный союз был заключен между тремя восточными двора-

ми – Пруссией, Австрией и Россией; позже к нему присоединились все европейские державы, кроме Англии, Османской империи и Папского королевства. Британское правительство не сочло возможным публично поддержать провозглашенную державами обязанность вмешательства во внутренние дела других государств.

Становится очевидна направленность Союза на объединенный отпор революционному движению, являвшемуся реальной угрозой консервативно-легитимистскому порядку европейских монархий.

В исторической литературе Венская система международных отношений зачастую отождествляется с «системой Священного союза», поскольку основными принципами их деятельности были легитимизм и «право вмешательства» во внутренние дела других государств [3, с. 34]. Можно сказать, что идеология Священного союза явилась основным содержанием венской формы существования международных сил целой эпохи. Но задуманный Александром I Священный союз сыграл свою негативную роль в истории России, сдерживая ее внешнеполитические акции, направленные на решение, прежде всего, геополитических задач, стоявших перед государством. Другими словами, союз трех монархов стал *«инструментом для борьбы с амбициями царя»*, чего российский император не мог предугадать, выступая с инициативой его создания [4, с. 110].

Несмотря на преобладающую негативную оценку роли Венской системы и Священного союза в поступательном развитии Европы, господствовавшую длительное время в отечественной исторической литературе, следует отметить имеющуюся в историографии тенденцию к признанию в новом европейском порядке некоторой стабилизирующей роли, позволившей сохранить сорокалетний мир – самый продолжительный мирный период в истории Старого света.

Несмотря на продолжительность существования Венской системы вся ее конструкция отличалась неустойчивостью, которая была связана с нерешенными международными проблемами, не подвергавшимися рассмотрению на Венском конгрессе. Эти проблемы чувствительно затрагивали интересы Англии, Испании и России, которые не были готовы к совместному решению. При этом Великобритания была заинтересована рассматривать важные для нее южноамериканские сюжеты, а Россия – решить проблему Черноморских проливов [5].

Одновременно заинтересованность всех сторон-участников системы в ее сохранении служила гарантией поддержания такого баланса, который, не обладая постоянством сил, его составляющих, тем не менее, способствовал бы устойчивости всей системы в целом путем необходимых комбинаций и трансформаций.

Нас интересует, прежде всего, конечно, положение России в мировой и европейской политике. К концу первой трети XIX в. Российская империя была одним из крупнейших государств мира, прочно вошедшим в состав наиболее могущественных из них. Победоносные войны с наполеоновской Францией, успешная политика на Востоке, одержанные победы в войнах с Турцией и Персией высоко подняли престиж страны. Триумфальные военные кампании Александра I способствовали повышению авторитета русской армии в Европе. Однако в последующем этим желали воспользоваться некоторые страны, стремясь вовлечь Россию в орбиту своих внутренних и внешних интересов. Взять хотя бы в качестве примера участие в подавлении революционных движений в Европе. Время показало, что дружественные отношения с другими странами сохранялись до тех пор, пока это отвечало интересам последних. В политическом отношении дела велись так неудачно, что союзников мы не имели, а врагов, явных и тайных, имели слишком много.

В России в первой половине XIX в. происходил рост производительных сил, который неизбежно и закономерно приводил к постепенному формированию нового базиса – новых, прогрессивных для того времени, капиталистических производственных отношений. Формирование капиталистического уклада подрывало и разрушало феодальные устои, однако на дальнейшем экономическом, политическом и культурном развитии страны сильно сказывалась реакционная роль самодержавия – политической надстройки старого, отживавшего феодально-крепостнического базиса.

Накануне Крымской войны Россия обладала более сильной производственной базой, чем в начале XIX в.; увеличилось число крупных мануфактур и фабрик, расширился внутренний рынок, развились товарно-денежные отношения. Значительно возрос экспорт хлеба. Однако пережитки крепостнического хозяйства предопределяли отсталость России, и к 50-м гг. XIX в. страна значительно отставала от государств Западной Европы, вступивших гораздо раньше на путь капиталистического развития.

Отставание России особенно сильно проявлялось в черной металлургии. Если в конце XVIII в. Россия выпускала чугуна больше, чем Англия, то к середине XIX в. она производила его по сравнению с Англией уже в 10 раз меньше. Применение дарового труда крепостных не стимулировало, а тормозило внедрение машин, новых процессов и методов производства в различные отрасли промышленности. В то же время передовая научно-техническая мысль России не отставала от зарубежной; в науке и технике не было области, не имевшей выдающихся вкладов отечественных ученых. Однако научные открытия и изобретения не находили широкого практического применения в крепостнической России.

Бывший министр финансов Н. Бунге так рисует внутреннее положение России: *«Ко времени Крымской войны пути сообщения находились у нас в плачевном состоянии. Железных дорог было построено <...> всего 963 версты. Шоссейных дорог <...> существовало всего 5625 верст. Личность и имущественные права 20 млн крепостных крестьян не были достаточно ограждены законом. Администрация наша была продажна, и, начиная от полицейских служителей до губернаторов, за редкими исключениями, все получали содержание от питейных откупщиков. Суды наши были полны "неправды черной". Образование наше давало тощие плоды, общественного мнения не было, а печать высказывала только то, что разрешала цензура, часто невежественная и тупая».* [6] Лица, в руках коих при императоре Николае I находилась правительственная власть, скрывали от него истинное международное и внутреннее положение России, император имел неверное мнение относительно готовности Австрии и Пруссии поддержать его требования по делам Ближнего Востока. От него была скрыта отсталость нашей армии и флота от армий европейских государств. Эта отсталость происходила вследствие недостаточности денежных средств на переустройство технической части армии и флота. Начатая при этих условиях война 1853–1856 гг. слишком поздно открыла глаза царю на истинное положение России в середине 19-го столетия: военное и международное.

Еще со времени подписания Лондонских конвенций 1840–1841 гг. русский двор был одержим желанием изолировать Францию, не допустить ее участия в важнейших международных договоренностях. Делая ставку на русско-английское сближение, российское прави-

тельство не приняло во внимание непостоянство союзнических отношений Великобритании, использовавшей те или иные комбинации исключительно в своих целях. В сложившейся ситуации англичане пытались выгадать на русско-французских противоречиях, используя обе стороны.

Из бесед императора с англичанами следовало, что русский император вынашивает определенные планы относительно разрушения Османской империи; это и привело к созданию консолидированной позиции Запада по отношению к России.

Безусловно, Крымская война была порождена целым комплексом сложных причин и явилась результатом обострения политических, идеологических и экономических противоречий на Ближнем Востоке и Балканах между Англией, Францией, Турцией и Россией.

И взвешенной представляется позиция А. М. Зайончковского, который утверждал: «Вопрос о Святых местах был лишь прологом к великой исторической драме» [7].

Вооруженные силы России. Перед Крымской войной русская армия отставала в своем развитии от армий европейских стран. Высший офицерский корпус отличался, в большинстве своем, безынициативностью и крайней нерешительностью.

Оставленный без решения крестьянский вопрос и крепостнические отношения задерживали развитие промышленности, промышленной техники и, следовательно, техники военной. Теоретические наработки и опытные образцы военной техники у русской армии были, но серийное производство сталкивалось с большими трудностями. Николай I взвалил на казну непомерное бремя по развитию страны: от постройки железных дорог, до содержания раздутого бюрократического аппарата. У казны просто не хватало денег для быстрого перевооружения.

В итоге, можно сказать, по своему вооружению и по системе управления русская армия не отвечала новым условиям ведения войны.

Россия располагала обученной сухопутной регулярной и иррегулярной армией численностью почти 1 400 000 человек, среди них было до 31 400 генералов и офицеров. Русская армия комплектовалась рядовым составом, как и прежде, по рекрутской системе. На службу брали мужчин от 20 до 35 лет. Срок службы определялся от 22 до 25 лет. Офицерский корпус по-прежнему комплектовался из дворян. В офи-

церы производили лиц, окончивших военные учебные заведения, кадетские корпуса, школы и училища, и из числа вольноопределяющихся. Для подготовки офицеров Генерального штаба в 1832 г. создается военная академия – первое высшее военно-учебное заведение. В 1855 г. во время Крымской войны учреждаются артиллерийская и инженерная академии.

Пехота подразделялась на линейную, действующую в сомкнутых строях, и легкую. Легкую составляли егеря, карабинеры и стрелки, вооруженные штуцерами и объединенные в стрелковые батальоны. В ходе Крымской войны стрелковые штуцерные батальоны показали свое огромное преимущество перед егерями. В дальнейшем вся пехота стала однородной по вооружению, получив нарезное ружье.

К 1853 г. вся пехота насчитывала 110 полков и 84 грузинских, черноморских, кавказских, оренбургских, сибирских и финляндских линейных батальона. Конница перед Крымской войной подразделялась на тяжелую (кирасирскую и драгунскую) и легкую (уланскую и гусарскую). Кавалерийских полков было 59.

В полевой артиллерии в мирное время числилось 1 134 орудия и в военное – 1 446. Предпринятые в 1838 г. преобразования русской артиллерии во многом улучшили орудия, но оставляли почти без изменений незначительную дальность стрельбы. Гранатой артиллерия вела прицельный огонь на дистанцию до 1 280 м, картечью – более 600 м. Все орудия были медными, гладкостенными, заряжающимися с дула. Но необходимо отметить, что в составе русской армии имелась ракетная батарея. Дальность стрельбы некоторых типов ракет составляла 4 150 м.

Высшей организационной единицей были корпуса, большей частью состоявшие из 3 пехотных дивизий 4-полкового состава (соединенных в 2 бригады). Всего корпусов было 14, в том числе 11 пехотных и 3 кавалерийских. Из корпусов и дивизий составлялись армии.

Основная масса пехоты и кавалерии была вооружена гладкоствольными, заряжавшимися с дула, кремневыми и ударными ружьями. Нарезными ружьями-штуцерами, значительно превосходящими гладкоствольные ружья по своим характеристикам (и также заряжавшимися с дула), в русской армии к началу войны было вооружено всего порядка 4,5 % пехоты.

Боевой строй роты и батальона представляли собой развернутый в три шеренги, предназначавшийся, главным образом, для ведения ружейного огня, колонный – для штыковой

атаки, каре – против конницы противника и, наконец, рассыпной строй, или строй стрелковой цепи, ведущий огонь рассредоточенным рассыпным строем. До Крымской войны и в ходе ее колонны считались основным строем пехоты. Рассыпной строй стрелковой цепи, действовавшей впереди фронта, рассматривался как вспомогательный строй, предназначенный для легкой пехоты – егерей и штуцерных.

Кавалерия выстраивалась для атаки развернутым строем, для рассыпной атаки – рассыпным строем, для маневрирования – колоннами.

Военно-морской флот России по численности боевых кораблей прочно занимал третье место после Англии и Франции. Боевые корабли и их вооружение, в общем, соответствовали требованиям военного дела. Но Россия к началу Крымской войны имела очень мало паровых судов, хотя по организации и боевой подготовке Черноморский флот, благодаря деятельности адмиралов М. П. Лазарева, П. С. Нахимова, В. А. Корнилова и В. И. Истомина, превосходил английский и французский флоты.

Перед Крымской войной Балтийский флот имел 26 линейных кораблей, 9 фрегатов, 8 корветов и бригов, 9 пароходо-фрегатов, а Черноморский флот – 14 линейных кораблей, 6 фрегатов, 16 корветов и бригов, 6 пароходо-фрегатов. Накануне Крымской войны Россия не имела ни одного винтового корабля.

Условия существования: с одной стороны, русские войска немного легче переносили холодные крымские зимы, но с другой русские солдаты не сразу адаптировались к летней жаре. И в том, и в ином случае люди погибали от лихорадки, холеры, порой просто от голода и холода, т. к. огромной русской армии критически не хватало продовольствия. Порой даже офицеры вынуждены были грызть сухари.

Вооруженные силы Франции. Из армий держав коалиции наиболее сильной и многочисленной была французская армия. В мирное время при ежегодных наборах посредством жеребьевки на военную службу поступала примерно половина молодых людей, участвовавших в жеребьевке: из 140 000 примерно 60 000–80 000 человек. Обязательный срок службы был 7 лет.

Ко времени Крымской войны в армии, общей численностью 539 000 человек, пехоты было 383 000 человек (линейной и легкой), в том числе: стрелков – 26 000 человек, африканских войск – 22 000, кавалерии – 86 000 человек;

артиллерийских и специальных войск – 70 000 человек.

Пехота была вооружена гладкоствольным ружьем с ударным замком и штыком и, частично, нарезными ружьями.

Французская армия располагала подвижной и достаточно маневренной на поле боя артиллерией. Численность орудий в армии доходила до 1 200. Неплохо были подготовлены специальные войска: инженерные, санитарные, обозные.

Высшей организационной единицей в войсках в мирное время являлась дивизия, а во время войны – корпус, состоявший из 2 или 3 пехотных дивизий и 1 кавалерийской дивизии или же кавалерийской бригады.

В тактике продолжали господствовать наполеоновские образцы. Бой сводился к действию тесно сомкнутых построений-колонн и рассыпанных в цепь впереди них стрелков, вооруженных нарезными ружьями.

Военно-морской флот Франции по числу паровых судов занимал второе место в мире после Англии и состоял из 171 судна. В составе флота было 25 линейных кораблей, 38 фрегатов и 108 паровых судов, среди них были винтовые линейные корабли и фрегаты.

Вооруженные силы Англии. Английская армия была сравнительно малочисленной. Она насчитывала в 1855 г. 120 000 человек пехоты, 10 000 кавалерии, 12 000 в артиллерии с 600 пушками. Из этих 142 000 человек около 32 000 находились в Крыму. Постоянная армия комплектовалась на основе наемно-вербовочной системы. Кроме постоянной армии, были войска милиции (60 000 человек), которую нельзя было использовать на чужеземных театрах войны.

Высшим организационным соединением в военное время была дивизия, состоявшая из бригад, в которые сводились полки. В Англии, благодаря высокому состоянию промышленного развития, было изготовлено нарезных винтовок больше, чем в любой другой стране. Во время боевых действий в Крыму значительная часть английской пехоты имела на вооружении нарезные ружья. Кавалеристы имели на вооружении сабли и пистолеты.

Войска сражались в линейных построениях, на поле боя их тонкие четырехшереножные линии растягивались на 2-3 км. Английские солдаты, за малейшие проступки подвергавшиеся суровым взысканиям, были дисциплинированы и послушны. Английский солдат,

когда действовал массами в сомкнутом строю, редко отступал перед неприятелем и почти никогда не терпел полного поражения. Когда же он предоставлен самому себе, он неповоротлив, несообразителен и беспомощен. Английская армия, привыкшая пользоваться большими удобствами в условиях казарменной жизни, весьма болезненно переносила лишения, встречающиеся в ходе войны. Особенно страшной для английской армии оказалась суровая крымская зима.

Действенность британской армии ослаблялась невежеством, как теоретическим, так и практическим, офицерского состава. Британский офицер почитал своим долгом во время боя вести своих людей на неприятеля и показывать пример храбрости. Умение же руководить войсковой частью как бы не входило в его обязанности. Профессиональная подготовка находилась на низком уровне. Ни одни пушки в мире не давали такого большого отклонения снаряда от цели, как английские.

Англия располагала сильным военно-морским флотом, в составе которого было много паровых судов. Перед Крымской войной он имел более 200 судов с 4 673 орудиями, насчитывал 30 линейных кораблей (в т. ч. с паровым двигателем – 11), фрегатов парусных – 50, пароходо-фрегатов – 32, мелких судов парусных – 67 и паровых – 71.

Вооруженные силы Турции. Армия комплектовалась на основе ежегодного набора рекрутов посредством жеребьевки. Срок службы в армии был 12 лет.

В военное время из резервных войск формировались корпуса. Набор солдат осуществлялся также путем добровольной записи. Из добровольцев составлялось иррегулярное пешее и конное войско – башибузуки. Действующая регулярная армия (низам) делилась на 6 корпусов, каждый корпус дислоцировался в том округе, где он набирался. В низаме до Крымской войны было 36 полков пехоты – 90 000 человек, 24 полка кавалерии – 16 000 человек, 10 полков полевой и крепостной артиллерии – 12 400 человек. Всего 136 000 человек.

Вспомогательные войска поставляли дунайские княжества, Сербия, Босния и Герцеговина, Верхняя Албания, Египет, Тунис и Триполи. Всего эти войска насчитывали 116 000 человек. В военное время общая численность всех войск Турции была не менее 400 000 человек.

На вооружении пехота имела гладкоствольное ружье со штыком и тесак; нарезных ружей

в армии было немного. Кавалеристы были вооружены саблями, двумя пистолетами и, кроме того, пикой или карабином.

Турецкая армия, весьма разношерстная по своему составу, имела плохо обученный офицерский состав. Турецкий солдат отличался воинственностью, был храбр, вынослив и при известных условиях послушен.

Турецкий военно-морской флот насчитывал до 70 кораблей, 4 тысячи орудий. В составе флота было 13 линейных кораблей и фрегатов, 17 пароходов.

Сардинская (пьемонтская) армия. Выступала на стороне коалиции, была хорошо организована и обладала неплохими боевыми качествами. В действующих войсках числилось до 80 000 человек: около 57 000 пехоты, 12 000 человек кавалерии, 38 000 человек в резервных частях.

Таким образом, военные силы стран коалиции по своей численности и по вооружению значительно превосходили русские вооруженные силы [8].

Накануне войны. Прелюдией Крымской, или Восточной, войны стало новое обострение восточного вопроса. В рутинных спорах о святых местах в Палестине никто сначала не заметил грозных признаков надвигающейся бури. В 1850 г. православный патриарх Иерусалимский Кирилл обратился к турецким властям с просьбой разрешить починку главного купола храма Святого Гроба Господня. Тогда же в Париже появилась брошюра священника Боре, обвинявшего палестинское православное духовенство в захвате некоторых святынь, принадлежавших ранее католической церкви. В мае того же года французский посол в Константинополе в энергичных выражениях потребовал от султана Абдул-Меджида восстановить права латинской церкви в Палестине. Интересно, что французская общественность вспомнила о «святых местах» – храме в Вифлееме, где родился Христос, и Гробе Господнем в Иерусалиме – спустя полвека после того, как Франция утратила над ними контроль. В 1740 г. по настоянию Франции преимущественные права здесь получили католики, но в годы французской революции первенствующее место заняла православная церковь. Луи Наполеону нужна была поддержка католической церкви, так же, как и успехи во внешней политике. Декабрьский переворот 1851 г. Николай I

расценил как шаг на пути ликвидации последних остатков республиканского строя. Но когда ровно через год, в декабре 1852 г., Луи Наполеон провозгласил себя «императором французов» с титулом Наполеона III, то он натолкнулся на жесткое сопротивление русского императора. Николай воспринял это как вызов державам, воевавшим с Наполеоном, прежде всего – России [9, с. 401–402]. Англичане вели двойную игру. На словах обещая поддержку России, на деле поддерживали Францию. Султанское правительство в споре из-за «святых мест» попеременно делало уступки то России, то Франции. У российского императора в результате ошибочного понимания международных отношений сложилась иллюзия, что Франция находится в изоляции и ей можно диктовать желаемые условия. Уклончивые и обтекаемые ответы англичан он воспринимал как согласие с позицией России.

Тон некоторых проектов документов, которые русской стороной предлагались султану, европейцами был признан оскорбительным. Ряд пунктов проекта договора султанское правительство, поддержанное Англией и Францией, посчитало оскорбительными. Турция объявила, что это является вмешательством в ее внутренние дела. Европейское общественное мнение захлестнула волна русофобии. Россия и Турция обменялись демаршами, в бухту у входа в Дарданеллы вошли английская и французская эскадры. 22 июня 1853 г. армия под командованием генерала Горчакова заняла Молдавию и Валахию.

Англо-французская дипломатия попыталась организовать против России широкую коалицию, но сумела вовлечь в нее только зависимое от Франции Сардинское королевство. Вступая в войну, англичане и французы приняли грандиозную демонстрацию у берегов России, атаковав летом 1854 г. почти одновременно Кронштадт, Соловецкий монастырь на Белом море и Петропавловск-Камчатский. Таким образом, театр военных действий Крымской войны включал в себя не только Черное, но и Балтийское, Белое моря, Закавказье, Дальний Восток. Союзники рассчитывали дезориентировать русское командование и заодно прозондировать уязвимость границ России. Расчет не оправдался. Русские пограничные гарнизоны отбили все атаки союзников. 14 июня 1854 г. основные силы англо-французского флота в составе 18 линейных кораблей, 8 фрегатов и нескольких меньших судов подошли

к Кронштадту. Убедившись в невозможности захвата Кронштадтской крепости, английский адмирал приказал сняться с якорей и выйти в море. В течение всего лета союзная эскадра блокировала и обстреливала прибрежные пункты Выборг, Або (Турку), Ревель (Таллин) и другие. 18 июля 1854 г. монахи Соловецкого монастыря во главе с игуменом Александром отразили вражеское нападение двух английских пароходо-фрегатов «Бриск» и «Миранда». Тем же летом новые поражения потерпели на Кавказе турецкие войска. 1 и 5 сентября 1854 г. русские солдаты и матросы отразили два штурма превосходящих сил объединенной англо-французской эскадры с отрядом морской пехоты на борту. С осени 1854 г. союзники перешли от демонстраций к решительным действиям на берегах Крыма.

В течение пяти дней, со 2 по 6 сентября, 62-тысячная союзная армия на 360 судах беспрепятственно высаживалась близ Евпатории, а затем двинулась на юг к Севастополю – главному опорному пункту России в Крыму. Главнокомандующие противостоящих армий были неважными полководцами. А. С. Меншиков проявлял потрясающую беспечность, а маршал А. Сент-Арно и фельдмаршал Ф. Раглан не демонстрировали искусственности в вопросах управления войсками. Но войска союзников почти вдвое превосходили русскую армию и почти втрое были лучше оснащены и вооружены.

Это сказалось в сражении на Альме 8 сентября 1854 г., где русская 35-тысячная армия потерпела поражение. Русские солдаты, не в пример своему главнокомандующему, сражались героически, нанеся большие потери неприятелю. Это заставило герцога Кембриджского воскликнуть: «Еще одна такая победа, и у Англии будут две победы, но не останется армии!»

Русская армия отступила к Севастополю и 13 октября дала союзникам еще одно сражение – Балаклавское, в ходе которого англичане потеряли значительную часть легкой кавалерии. Тем не менее, русские не смогли в ходе Балаклавского сражения достичь поставленной цели – разгромить английский лагерь и прекратить снабжение английских войск. Но итогом сражения стал отказ союзников от идеи захвата Севастополя штурмом и переход к позиционным осадным действиям.

Сражение под Инкерманом 24 октября 1854 г. было проиграно русскими. И только тогда Николай I уволил Меншикова, а новым глав-

нокомандующим назначил Горчакова, который в сражении у Черной речки 4 августа 1855 г. сделал последнюю попытку снять осаду Севастополя, но был отбит.

Героическая оборона Севастополя началась 13 сентября 1854 г. и продолжалась 349 дней. Ее организатором стал адмирал В. А. Корнилов. 120-тысячной союзной армии противостояли всего лишь 35 000 защитников города. Тем не менее, в тяжелейших условиях нехватки людей, боеприпасов, продовольствия, медикаментов русским войскам удалось 11 месяцев сдерживать неприятеля. Лишь 27 августа 1855 г., после взятия союзниками Малахова кургана русская армия оставила город, взорвав уцелевшие бастионы и затопив корабли.

Но к этому времени Россия понесла тяжелые людские потери (до 500 000 человек) и оказалась на грани финансового краха. Но борьба за Севастополь истощила и силы союзников, потерявших до 350 000 человек. Прорваться из Крыма в глубь России они даже не рискнули.

А на Кавказском фронте русские войска до конца войны сохраняли инициативу и под командованием Н. Н. Муравьева 16 ноября 1855 г. взяли Карс.

Не рассчитывая на близкое окончание войны, Наполеон III, который не хотел ни усиливать Англию, ни ослаблять Россию сверх меры, и Александр II, взошедший на престол после смерти Николая I, заговорили о мире. Франция больше воевать не хотела, Турция не могла, а бороться против России один на один было не в правилах Англии. Пришлось и ей соглашаться на мир. Мирный договор был подписан 18 марта 1856 г. в Париже на международном конгрессе с участием всех воевавших держав, к ним присоединились Австрия и Пруссия. Главе российской делегации А. Ф. Орлову удалось добиться условий менее тяжелых и унижительных для России, чем ожидалось после войны.

В результате Россия теряла устье Дуная, южную Бессарабию, лишалась права иметь на Черном море военный флот и прибрежные арсеналы, поскольку море было объявлено нейтральным. Покровительство турецким христианам было передано в руки «концерта» всех великих держав – Англии, Франции, Австрии, Пруссии и России. Россия возвращала Турции Карс, союзники возвращали России Севастополь, Евпаторию и другие русские города.

Поражение в Крымской войне (1853–1856) продемонстрировало, что страна может окончательно утратить статус великой державы.

Крымская война явилась сильнейшим толчком к обострению социального кризиса внутри страны, способствовала развитию массовых крестьянских выступлений, ускорила падение крепостного права и проведение буржуазных реформ.

1. *Медяков А. С.* История международных отношений в Новое время. М. : Просвещение, 2007. 463 с.
2. *Зак Л. А.* Монархи против народов: дипломатическая борьба на развалинах наполеоновской империи. М. : Междунар. отношения, 1966. 376 с.
3. *Додолев М. А.* Венский конгресс в историографии XIX и XX веков. М. : Ин-т всеобщ. истории РАН, 2000. 253 с.
4. *Майский И. М.* Испания. 1808–1917. М. : изд-во АН СССР, 1957. 454 с.
5. От царства к империи: Россия в системах международных отношений, вторая половина XVI – начало XX века. М. ; СПб. : Центр гуманитар. инициатив, 2015. 440 с.
6. *Куropаткин А. Н.* Русская армия. СПб.: Полигон., 2003. С.12.
7. *Зайончковский А.М.* Восточная война .1853-1856. Т.1. СПб. Полигон., 2002. С. 336.
8. Регулярная армия России. Русская армия и флот в XIX веке (1830–1870) / Ю. А. Алексеев, С. Б. Еременко, М. Н. Зуев [и др.]. М. : Ин-т воен. истории МО РФ, 2007. 303 с.
9. *Высочков Л. Николай I. М.* : Молодая гвардия, 2003. 424 с.

О НАГРАЖДЕНИИ СЯЩЕННИКА ПЕТРОПАВЛОВСКОГО СОБОРА ГЕОРГИЯ ЛОГИНОВА ЗА УЧАСТИЕ В ОБОРОНЕ ПЕТРОПАВЛОВСКА

Краткие сведения из биографии Георгия Логинова, священника Петропавловского собора. Особое внимание уделено его участию в обороне города (1854), представлены архивные документы о его награждении Золотым крестом на георгиевской ленте. Есть также сведения о священнике А. Я. Городнове, посетившем Петропавловск в 1910 г. и оставившем сведения о том, где хранилась награда Логинова.

Ключевые слова: Петропавловская оборона; Камчатская епархия; священники; награды; Логинов Г.

Героизм священников в дни обороны Петропавловского порта (1854) был освещен в периодической печати того времени [18, с. 184; 13, с. 36–37], не забыты они и сегодня, продолжая вдохновлять наших современников [1, с. 82–83; 2, с. 331]. В опубликованных источниках информации как особо отличившегося отмечают благочинного Георгия Логинова. Имеются сведения о его происхождении, образовании и службе до этих событий и в сане протоиерея Петропавловского собора [8, с. 603]. Однако детали его дальнейшей биографии и судьба полученных им высоких наград не столь широко известны.

В Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге имеются два дела, содержащие документы, как непосредственно касающиеся награждения, так и биографические данные камчатского протоиерея Георгия Ивановича Логинова. Первое – «Дело о награждении священников Георгия и Александра Логиновых и Михаила Коллегова, первого наперсным крестом и последних скуфьями» [16]. Второе – «Дело о назначении дочери умершего протоиерея Варваре Логиновой и вдове священника Татьяне Черных пенсий» [17].

Содержание первого дела, которое было начато 21 декабря 1854 г. и кончено 14 марта 1857 г., отражает особенности документооборота того времени [таблица – Авт.]. Безусловный интерес представляет документ № 1 как ранее не публиковавшийся:

**«В Святейший Правительствующий Синод
Иннокентия Архиепископа Камчатского
Представление**

Господин Камчатский Военный Губернатор Завойко в отношении своем ко мне от 7 сентября сего года за № 2454 пишет мне следующее: «При помощи Всемоущего Бога Петропавловский порт отразил нападение эскадры 6 Английских и Французских судов, находившей-

ся на рейде Авачинской губы с 18 по 27 августа сего года.

В это время священники Георгий Логинов, Александр Логинов и Михаил Коллегов, призываемые неоднократно к служению молебствий о даровании победы Государю императору над врагами, совершали оные во время действий неприятельской эскадры с опасностью жизни и являлись не однократно сами без призыва, делая назидательные наставления войску.

Доводя о сем до сведения Вашего Высокопреосвященства, считаю обязанностью почтительнейше просить не оставить ходатайством Вашим о награждении помянутых духовных лиц, а также и иеромонаха Александра-Невской Лавры Ионы, исполнившего те же обязанности на фрегате «Аврора»».

Долгом считая представить сие на благоусмотрение Святейшего Правительствующего Синода, честь имею присовокупить к тому, что к награждению вышеозначенных трех лиц принадлежащих Камчатской Епархии препятствий нет никаких, как это можно видеть из прилагаемых при сем их послужных списков; а о Иеромонахе Ионе мне ничего не известно официально. Что же касается до того, какими именно наградить их знаками отличий, то я это считаю не моим делом, а только обязуюсь сказать, что если Священники Александр Логинов и Михаил Коллегов будут удостоены награждения на пр. скуфьями, то тогда Священнику Георгию Логинову как Благочинному и перводействовавшему я полагал бы дать наперсный крест, между прочим, и потому, что я независимо от сего имел в виду представить его к камилавке в непродолжительном времени, и при первом моем с ним служении возвести его в сан Протоиерея на штатное место им занимаемое.

**Вашего Святейшества Нижайший Послушник
Иннокентий Архиепископ Камчатский,
Курильский и Алеутский»** [16].

Священники Петропавловского собора получили свои награды, однако более чем через два года Высочайше решено выданную Г. И. Логинову от Синода награду заменить на Золотой крест на георгиевской ленте, как это следует из содержания документа № 9 [таблица. – Авт.]: «Г. временноуправляющий Морским Министерством Вице-Адмирал Метлин уведомляет, что по засвидетельствованию бывшего Камчатского Военного Губернатора, Благочинный Камчатских церквей Священник Георгий Логинов, во время бомбардирования Англо-Французским Флотом в 1854 г. Петропавловска, ежедневно находясь на батареях и подвергая жизнь свою опасности, был главным ему помощником в воодушевлении нижних чинов, почему Контр-Адмирал Завойко ходатайствовал о замене Священнику Логинову ВСЕМИЛОСТЛИВЕЙШЕ пожалованного наперсного креста таковым же крестом на Георгиевской ленте и по всеподданнейшему о сем докладу Государю Императору, Его Величеству благоугодно было означенное ходатайство ВЫСОЧАЙШЕ разрешить. О таковой Монаршей воле имею честь объявить Святейшему Синоду для зависящих распоряжений. За Обер-Прокурора, Тайный Советник Сербинович» ниже «Директор Франк» [16, л. 14–14об.].

Крест, выдаваемый от Синода, очевидно, у Георгия Логинова, как это было предписано документом № 10, был отобран. Необходимо отметить и то, что в документе № 11 имеется краткое изложение содержания послужных списков священников Петропавловского собора. «...Из приложенных при сем формулярных списков видно: а) Священника Георгия Логинова, что он 31 года от роду. В 1839 г. по окончании курса в Иркутской Д. Семинарии, рукоположен во священника к Камчатскому Петропавловскому Собору... Женат, имеет трех сыновей и трех дочерей. б) Священника Александра Логинова, что он 38 лет от роду, из духовного звания. В 1837 г. по окончании Камчатского Духовного училища определен к Петропавловскому Собору Пономарем, в 1845 г. дьячком, а в 1853 рукоположен во священника... Женат, имеет одного сына и четырех дочерей. в) Священника Михаила Коллегова от роду 35 лет, из духовного звания. Обучался в Иркутской Семинарии, в 1838 г. определен Пономарем к Петропавловскому Собору, в 1842 г. произведен во диакона к сему же собору и в том же году во священника к Мильковской Богоявленской церкви, а в 1850 переведен к Петропавловскому Собору... Женат, имеет трех дочерей» [там же, л. 17–18]. Документ позволяет

сделать вывод, что он был не только самым молодым из священников Петропавловского собора, но и наиболее многодетным.

Во втором деле [17], которое было начато 28 февраля 1877 г. и кончено 9 октября 1880 г., имеется СВИДЕТЕЛЬСТВО. «Сим свидетельствуем, что в метрических книгах Камчатского Петропавловского Собора за 1859 г. части первой о родившихся под № 4 женского пола значится у Благочинного Камчатских церквей Священника Георгия Иоаннова Логинова и законной жены его Матрены Семеоновой родилась дочь Варвара, тысяча восемьсот пятьдесят девятого года двадцать второго февраля, которая крещена того же года первого марта Священником Михаилом Григорьевым Коллеговым с Дяконом Феодосием Лавровым и с Дьячком Моисеем Коллеговым, при крещении восприемники были: Камчатского Петропавловского Собора Священник Михаил Григорьев Коллегов, и Камчатского Почтового Отделения Письмоводителя Баишева жена Елизавета Александрова. Дано на основании 107 ст. Устава Духов. Консistorии за подписями причта и приложением церковной печати. 1876 г. мая 7 дня. Священник Харлампий Петрологин Дьячок Семен Сипаев Пономарь Геронтий Коллегов» [там же, л. 5–5об.].

Последняя официальная характеристика – послужной список «О службе умершаго Протоиерея Камчатской епархии. Камчатского Петропавловского Собора Георгия Логинова». Составлен 11 октября 1876 г. «...Камчатской Епархии, Камчатского Петропавловского Собора протоиерей Георгий Иоаннов Логинов. 63 лет. Был в действительном сражении в 1854 г. противу Англо-Французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа. Вдов, имеет детей: сына Николая 19 лет, обучающегося в Благовещенской Духовной Семинарии, и дочерей: Ирину 25 лет 11 месяцев и Варвару 17 лет и 7 месяцев, находящихся при отце. Родился в Иркутской Епархии, сын причетника. Обучался в Иркутской Духовной Семинарии, кончил курс с аттестатом 2-го разряда. По окончании курса наук семинарии, Преосвященным Иннокентием Епископом Иркутским определен учителем 2-го класса Якутского духовного приходского училища – 26 июля 1836 г. Правлением Иркутской Семинарии с утверждения Высокопреосвященного Нила, Архиепископа Иркутского назначен учителем 2-го класса Камчатского духовного приходского училища и Инспектором оною с выдачею от такового же Якутского училища аттестата

о его поведении и усердии к службе – **13 августа 1838 г.** Тем же Высокопреосвященным рукоположен во Дякона к Петропавловскому собору – **19 февраля 1839 г.** Тем же Высокопреосвященным рукоположен во Священника к тому же Собору – **26 февраля 1839 г.** Вступил в исправление возложенных на него обязанностей в Камчатке – **7 августа 1839 г.** Награжден набедренником – **8 ноября 1840 г.** Камчатским оспенным комитетом избран в члены оного – **15 ноября 1840 г.** Преосвященным Иннокентием Епископом Камчатским определен членом Камчатского Духовного Правления и депутатом Соборного духовенства – **18 июля 1841 г.** Тем же Преосвященным определен Попечителем о бедных духовного звания – **14 октября 1842 г.** Особо учрежденною Комиссиею, для обревизования Камчатского Духовного Училища, с утверждения Преосвященного вменен в заслугу найденный порядок по учебно-нравственной части – **14 октября 1842 г.** По случаю закрытия Камчатского Духовного Училища, от училищных должностей уволен с аттестатом и открыл училище для приходских детей всех сословий под своим руководством – **16 июля 1845 г.** По распоряжению Епархиального начальства, начал в Петропавловском Соборе преподавать детям прихожан обоего пола правила христианского жизнеповедения после каждой воскресной вечерни – **12 июня 1845 г.** Возложена должность казначея Попечительства о бедных духовного звания – **22 марта 1846 г.** Определен помощником Благочинного Камчатских церквей – **13 марта 1848 г.** Всемилоостливейше награжден бархатною скуфьею – **21 апреля 1850 г.** Определен в 46 флотский экипаж для исправления церковных треб у кантонистов, а в Морском Петропавловском училище законоучителем – **8 декабря 1850 г.** Назначен исправлять должность Благочинного Камчатских церквей – **6 сентября 1852 г.** Утвержден в сей должности – **8 декабря 1854 г.** За усердную и полезную службу в Камчатке свыше 10 лет Высочайше назначен пожизненный пенсioen из полного оклада жалования 85 р. 80 коп. в год, с производством с 7 августа 1849 г. – **31 декабря 1854 г.** За оказанный подвиг самоотвержения при отражении неприятельского нападения на Петропавловский порт в августе 1854 г. Высочайше награжден наперсным от Св. Синода выдаваемым крестом – **15 января 1855 г.** По ходатайству Военного Губернатора Приморской Области крест сей Высочайше заменен золотым крестом на Георгиевской ленте из кабинета Его Императорского Величества – **1857 г.** Всеми-

лостливейше пожалован камилавкою – **17 апреля 1857 г.** Высочайше награжден в память войны 1853–1856 г. бронзовым наперсным крестом на Владимирской ленте и бронзовою медалью на Георгиевской ленте. Высокопреосвященным Иннокентием Архиепископом Камчатским рукоположен в Протоиерея к Петропавловскому Собору – **23 июля 1861 г.** Тем же Преосвященным переведен к Софийской Казанской, на Амуре, церкви, и от всех должностей на нем лежащих уволен и впредь до особого распоряжения оставлен при Петропавловском Соборе с получением прежних окладов – **17 сентября 1869 г.** Умер, состоя на службе – **27 июня 1875 г.**» [17, Л. 7–13].

В целом, обращение к архивным документам позволило дополнить биографические данные и обстоятельства судьбы камчатского протоиерея Георгия Логинова, в которой отражается порядок, уклад жизни и деятельности духовного сословия в те далекие времена, особенности той исторической эпохи в целом.

Спустя почти полвека после героической обороны Петропавловского порта, в 1910 г., в шести номерах Екатеринбургских епархиальных ведомостей были опубликованы заметки и впечатления неизвестного священника во время его поездки летом 1898 г. из Благовещенска к месту назначения на службу в Охотский округ. В этой весьма выразительной в литературном отношении публикации была дана превосходная характеристика Петропавловску, как его достопримечательностям, так и защитникам Камчатки и, конечно же, протоиерею Георгию Логинову, награжденному Золотым крестом на георгиевской ленте, и даже приведены сведения о судьбе (местонахождении) этой награды. «По самым краям утеса Никольской горы было сделано несколько лавочек, на которых, а также и на деревьях, были вырезаны имена и фамилии лиц, посещавших Камчатку и саму Никольскую гору. Сидя на лавочке и любуясь прибоем морской волны, мысль наша невольно уносилась в старину – к открытию Камчатки, ее истории и пронесшихся над нею различных несчастий. Особенно вспоминался 1854-й год, когда в августе месяце к Камчатке подступили суда соединенной англо-французской эскадры и стали бомбардировать Петропавловск со стороны Авачинской губы. И вот с этого самого места храбрый адмирал Завойко, с небольшою кучкою казаков и местных жителей, при помощи Божией, отразил нападение неприятеля и малый отдаленный ветроград Божий, по молитвам и заступлению небесных покровителей Камчат-

ки – Первоверховных Апостолов Петра и Павла, остался невредим; а настоятель местного собора, протоиерей о. Георгий Логинов, в епитрахили, со св. крестом в руке, ободрял на подвиг как самого адмирала Завойко, так и храбрых сподвижников его, на защиту родины и славу русского оружия. **Замечательно, что Камчатка в минувшую Русско-японскую войну также храбро и славно защитила Петропавловск от нападения японцев, прибывших туда с небольшим отрядом судов и помышлявших без боя занять полуостров.** <...> Должен несколько извиниться перед читателями за то, что при описаниях мною Петропавловска и его достопримечательностей я опушу некоторые подробности, особенно надписи на памятниках и т. п., т. к. записки мои и дневники с подробным описанием всего путешествия были уничтожены во время Русско-японской войны неприятелем, а потому мне приходится рыться в памяти и воскрешать в своих воспоминаниях то, что я видел и встретил» [7, с. 361–362].

«Вторым из выдающихся протоиереев Камчатского Петропавловского собора был преемник о. Прокопия Громова – протоиерей Георгий Логинов. Он обессмертил свою память тем, что во время осады Петропавловска в Крымскую войну соединенною эскадрою в августе 1854 г., стоя на обрыве Никольской горы, с крестом в руках, храбро воодушевлял защитников Камчатки. За такой отважный подвиг он награжден был золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте... Так как Камчатский Петропавловский собор холодный, то немного пониже его, через улицу, почти на самом берегу бухты, находится теплый храм... В этом храме обращает на себя внимание икона под наименованием **“Отражение неприятеля от Петропавловского порта 24 августа 1854 года”**. На этой иконе изображены: **вверху – лица пресв. Троицы, ниже – молящаяся Богоматерь и апостолы Петр и Павел, а еще ниже – святители Николай Мирликийский и Иннокентий Иркутский, а также и те святые, память которых празднуется 24 августа; внизу нарисован вид Петропавловска, Никольской горы, Авачинской губы, а также разбитых неприятельских кораблей.** Икона украшена, кроме нижней части с видом Петропавловска, серебро-позолоченною ризою и вставлена в иконостас рядом с местною иконою Спасителя. **На иконе находится золотой наперсный крест на Георгиевской ленте, принадлежавший протоиерею Георгию Логинову**» [там же, с. 486–487, 489].

На эту публикацию наткнулись, пытаясь узнать судьбу Золотого наперсного креста на георгиевской ленте посредством поиска в Интернете. Однако (продолжающаяся) публикация в Екатеринбургских епархиальных ведомостях оказалась незавершенной. Заключительной части заметок, где могли быть имя и фамилия автора, в них не было. Поэтому, обратившись к Камчатским, затем к Владивостокским епархиальным ведомостям, опираясь на некоторые сведения в тексте заметок (например, о рукоположении автора и назначении его на службу в определенном храме. – Авт.), а затем, найдя подтверждения в делах в Национальном Архиве Республики Саха (Якутия), удалось достоверно установить, что автор заметок – священник Александр Яковлевич Городнов. Как оказалось, помимо статьи, процитированной выше, он является автором еще двух публикаций о Сахалине [5; 6]. Доступные сведения об оккупации японскими войсками о. Сахалина в 1905 г. в публикациях очевидцев [12; 20] вкупе с собранными биографическими данными священника А. Я. Городнова позволяют понять, почему, делаясь с читателями своими воспоминаниями и впечатлениями о посещении Петропавловского порта в 1898 г., он дал такую яркую характеристику протоиерею Георгию Логинову и подробное описание этой иконы, отметив наличие расположенного на ней принадлежавшего Логинову Золотого наперсного креста на георгиевской ленте. Поэтому решили привести биографические сведения, которые удалось собрать из разных источников:

Священник Александр Яковлевич Городнов – сын горнозаводского крестьянина. Родился в 1872 г. в Бисертском заводе Пермской губернии (Красноуфимского уезда). Окончил 4-классное училище Ревдинского завода (Екатеринбургского уезда). Отбывал воинскую повинность в 1893 г. По добровольному желанию прибыл на Амур и по прошению принят на службу в духовное ведомство в качестве вольнонаемного псаломщика к Градо-Благовещенскому кафедральному Собору 12 марта 1893 г. Штатный псаломщик с 6 сентября 1894 г., священник с 1898 г. [14; 15, л. 1об.; 19, с. 158].

И. д. псаломщика Черняевской Иннокентьевской церкви крестьянский сын Александр Городнов резолюцией Его Преосвященства от 28-го августа 1894 г. № 1577/1096 принят в епархиальное ведомство [10, с. 125]. С 6 марта 1895 г. служил псаломщиком Богородично-Иоанно-Богословской церкви в с. Ивановском

(за р. Зеей) Амурского уезда Амурской губернии. На основании Высочайшего повеления от 30 января 1897 г. ему пожалована Высочайше учрежденная за труды по первой всеобщей переписи населения 1897 г. темно-бронзовая медаль для ношения на груди на ленте из государственных цветов (свидетельство от 3 июля 1897 г.). Его Преосвященством Преосвященнейшим Евсеем, Епископом Камчатским, Курильским и Благовещенским посвящен в стихарь 29 марта 1898 г. [15, л. 206]. Его Преосвященством псаломщик Ивановской церкви Александр Городнов в Кладбищенской Вознесенской церкви (в г. Благовещенске) 14 мая 1898 г. рукоположен в сан диакона, а 17 мая 1898 г. в Кафедральном соборе – в сан священника к Инской Николаевской церкви [11, с. 70]. О его службе священником Инской Николаевской церкви Охотского округа в 1898–1900 гг. имеются дела в Национальном архиве Республики Саха (Якутия). Прибыл на службу в Охотском округе он 13 сентября 1898 г. [14, л. 13]. Более того, опубликованное свидетельство о его участии в этом качестве во встрече Епископа Владивостокского Евсевия 25–26 августа 1899 г. содержит раздел «В Охотске» из публикации священника В. Давыдова [9, с. 472]. 31 декабря 1899 г. по ходатайству Камчатского епархиального начальства уволен на службу из Якутской епархии во Владивостокскую [15, л. 906].

На наш взгляд, весьма важны следующие сведения: Онорская Крестовоздвиженская тюремная церковь – содержание от тюремного ведомства; резолюция на обращении священника этой церкви Александра Городнова от 4 июля 1905 г. на имя Главнокомандующего все-

ми сухопутными и морскими вооруженными силами (фактически свидетельство. – Авт.), «что священник Городнов на Сахалине все время находился при войсках» с датой 12 августа. О составе семьи этого священника: «жена, мать-старушка 57 лет и шестеро малолетних детей» [21, с. 80–81, 83].

Резолюцией Его Высокопреосвященства от 16 декабря 1908 г. за № 3371 с 15 сентября 1908 г. священник Онорской церкви Городнов за принятием на службу в Екатеринбургскую епархию исключен из состава духовенства Владивостокской епархии [3, с. 3]. В 1909 г. Городнов служил священником Спасской церкви в с. Балаирском Камышловского уезда Екатеринбургской епархии. Причт – два священника, диакон, псаломщик, диакон (на псаломщ. месте), просфорня. Общее число прихожан – 6 099. В приходе этой церкви 8 часовен и 16 деревень, 4 земские школы и 5 школ грамоты (с общим числом обучавшихся 276) [19, с. 158]. Указом Святейшего Синода от 17 апреля 1909 г. за № 5012 назначены пенсии из казны «за прослужение в священном сане десяти лет» в пределах бывшей Камчатской епархии священнику Онорской на о-ве Сахалине церкви Александру Городнову (ныне состоящему на службе в Екатеринбургской епархии) по 250 рублей в год с 20 мая 1908 г. из Сахалинского Казначейства [4, с. 322]. Кроме этого в Интернете есть сведения о том, что в 1937 г. священник Александр Яковлевич Городнов проживал в Свердловской области, Сухоложском районе, с. Кунара, был репрессирован, арестован 2 июня 1937 г., осужден 3 октября 1937 г., приговор 10 лет ИТЛ (исправительно-трудовой лагерь).

Таблица

РГИА. Ф. 796. Оп. 135. Д. 2061

№ п/п	Документ (выходные данные; листы в деле)	Примечание
1.	Представление Архиепископа Камчатского Иннокентия Вениаминова в Святейший Синод «О награждении некоторых Камчатских священников достойно действовавших во время нападения неприятеля на Петропавловский Порт». № 561 от 31.10.1854 г., Якутск. Л. 1–106., 2.	рукопись
2.	Письмо в Канцелярию Св. Синода, подписано: «Директор Франк», ниже «Начальник отделения Баров», с просьбой «доставить засвидетельствованную копию с донесения Преосвященного Камчатского, в 1854 году, касательно награждения Священника Камчатского Петропавловского собора Георгия Логинова наперсным крестом, за оказанные им подвиги самоотвержения при отражении неприятельского нападения на Петропавловский порт». № 7709 от 28.11.1856 г., Санкт-Петербург. Л. 5.	рукопись на типографском бланке (ТБ) Канцелярии Обер-Прокурора Святейшего Синода, Отделение II, Стол 2

№ п/п	Документ (выходные данные; листы в деле)	Примечание
3.	Письмо в Канцелярию Св. Синода, подписано: «Директор Франк», ниже «Начальник отделения Баров»: «...препровождая при сем полученное из Инспекторского Департамента Морского министерства отношение за № 24364, касательно награждения Священника Камчатского Петропавловского Собора Георгия Логинова... с возвращением сей бумаги, не оставить сообщить по оной надлежащие сведения» (на документе виза – « <u>доложит 12 декабря</u> » ниже «отвечает что Св. Синод находит ли удоб... испрашивать Логинову креста на Георгиевской ленте за награждение его таковым от Св. Синода за тот же подвиг». № 7896 от 07.12.1856 г. Л. 6.	рукопись на ТБ Канцелярии Обер-Прокурора Святейшего Синода, Отделение II, Стол 2
4.	Копия Ведения (Протокола заседания) Св. Синода , где после слова «Приказали» сначала о копии ДОКУМЕНТА № 1, предоставленной согласно ДОКУМЕНТА № 2, а затем (в постановляющей части) о том, что Священник Логинов награжден наперсным крестом от Синода 15 января 1855 г., «но если Высшее Начальство, признает, что он, Логинов, за оказанные им подвиги заслуживает награждения наперсным крестом на Георгиевской ленте, взамен выданного ему, каковым сказано, от Св. Синода, то со стороны оного не (неразборчиво) к тому никаких препятствий». № 449 от 12.12.1856 г. Л. 7.	рукопись на ТБ, где*
5.	Копия. Св. Правительствующему Синоду Предложение. ...государь Император 15.01.1855 г. «...утвердить соизволил определение Св. Синода о награждении Священников Камчатского Петропавловского Собора Георгия и Александра Логиновых и Михаила Коллегова, за оказанные ими подвиги самоотвержения при отражении неприятельского нападения на Петропавловский порт, первого наперсным крестом, от Синода выдаваемым, а последних двух скуфьями. О сем Высочайшем повелении имею честь объявить Св. Синоду для надлежащего к исполнению оного распоряжения». Подписано: «Исправляющий должность Обер-Прокурора Тайный советник А. Карасовский. Директор Франк». № 256 от 20.01.1855 г. Л. 9–9об.	рукопись на ТБ Канцелярии Обер-Прокурора Святейшего Синода, Отделение II, Стол 2
6.	Копия Ведения Св. Синода. Слушали ДОКУМЕНТ № 5... «Приказали: О Всемилоостливейшем награждении Священников Камчатского Петропавловского Собора... уведомить Преосвященного Архиепископа Камчатского Иннокентия, указам, препроводив к нему упомянутый наперсный крест и две скуфьи для возложения на удостоенных, по предварительном истребовании оных из Хозяйственного Управления при Святейшем Синоде. Для припечатания же о сих наградах в ведомостях, издаваемых при Правительственном Сенате, сообщить оному (неразборчиво), а для сведения о том передать в Канцелярию Обер-Прокурора Св.Синода выписку из сего определения. Подлинное подписано 26 января 1855 г.». № 104 от 21.01.1855 г. Л. 10–10об., 11.	рукопись на ТБ Копии Протокола заседания Св. Синода
7.	Копия Ведения (Протокола) Правительствующего Сената. По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, Правительствующий Сенат слушали: «Ведение Св. Синода от 31.01.1855 года за № 449 О Всемилоостливейшем награждении Священников Камчатского Петропавловского Собора Георгия и Александра Логиновых и Михаила Коллегова... Приказали: О таком Высочайшем Его Императорского Величества повелении припечатать в Сенатских ведомостях, для чего Конторе Сенатской Типографии дать известие, а в Правительствующий Синод сообщить ведением». № 10289 от 17.02.1855 г. Л. 12–12об.	рукопись на ТБ Правительственного Сената Святейшему Синоду
8.	Выписка. В журнале Святейшего Синода 24/28 февраля 1855 г. под №13 записано Святейший Правительствующий Синод слушали: см. ДОКУМЕНТ № 7. «...Приказали: Ведение сие принять к делу, для сведения». [Без номера и даты]. Л. 13.	рукопись на ТБ Выписки из Журнала Св. Синода
9.	Святейшему Правительствующему Синоду (об уведомлении временно-управляющего Морским Министерством Вице-Адмирала Метлина). Предложение. Подписано: «За Обер-Прокурора, Тайный Советник Сербинович» ниже «Директор Франк». № 1455 от 02.03.1857 г. Л.14–14об.	рукопись на ТБ Канцелярии Обер-Прокурора Святейшего Синода, Отделение II, Стол 2

№ п/п	Документ (выходные данные; листы в деле)	Примечание
10.	Слушали ДОКУМЕНТ № 9 «...о ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ пожалованном наперсном кресте на Георгиевской ленте Священнику Логинову. И по справке. <u>Приказали:</u> В исполнение последовавшего ныне Высочайшего Его Императорского Величества разрешения, предоставить Г. Обер-Прокурору, Графу Александру Петровичу Толстому, снести с Г. Министром Императорского Двора о доставлении из Кабинета Его Величества Золотого наперсного креста на Георгиевской ленте, а по получении препроводить оный к Преосвященному Камчатскому, для возложения на Священника Логинова, с тем, чтобы передать пожалованный ему наперсный Синодальный крест отобран был от него и представлен в Св. Синод, для надлежащего же исполнения по сему в чем следует передать в Канцелярию Обер-Прокурора Св. Синода выписку из сего определения, а преосвященному Камчатскому послать указ. Подлинное Святейшим Синодом подписано 12 марта 1857 года». № 20 от 05.03.1857 г. Л. 15–15об.	рукопись на ТБ Копии Протокола заседания Св. Синода. Пометка <u>«По Высочайшему повелению»</u>
11.	Фрагмент Протокола заседания Св. Синода , представленного 24 декабря 1854 г. [Без номера]. Л. 17–17об., Л. 18–18об.	рукопись

* сверху печатно «Копия», затем за датой (печатно с пробелами, куда должны быть вписаны порядок года в текущем десятилетии, месяц, какого дня) печатно «По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святейший Правительствующий Синод слушали».

1. Вахрин С. И. Тайны камчатских имен. Большерецкий острог. Петропавловск-Камчатский : Новая кн., 2016. 296 с.
2. Он же. Камчатская родословная книга. Петропавловск-Камчатский : Камчатпресс, 2019. 818 с.
3. Владивостокские епархиальные ведомости. 1909. № 1. С. 3.
4. Там же. № 11. С. 322.
5. Городнов А. Поездка к крещеным инородцам северной части острова Сахалин в феврале месяце 1908 г. : дневник священника // Там же. 1908. № 12/13. С. 332–338; № 14/15. С. 389–394; № 17. С. 422–428.
6. Он же. Миссионерское дело на Северном Сахалине // Владивостокские епархиальные ведомости. 1908. № 20. С. 498–503.
7. Городнов А. Я. От Благовещенска через Камчатку до Охотска (из путевых заметок и впечатлений священника) // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1910. № 1/2. С. 11–25; № 5. С. 112–120; № 7. С. 155–163; № 19. С. 360–364; № 23. С. 443–447; № 25. С. 486–490.
8. Громов П. Назначение в Камчатку духовной миссии в 1742 году // Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1875. № 44. С. 600–604.
9. Давыдов В. Поездка Преосвященнейшего Евсевия, Епископа Владивостокского, в Камчатку летом 1899 г. // Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. № 21. С. 472–474.
10. Камчатские епархиальные ведомости. 1894. № 17. С. 125.
11. Там же. 1898. № 12. С. 70.
12. Кукольников А. Из записей Сахалинского священника за 1905 г. // Владивостокские епархиальные ведомости. 1907. № 9/10. С. 206–214.
13. Нападение на Камчатку англо-французской эскадры, в августе 1854 г. : (из «Морского сборника») // Русский инвалид. 1855. № 8. С. 36–37.
14. НА РС(Я) [Национальный архив Республики Саха (Якутия)]. Ф. И-227. Оп. 2. Д. 100.
15. Там же. Ф. И-226. Оп. 5а. Д. 2825.
16. РГИА [Российский государственный исторический архив]. Ф. 796. Оп. 135. Д. 2061.
17. Там же. Оп. 158. Д. 1221.
18. Сенатские ведомости. 1855. Вып. 16. С. 184.
19. Справочная книжка Екатеринбургской епархии на 1909 г. / сост. и изд. П. П. Сребрянский. Екатеринбург : тип. А. М. Жукова, 1909. 299 с.
20. Троицкий А. Из воспоминаний о Русско-японской войне на Ю. Сахалине // Владивостокские епархиальные ведомости. 1908. № 20. С. 505–511.
21. Халемский Г. А. Документы по православию Сахалина последней четверти XIX – начала XX веков в Российском государственном историческом архиве // Вестник Сахалинского музея. 2017. № 1. С. 75–83.

ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ ОБОРОНА В ОЦЕНКЕ ДЕКАБРИСТА И. Д. ЯКУШКИНА (КНИЖНОЕ НАСЛЕДИЕ И НЕОПУБЛИКОВАННЫЙ ЭГО-ДОКУМЕНТ)

О событиях Петропавловской обороны (1854) по материалам писем декабриста И. Д. Якушкина корреспондентам И. И. Пущину и Е. И. Якушкину. Декабрист был непосредственным свидетелем встречи и чествования героев обороны, включая Д. П. МаксUTOва, в Иркутске. Его письма являются одним из наиболее ранних и важных источников информации о событиях Крымской войны на Дальнем Востоке. Они освещают ход боевых действий, дают оценку политики и деятельности властей. Якушкин высоко оценил героическую победу, ее роль и значение, закладывая основы глорификации Петропавловской обороны.

Ключевые слова: Крымская война; Петропавловская оборона; декабристы; Якушкин И. Д.; книжные памятники; эпистолярное наследие.

События Крымской войны не могли оставить равнодушными декабристов в сибирской ссылке, тем более театр военных действий частично переместился на восточные рубежи Российской империи. Генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев, деятельность которого горячо поддерживали практически все декабристы, с 1848 г. занимался укреплением Петропавловского порта. Как оказалось, это была совершенно верная инициатива, потому что вражеский удар в 1854 г. пришелся на тихоокеанские владения России. О живом патриотическом отклике ссыльных декабристов на оборону Камчатки и Петропавловскую победу можно прочесть, например, в очерке С. Н. Маркова «Ялutorовск–Амур–Камчатка», входящем в книгу «Вечные следы» [1, с. 251–255]. Мы хотим остановиться подробнее на восприятии Крымской войны, а именно героической Петропавловской обороны, декабристом Иваном Дмитриевичем Якушкиным, благо в его эпистолярном наследии, составляющем единый литературный комплекс с мемуаристикой и другими произведениями, есть яркий материал на эту тему [2]. К исследованию будет привлечено и неопубликованное письмо И. Д. Якушкина, дополняющее и расширяющее материалы книжного наследия, представленного в серии «Литературные памятники», прочно вошедшего в круг читательских интересов второй половины XX – первых десятилетий XXI в.

Тема Петропавловской обороны подробно раскрыта в переписке декабриста за ноябрь 1854 г., сразу же по прибытии в Иркутск героев обороны Петропавловска и победителей англо-французской эскадры. И. Д. Якушкин был непосредственным свидетелем не только первого чествования героев, но и получил живую и точную информацию о сражении,

исходящую от самих его участников. В их числе, прежде всего, был князь Д. П. МаксUTOв, о пребывании которого в Иркутске по пути в Петербург с донесением о Петропавловской победе И. Д. Якушкин упоминает в письмах [там же, с. 398]. Ссылные декабристы, проживавшие в Иркутске, пользовались покровительством генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева и входили в неофициальный высший круг местного общества, к тому же сын И. Д. Якушкина Вячеслав служил при генерал-губернаторе чиновником особых поручений. Поэтому декабриста уверенно можно причислить к числу современников, владевших не только достоверной, но и в определенном смысле конфиденциальной информацией, так как он был близок к самым высшим кругам управления Восточной Сибири, включая и самого Н. Н. Муравьева. Важно подчеркнуть и то, что И. Д. Якушкин, когда-то служивший в Семеновском полку, был профессиональным военным, участником Отечественной войны 1812 г. и заграничного похода, что позволило ему со знанием дела описать сражение и дать ему оценку. Главным же письменным источником для И. Д. Якушкина послужило донесение о штурмах Петропавловска В. С. Завойко, которое он читал в Иркутске еще до официальных известий в печати. Об этом сам декабрист сообщает в письме к сыну Евгению [ГАРФ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 760. Л. 89об.]. Учитывая вышеназванные обстоятельства, письма Якушкина должны быть полнее вовлечены в воссоздание истории боевых действий на Камчатке в ходе Крымской войны.

Наиболее подробный рассказ о Петропавловской обороне представлен в послании к И. И. Пущину от 12 ноября 1854 г., опубликованном в томе серии «Литературные памятники». Целью этого письма было как можно более

подробно проинформировать проживающих в Ялуторовске товарищей-декабристов о славных событиях на Камчатке и победе над англо-французской эскадрой, поднять их патриотический дух. Описание Петропавловской обороны И. Д. Якушкиным характерно информативностью, представляя самостоятельный сюжет. Эта часть письма вполне могла бы стать отдельной публикацией, предназначенной для периодической печати. Сын декабриста Вячеслав, сделавший приписку к письму отца, не счел нужным ничего добавить к сообщению, лишь подчеркнув для адресата, что *«отец Вам подробно описал все наши современные новости»* [2, с. 399].

Известия с основного театра военных действий Крымской кампании очень разочаровывали И. Д. Якушкина, называвшего их «рассказами Шахерезады». События на Камчатке, которые декабрист сравнивал с деяниями античных героев, великими победами России эпохи Екатерины II и Итальянским походом А. В. Суворова, вызывали у него настоящий восторг: *«...Последнее известие, полученное из Камчатки, напоминает Илиаду или, если Вам угодно, подвиги наших героев последнего столетия в Турции и в Италии»* [там же, с. 397]. Прежде всего, Якушкин особо отмечает дальновидную политику Н. Н. Муравьева и его личную, не зависящую от указаний из Петербурга, инициативу по укреплению Петропавловска, без которой не было бы победы: отправку в «нынешнем году» в крепость 300 казаков из Аяна, *«спустившихся с ним по Амуру»*, а также части орудий с фрегата «Паллада»; строительство шести батарей «по берегу моря направо и налево от Петропавловска» и еще одной, седьмой, *«на мысу при самом входе в Авачинскую губу»* [там же]. Якушкин подчеркивает: *«Все эти распоряжения были сделаны на всякий случай и оказались как нельзя более пригодными»* [там же].

Описывая самоотверженную оборону, Якушкин делает акцент на численном преимуществе вражеской эскадры над защитниками Петропавловска, а также превосходстве по количеству орудий. Все это усиливает впечатление от подвига героев Отечества, выстоявших в столь сложных боевых условиях на дальнем рубеже империи. Итак, весь петропавловский гарнизон, по данным Якушкина, насчитывал не более 700 человек (включая казаков из Аяна). Общее количество орудий на батареях и фрегате «Аврора» – не более 100 единиц. В своем письме декабрист не упоминает о русском транспорте «Двина», вероятно, не считая его боевой едини-

цей. Таким образом, статистические сведения о наших силах, по данным Якушкина, таковы: один фрегат, 700 человек гарнизона, 100 орудий [там же]. Что же со стороны противника? Англо-французская эскадра имела значительный вид и состав, кроме того, согласно письму декабриста, передавшего, по рассказам очевидцев, атмосферу перед сражением, чувствуется, что враг пытался оказать психологическое давление на защитников Петропавловска путем демонстрации силы: *«18 августа в виду Петропавловска показалась англо-французская эскадра, состоящая из трех фрегатов и трех судов меньшего размера; на всех вместе было 260 орудий и полный комплект экипажей»* [там же]. Но эти устрашающие маневры не смутили наших доблестных воинов, готовящихся принять бой с превосходящим по силам противником.

Через сутки, вероятно, решив, что цель устрашения достигнута, враг начал атаковать. Якушкин последовательно описывает оба штурма противника. Его рассказ отличается емкостью и логичностью, ясностью и точностью изложения. Декабрист выделяет главные моменты в двух атаках и ключевые победоносные действия нашей обороны, ставшие причиной поражения и бесславного отступления врага, противопоставляя героизм защитников Петропавловска тактической беспомощности и трусости англо-французского десанта. Итак, первый штурм: *«С 19-го на 20-е утром эскадра приблизилась к берегу и начала обстреливать наши батареи, устроенные налево от города; две из них принуждены были умолкнуть, после чего высаженный десант устремился на нашу третью батарею, с которой так удачно встретили его картечью, что при содействии «Авроры», с которой громили его ядрами, он дрогнул; в это самое время случайно упавшая бомба с неприятельского фрегата лопнула посреди уже смущенной толпы. Весь десант обратился в бегство, преследуемый нашими»* [там же].

Обратим внимание на ключевые определения, которые использует Якушкин для описания динамики сражения: наши – «удачно встретили картечью», «громили ядрами», «преследовали»; противник – «дрогнул», «смущенная толпа», «бегство». Якушкин фиксирует перелом в ходе захлебнувшейся атаки, когда враг был остановлен при штурме третьей батареи, получавшей мощную артиллерийскую поддержку с «Авроры». Не сумев взять рубеж, к тому же испуганные собственной разорвавшейся бомбой, англичане и французы, спасаясь

от контратакующих русских, позорно бежали. Как сообщает Якушкин, затем эскадра полностью удалилась, но снова остановилась на виду у города, впрочем, *«вне выстрелов с наших батарей»*. Декабрист пишет, что на кораблях было много повреждений, в результате которых эскадре *«необходимо было чиниться» «в продолжение трех дней»* [2, с. 397].

Второй штурм, как свидетельствует Якушкин, начался для Петропавловска достаточно драматично. Враг бросил на не желавший сдаваться город все свои превосходящие силы: *«С 23-го на 24-е, опять утром, неприятель, оставив в море три судна и на них только по десяти человек экипажа, с остальными судами приблизился к нашим батареям направо от города, две из них были устроены на самом берегу, а третья на высоте в некотором отдалении»* [там же]. Трагическое напряжение и боль чувствуются в описании первого этапа атаки, где Якушкин говорит о подготовке к высадке англо-французского десанта, когда, *«несмотря на беспримерную храбрость и офицеров и нижних чинов»*, в результате обстрела *«ядрами и бомбами с неприятельских фрегатов»* были *«приведены в бездействие»* первая и вторая батареи [там же, с. 397–398]. Затем к берегу причалили гребные суда *«гораздо в большем числе»*, чем во время первого штурма, и был снова высажен десант. *«Неприятельская колонна, состоявшая из 600 человек, направилась к городу»*, – пишет Якушкин [там же, с. 398].

Перед нами предстает достаточно страшная и трагическая картина штурма, автор письма заставляет волноваться, но на поле боя появляется герой, остановивший врага. Это не кто иной как князь Д. П. Максудов (очевидно, здесь неточность – имеется ввиду Александр Максудов, командир 3-й батареи. – Авт.). Якушкин (ошибочно. – Авт.) особо подчеркивает, что это *«тот самый, который на днях был здесь и отправлен Завойкой курьером в Петербург»* с вестью о победе. Весьма вероятно, что декабрист мог не только видеть героя лично, но и познакомиться с ним, беседовать, получив много информации от главного участника сражения [там же]. Итак, Д. П. Максудов, *«начальствующий на третьей батарее, несколько не поврежденной»*, *«повернул свои орудия против неприятельской колонны и картечными выстрелами привел ее в совершенный беспорядок»*, после чего враг обратился в хаотичное бегство, которое даже с долей преувеличения нельзя квалифицировать как организованное отступление [там же].

Якушкин называет англо-французский отряд *«толпой»*, спасавшейся *«от батареи, ее поражающей»*. Эта масса *«пустилась» «в гору»*, надеясь уйти, но не тут-то было – разгром завершил лично губернатор Камчатской области генерал-майор В. С. Завойко. *«...Взбравшись на гребень, окаймляющий тут море, она была встречена Завойкой с его малочисленным отрядом, с которым он бросился на нее в штыки»* [там же]. Якушкин красочно описывает бесславную гибель вражеского десанта и части эскадры во время отражения второго штурма Петропавловска: *«В этот раз неприятель потерпел полное поражение, бегущие бросались с крутого берега в море и тут же погибали; некоторые гребные суда, слишком нагруженные ранеными и беглецами, также не могли спастись от гибели. Наши с берега стреляли по ним из ружей и без промаха. Того же 24-го числа неприятельская эскадра удалилась от наших берегов и направилась, как полагают, к Сандвичевым островам»* [там же]. Констатируя блистательную победу русского оружия, подчеркивая жертвенный героизм защитников Петропавловска, вдохновителями которого были В. С. Завойко и Д. П. Максудов, Якушкин преисполнен истинного патриотизма и национальной гордости.

Заслуживают внимания сведения о смерти командующего англо-французской Тихоокеанской эскадрой контр-адмирала Д. Прайса, приведенные Якушкиным. Декабрист категорически утверждает, что он был убит, а не покончил жизнь самоубийством (*«20-го английский адмирал, командовавший неприятельской эскадрой, был убит и похоронен недалеко от наших батарей»*). К этим достоверным данным, исходящим от компетентного современника событий, стоит отнести особо [там же]. Как известно, такого же мнения придерживался и генерал-губернатор Н. Н. Муравьев, вопреки совершенно нелогичной версии о самоубийстве. Информация о смерти Прайса представлена в письме Якушкина в форме, не оставляющей шанса домыслам и сомнениям.

Наконец, большое значение имеют свидетельства Якушкина о встрече петропавловского героя Д. П. Максудова в Иркутске, о том патриотическом подъеме, которым был охвачен город и все иркутское общество. *«Тотчас по получении здесь известия о победе было совершено благодарственное молебствие в соборе, после чего все отправились поздравить Николая Николаевича (Муравьева. – Авт.). Доставившееся*

нам английское знамя Гибралтарского полка и какую-то особенную саблю возили по улицам Иркутска. На другой день был бал в честь князя Максutowa, на котором он присутствовал, и все пили за его здоровье. В пользу храбрых наших камчатских воинов собрано здесь пока до 7 тысяч серебром» [2, с. 398]. Это свидетельства одного из первых чествований героев Петропавловской обороны, эстафета которого с дальневосточных рубежей перемещалась в столицу, а весть о героической победе должна была оживить все русское общество, поднять в нем патриотический дух в сложное время Крымской войны.

В письме к сыну Евгению, отправленному той же почтой 12 ноября 1854 г., И. Д. Якушкин более краток. Он резюмирует события, излагая их самую суть, в небольшой реляции отражая блестящий триумф победителей. «Недавно здесь проехал князь Максutow курьером в Петербург с известием о великопепной победе, одержанной нашими над десантом с англо-французской эскадры, пытавшейся несколько раз овладеть Петропавловским портом. Эскадра эта состояла из трех фрегатов и трех судов меньшего размера, на ней было 260 орудий и экипажи в полном комплекте. С малочисленным гарнизоном Завойко отразил все нападения неприятеля и нанесенными ему повреждениями принудил его удалиться от наших берегов» [ГАРФ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 760. Л. 89об.].

Как и в письме к И. И. Пущину, Якушкин особо подчеркивает и положительно оценивает мудрую политику генерал-губернатора Н. Н. Муравьева, без которой не было бы победы: «Николай Николаевич, хотя не непосредственно, но много споспешествовал в этом деле своими распоряжениями из Аяна» [там же.]. Соединяя тексты двух писем, можно сказать, что второе из них (к сыну) подводит итоги первого, является его емким изложением. И здесь мы снова видим поэтико-героическое сравнение с античными героями, немного усиленное по сравнению с посланием к И. И. Пущину. «Читая донесение о том, что происходило в это время при Аваче, можно подумать, что все это совершалось при стенах священного Илиона. От Завойки до последнего солдата каждый был героем во всей силе этого слова» [там же].

Таким образом, письма И. Д. Якушкина являются значимыми источниками по истории Петропавловской обороны. В посланиях важны именно суждения декабриста и оценки не только военных событий, но и политики и действий властей. Декабрист видит в данных событиях большое значение всероссийского характера, безусловную и героическую победу русского оружия в ходе Крымской войны, способную если не изменить ее течение, то усилить патриотический дух и перевернуть умонастроения по всей России.

1. Марков С. Н. Вечные следы. Книга о землепроходцах и мореходах. М. : Молодая гвардия, 1973. 495 с.
2. Якушкин И. Д. Записки, статьи и письма декабриста И. Д. Якушкина / ред. и коммент. С. Я. Штрайха. М. : АН СССР, 1951. 740 с.
3. Письмо И. Д. Якушкина к Е. И. Якушину от 12.11.1854 г. // ГАРФ [Государственный архив Российской Федерации]. Ф. 279. Оп. 1. Д. 760. Л. 89–89об.

Раздел II

СОБЫТИЯ ПЕРИОДА РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ НА КАМЧАТКЕ (1904–1905)

Т. В. Воробьева

СТОЛКНОВЕНИЕ ДВУХ ИМПЕРИЙ НА РОССИЙСКОЙ ОКРАИНЕ (1904–1905 гг.)

Рассмотрены международные отношения Российской империи и Японии накануне и в период Русско-японской войны. Дан анализ состояния армий и особенностей мобилизации двух стран. Выявлены ошибки в управленческих решениях российского государства, приведшие к поражению в войне. Изучение документов, мемуаров и прочих источников позволяет прийти к выводу, что некоторые из данных ошибок стали системными в практике государственного управления. Особое внимание уделено событиям 1904–1905 гг. на Камчатке.

Ключевые слова: история; Русско-японская война; Российская империя; Япония; Китай; Корея; Великобритания; США; Дальний Восток; Камчатка, п-ов; армия; мобилизация; моральный дух; западничество; пропаганда.

Прошло 120 лет со времени начала Русско-японской войны, хотя писать о ней стали, когда она еще не закончилась. По замечанию генерала М. И. Драгомирова, *«перья заскрипели раньше, чем замолчали пушки»* [24, с. 144]. Вместе с тем, интерес к самому масштабному русско-японскому конфликту все более возрастает. Это объясняется не только тем, что открывается все больше документов, публикуются дневники и мемуары участников войны, но и стремлением выявить проблемы и ошибки, приведшие к поражению России, несмотря на героизм многих ее участников. В данной статье обратимся лишь к некоторым аспектам, характеризующим ситуацию накануне и в период военных действий в России в целом и на Камчатке в частности, при этом не упуская из внимания тот факт, что даже известие о начале войны пришло на Камчатку с запозданием.

К началу XX в. две империи, Япония и Россия, претендующие на Дальневосточные земли, воспринимали возможность владения ими совершенно по-разному. Обе державы с воодушевлением взирали на Корейский полуостров и Китай. Для Японии Корейский полуостров был не только источником знакомства с континентальной цивилизацией, но и плацдармом для осуществления ее захватнических планов в Северо-Восточной Азии.

После революции Мэйдзи японское правительство стало проводить планомерную политику колонизации Кореи. Западные державы на Дальнем Востоке интересовались в первую очередь Китаем и не препятство-

вали притязаниям Японии, направленным на Корейский полуостров. В результате поражения в войне с Японией Китай по Симоносекскому договору 1895 г. передавал японской стороне свои о-ва Тайвань и Пэнхуледао, часть территории Ляодунского полуострова, а также подтверждал отмену вассальной зависимости Кореи от китайского государства [15, с. 171]. Япония опасалась, что мощь царской России на Северо-Востоке Китая и в Корее распространится настолько, что вытеснит здесь влияние Страны восходящего солнца.

Под совместным давлением на Японию трехгосударств (России, Германии и Франции) 28 апреля (10 мая) 1895 г. Токио вынужден был пойти на пересмотр условий Симоносекского мирного договора, отказавшись от прав на Ляодунский полуостров за контрибуцию от Китая в размере 30 млн лян. 9 июня 1896 г. в Москве между Россией и Японией был подписан протокол, устанавливавший юридическое равенство сторон в отношении Кореи. Но Япония активно проводила военно-политическую, экономическую и идеологическую экспансию, стремясь окончательно утвердить колониальное господство в Корее [там же, с. 167].

К сожалению, политика России в Корее не отличалась последовательностью и продуманностью. Только после поражения Китая в Японо-китайской войне 1894–1895 гг. российское правительство реально осознало, какую опасность представляет собой Япония интересам России на Дальнем Востоке.

Что касается Китая, у России было две стратегические цели: во-первых, вытеснить Японию с территории Даляня; во-вторых, продолжить строительство железнодорожной ветки из Сибири на Восток, а именно, провести через Китай ветку КВЖД до Владивостока и ветку от КВЖД к Южно-Маньчжурской железной дороге [32, с. 96].

В январе 1903 г. японское правительство, маскируя свои истинные намерения, выступило с предложением начать новые переговоры для решения «корейского вопроса», а 3 февраля 1903 г. российская сторона полностью признала приоритетные права и интересы Японии в Корее. Однако ответные предложения России по распоряжению японского правительства были задержаны на телеграфе в Нагасаки и доставлены посланнику в Японии Р. Р. Розену только 7 февраля, т. е. на следующий день после того, как японское правительство решило разорвать дипломатические отношения с Россией. Разрыв отношений стал прологом Русско-японской войны [15, с. 171].

Российский Дальний Восток к этому времени был весьма слабо освоен. К 1892 г. в Амурской и Приморской областях Российской империи проживало (за исключением военных) всего 182 607 человек. По сравнению с Маньчжурией, население которой составляло около 13 млн человек, земли были почти не заселены. К тому же русские дальневосточные владения не обеспечивали себя продовольствием. Небольшая пропускная способность железной дороги (Транссиб даже в июне 1903 г. пропускал только два воинских эшелона слабого состава – по 20 вагонов и платформ) препятствовала ускоренным темпам военного строительства [36]. Отдаленность театра военных действий от центральных районов страны, а также незавершенность строительства Сибирской железной дороги не позволяли быстро пополнить Маньчжурскую армию личным составом и обеспечить численное превосходство над противником, что было необходимо для ведения наступательных действий.

А. А. Свечин пишет об этом: «Война потребовала направление по Сибирскому пути 2 698 воинских эшелонов и 2 529 грузовых эшелонов (1 млн тонн груза). Война сложилась бы совершенно иначе, если бы Сибирский путь перебросил эти 5 227 поездов не в 20 месяцев, а в 5 месяцев» [там же]. Во время войны сложилась уникальная ситуация, когда, по образному выражению Я. Гамильтона, «одна армия примыкает

к своей базе, другая как бы висит на конце однопутной железной дороги» [30, с. 702].

При недостатке военной инфраструктуры, необходимой для сосредоточения и снабжения даже незначительных армейских сил на Дальнем Востоке, можно было использовать речные коммуникации. Однако и водный транспорт был недостаточно развит. Коммерческие, а не государственные интересы чиновников и военачальников привели к тому, что там, где должен был возникнуть форпост России в Китае, возникло двоевластие и рознь. Город Дальний сделался с самого начала любимым детищем председателя Комитета министров Витте, стал объектом забот и щедрых ассигнований правительства, между тем как Порт-Артур, подчиненный военному ведомству, оставлен был в пренебрежении [13]. Это неудивительно, ведь будучи министром финансов, Витте в 1898 г. выступил резко против аренды Россией Ляодунского полуострова в Китае, где впоследствии был сооружен Порт-Артур. Из-за недостаточного финансирования и снабжения полное окончание строительства крепостных сооружений Порт-Артура намечалось в 1909 г. У России также не было адекватной судоремонтной базы [1, с. 360].

Что касается ситуации с армией, дела обстояли не лучше. В 1895 г. число солдат на Дальнем Востоке было около 30 тысяч. В этом же году впервые здесь была проведена мобилизация, выявившая значительные недостатки [там же, с. 359]. Вот как описывал солдатский быт генерал Деникин: «Солдат наш жил в обстановке суровой и бедной. В то время, о котором я говорю, в казарме вдоль стен стояли деревянные нары, иногда отдельные топчаны. На них – соломенные тюфяки и такие же подушки, без наволочек, больше ничего. Покрывались солдаты шинелями – грязными после учения, мокрыми после дождя. Одежда была мечтой наших ротных командиров, но казенного отпуска на них не было. Только в 1905 году введено было снабжение войск постельным бельем и одеялами. Обмундирование старой русской армии обладало одним крупным недостатком: оно было одинаковым для всех широт – для Архангельска и для Крыма. При этом до японской войны никаких ассигнований на теплые вещи не полагалось, и тонкая шинелишка покрывала солдата одинаково и летом, и в русские морозы» [12]. Внутреннее состояние полков было довольно плачевно: ни сапог, ни обмундирования, ни запасов, ни обоза в наличии не имелось [37, с. 146].

Всеобщей воинской мобилизации по случаю войны с Японией объявлено не было. Производились т. н. «частные мобилизации» запасных нижних чинов с целью формирования и пополнения некоторых частей войск и военных учреждений. Это было связано с тем, что Николай II и большинство из его окружения рассчитывали на маленькую победоносную войну со слабо развитой Японией, в отличие от С. Ю. Витте, говорившего о том, что надо готовиться к большой войне [20, с. 236]. *«Думать, что не будет войны, мог только тот, кто не знал характера (или бесхарактерности, как хотите) Государя и всю обстановку, неизбежно влекущую к войне»* [7, с. 236].

«Народ не призывался для защиты своей Родины, – вспоминал генерал-майор Сухомлинов, – предпринятый “поход в Маньчжурию” считали чисто военно-технической операцией – не такой важности, чтоб она требовала мобилизации всей русской армии. Шапками, мол, закидаем! Ограничились собственно мобилизацией сибирских корпусов, и затем пополняли действующую армию командированием отдельных частей из внутренних корпусов России и добровольцами» [37, с. 178].

В своих размышлениях о причинах поражения России в этой войне Главнокомандующий всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против Японии, генерал А. Н. Куропаткин видел их в великовозрастных русских солдатах: *«...Наши крестьянин в возрасте свыше 35 лет часто тяжелеет, становится, как говорят, сырым, обрастает бородой, теряет солдатский вид, труднее молодежи переносит тяжести походной жизни. Особенно малороссы Полтавской губернии старших возрастных сроков, попав с равнин Малороссии в горы Маньчжурии, оказывались слишком грузными, чтобы карабкаться по сопкам. Маленькие, живые, подвижные, выросшие в горах японцы имели большое над ними преимущество... Необходимо также принять во внимание, что сельские жители в возрасте свыше 35 лет уже являлись домохозяевами, часто много семейными. Все их интересы и помыслы, даже по прибытии в Маньчжурию, были дома. Эти заботы отнимали у них веселость, бодрость, необходимые для солдата...»* [14, с. 257–258]. Военный историк А. А. Керсновский добавлял: *«Воинским начальникам было предписано отправлять в части первых явившихся. Молодые запасные, как правило, загуливали и являлись через несколько дней, когда штатные нормы ока-*

зывались заполненными. “Бородачи” – все отцы семейств и люди, отвыкшие от строя, видели в этом несправедливость, и это печально отражалось на их духе...» [17, с. 60–61].

Другой особенностью частных мобилизаций являлся призыв запасных выборочно по местностям, и получалось, что из какого-либо уезда или волости вычерпывались полностью запасные всех призывных возрастов, а в соседней местности призыва не было вовсе. Такая политика привела к падению морального духа и неприятным происшествиям. Согласно документам, призывники по дороге на Дальний Восток устраивали дебоши, громили винные склады, били стекла, разоряли составы, грабили станции. Постоянно звучало: *«Пуцай под суд отдают – все равно помирать!»*. Всего за полтора года было 9 волн частичной мобилизации, в армию тогда призвали из запаса более 1 млн человек [6].

Проблемой была переоценка командованием и политическим руководством возможностей резервных войск. Часть призванных для войны с Японией проходила службу с винтовкой системы Бердана, хотя перевооружение магазинной винтовкой системы Мосина прошло в 1893–1898 гг. Русские артиллеристы получили новое полевое скорострельное оружие, ни в чем не уступавшее японскому, но их так и не обучили стрельбе с закрытых позиций [2]. Значительные расстояния между пунктами формирования воинских частей не позволили командованию корпуса, дивизий и полков получить практику управления соединением и отработать взаимодействие различных родов войск [39, с. 20].

В России, в отличие от Японии, практически полностью отсутствовала идеологическая работа. Участник войны А. И. Деникин писал: *«В то время как в Японии весь народ, от члена Верховного тайного совета до последнего носильщика, отлично понимал и смысл, и самую цель войны с Россией... когда чувство неприязни и мщения к русскому человеку накапливалось там годами, когда о грядущей войне с Россией говорили все и всюду, у нас предприятия на Дальнем Востоке явились для всех полной неожиданностью; смысл их понимался лишь очень немногими. Все, что могло выяснять смысл предстоящего столкновения, цели и намерения правительства, или замалчивалось, или появлялось в форме сообщений, что все обстоит благополучно...»* [12].

В российском обществе звучали также и антивоенные лозунги. В издании «Свободного

слова» в Крайсчерче (Англия) в 1904 г. вышла статья Л. Н. Толстого «Одумайтесь!» Редакция к ее заглавию сделала подзаголовок: «Статья по поводу Русско-японской войны» [38]. В Санкт-Петербурге, Москве, на национальных окраинах империи уже в конце января 1904 г. звучали высказывания против войны, особенно это было заметно в среде студенчества. Весной того же года во всех крупных городах империи зафиксировано появление антивоенных листовок. К концу весны 1904 г. существенно сократились пожертвования на нужды войны, что также говорит об уровне поддержки правительства в дальневосточной кампании [3, с. 17]. Активизировалась враждебная деятельность британской и японской разведки, а также большевиков, стремящихся к подрыву царского режима любым способом.

Неслучайно в своих рассуждениях о российской армии А. Н. Куропаткин отмечал, что с появлением западных либеральных идей для того, чтобы с выгодой жить, работать и служить в России, перестали требовать от инородцев видимых знаков обращения их в русских. Засилье иностранцев, как на государственных должностях, так и во всех сферах экономической жизни, вело к потере Россией своей независимости [18]. Куропаткин писал: «Живущие в Российской империи иностранцы, пользующиеся всеми ее благами, считают себя русскоподданными, многие из них отличаются непоколебимой династической преданностью, но Россию своей родиной они не считают, русскими себя не признают, русский язык употребляют только на службе, а дома говорят на своем местном языке. Главнейшие места в государстве занимались лицами не русского происхождения, воспитание высшего класса было в руках иностранцев, разговоры в высшем обществе велись на иностранных языках; каждому иностранному предприятию покровительствовали с разных сторон» [там же].

В середине января 1904 г., буквально за несколько дней до нападения японцев на русские корабли, полковник Е. И. Мартынов опубликовал статью под крамольным тогда названием «В чем сила Японии и слабость России?», в которой он сравнивал отношение к войне и армии в обеих странах. Вывод напрашивался сам собой – сравнение было не в пользу нашей страны: «Что же мы видим в России? В то время, как политика самых культурных государств все более и более проникается идеей беспощадного эгоизма, а западные университеты (например – германские) являются очагами национального

духа, в это время в полуобразованной России с кафедры, в литературе и в прессе, систематически проводятся взгляды, что национализм есть понятие отжившее, что патриотизм недостойн современного “интеллигента”, который должен любить все человечество, что война есть остаток варварства, армия – главный тормоз прогресса и т. п. Логическим выводом из такого миросозерцания являются полное отрицание всяких воинских доблестей и презрение к военной службе, как к глупому и вредному занятию. Дело дошло до того, что подобные взгляды проникли даже в такую тесно связанную с армией среду, как наше поместное дворянство. Недавно в одном дворянском собрании, при обсуждении вопроса об открытии кадетской школы, один дворянин заявил, что Россия не нуждается более в “пушечном мясе”, а другой выразил нежелание давать деньги на “человекоубийц» [21, с. 7–8].

Неудивительно, что вскоре в поражениях русской армии начали видеть некое проявление социальной справедливости, столкновение реакционной системы (Россия) с прогрессивной (Япония), обладающей преимуществом народного представительства. Истерические революционные женщины или девушки целовали первых пленных японских офицеров, когда их привезли на Волгу. А война ведь началась без объявления, предательским нападением японского флота на российскую эскадру на внешнем рейде Порт-Артура в ночь на 27 января (9 февраля) 1904 г. [1, с. 392].

В то время как для правящих кругов страны на первом плане была национальная задача – доведение до успешного конца борьбы с врагом, значительная часть российского общества оказалась увлечена борьбой против существующего режима. Левые элементы не дорожили государственностью, более того – ненавидели ее и всю свою ненависть переносили на монарха и защитников государственности, ставивших интересы своей страны выше личных [24, с. 47].

Кроме того, надо отметить, что, с точки зрения сегодняшнего дня, в России не был разработан общий стратегический план войны, в котором были бы четко сформулированы взаимосвязанные задачи армии и флота, намечены способы их достижения. Составленные раздельно планы военных действий на суше и на море плохо согласовывались между собой. Они не предусматривали внезапного нападения Японии и начала боевых действий без объ-

явления войны. Все это не могло не повлиять негативно на ход боевых действий, особенно в начальный период войны [11, с. 81].

Огромную роль в формировании такого отношения сыграла не только западная пропаганда, но и наивность, глупость императора Николая II. По словам Витте, при личной встрече германский император Вильгельм II «сообщил, что, по его сведениям, Япония сильно готовится к войне, на что Его Величество с полным спокойствием ответил: „Войны не будет, так как Я ее не хочу“» [20, с. 21].

Важнейшим фактором, подтолкнувшим Японию к наступлению на Россию, было желание западных держав и США вытеснить Россию с Дальнего Востока, и, как обычно, сделать это чужими руками. Поскольку финансов Российской империи не хватало, она была вынуждена прибегнуть к зарубежным займам. Соединенные Штаты не только не спешили с финансовой помощью, но и выставляли для предоставления займов свои условия. Это касалось как предоставления специальных выгод американскому рынку, так и улучшения положения еврейских банкиров в России [25, с. 270–271]. США считали Россию главным соперником на Тихом океане. В их лице Япония получила необходимый ей нейтралитет.

Хорошо известно участие одного из крупнейших еврейских банкиров сиониста Джейкоба Шиффа в щедром финансировании Японии, которое осуществлялось одновременно с поддержкой в России антивоенного и революционного движения. Вкладывая миллионы в Японию, он утверждал, что не столь важны финансы, главное, чтобы весь народ проникся национальной идеей, поддерживая таким образом в Японии то, что он разрушал в России. Именно Шифф организовал международный синдикат для предоставления военных займов Японии. Он усмотрел в этой войне возможность наказать устаревшее, по его мнению, правительство России, а в случае успеха – спровоцировать в ней революцию [29].

Наряду с этим в Великобритании еще до начала столкновения России с Японией началась настоящая антироссийская информационная война. Но дело не ограничивалось одними нападками на Россию в британских СМИ. Великобритания тревожилась, что построенная в Сибири железная дорога и КВЖД станут препятствием для ведения морской торговли между Англией и азиатскими странами через Суэцкий канал. Кроме того, в Лондоне возник-

ли опасения, что Россия в случае войны может продолжить наступление своих войск на юг, что нанесет вред интересам Великобритании на севере Китая. В этой связи британский кабинет всячески провоцировал Японию блокировать действия царской России. Велико было влияние военно-экономической политики Англии на ход боевых действий противоборствующих сторон в 1904–1905 гг. Россия воевала с Японией на море с кораблями, предоставленными Стране Восходящего солнца Британской империей. В руководстве флота Ямато принимали участие британские офицеры, Англия обеспечивала часть японской группировки провиантом и углем, вела активную разведку [19, с. 49]. Фактически, это была первая война Великобритании с Россией посредством третьего государства, как это мы наблюдаем в настоящее время, когда Великобритания снабжает ВСУ в противостоянии Российской Федерации.

Германия также жаждала войны России с Японией, поскольку надеялась, что война отвлечет силы русской армии из Европы.

Японский народ, лишившийся по итогам Симодского договора (1855 г.) возможности беспощинно добывать на Сахалине сельдяной тук, лес, рыбу, каменный уголь, остался крайне недоволен этой сделкой. Пересмотр условий Симоносекского мирного договора 1895 г. также ущемил интересы Японии, ее печать объявила Россию «коварным врагом» Японии, «жестоким ее притеснителем». Россия казалась Японии опаснейшим врагом, каждое ее мероприятие рассматривалось как угроза независимости и развитию Японии. На страницах японской печати Российская империя представлялась в образе врага цивилизованного человечества [там же, с. 49]. Конечно, здесь не обошлось без посторонних влияний наших европейских недругов. В Японии образовалась «лига патриотов», которая ставила своей задачей бороться с нашествием «заморских чертей» – иностранцев на Японию. И среди них на первое место была поставлена ближайшая соседка Японии – Россия [4].

В 1875 г. Япония приняла закон о всеобщей воинской повинности, она сумела с помощью германской военной миссии добиться значительных успехов в военном строительстве. В мирное время численность армии составляла 57 тыс. человек, но в военное она могла быть увеличена до 102 тыс., или до 190 тыс. в случае использования территориальных дивизий и милиции. Уровень подготовки японского сол-

дата был высоким. Японцы служили 3 года «под знаменами», 4 года находились в запасе армии и 5 лет – в запасе территориальных войск. Раз в год запасные призывались на сборы до 60 суток и еще 1 сутки выделялись на проверочную явку [1, с. 356–357].

Япония накануне войны с Россией имела хорошо организованный центральный орган военно-морской разведки, благодаря которому Морской Генеральный штаб располагал значительным и постоянно обновлявшимся массивом разведывательной информации о военно-морском потенциале России, Тихоокеанской эскадре, военно-морских базах и крепостях Порт-Артур и Владивосток. В 1896–1903 гг. свыше ста офицеров флота прошли стажировку в России, странах Европы и США. Японская разведка в качестве агентов и осведомителей использовала японских подданных, проживавших и занимавшихся торговлей и различными ремеслами на территории Российской империи. Незадолго до начала военных действий во Владивостоке была развернута агентурная сеть из числа подданных Российской империи и иностранных государств, имевшая надежные каналы связи, коды, шифры и финансовое обеспечение, благодаря чему эффективно действовала на протяжении всей войны [27, с. 22–24, 26].

Ничем подобным российские разведывательные органы похвастать не могли. Основной проблемой русской военной разведки накануне столкновения с Японией была незавершенность ее структурной организации, что означало смешение функций и столкновение амбиций руководителей различных уровней [34].

Так Российская империя подошла к 8 февраля 1904 г., когда Япония без объявления войны начала боевые действия. Японский флот внезапно атаковал порт-артурскую эскадру, вспыхнула империалистическая война за оспаривание гегемонии на Корейском полуострове и Северо-Востоке Китая.

И только после серьезных потерь, указом 8 (21) июня 1905 г. в Российской империи был создан Совет государственной обороны «для объединения управлений армии и флота, равно как и согласования всех ведомств, соприкасающихся с работами по государственной обороне». Как писал В. А. Сухомлинов: «Приступили к закладке фундамента для постройки “Вавилонской башни”, по истечении четырех лет приведшей к полнейшему “смешению языков”: никто друг друга уже больше не понимал» [37, с. 150].

Автор работ по внешней и военной политике России О. Р. Айрапетов отмечал: «В Русско-японскую войну проявились практически все болезненные точки милютинской системы, с ее первенством администрирования над командованием, при которой военные администраторы привыкли недооценивать или абсолютно не считаться со сложностями штабного руководства армейской массой, системы, при которой ум, характер и душа армии не просто развивались отдельно, но еще и враждовали друг с другом» [1, с. 399].

Существовавшая на протяжении 35 лет (с 1874 по 1909 г.) милютинская система комплектования армии была признана крайне сложной, запутанной и вообще архаичной, к тому же строившаяся на дискриминационном по отношению к нерусским национальностям принципе. Предвзятость выражалась, прежде всего, в неверии правящего класса в лояльность этих народностей, то есть в их готовность бескорыстно защищать интересы этого класса и территорию, заселенную титульной нацией [22, с. 7].

Камчатка, окраина Российской империи, к войне с Японией не готовилась. Более того, известие о ней было доставлено гонцом-казакон, отправленным с «полетучкой»¹ около 10 часов вечера 21 апреля 1904 г. (по ст. ст.). Официальное уведомление пришло спустя почти три месяца после ночного нападения японских миноносцев на русскую Тихоокеанскую эскадру [10]. Царское правительство, казалось, вовсе не интересовало судьба полуострова. На Камчатке не было ни одного солдата, лишь около пятидесяти казаков наблюдали за порядком. Но в Петропавловске хранились четыре тысячи винтовок-берданок и патроны к ним.

Начальник уезда Антон Павлович Сильницкий 22.04.1904 г. издал приказ, которым «Запасные нижние чины, льготные и отставные казаки, а равно все волонтеры от населения приглашаются к формированию дружины...» [5, с. 407]. Распорядился воинской силой штабс-капитан Вячеслав Ростиславович Векентьев, командиром Петропавловской дружины стал отставной прапорщик Цезарь Жабá, начальником обороны западного побережья – Максим Иванович Сотников. На западном побережье были организованы четыре пешие и одна конная дружины: Тигильская – численностью 100 человек,

¹ Полетучка – особый вид почты. Гонец мчит от поселка к поселку, порой даже на неоседланной лошади.

Ичинская – 66, Облуковинская – 40, Большерецкая – 72, Конная – 18 человек. Командиром Тигильской дружины был назначен казак Павел Юшин, Ичинской и Облуковинской – Михаил Корякин, Большерецкой и одновременно всего западного побережья – Сотников. Отставной унтер-офицер Нагорный командовал конной дружиной [31, с. 136]. Всего на западном побережье в ополчение записались около 300, на восточном – 475 человек [5, с. 407]. На восточном побережье, кроме Петропавловской, была организована Усть-Камчатская дружина в составе 110 человек. Дружины комплектовались, в основном, из состава коренного населения, которое никогда не знало воинской повинности, не имело понятия о военной дисциплине, строе, порядке. Но все это компенсировалось прекрасным знанием родных мест, неприхотливостью и привычкой к походной охотничьей жизни, умением стрелять, наконец, ненавистью к японским хищникам [31, с. 141].

В отличие от материковой России ни у кого из ополченцев не возникло сомнений по поводу необходимости защищать свою землю. Даже утих местный конфликт, связанный с недовольством «высшего городского общества» стремлением А. П. Сильницкого остановить спаивание и грабеж коренного населения, вынужденного за гроши продавать пушнину. Правда, начальника Петропавловского уезда уже объявили сумасшедшим, но вопросы обороны на время объединили всех, и его распоряжения выполнялись неукоснительно.

Пораженческие настроения выразили лишь священник о. Комаров и заведующий Петропавловским горным училищем Роберт, написавший: «...могу только еще прибавить свою искреннюю просьбу к Петропавловской Администрации, что, в случае прибытия в Петропавловск японцев или представителей другой какой-либо враждебной нам нации, никакой враждебности к ним не выказывать. Это будет самое лучшее, что в данном своем положении мы только и можем сделать» [8].

Сильницкий попросил священника провести молебен о даровании русским войскам победы в войне, а сам перед молебном зачитал приказ по поводу объявления войны Японии. Населению предписывалось «верить в могущество нашего Великого Государя и его беспредельную любовь ко всем подданным от Петербурга до Петропавловска. Никто никакой опасности ожидать не может, потому что о нас печется Государь и Его Наместник на Дальнем Восто-

ке, кто этому не верит, тот не любит своего Царя» [там же].

22 апреля 1904 г. было принято постановление, согласно которому всякий, услышавший что-либо, относящееся к войне, должен был явиться в Управление и записать свой «слух». Кроме того, любой желающий мог предложить меры по обороне Камчатки от врага, для чего была заведена специальная книга, в которую и должны были записываться предложения. Предложения были очень скоро занесены. А. Т. Зубков, горный инженер А. М. Симонов и врач В. Н. Тюшов предлагали увезти в глубь Камчатки порох и продовольствие, раздать населению оружие и вывезти из Петропавловска женщин и детей в долину р. Камчатки (предлагался ряд поселений, а также конкретные меры по организации вывоза людей и грузов в глубь страны). Смотритель маяка Косачев и штабс-капитан Векентьев предлагали меры по организации сигнализации [там же].

Была установлена сигнализация створа в Авачинскую губу, выставлены дозоры в бух. Жупановскую, Кроноцкую и на м. Лопатка, произведена раздача населению оружия, установлена застава на р. Большой, которая 15 мая 1904 г. приняла бой с японцами, пришедшими на шхуне за рыбой. В ходе боя 13 японцев было убито, а шхуну сожгли. Примечательны слова А. П. Сильницкого, напомнившего населению Камчатки о роли природы: «Сколько бы врага не появилось на Камчатском полуострове, и откуда бы он не появился, будем его бить во славу Царя и Отечества без милосердия и, глубоко убежден, победим, потому что нам союзник – дикая и величественная природа девственной, бездорожной, гористой, лесистой и болотистой Камчатки, и враг, кто бы он ни был, сильнее нас в том только случае, если у него пушки, вот эти-то пушки и есть единственная причина, что я оставляю Петропавловск, если на его рейде появится неприятельское судно, вооруженное артиллерией. Прошу глубоко верить, что на Камчатке ни при каких условиях не будет нарушена так дорогая всему верноподданному честь русского имени» [28].

В этой ситуации проявилась решительность большей части населения Камчатки, представленной в первую очередь казачеством, сражаться с противником и нерешительность высшего общества, которое, под давлением большинства, все-таки вынуждено было подчиниться его мнению.

В памяти камчатцев навсегда остался подвиг дружины под командованием унтер-офицера

Максима Сотникова, а также пришедшей морем Петропавловской дружины во главе с прапорщиком Цезарем Жабой, и дружинников из долины р. Камчатки, в общей сложности – 88 бойцов. В ночь с 16 на 17 июля 1904 г. ими были наголову разбиты японцы, которые, потеряв убитыми и ранеными 32 человека, отступили на свои шхуны. Во время боя было захвачено японское знамя, взяты в плен лейтенант Сечи Гундзи, врач и два солдата, которые в дальнейшем были интернированы в Мильково до окончания войны.

Увы, в том бою тяжело ранен был ополченец Ксаверий Бируля. Его несли в Явино, но он по дороге скончался. По обычаю местных жителей Бирулю похоронили на месте смерти, то есть прямо в тундре, недалеко от берега Охотского моря у Глиняного мыса.

Все попытки японцев высадить на Камчатке до 30 десантов были отражены повсюду: и на восточном, и на западном побережье, и на Командорских островах.

Как и во времена Крымской войны, против японских интервентов выступили русские, коряки, ительмены, эвенки, камчадалы, алеуты. Помогало им то, что все они были прирожденными охотниками, отличными стрелками, прекрасно знающими местность. Наиболее доступным методом сопротивления был захват и сожжение японских шхун. Всего на полуострове за 1904–1905 гг. ополченцами были уничтожены 40 шхун и около 700 японцев.

За организацию обороны Камчатки бывший начальник Петропавловского уезда А. П. Сильницкий был награжден орденом Св. Анны. Георгиевские кресты и медали получили 27 ополченцев. Среди них камчадалы М. И. Юшин («под японскими выстрелами вынес казенную кассу»), Николай Алексеевич Пинизин («участвовал при отражении нападения японцев на мыс Лопатку») [26].

Что касается японцев, они и здесь проявили свое коварство: начальником десанта оказался лейтенант Сечи Гундзи, который до 1903 г. служил приказчиком Камчатского торгово-промышленного общества, занимаясь

в основном шпионской деятельностью. Гундзи был хорошо знаком с Камчаткой, знал полную беззащитность этой территории и полагал, что не встретит здесь никакого сопротивления [31, с. 136–141].

Каждое появление японцев сопровождалось грабежами, разбойничьими нападениями на лежбища морских животных, в селениях они вырезали скот. Даже когда в Портсмуте третий день шла мирная конференция, в Авачинскую бухту вошли два японских крейсера «Суми» и «Идзуми» под командой адмирала Того-младшего. Жители, побросав имущество, спрятались на сопках. На подходе к городу японцы обстреляли его из шестидюймовых орудий и высадили десант в 200 человек. После охоты за коровами, брошенными жителями, японцы отошли на Командорские острова. Из-за непогоды снова вернулись в Петропавловск, опять высадили десант, опять охотились за коровами, разгромили уездное управление, сожгли архив и ушли. Этим запоздалым разбойничьим нападением японцев как началась, так и закончилась Русско-японская война.

В камчатских событиях ярко проявилась российская система управления, которая всегда характеризовалась тем, что в критические моменты, когда власть полностью теряла контроль над ситуацией, она предоставляла право низам самим решать проблему, а народ с честью справлялся с ней. Главную идею прекрасно выразил А. П. Сильницкий в обращении к населению Камчатки: «*Наша защита – беспредельная преданность всего населения Камчатки горячей любимой Родине, полная готовность каждого стоять за честь России, как стояли его отцы и деды с 17 по 24 августа 1854 г.*» [там же, с. 159]. Возможно, то, что на далекую окраину Российской империи почти не доходили либеральные идеи Запада, а руководство территорией не было, словами А. Герцена «бесконечно далеко от народа», именно Камчатка дважды отстояла свою свободу от врага и в Крымской, и в Русско-японской войнах, которые, в целом, были проиграны царским правительством.

1. Айрапетов О. Р. На сопках Маньчжурии // Русско-японская война 1904–1905. Взгляд через столетие : междунар. ист. сб. М., 2004. С. 355–504.
2. Он же. На пути к краху. Русско-японская война 1904–1905 гг. Военно-политическая история. М. : Алгоритм, 2015. 494 с. URL: <https://fictionbook.ru/static/trials/10/41/60/10416041.a4.pdf> (дата обращения: 11.09.2024).
3. Антипин А. Н. Русско-японская война в культурной памяти российского общества : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2013. 34 с. URL: https://www.susu.ru/sites/default/files/dissertation/antipin_nikolay_aleksandrovich.pdf (дата обращения: 11.09.2024).

4. Апушкин В. А. Из истории Русско-японской войны 1904–1905 гг. : сб. материалов к 100-летию со дня окончания войны. СПб. : изд-во СПбУ, 2005. 470 с. URL: https://militera.lib.ru/h/apushkin_va/index.html (дата обращения: 11.09.2024).
5. Аров В. Н. «О камчатской земле написано...» : ист. очерки. Петропавловск-Камчатский : Новая кн., 2018. 432 с.
6. Бондарева И. Получите – распишитесь: чему учит история мобилизации в России // URL: <https://lisa.ru/stil-zhizni/tradicii/782212-poluchite-raspishites-chemu-uchit-istoriya-mobilizacii-v-rossii/> (дата обращения 11.09.2024).
7. Витте С. Ю. Воспоминания. Царствование Николая II. Л. : Гос. изд-во, 1924. Т. 1. 472 с.
8. Воробьева Э. А. Оборона Камчатки в Русско-японскую войну // Актуальные вопросы истории Сибири XVIII–XXI вв. Новосибирск, 2006. С. 80–100.
9. Высочайший Манифестъ объ открытіи военныхъ дѣйствій противъ Японіи (1904 г., Января 27) // URL: https://russportal.ru/index.php?id=russia.manifest1904_01_27_01 (дата обращения: 11.09.2024).
10. Гаврилов С. В. Маленькие камчатские истории. Петропавловск-Камчатский : Камч. печат. двор, 2002. 298 с.
11. Геруа А. З. К познанию армии. СПб. : тип. А. С. Суворина, 1907. 135 с.
12. Деникин А. И. Путь русского офицера. М. : Современник, 1991. 300 с. URL: https://militera.lib.ru/memo/russian/denikin_ai/index.html?ysclid=m0xcch32w1828093574 (дата обращения: 11.09.2024).
13. Дѣло о сдачѣ крѣпости Портъ-Артуръ японскимъ войскамъ въ 1904 г. / отчетъ сост. подъ ред. В. А. Апушкина. СПб. : изд-во В. Березовскій, 1908. URL: <https://ru.wikisource.org/wiki> (дата обращения: 11.09.2024).
14. Куропаткин А. Н. Записки генерала Куропаткина о Русско-японской войне. Итоги войны. 2-е изд. Берлин, 1911. 557 с.
15. Иванов А. Ю. Столкновение интересов России и Японии на Корейском полуострове как фактор начала Русско-японской войны 1904–1905 гг. // Россия и АТР. 2014. № 1 (83). С. 159–171.
16. Квитка А. В. Дневник Забайкальского казачьего офицера. Русско-японская война 1904–1905 гг. СПб. : тип. В. Березовского, 1908. 430 с.
17. Керсновский А. А. История русской армии : в 4-х т. Т. 3 : 1881–1915. М. : Голос, 1994. 352 с.
18. Куропаткин А. Н. Русская армия. СПб. : Полигон, 2003. 590 с.
19. Куценко Б. О. Причины и формы участия Британской империи в Русско-японской войне 1904–1905 гг. // Манускрипт. Тамбов, 2020. Т. 13, вып. 9. С. 44–50.
20. Майорова Н. С., Майоров А. Д. Дальний Восток в российской внешней политике по «Воспоминаниям» С. Ю. Витте // Вестник Костромского государственного университета. Кострома, 2023. Т. 29, № 2. С. 18–23.
21. Мартынов Е. И. Из печального опыта Русско-японской войны. СПб. : Воен. тип., 1906. 176 с.
22. Оленев М. Б. Русская армия как зеркало национальных противоречий. М. : Старая Басманная, 2020. 238 с.
23. Павлов Д., Петров С. Тайны Русско-японской войны. Японские деньги и русская революция. Русская разведка и контрразведка в войне 1904–1905 гг. : документы. М. : Прогресс, 1993. 348 с.
24. Павлов Д. Российская историография и археография Русско-японской войны 1904–1905 гг.: основные периоды, идеи, направления // Отечественная история. 2005. № 3. С. 144–157.
25. Писчихова Н. П. Финансовая помощь России и Японии со стороны США в 1904–1905 гг. // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2007. № 43–1. С. 269–272.
26. Пирагис А. П. За землю камчатскую, за Отечество: о камчатских героях Крымской войны (1853–1856), Русско-японской войны (1904–1905), Великой Отечественной войны (1941–1945) и Курильского десанта (август 1945) // URL: <http://www.piragis.ru/biography/kamchatskie-zaschitniki-otechestva.html> (дата обращения: 11. 09.2024).
27. Полутов А. В. Японская военно-морская разведка и ее деятельность против России накануне Русско-японской войны 1904–1905 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2011. 34 с.
28. РГИА ДВ [Российский государственный исторический архив Дальнего Востока]. Ф. 702, Оп. 1. Д. 423. Л. 279.
29. Сайрус А. Джейкоб Генри Шифф. Гений финансового мира и главный спонсор русских революций. М. : Центрполиграф, 2017. 575 с.
30. Свечин А. А. Эволюция военного искусства: с древнейших времен до наших дней : в 2-х т. М. ; Л. : Гос. изд-во. Отд. воен. лит, 1927–1928. Т. 1–2.
31. Семенов В. И. Некоторые события на Камчатке в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. // Вопросы географии Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 1985. Вып. 9. С. 136–141.
32. Сен Ир Ан. Русско-японская война и передел международной системы в Восточной Азии // Вестник Забайкальского государственного университета. Чита, 2015. № 3 (118). С. 96.

33. *Сергеев В. Д.* Страницы истории Камчатки (дореволюционный период). Петропавловск-Камчатский : Дальневост. кн. изд-во, Камч. отд-ние, 1992. 192 с.
34. *Сергеев Е. Ю.* Военная разведка России в борьбе против Японии, 1904–1905. М. : Т-во науч. изд. КМК, 2010. 219 с.
35. *Соболев Л. Н.* Куропаткинская стратегия: краткие заметки бывшего командира 6-го Сибирского армейского корпуса. СПб. : Рус. скоропечатня, 1910. 477 с.
36. *Старостенков Н. В.* Железнодорожные войска России : в 4-х кн. Кн. 1: На службе Российской империи: 1851–1917. М. : Евросервис-СВ, 2001. 272 с. URL: https://militera.lib.ru/h/zheleznodorozhnye_voyska_rossii/index.html?ysclid=m0yeaq0q18402950213 (дата обращения: 12.09.2024).
37. *Сухомлинов В. А.* Воспоминания военного министра. М. : Центрполиграф, 2023. 383 с.
38. *Толстой Л. Н.* Не могу молчать. Статьи о войне, насилии, любви, безверии и непротивлении злу / предисл. П. Басинского. М. : Альпина Паблишер, 2023. 332 с.
39. *Ширинов М. А.* Воинские формирования Сибирского военного округа в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2019. 24 с.

ОСНОВНЫЕ СОБЫТИЯ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904–1905 гг. НА КАМЧАТКЕ

По материалам архивных документов представлена подробная хронология событий периода Русско-японской войны (1904–1905) на Камчатке. Перечислены фамилии основных участников и документы данного периода.

Ключевые слова: история; Русско-японская война; Камчатка, п-ов; Япония; народное ополчение; браконьерство.

В 2024 г. камчатцы отмечают два важных юбилея: 170 лет героической обороны Петропавловского порта от нападения англо-французской эскадры (1854 г.) и 120 лет народного ополчения полуострова в ходе Русско-японской войны (1904 г.). Оба события стали основаниями для присвоения в 2011 г. столице Камчатского края – Петропавловску-Камчатскому – почетного звания «Город воинской славы». В ходе сбора дружин народного ополчения весной 1904 г. прямо подчеркивалась преемственность со славными делами 1854 г. Они сохранялись в народной памяти, к тому же были еще живы их свидетели и прямые участники.

Так случилось, что события, связанные с защитой полуострова от нападений японцев в 1904–1905 гг., являются малоизвестными для широкой публики. Их значению для сохранения Камчатки в составе России долгое время не давалось должной оценки. Оказались забыты и отважные люди, действовавшие решительно и самостоятельно, зачастую вопреки складывавшимся обстоятельствам. Они, опиравшиеся только на ограниченные местные возможности, совершили настоящие подвиги, как и их деды в 1854 г. сумели отстоять далекий уголок русской земли от вражеского нашествия и, возможно, отторжения.

Оборона Камчатки – единственная крупная военная удача нашей страны в ходе боевых действий 1904–1905 гг. К сожалению, об этом мало что известно не только материковским жителям, но и нашим землякам. Противник не раз высаживался на западном и восточном побережьях полуострова, на Командорских островах, но все эти вылазки были отражены местным населением. При этом было сожжено или потоплено много японских шхун, погибло несколько сотен прибывших на них неприятелей. Наши потери при этом оказались незначительны.

Приводимая ниже хронология является попыткой чуть-чуть восполнить имеющиеся пробелы. Даты отмеченных событий указаны по

так называемому «старому стилю». Чтобы перейти от него к привычному для нас летосчислению, нужно прибавить к обозначенной дате еще тринадцать дней.

Год 1904-й

27 января отряд японских миноносцев внезапно напал на русскую эскадру, стоявшую на рейде Порт-Артура. Так, без официального уведомления на то с японской стороны, разразилась Русско-японская война.

30 января военный губернатор Приморской области генерал-майор А. М. Колюбакин отправил в подчиненные ему уезды, в том числе Петропавловский, официальное сообщение о начале боевых действий.

21 апреля в девять часов вечера, почти через три месяца, весть о войне достигла Петропавловска.

22 апреля начальник Петропавловского уезда коллежский асессор, поручик запаса А. П. Сильницкий издал приказ № 204, извещавший население о последних событиях. В нем, в частности, говорилось: «Все запасные нижние чины, льготные и отставные казаки, а равно и волонтеры от населения приглашаются к формированию дружины для поддержания строгого порядка и тишины в Петропавловске и в уезде. Распоряжается воинской силой штабс-капитан Векентьев» [4]. Тот занимал должность помощника начальника уезда.

Состоялся молебен «о ниспослании победы государю императору и его победоносному воинству». Прошло совещание горожан и жителей окрестных селений, где объявлено постановление уездного начальника о заведении в полицейском управлении особой книги. В нее любому гражданину решено вписывать «разумные меры», вызываемые «возможностью ежеминутного нападения на нас врага» [там же].

Назначен командир будущей Петропавловской ополченческой дружины – отставной прапорщик, штурман дальнего плавания Ц. Э. Жабá.

23 апреля сделана первая запись в книге, страницы коей были поделены на две колонки: «Слух или мера» и «Отметка начальника уезда». Началась выработка мер по организации обороны полуострова, запись в ополчение. Первым в него вступил рыбопромышленник и торговец А. Т. Зубков. В Петропавловскую дружину поступили 89 человек.

24 апреля начальником обороны западного побережья Камчатки назначен помощник начальника уезда – саперный штабс-капитан В. Р. Векентьев.

Началась раздача населению казенного вооружения, хранившегося в Петропавловске. Из Петропавловска в уезд отправились инструкторы с винтовками-берданами и патронами к ним. Задача инструкторов – развезти оружие по селениям и научить жителей обращению с ним. На западном побережье к началу мая образованы четыре пешие дружины – Больше-рецкая (74 чел., командир М. Сотников), Тигильская (60 чел., командир П. Юшин), Ичинская (66 чел.) и Облуковинская (48 чел.), двумя последними руководил М. Карякин. Имелась и конная дружина (18 чел., командир М. Нагорный).

Начало мая. В устьях рек выставлены ополченческие заставы, наблюдавшие за морем и имевшие связь с близлежащими селениями.

4 мая в Петропавловск из Сан-Франциско пришел зафрахтованный Камчатским торгово-промышленным обществом пароход «Редондо». Прибывший на нем доверенный общества барон фон Брюгген пытался распространять панические слухи о проигрыше России в войне, объявил, что Камчатка уже находится «под американцами». «Редондо» ушел 9 мая, на нем русскому консулу в Сан-Франциско отправлены казенные бумаги с описанием действий, предпринятых по обороне полуострова.

10 мая А. П. Сильницкий издал приказ с предупреждением о неминуемом наказании «ослушников» его распоряжений.

14 мая с заставы в устье р. Большой замечена первая вражеская шхуна.

16 мая из Большерецка к устью отправился отряд казака А. М. Селиванова.

17 мая японская шхуна сожжена, экипаж вначале пленен, затем расстрелян при попытке бегства и сопротивления. В Петропавловске об этом узнали 24 мая.

24 мая из города в район Большерецка отправился В. Р. Векентьев с задачей: не дать япон-

цам вести лов. Заведующим обороной Западной Камчатки назначен старший унтер-офицер запаса М. И. Сотников.

25 мая начальник уезда приказал дружинникам *«на случай появления новых хищников истребить их с тою же отвагою, с какою истреблены и первые хищники. Строго предписываю: никакой жалости к врагу не проявлять, памятуя, что жалость к врагу отечества есть только трусость, которая ляжет на нас позором и бесчестьем»* [4].

29 мая Сильницкий выразил уверенность, что *«сколько-нибудь порядочный дружинник не воспользуется тем или иным недомоганием, без которого слабая человеческая природа никогда не обходится»*. Заявил, что трусов в бой не поведет. Вспомнил знаменитых древних спартанцев, в числе трехсот бившихся со стотысячным персидским воинством. При этом упомянул, что японцы *«не представляют никакой армии, а представляют единственно хищников, хотя и вооруженных»* [там же].

30 мая на общем сходе жителей Усть-Камчатска оглашено послание Сильницкого частному казачьему командиру о последних событиях. Усть-Камчатская ополченческая дружина в числе 110 человек стала второй на восточном берегу полуострова после Петропавловской.

В этот день в устье р. Озерной (Западная Камчатка) высадился японский десант из 150 флотских резервистов во главе с лейтенантом запаса С. Гундзи.

3 июня японцы заняли с. Явино, вывесили на часовне свой флаг и письменно заявили о переходе «этой земли» к Японии, установив столб с соответствующей табличкой. Местные жители ушли в с. Голыгино, претерпевая в пути большие сложности из-за нехватки продовольствия и движения по бездорожью.

4 июня хищнический отряд с о. Шумшу напал на лежбище каланов на м. Лопатка. В столкновении с охранниками лежбища убиты 13 хищников.

7 июня японские шхуны появились у устья р. Огалы.

8 июня отряд казака М. Нагорного атаковал неприятельскую шхуну, стоявшую в р. Иче. Экипаж из 13 членов уничтожен, в живых остался один переводчик. Судно сожжено.

16 июня из Петропавловска на западный берег полуострова с продовольствием и людским подкреплением ушла шхуна «Мария» под командованием Ц. Э. Жабь.

24 июня М. Сотников со своими людьми отправился к р. Опале, где уже находился А. Селиванов с «малыми силами».

28 июня уничтожена шхуна на р. Опала. Убито 20 врагов.

5 июля охрана м. Лопатка разогнала отряд хищников, истребив 18 человек.

8 июля в устье р. Ичи вошли четыре японские шхуны. В соседней р. Колпаковой находились еще три.

11 июля отряд Сотникова провел первую разведку окрестностей с. Явино.

12 июля в японском лагере с подложным письмом с целью разведки сил противника побывал крестьянин Е. Евойловский.

13 июля к Гундзи отправился староста с. Явино Д. Игнатьев. Японский командир приказал ему сдаться вместе со всеми селянами.

14 июля Гундзи передано очередное письмо, сообщавшее, что жители селения собраны и ждут его. Это была уловка, чтобы заманить вражеского командира в ловушку.

15 июля Гундзи вместе с отрядным врачом и двумя спутниками отправился «принимать капитуляцию», по дороге был взят ополченцами в плен у устья р. Итудиски. Произошла стычка ополченцев с японским отрядом, отправившимся искать своего командира, убито до 20 японцев.

17 июля ночью сделано «наступление на передний табор Гундзи». Убито 17 японцев, многие ранены, уцелевшие ушли в море. Ранены пятеро ополченцев, один из них – Ксаверий Бируля (скончался и похоронен в тундре недалеко от места боя).

Этой же ночью отряд М. Нагорного из 55 человек атаковал японцев в устье р. Ичи. Уничтожено около 50 неприятелей.

18 июля в Петропавловск пришел зафрахтованный Камчатским торгово-промышленным обществом американский пароход «Минеола». На нем прибыл уполномоченный Министерства внутренних дел по снабжению продовольствием северных уездов Приморской области Н. А. Гребницкий, он же начальник уезда Командорских островов. Помимо доставки продовольствия, ему поручено вывезти с Камчатки А. П. Сильницкого, несправедливо объявленного «сумасшедшим». При этом некоторые действия Сильницкого по обороне полуострова его противниками расценены как проявления его душевного расстройства.

22 июля дружинники М. Сотникова разведали подступы ко «второму табору» японцев

у р. Озерной, то есть к основным силам неприятеля. Атаковать не стали ввиду малочисленности. Японцы ушли в море сами.

27–28 июля уничтожена японская шхуна в р. Опале. Еще 9 таких судов в те же дни разгромил и сжег отряд М. Нагорного в районах р. Ичи, Колпаковой, Пымты и Воямполки. На них пребывали в общей сложности до 200 человек. Противник был разбит и бежал.

30 июля семьи Сильницкого и Векентьева увезены на «Минеоле» из Петропавловска, позже с большим риском для жизни высажены на рейде Охотска.

8 августа ночью 30 дружинников напали на японскую шхуну в устье р. Воровской. Убиты 13 хищников.

За лето 1904 г. на западном побережье Камчатки между реками Озерной и Сопочной уничтожено 15 шхун, большая часть их команд или перебита, или пленена. На о. Медном охрана лежбищ под руководством фельдфебеля запаса Н. Н. Лукина-Федотова отбила нападения более 30 шхун, уничтожив 24 врага. Наши официальные потери – один человек.

По завершении рыболовного сезона и навигации закончились и боевые действия. Камчатка до следующей весны вновь оказалась отрезана от материковой России. Камчатка переведена на мирное положение. Ополчение, судя по всему, было распущено.

Год 1905-й

Середина апреля. К руководству Петропавловским уездом приступил новый начальник – коллежский асессор, поручик запаса С. М. Лех.

20 апреля в ожидании открытия навигации Лех объявил весь уезд находящимся на военном положении, назначил пункты сбора военнообязанных в городе и на побережьях полуострова.

12 мая в Петропавловск вернулся В. Р. Векентьев, снова ставший руководителем обороны полуострова. Принятая им тактика напомнила прошлогоднюю, вполне оправдавшуюся.

25 мая правительство России приняло предложение президента Северо-Американских Соединенных Штатов (САСШ) Т. Рузвельта об организации мирной конференции. Ее цель – заключение соглашения между воюющими странами о прекращении боевых действий. С инициативой мирного договора выступила крайне истощенная войной, несмотря на ряд побед, Япония.

27 мая у м. Лопатка появилась первая

в эту навигацию вражеская шхуна, на следующий день пришли еще 4. До 15 июня в районе Лопатки побывали 12 шхун.

30 мая две шхуны замечены на восточном берегу полуострова у мыса Бараньего.

6 июня отряд под руководством М. Сотникова уничтожил японскую шхуну в окрестностях с. Явино. Части ее экипажа удалось спастись на шлюпках.

11 июня С. М. Лех, опасавшийся нападения на Петропавловск, отправил хранившийся в уездном полицейском управлении железный сундук с казенными деньгами в с. Старый Острог (ныне Елизово).

10 июля дружинники в серьезном бою разгромили японский отряд из 40 человек в устье р. Опалы, «из которых только семь человек убежали ранеными на шлюпке в море».

11 июля возле устья р. Колпаковой появилась японская шхуна, доставившая из района о. Урупа русских флотских офицеров – прапорщиков Я. Г. Зайончковского и В. П. Потапова, потерпевших кораблекрушение. Потапов сошел на берег, а Зайончковский был пленен и увезен в Японию после того как в конце июля шхуна была отогнана от берегов Камчатки ополченцами.

Середина июля. Еще одна шхуна и 11 неприятелей уничтожены в окрестностях Большерецка. В схватке снова отличился руководивший дружинниками казак А. М. Селиванов.

17 июля «взята с бою» вражеская шхуна на р. Воямполке. Здесь как умный руководитель и храбрый боец проявил себя казак Камчатской команды Д. Заев.

26 июля отражены нападения двух шхун у р. Рукаковой.

31 июля утром к Петропавловску подошел отряд из двух японских крейсеров «Идзуми» и «Сума», обстрелявший сначала район маяка, затем город, в частности, повредив уездное полицейское управление. Высажен десант в числе 200 человек. Администрация и большая часть населения покинули город, уйдя в Старый Острог. При возможном продвижении десанта из города в глубь уезда С. М. Лех намеревался дать ему бой.

1 августа крейсера направились на Командоры.

3 августа на о. Беринга высажен десант из 200 человек. На здании уездного управления Командорских островов российский флаг заменен японским. Изъята часть казенного имущества и вооружения караулов.

4 августа перед уходом от островов япон-

цы конфисковали находившийся там пароход «Монтара», привезший снабжение.

6 августа крейсера вернулись в Петропавловск. Экипажи разрушили казенный склад, изъяли и уничтожили документы уездного полицейского управления, забрали с собой казенные суммы. Конфискован как «приз» пароход «Австралия», доставивший снабжение.

7 августа в четыре часа дня крейсера ушли в море. Японцы уничтожили казенные запасы пороха и свинца, керосина, муки. Разбит сейф с уездными деньгами, средства похищены.

9 августа начались мирные переговоры в Портсмуте. В этот же день 3 шхуны подошли к м. Сопочному. 12 августа здесь замечены еще 3.

13 августа С. М. Лех назначил временным комендантом Петропавловска прапорщика флота В. П. Потапова. Началось восстановление разрушенного городского хозяйства, в частности, ремонт поврежденного обстрелом полицейского управления, велся подсчет понесенных убытков.

14 августа совершено нападение на котиковое лежбище в районе островка Гаврюшкин камень.

16 августа В. П. Потапов вместе с матросами маячной команды и казаками исследовал пригородные воды, установив, что «мин нигде не оказалось». Предполагалось, что японские корабли могли заминировать фарватеры. Работы завершились 23 августа (эта дата – официальный календарный срок окончания войны).

21 августа японцы высадились с двух шхун на о. Беринга у Северного котикового лежбища. Потребовали у караула лежбища предоставить им право добычи морского зверя. В ходе этого происшествия «испугался» и уклонился от переговоров младший надзиратель И. Коровников. С хищниками разговаривал старший охранник И. Иванов. Караул был арестован, враги объявили о переходе островов в японское подданство.

23 августа высадившиеся хищники были разгромлены островитянами под руководством старшего полицейского надзирателя Д. Ф. Сафронова.

В этот день в САСШ был заключен Портсмутский мирный договор.

В 1905 г. в ходе отражения нашествия японских хищников было сожжено не менее 4 шхун, уничтожены 47 и ранены 3 врага.

Итогом всенародной обороны Камчатки стало ее сохранение в составе России и не-

допущение вывоза противником «ни одного хвоста» из рыбных богатств полуострова. Несмотря на это, следствием Портсмутского мирного договора стало заключение в 1907 г. в Санкт-Петербурге 12-летней Русско-японской рыболовной конвенции. По этому документу на время рыболовного сезона оба побережья

полуострова обращались, по сути, в японскую промысловую базу. Началось иноземное экономическое завоевание Камчатки. Отныне наши рыбные богатства кормили Страну восходящего солнца на протяжении многих лет, вплоть до завершения скоротечной победоносной Советско-японской войны августа–сентября 1945 г.

1. Гаврилов С. Две войны Петропавловска // Дальний Восток. 2004. № 1. С. 220–230.
2. Он же. В. Петропавловские хроники (1855–1920). Петропавловск-Камчатский : Новая кн., 2023. С. 214–233.
3. Семенов В. И. Оборона Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. // Норд-Ост. Люди. Природа. История. Петропавловск-Камчатский, 1985. С. 77–93.
4. Сильницкий А. П. 14 месяцев службы на Камчатке // Исторический вестник. 1909. № 11. С. 507–541.

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА 1904–1905 гг. НА КАМЧАТКЕ

О событиях Русско-японской войны (1904–1905) на Камчатке и предпосылках, предшествующих вторжению японских интервентов на полуостров. По документам Российского государственного исторического архива Дальнего Востока, а также материалам научно-исторической конференции «Русско-японская война 1904–1904 годов: история и современность» и Крашенинниковских чтений разных лет.

Ключевые слова: Русско-японская война; Западное побережье Камчатки; Курильские о-ва; Петропавловский порт; Япония; Сильницкий А. П.; Сечи Гундзи.

Предыстория такова. После окончания Крымской войны, в 1856 г., Камчатка потеряла свой статус самостоятельной области и вошла в состав только что образованной Приморской области. Когда-то в городе шумела полнокровная жизнь, и все население было почти грамотным. В Петропавловской гавани стояли корабли и размещался большой гарнизон с артиллерией. Камчатка считалась наилучшим трамплином для связи России с ее владениями в Америке. Но после продажи Соединенным Штатам в 1867 г. принадлежавших России американских владений исчез даже косвенный интерес к Камчатке, через которую когда-то осуществлялась связь центра с Русской Америкой. После 1856 г. в регионе не стало постоянных воинских формирований и флота. Все это отразилось на обороноспособности и экономике полуострова [4].

Для полноты картины вспомним еще тот факт, что в 1875 г. Курильские острова, принадлежащие России, «ввиду их бесплодности», было решено разменять на Южный Сахалин, где в то время у нас было соуправление с японцами, но фактически он контролировался Россией. Никому тогда и в голову не пришло, что потеря Курильских островов для России – это потеря прямого выхода из Охотского моря в Тихий океан. Одумались позже, когда остался единственный проход в Тихий океан через Первый Курильский (самый опасный) пролив, все остальные проливы контролировались японцами. По итогам Русско-японской войны 1904–1905 гг., к сожалению, у нас был отобран и Южный Сахалин.

Япония в конце XIX – начале XX в. бурно развивалась и начала испытывать острую нужду в продукции рыболовства (поскольку собственной стало не хватать), отсюда возник интерес к русскому Дальнему Востоку и, в частности, Камчатке, богатой рыбными ресурсами. В Японии был принят закон о поощрительных

премиях за рыболовство в отдаленных морях (в том числе Беринговом и Охотском).

Русское правительство также обратило внимание на свою далекую окраину и ее богатства. И в 1897 г. было зарегистрировано Камчатское торгово-промышленное общество с участием японского капитала, занимавшееся морским и речным промыслом в «*Охотском, Беринговом и Камчатском морях с заливами, проливами и реками*». Вначале для ловли и обработки улова компания официально наняла 48 японских рыбаков. По окончании путины продукция была успешно реализована на японском рынке. На следующий год на рыбалках общества уже работали сотни японских рыбаков. Официально было заготовлено и реализовано в Японии свыше 30 тыс. пудов соленой рыбы. Неофициально в прибрежных водах Камчатки вели промысел сотни японских шхун. Браконьерский вылов рыбы к 1900 г. составил порядка 100 тыс. центнеров [1].

По сути, хозяевами прибрежных вод Камчатки стали японцы, которые не только вели хищнический вылов рыбных богатств (местное население Камчатки японских браконьеров так и называло – «хищники»), но и осуществляли разведку прибрежных территорий и центральной части полуострова. Ими было установлено, что расстояние между камчатскими населенными пунктами – двести-триста верст с гаком, связи между ними нет, в летнее время все мужское население занято заготовкой рыбы, основного корма для себя и нартовых собак, местное население малочисленно. Администрация Камчатки никак не могла помешать хищническому лову, поскольку не располагала кораблями для патрулирования. Да, собственно, администрацию эта проблема и не очень-то интересовала. Камчатка в то время была одним из центров пушного промысла. И коррупция среди немногочисленных чиновников на полуострове была если не повальной, то близкой к тому. А кон-

троль со стороны центральных властей в связи с удаленностью территории практически отсутствовал.

В 1903 г. начальником Петропавловского уезда был назначен коллежский асессор поручик запаса Антон Петрович Сильницкий. Сразу же по вступлении в должность он начал активную борьбу с коррупцией, и, надо отметить, успешно, чем заслужил уважение среди местного населения и нажил себе врагов среди чиновников и купцов, хотя на посту «начальника Камчатки» он пробыл чуть более года. Благодаря его усилиям удалось предотвратить захват японцами Камчатки.

Местное население не раз слышало от японских рыбаков о скорой войне с Россией. О том, что российская сторона знала о намерениях японцев захватить дальневосточную территорию, свидетельствует путевой журнал начальника Командорских островов Н. А. Гребницкого, в котором он писал: *«Консул сообщил, не называя имени японца, находящегося с ним в сношениях, что в гавани Ханасаки, провинции Немуро, острова Хоккайдо, отставным лейтенантом флота Гунджи снаряжаются несколько коммерческих пароходов, команда которых будет состоять из резервистов флота, вооруженных армейскими ружьями; суда будут вооружены легкой артиллерией. Цель – удержание Командорских островов за Японией и по окончании войны при содействии одной из западных держав (Англии), и части Камчатки. Отправление предположительно месяца через два. Правительство негласно дает на эту экспедицию 1 миллион иен, частные лица – до полумиллиона»* [2].

Все военные силы Камчатки тогда состояли из полусотни казаков. А население Петропавловска, по данным на 1900 г., было 448 человек. Учитывая дальнейшее ухудшение обстановки, Сильницкий разработал инструкции по охране рек и защите селений, а также ведения партизанской войны в виду малочисленности населения. Единственно, чем тогда располагала Камчатка в достаточном количестве, были 4 000 берданок и 800 000 патронов к ним, хранившиеся на складах Петропавловска со времен Крымской войны. Сохранность и боеспособность винтовок оказались высочайшего уровня, оружие находилось в смазке и не пострадало при длительном хранении. Если учесть, что каждый житель имел свое личное оружие, то выходило, что Камчатка вооружена до зубов. Это послужило большим плюсом для обороны и, по сути, сыграло решающую роль. Используя

прочный весенний наст, на собаках во все крупные селения были разосланы берданки, патроны и инструкции. Начальником штаба обороны Камчатки был назначен помощник А. П. Сильницкого штабс-капитан В. Р. Векентьев.

Начало Русско-японской войны 1904–1905 гг.

Посол Японии Курино 24.01.1904 г. вручил министру иностранных дел России Ламсдорфу ноту о разрыве дипломатических отношений между Японией и Россией. В ночь на 27.01.1904 г. японские миноносцы внезапно атаковали корабли русской эскадры на внешнем рейде Порт-Артура. Броненосцы «Ретвизан», «Цесаревич» и крейсер «Паллада» получили повреждения. После недолгого, но яростного боя русские корабли были затоплены своими командами [6].

Известие о начале войны пришло на Камчатку только через три месяца после ее начала, поскольку радиотелеграфная связь с материком отсутствовала, и были сложности с доставкой почты, особенно зимой, когда пароходы в Петропавловский порт не ходили. Почту приходилось доставлять на оленях и собаках, огибая Охотское море, проделывая длинный путь в тысячи километров. Вечером 21.04.1904 г. известие о начале Русско-японской войны доставил казак, гонец, отправленный с «полетучкой». В ту же ночь все мужское население Петропавловска и соседней Сероглазки без всякого напоминания явилось, кто с винчестером, кто с берданкой. Был выставлен наблюдательный пост на м. Сигнальном для наблюдения за входом в бухту [8].

22.04.1904 г. Сильницкий издает приказ № 204, извещавший население о начале боевых действий с Японией и содержащий призыв: *«все запасные нижние чины, льготные и отставные казаки, а равно и волонтеры от населения, приглашаются к формированию дружины. Располагается воинской силой штабс-капитан В. Р. Векентьев... Верьте, братцы, в Бога и Царя»* [там же].

На следующий день в Петропавловск из всех окрестных сел – Авачи, Халактырки, Старого острога, Паратунки, Коряк – съехался народ. Собрался сход, на котором было принято решение дать решительный отпор врагу и организовать Петропавловскую дружину. В нее вошли 89 человек под командованием прапорщика в отставке Цезаря Жабá. Командование Большерецкой дружиной и всем западным побережьем было решено возложить на стар-

шего унтер-офицера запаса Максима Ивановича Сотникова. О нем известно, что прибыл он на Камчатку в 1897 г. для обучения казаков обращению с новыми винтовками и уволился в запас в 1902 г. В 1903 г. был назначен на должность надзирателя за рыбными промыслами. Им были сформированы 4 пеших дружины (Тигильская – 100, Ичинская – 66, Облуковинская – 40, Большерецкая – 72) и одна конная – 18 человек. На восточном побережье, кроме Петропавловской, была организована Усть-Камчатская дружина, состоящая из 110 человек. Всего в дружинах Камчатки насчитывалось 475 человек. Каждый ополченец получил специально изготовленный домашними средствами жестяной ополченческий крест.

Старики говорили: *«Все умрем, а не сдадимся... Если даже японцы высадутся в устьях рек, дальше они не пройдут – перестреляем в кустах»* [8].

Именно на Западном побережье Камчатки развернулись главные военные события 1904 г. 30 июня в устье р. Озерной высадился отряд резервистов японского флота численностью 150 человек с двумя орудиями под командованием лейтенанта военно-морского флота Японии Сечи Гундзи. Ближайшим к месту высадки японцев было с. Явино, расположенное в 15 км к северу от Озерной (имело 16 дворов, маленькую часовню). Следующее село, Голыгино, располагалось в 60 км. Южнее и в глубине полуострова населенных пунктов здесь не было [4].

Почему именно эти селения интересовали Японию? Вернемся в 1875 г., когда Курильские острова Россия отдавала японцам вместе с коренным ее населением – айну (мохнатыми курильцами) и курильскими камчадалами (метисным населением, проживавшим на южной оконечности п-ва Камчатка и Первых Курильских островов). Жители Курильских островов, находившиеся в родстве с коренными камчадалами, проживающими на Камчатке, не захотели становиться подданными микадо и в течение 1875–1878 гг. переселились на юго-западное побережье Камчатки в сс. Явино, Голыгино, Кихчик, Коль. Но, согласно подписанного договора о размене территорий, они оставались подданными Страны восходящего солнца. Это давало хороший предлог для японского вторжения – «для защиты японских подданных». О лейтенанте Сечи Гундзи известно, что он проживал на Камчатке, был приказчиком Камчатского торгово-промышленного общества и накануне войны побывал в перечисленных

выше селениях и по всему западному побережью с разведывательной целью.

4 июля жители Явина увидели со стороны Озерной большую группу вооруженных японцев, идущую к селу. Староста вывел все население поселка (43 жителя) в горы, где они провели 17 суток голодными и мокрыми. В оставленном мирными жителями селении японцы подняли свой флаг на часовне, полностью его разграбили, истребили всю скотину, уничтожили ездовых собак. В центре поселка вкопали столб с табличкой, гласившей следующее: *«именно эта земля уже принадлежала Японии, поэтому кто, того трогает это тын будет убиты. Командир японского войска Сечу Гундзи»*. В это время к явинцам уже спешили две дружины: Цезаря Жабо на шхуне и отряд М. И. Сотникова по суше, общей численностью 88 человек, состоявших из 17 крестьян, 71 камчадала и 2 военных. По прибытию 16 июля Сотникову удалось хитростью выманить Гундзи из селения и арестовать. Ранним утром 17 июля ополченцы ворвались в Явино, завязался бой. В результате было убито 17 японцев, остальным удалось бежать. От полного уничтожения их спасла крайняя усталость бойцов Сотникова, большинство из которых пошли в бой сразу же после 200-верстного перехода по бездорожью. Ударяя, японцы побросали много оружия и снаряжения. Оставили они символы «принадлежался этой земли Японии» – флаг и столб с доской. На снятой японской доске Сотников сделал надпись, что она была снята им 17.07.1904 г. Сам Гундзи до окончания войны находился в Мильково, куда был отправлен в плен.

От самого устья р. Тигиль до м. Лопатка все лето ополченцы из прибрежных деревень и стойбищ отражали многочисленные попытки японцев закрепиться на побережье. 2 июля 9 японских шхун вошли в устье р. Колпаковой и полностью перегородили сетями реку. 8 июля 4 японских шхуны начали промысел в устье р. Ичи. В ночь с 16 на 17 июля начальник «летучего» (оперативного) конного отряда Нагорный с 55 дружинниками из сс. Крутогорово, Облуковина, Ича, Сопочная ударили по японцам в устье р. Ичи и уничтожили более 50 человек. 17 июля народные ополченцы под командованием Сотникова разгромили японский десант. В ночь с 26 на 27 июля отряд Нагорного захватил и уничтожил 8 японских шхун на р. Колпаковой. Убито около 200 японцев. 9 августа японская шхуна вошла в устье р. Воровской и была уничтожена отрядом Сотникова [7].

В Токио не ожидали, что пустынная Камчатка ответит пулями из-за каждого камушка. В сравнении с Порт-Артурскими неудачами дела камчатцев выглядели весьма утешительно. Поэтому представление Сильницкого о награждении участников боев с японцами было оценено начальством положительно. Векентьев и Жабо награждены орденами. Казаки Селиванов, Нагорный и другие получили знаки отличия военного ордена (Георгиевские кресты), 40 человек награждены медалями с надписями «За храбрость» (Георгиевские медали) или «За усердие». Сотников получил чин подпоручика запаса армейской пехоты [5].

Вот как описывает Сильницкий развитие дальнейших событий: *«18 июля, в разгар борьбы с японцами, на пароходе “Редондо” прибыл из Америки Н. А. Гребницкий (уполномоченный Министерства по снабжению продовольствием северных уездов Приморской области и начальник Командорских островов). В тот же день, на собранном совещании с участием всех лиц, присутствовавших 9 апреля, Н. А. Гребницкий объявил А. П. Сильницкого, а заодно и В. Р. Векентьева, сумасшедшими и снятыми с работы. Начальником уезда он назначил своего старого сподвижника Павского. Он распорядился немедленно расформировать дружины, отобрать оружие и патроны, людей перевести на мирное положение, а всех помощников А. П. Сильницкого приказал “привлечь к суду за участие в разбое в отношении к мирным японцам, приходившим к нам ловить рыбу”. Н. А. Гребницкий распорядился доставить из Милькова пленного Гундзи и “извинился перед ним за прискорбное недоразумение, объяснимое единственно психическим*

расстройством уездного начальника и нервным расстройством его помощник”» [8].

Самой крупной, но уже не имевшей никакого военного значения, а носящей чисто разбойничий характер операцией японцев на Камчатке была высадка их десанта в Петропавловске 31 июля 1905 г. У входа в Авачинскую бухту оказалось два крейсера – «Идзумо» и «Суми». Немногочисленные горожане, зная нравы японцев, спешно покинули город, бросив на произвол судьбы имущество и скот. Японцы обстреляли город из шестидюймовых орудий и высадили десант в 200 человек. Были разрушены маячные здания и уездное управление, разграблены пороховые склады и дома, повреждена часовня на братской могиле. Организовав охоту на коров и сделав запас говядины, японцы отправились на Командорские острова, а 5 августа опять появились у Петропавловска. Снова был высажен десант, снова началась охота на коров. На прощание японцы разгромили уездное управление, сожгли архив и уплыли.

Это нападение на совершенно беззащитный город они произвели через три дня после начала мирных переговоров в Портсмуте, когда все военные действия уже давно прекратились [4].

За время Русско-японской войны интервенты потеряли на Камчатке порядка 40 шхун и не менее 300 человек убитыми. Много японцев попало в плен.

В начале октября 1905 г. Сильницкий вновь был послан на Камчатку, но уже в должности ревизора. Его появление здесь, еще и в такой роли, было для его недавних противников ошеломляющим. Штабс-капитан Векентьев стал командующим Приамурским военным округом, в состав которого входила и Камчатка.

1. Вахрин С. И. Оборона Камчатки. Русско-японская война 1904–1905 гг. // Камчадалы – защитники Отечества. Летопись Великой Победы. Владивосток, 2018. С. 23–36, 78–80.
2. Воробьева Э. А. Оборона Камчатки в Русско-японскую войну // Актуальные вопросы истории Сибири XVIII–XXI вв. Новосибирск, 2006. С. 80–100.
3. Гаврилов С. В. Маленькие камчатские истории. Петропавловск-Камчатский : Камч. печат. двор, 2002. 298 с.
4. Калинина А. В. Камчатка в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. // Северо-Восточное региональное пограничное управление ФСБ РФ : прошлое и настоящее. Петропавловск-Камчатский, 2004. С. 67–70.
5. Кусков В. П. Камчатские были. Петропавловск-Камчатский : Дальневост. кн. изд-во, 1970. 112 с.
6. Началась Русско-японская война 1904–1905 гг. : [статья] // URL: <https://www.prlib.ru/history/1181970?ysclid=m0x2ainlcv548018219> (дата обращения: 05.06.2024).
7. Рыбацкая летопись полуострова Камчатка // URL: <http://www.npacific.ru/np/library/publikacii/solnce/ss2.htm> (дата обращения: 05.06.2024).
8. Сильницкий А. П. Четырнадцать месяцев службы на Камчатке // Вопросы истории Камчатки. 2011. Вып. 5. С. 207–244.

**ЗАРИСОВКИ ИЗ ЖИЗНИ РОССИЙСКИХ ЭМИГРАНТОВ
С ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В ШАНХАЕ
(по материалам воспоминаний Г. Г. Сильницкого)**

Из воспоминаний Георгия Георгиевича Сильницкого (1930–2020), лингвиста, доктора филологических наук, профессора Смоленского государственного университета. Его дед, Антон Петрович Сильницкий – офицер, государственный служащий, Петропавловский уездный начальник (1903–1904), журналист, главный редактор газеты «Приамурские ведомости», сыграл ключевую роль в обороне Камчатки в период Русско-японской войны (1904–1905). В статье представлены материалы первой главы «Русский Шанхай» из книги Г. Г. Сильницкого «Осмысление прошлого (четыре круга спирали одной жизни)». Особый интерес представляет не столько описание быта и некоторых аспектов социальной жизни русской эмиграции в Китае, сколько выявление определенных мировоззренческих тенденций интернационального эмигрантского социума, которые оказали непосредственное влияние на формирование сознания автора.

Ключевые слова: Русско-японская война; Сильницкий А. П.; Сильницкий Г. Г.; эмиграция; Шанхай, г.

Если по-настоящему вдуматься, то в мире нет ничего удивительней, чем самая обычная человеческая жизнь.

Мои родители, Сильницкий Георгий Антонович и Пояркова Галина Владимировна, родом из различных мест охваченной Гражданской войной России, были вынесены волной революционных событий во Владивосток, откуда в начале 20-х годов в подростковом возрасте они эмигрировали, независимо друг от друга, в китайский город Шанхай. Отец семилетним мальчиком лишился родителей и воспитывался в Хабаровском кадетском корпусе, в составе которого прибыл в шанхайскую эмиграцию. Мать была третьей, младшей, дочерью бывшего царского офицера.

Родители поженились в 1928 г. Я появился на свет 6 июля 1930 г. Вскоре после моего рождения наша семья поселилась на маленькой тихой улочке, рут де Груши, в составе французской шанхайской «концессии», своеобразного «мира-в-себе», управляемого автономной французской администрацией. Французская концессия, как и соседняя английская, представляли собой два своеобразных «мира-в-себе». Русская эмиграция, в свою очередь, образовала на их территории свой обособленный микромир. Весь уклад жизни этого мира, весь круг общения и интересов его обитателей был сугубо русским и характеризовался соблюдением привычных традиций и обычаев, религиозных праздников и обрядов, склонностью к политическим спорам и бытовым дразгам, одним словом, всеми чертами, унаследованными нашей эмиграцией от утраченной родины и пересаженными ею в новую среду обитания. Психологической до-

минантой этого мира, смутно улавливаемой моим детским восприятием, было общее неопределенное чувство тревоги, неустойчивости, непредсказуемости ближайшего будущего, необеспеченности своего материального, юридического и политического бытия. До введения «нансеновского паспорта» русская эмиграция по всему миру, лишенная официально признанного национального статуса, фактически была незащищенной от любых социальных невзгод. Преобладающей темой разговоров были превратности судьбы, выпадавшие на долю общих знакомых, основной всеобщей заботой – поиски более или менее постоянного заработка. Величайшей удачей считалось устройство на работу в какую-либо иностранную фирму или на муниципальную службу. Из самых распространенных престижных профессий была служба во французской городской полиции, из менее престижных – работа ночным сторожем.

В этом тревожном житейском море, отголоски которого достигали и моего детского сознания, относительным островком стабильности был постепенно налаживаемый домашний уклад жизни нашей семьи. Отец, продолжая традиции своего отца, завел небольшую типографию, выполнявшую мелкие заказы (билеты в кинотеатры, программки различных эмигрантских мероприятий, приглашения на свадьбу и т. п.), приносявшие небольшой, но более или менее постоянный заработок.

Закладывалась традиция семейных праздников. Помимо Пасхи и Рождества, у каждого члена семьи были два сугубо личных праздничных дня в году, день рождения и именины (день Ангела). Второй из них регулярно отмечался

в более торжественной обстановке, чем первый. Никто из гостей специально не приглашался. Все близкие знакомые семьи знали эти даты, и к вечеру собиралась довольно большая компания.

Отец по натуре был «философ-любитель», который постоянно размышлял и рассуждал о различных отвлеченных материях. Вокруг него быстро образовался узкий круг таких же горячих спорщиков, как он сам, и стоило только кому-то из них неожиданно явиться в наш дом, как, к великому беспокойству матери, самые неотложные бытовые и типографские дела откладывались в сторону, и завязывалась очередная нескончаемая дискуссия по какой-либо дежурной проблеме. Споры постоянно перемежались с взаимными обидами, разрывами отношений и последующими примирениями. Неизвестно, как бы все это сказалось на финансовом положении семьи, если бы не одно смягчающее остроту ситуации обстоятельство.

Отец был наделен редкими врожденными способностями к музыке. Не получив специального музыкального образования, он самоучкой овладел фортепиано и аккордеоном. Услышав по радио какое-либо симфоническое произведение, он мог «на слух» достаточно точно воспроизвести его основное содержание. Его постоянно приглашали давать музыкальное сопровождение местным и приезжим певцам и танцорам, что служило существенным подспорьем для семейного бюджета. По семейному преданию, он однажды аккомпанировал Вертинскому во время его краткого приезда в Шанхай, заслужив похвалу и благодарный отзыв знаменитого артиста.

Наиболее постоянным собеседником и оппонентом отца в его дискуссиях был Николай Михайлович Усачев, казачий есаул. Старше отца на несколько лет, он был активным участником Гражданской войны под началом Колчака и остро переживал как личную обиду и трагедию предательство англо-французских «союзников», приведшее к крушению белого движения. Их споры были в основном посвящены выяснению глубинного смысла русской эмиграции. Усачев не жалел самых черных красок для безапелляционного приговора революции как божьего наказания за исторические грехи России и за ее потакание исконно враждебному отношению Запада к национальным русским интересам. Нашу эмиграцию он считал затянувшейся фазой безысходной агонии русского мира, обреченного на вымирание.

Отец соглашался с негативной оценкой революции и безбожного большевистского режима, но возражал Усачеву в его пессимистической оценке будущего России. По его убеждению, происшедшая национальная катастрофа была предопределена высшим провиденциальным замыслом в качестве критического испытания, преодолев которое Россия «прорвется» и увлечет за собой человечество в новую фазу мировой истории, предсказанную славянофилами и Достоевским. «Кого люблю, того наказываю», – любил он приводить слова, слышанные апостолом Павлом от Вседержителя человеческих судеб. Это было частью общей теософской теории отца о европейской истории, определяемой противостоянием идей славянства и англосаксонства, которую собеседник встречал с неизменным ироническим скептицизмом.

В узком семейном кругу отец часто рассказывал о своих родителях, старших братьях и сестре. Однажды эти его рассказы воплотились в живой конкретный образ, оказавшийся моей тетей Ниной, папиной старшей сестрой, приехавшей в Шанхай из Советской России. Официально она числилась в составе какой-то торговой делегации. Тетя Нина привезла мне много подарков, в частности, богато иллюстрированные книжки с детскими стихами Корнея Чуковского, и вообще отнеслась ко мне с непривычными в нашем материально стесненном быту ласковостью и вниманием, чем вызвала у меня ответное чувство благодарности и симпатии. При ее отъезде, вопреки моей тогдашней стеснительной сдержанности в выражении своих чувств, я настойчиво призывал ее как можно скорее приехать к нам снова. Лишь много лет спустя, будучи уже в преклонном возрасте, я узнал, что на самом деле она работала секретарем-машинисткой в Министерстве иностранных дел и проживала в Москве на Кузнецком мосту в доме для дипломатических работников. По возвращении в Россию она была арестована и, как почти все ее (то есть и папины) родные, подверглась расстрелу в застенке ЧК. Таким образом, наша семья по отцовской линии в полной мере разделила горькую участь многих русских в те страшные тридцатые годы. Иногда отец делился воспоминаниями о своем детстве на Камчатке, где его отец, Антон Петрович, в качестве Петропавловского уездного начальника сыграл видную роль во время Русско-японской войны по сохранению Камчатского полуострова в составе России, организовав местное народное ополчение, отразившее

попытки японской военщины захватить этот благодатный край.

Еще в пятилетнем возрасте меня отдали в близлежащую восьмилетнюю мужскую школу, «колледж Жанны д'Арк», с двумя отделениями – французским и английским. Не знаю, по каким соображениям родители выбрали английское отделение, что в значительной степени определило мою дальнейшую жизненную судьбу. Школа содержалась католическими монахами-иезуитами. В многонациональном составе учеников было немало детей русских эмигрантов. Мы все дисциплинированно посещали ежедневные молебны в школьной часовне, хором пели католические религиозные гимны, не оказывавшие на нас какого-либо заметного влияния (во всяком случае, мне не известен ни один случай перехода русского ученика школы в католическую веру). В колледже культивировались спортивные игры, в первую очередь – футбол, упрощенный до семи игроков в команде и именуемый «соккер», а также «софтбол» (упрощенный американский бейсбол) и другие, игравшие не меньшую, если не большую роль в ученическом общественном мнении, чем успехи в учебе.

В русской ученической среде чувство экономического и социального неравенства, показательное для «взрослого» эмигрантского сознания, тоже давало о себе знать. Среди учеников быстро установилась некоторая социальная иерархия по национальной принадлежности. Привыкший в кругу семейных знакомых к уважительному отношению к понятию «русский», я с неприятным удивлением обнаружил некий трудно определимый, но отчетливо улавливаемый оттенок снисходительного превосходства, ассоциированного со словом «рашн» в самом способе его произношения моими иноязычными одноклассниками. Таким образом, с самого раннего возраста я стал ощущать свое существование как причастность к двум противостоящим друг другу в языковом и ментальном планах мирам. При этом второй, иноязычный мир все в большей мере втягивал меня, как и моих сверстников по школе и улице, в русло той гибридной русско-англоязычной цивилизации, которая составляла сферу моего жизненного пребывания за пределами тепличного оазиса ограниченного, искусственно поддерживаемого русского мира.

В 1937 г. враждебный внешний мир прорвался в нашу тихую шанхайскую заводь: город был оккупирован японцами. Эта перемена мало

отразилась на установившемся укладе жизни; лишь усилилось общее чувство безотчетной тревоги, внушаемой периодически появляющимися на улице отрядами японских солдат и непривычным, угрожающе звучащим словосочетанием «японская комендатура», все чаще употребляемым в разговорах взрослых.

Нападение Германии на Советский Союз летом 1941 г., заставшее меня при переходе в 6-й класс, подобно удару молнии поляризовало шанхайское эмигрантское общество, разделив его на четко противопоставленные друг другу большинство, сочувствовавшее Советскому Союзу в его борьбе с захватчиками, и его противников, не желавших забыть и простить советской власти братоубийственную гражданскую войну. Наша семья однозначно относилась к первому лагерю, что порождало острые споры отца с соотечественниками, придерживавшимися противоположных убеждений. Он доказывал, что исчезла основная причина неприятия «белым движением» большевистского строя, состоявшая в «сдаче» России национальному врагу, с которым теперь шла схватка не на жизнь, а на смерть. Как и многие другие эмигранты, мы приняли советское гражданство, сменив «нансеновский» документ на советский паспорт.

В самые тяжелые дни первых поражений советской армии был создан комитет, собиравший желающих любым способом содействовать своей подвергнувшейся смертельной опасности родине и обратившийся в советское правительство с просьбой принять их добровольцами на любой участок фронта. К некоторому моему удивлению, памятуя его недавние прения с отцом, среди подписавшихся оказался Николай Михайлович Усачев. Патриотическое ходатайство шанхайцев, как и представителей русской эмиграции Харбина и некоторых других китайских городов, не было удовлетворено.

В иностранной прессе, как и в ученической школьной среде, драматическое развитие военных действий в осенние месяцы 1941 г. вызвало оживленное обсуждение, поразившее меня своей чуть ли не сочувствующей Германии тональностью. События взалхлеб комментировались как захватывающее спортивное состязание: приводились ужасающие цифры советских убитых и плененных, делались, как в азартной игре, прогнозы и ставки на сроки взятия немцами того или иного русского города, падения Москвы и советского режима, строились предположения о том, что будет делать Гитлер

далее с завоеванной страной. Эти прогнозы обретали удручающую правдоподобность из-за предыдущих успехов немецкой военной машины, сметающей наподобие тяжелого катка одну страну за другой. Казалось, нет в мире силы, способной противостоять этому нашествию.

Как вдруг военные сводки изменились. Впервые с начала общеевропейской войны наступление прежде непобедимого вермахта захлебнулось под Москвой и затем было повернуто вспять. Мы вздохнули с облегчением, воздерживаясь, однако, от построения слишком оптимистических прогнозов на будущее. И недаром: следующий 1942 г. начался с нового ураганного блицкрига немецкой армии. И опять возобновились в иностранной прессе предсказания скорой окончательной победы Германии над Россией, как обычно именовался Советский Союз. Затем наступило «сталинградское чудо», в корне изменившее тональность газетных сообщений. Известный шанхайский книжный магазин Флита стал регулярно выставлять на своей витрине издания с просоветским освещением хода военных действий. Мне особенно запомнилась монументальная книга, озаглавленная: «Сталинград. Битва, из которой Советский Союз вышел военным и политическим гигантом мира».

В школе я ощутил заметное улучшение отношения к русским. Ситуация в школе радикально изменилась после нападения Японии на Перл Харбор и начала ее войны с Америкой и Англией. Привилегированное положение американских и английских школьников кануло в прошлое. Обязанные носить особые нарукавные повязки, они превратились из обособленной высшей касты в столь же обособленных, но в противоположном смысле, париев. Вскоре они вовсе исчезли из нашего поля зрения; распространились слухи, что они были интернированы в Путунге, лагере «для лиц враждебных Японии национальностей».

Поскольку Советский Союз сохранял нейтралитет относительно Японии, положение русских эмигрантов не претерпело видимых изменений. Создалась особая политическая ситуация, усугублявшая и без того тревожную неопределенность эмигрантского статуса той части русских, которые все более открыто проявляли свои симпатии к державе, союзнице стран, воевавших с Японией. Оставалось надеяться, что Япония не последует восточной поговорке «Друг моего врага – мой враг» и не выполнит своих союзнических обязательств перед Герма-

нией, всемерно побуждавшей ее напасть с тыла на обескровленную Россию.

В сентябре 1942 г. я перешел в восьмой, выпускной класс колледжа. В одном из своих импровизационных экскурсов один из учителей-монахов поведал нам историю о некотором античном философе из древнего города Сиракузы. Когда город подвергся опасности вражеского нашествия и его жители спасались бегством, унося кто что мог из своего домашнего имущества, кто-то спросил философа, почему он идет налегке, не взяв с собой ничего. Тот ответил: «Все мое несу с собой». Это изречение сразу врезалось мне в память в своей афористической латинской форме: «*Omnia mea mecum porto*» и изменило всю мою последующую жизнь. Я рассуждал так: если все, что прорастает сейчас в моем сознании, соответствует античной истине, то только от меня самого зависит увеличить это мое *omnia mea*, то есть приобрести как можно больше знаний не ради того, чтобы избежать на уроке порицание учителя, но с более дальновидной целью самообогащения единственным видом собственности, которая всегда останется при мне.

Второй семестр учебного года был начат мной с новым душевным настроением. В результате мне не только удалось сравняться с традиционно высокоуспевающими одноклассниками, но и, неожиданно для меня самого, окончить школу первым учеником. На торжественном выпускном акте мне вручили, наряду с дипломом, монументальную английскую книгу о Петре Великом, которую я храню до сегодняшнего дня.

После моего окончания колледжа Жанны д'Арк встал вопрос о моем дальнейшем школьном образовании. Отец считал, что я достаточно долго находился под англосаксонским ментальным влиянием, так что надо отдать меня в русскую школу. В Шанхае была школа «эколь Реми» для детей русских эмигрантов, юношей и девушек, содержащаяся почему-то французским муниципалитетом. Все обучение велось русскими учителями на французском языке. Так я попал в совершенно иную языковую и психологическую среду.

В классе 6а, куда я был зачислен, было около тридцати учеников обоих полов. Большая часть мужского состава класса была старше меня по возрасту. Первое, что привлекло мое внимание, было большое количество имен, известных мне, даже при моем скудном знании истории, из прошлого России: Шереметьев, Врубель,

Варламов, Паскевич, Лазарев. Не знаю, были ли они связаны какими-то родственными узами с этими знаменитыми фамилиями или просто случайные однофамильцы.

Система оценок в эколь отличалась от той, что была в колледже. Там в конце каждого семестра проводилась письменная контрольная работа, содержащая около полутора десятка вопросов. Из них учащийся мог выбрать по своему усмотрению десять, ответ по каждому из них оценивался по 10-балльной шкале. Максимально возможная итоговая оценка в 100 баллов была весьма удобной для определения в процентных числах степени успеваемости каждого ученика сравнительно с другими и его места в иерархической системе класса, чему уделялось значительное внимание с целью поощрения соревнования между школьниками. Кроме того, в конце каждой недели ученику выдавался «рапорт», где отмечалась его текущая успеваемость и дисциплина, который он должен был в понедельник возвращать учителю с родительской подписью.

Система проверки знаний учащихся, принятая в эколь Реми, была, как мне казалось, менее рациональной. По каждому предмету соответствующий преподаватель выносил оценки на текущих занятиях по двадцатибалльной шкале. В конце каждой четверти учебного года административный отдел школы высчитывал попредметный средний балл каждого ученика. Помимо своей чрезмерной громоздкости данный метод страдал тем, что не брал в расчет количество ответов учащегося: один и тот же средний балл служил оценкой одного-единственного и десятка с лишним ответов по предмету.

В отличие от колледжа в эколь Реми значительное внимание уделялось художественному воспитанию учащихся. Уроки пения составляли один из обязательных предметов учебного плана. Несколько раз в году проводились школьные концерты с музыкальными и танцевальными номерами; последние, исполнявшиеся преимущественно женскими участницами в соответствующих балетных одеяниях, пользовались особой популярностью и живо комментировались мужской частью зрителей.

Невладение официальным школьным языком, особенно в его устной форме, существенно затрудняло мою адаптацию к непривычной для меня обстановке. Мои затруднения усугублялись тем, что, в отличие от колледжа, где в каждом классе в течение всего года занятия велись одним и тем же учителем, здесь каждый

предмет имел своего преподавателя, так что мне приходилось приспосабливаться к индивидуальным речевым особенностям каждого из них.

Вскоре после моего поступления случилось торжественно обставленное исключение из школы чем-то провинившегося ученика. Все учащиеся были выстроены в каре; на середину вышел директор, вызвал провинившегося, произнес что-то угрожающе звучащее (хотя и непонятое мне из-за плохого знания французского языка) и сорвал с фуражки осужденного на изгнание значок школы. Во время этой сцены мне пришло в голову, что за все восемь лет учебы в колледже я ни разу не видел его директора и даже не догадывался о его существовании. Когда все стали расходиться, слышались удивившие меня реплики, осуждавшие исключенного не за его проступок, а за то, что он дал себя унижить перед всеми вместо того, чтобы просто не явиться на позорящую его церемонию. В колледже подобные бунтарские настроения были немислимы.

Одним из самых непопулярных в школе преподавателей была некто Синявская. Войдя в тот день в класс, она села за стол, но тут же, как ошпаренная, вскочила и стала шарить рукой по сидению стула, которое было обмазано клеем. Затем стремительно вышла из комнаты, бормоча: «Безобразия!». Минут через пятнадцать она вернулась в сопровождении директора и стала быстро и возбужденно говорить ему что-то, указывая на стул. Не дослушав ее, директор школы строго обратился к классу. Я уловил лишь фразу: «Qui a fait cela?» («Кто это сделал?»). Класс молчал. Тогда он начал допрашивать по очереди каждого ученика. Когда очередь дошла до меня, я смущенно молчал, не зная, что сказать. Тут произошло нечто неожиданное: мои одноклассники стали один за другим заступаться за меня. Надо сказать, что до этого они мало обращали на меня внимания: я был для них пришельцем из чужой школы и чужого мира. Сейчас же они ставили на вид мое недавнее появление в школе, плохое знание языка и доказывали, что у меня не было ни малейшего повода к столь серьезному нарушению школьной дисциплины. Этот эпизод каким-то образом разрядил обстановку, и даже сама Синявская заметно успокоилась и вдруг попросила директора не продолжать расследования, говоря, что сама разберется. Я заметил впоследствии, что ее реакция была положительно оценена классом; во всяком случае, после этого происшествия отношение учеников к Синявской изменилось к лучшему. Так

и осталось невыясненным, кто же совершил этот поступок.

Размышляя о происшедшем, я невольно сравнил его с аналогичным случаем из ставшей вдруг невыразимо далекой и чуждой для меня эпохи Жанны д'Арк. В период моей слабой успеваемости там я однажды не показал мой недельный рапорт родителям, сказав учителю, что я потерял его. Через несколько дней на очередном уроке, когда я открыл парту, чтобы достать нужный учебник, сидевший рядом ученик каким-то образом узрел заявленный потерянным рапорт среди моих бумаг, с быстротой молнии выхватил его и торжествующе поднял над головой, обличив меня в обмане.

Тогда ни я, ни мои одноклассники не нашли в поступке предавшего меня ученика ничего предосудительного, противоречащего установившимся в школе моральным правилам поведения. Теперь же я в полной мере осознал несовместимость подобного доносительства с неписаным моральным кодексом моей нынешней ученической среды, определяемым новым для меня чувством товарищества, своей причастности к некоему духовно родственному социальному целому. Это воспоминание отчетливо высветило в моем представлении коренное различие двух ценностных ориентиров – индивидуалистического и коллективистского – моей прежней, англосаксонской, и новой, русскоязычной, ментальной среды обитания.

По-видимому, по настоянию японских оккупационных властей одно занятие было посвящено пересказу японской художественной новеллы о событиях Русско-японской войны 1904–1905 гг. в антирусском освещении с предполагаемой целью зондирования настроений нашего эмигрантского общества. Занятие прошло в напряженной атмосфере, без обычного живого обсуждения. Класс, как и сам преподаватель, были явно подавлены неблагоприятной для русского национального самолюбия темой. Не знал я тогда, какую роль сыграл мой близкий предок в предотвращении того, чтобы Камчатка, как и половина Сахалина, не отошла по Портсмутскому миру к Японии и осталась в пределах России.

По мере развития успешных военных действий Красной Армии на фронте антисоветские настроения в эмигрантской среде заметно сменялись чувством удовлетворения по поводу своей причастности к стране, героически сопротивляющейся страшному врагу, перед которым спасовали столь многие европейские

державы, ранее кичившиеся своим превосходством над Россией. Широко и одобрительно комментировалось высказывание Черчилля в английском парламенте: «Советская Армия выпустила кишки из германской военной машины» («The Soviet Army ripped the guts out of the German war machine»).

Многим русским в Шанхае советским консульством были выданы советские паспорта особого формата. В городе был открыт советский клуб, проводивший интенсивную культурно-просветительную работу. Был построен на скорую руку кинозал с бамбуковыми опорами и циновочным покрытием, пропускавшим во время проливных шанхайских ливней в нескольких местах потоки воды сверху, что не мешало собирать полные залы на просмотры фактически всех лучших советских фильмов. Думаю, что «Веселые ребята», «Волга-Волга», «Небесный тихоход», «Александр Невский», «Иван Грозный» и актеры Любовь Орлова, Николай Крючков, Николай Черкасов пользовались в шанхайской эмиграции не меньшей известностью и популярностью, чем в самом Советском Союзе. В субботние вечера все слушали по местному радио «Программу по заявкам слушателей», где исполнялись военные и народные русские песни, которые потом постоянно звучали на улицах и различных застольях.

Отец утверждал, что жанр «Песни советских композиторов» представляет новое слово в музыкальном искусстве, продолжающее традицию русского романса и играющее не менее значимую роль в духовной консолидации нашего народа в годину испытаний, чем публицистические статьи Ильи Эренбурга или стихи Константина Симонова. Он часто противопоставлял художественную глубину и задушевность особенно любимой им песни «Темная ночь» с пустым американским военным шлягером «Нашел я чудный кабачок, / Вино там стоит пятачок», говоря, что ни англосаксонская военная песня, ни, тем более, немецкая, не создали ничего подобного русскому песенному творчеству военных лет, составляющему самостоятельную главу мировой музыкальной культуры, ждущую своего исследователя. Он считал, что композитор Дунаевский внес такой же решающий вклад в нашу победу, как маршал Жуков.

День капитуляции нацистской Германии был встречен в шанхайской эмиграции почти как престольный праздник. Знакомые и незнакомые друг другу русские люди христосовались на улице. Даже носители самых непреклонно

антисоветских взглядов не нарушали всеобщего ликования.

Стиль жизни и внешний вид Шанхая изменились. Толпы американских матросов с пришвартовавшихся к причалам реки Вампу военных кораблей запрудили город, в мгновение ока покрывшийся несметным количеством новоиспеченных баров и закусочных-бистро. Улицы осветились яркими огнями, броскими, красочными витринами магазинов, рекламными вывесками открывающихся, как грибы, иностранных фирм, к обслуживанию которых и новой концессионной администрации ринулось местное население.

Отец весьма настороженно относился к этому наплыву американской потребительской цивилизации. Наше повзрослевшее молодое поколение, напротив, живо откликнулось на эти новшества. В частности, среди моих уличных друзей началось повальное увлечение голливудским кино, заполонившим все городские кинозалы,

Укрепление русского начала получило весомую материальную поддержку организацией по соборной инициативе русской общественности «Советского спортивного клуба» («ССК»). Видную руководящую функцию в его создании сыграл Олег Лундстрем, известный музыкант, незадолго до этого приехавший в Шанхай из Харбина.

Основным видом спорта, культивируемым в нем, был не футбол, а волейбол. Именно здесь я увлекся этой спортивной игрой, верность которой сохранил на протяжении всей последующей жизни. Однажды в спортивном зале YMCA («Young Men's Christian Association» – «Христианская Ассоциация Молодых Людей») были устроены многодневные волейбольные соревнования с участием местной команды и трех команд ССК. Событие вызвало живой интерес спортивной общественности и закончилось триумфом русских команд, оставивших далеко позади иностранную. Мне довелось случайно услышать ремарку одного из зрителей: «Можешь ли ты представить этих парней объединенными?» («Can you imagine these guys united?»). Впоследствии я часто вспоминал эти слова при своих размышлениях о русской истории.

В начале 1946 г. наша американская тетя Леля начала хлопотать о нашем переезде в Сан-Франциско. Началась длительная процедура оформления соответствующих документов. Я уже представлял себя студентом сан-францисского университета.

В это время отец принял одно из характерных для него «крутых» решений. В связи с открывшейся перспективой нашего переезда в Америку он счел целесообразным, чтобы я получил какой-либо авторитетный англоязычный диплом. Сочтя, что я в достаточной мере соприкоснулся с французским языком и культурой в эколь Реми, он предложил мне попытаться поступить в только что открывшуюся «Шанхайскую Британскую Школу» («Shanghai British School») для английских детей, недавно освободившихся вместе со своими родителями из японского концентрационного лагеря в Путунге. Отца особенно привлекала приписка «Junior Cambridge», говорившая о связи школы со знаменитым английским университетом. Я выдержал вступительные экзамены и был зачислен сразу в шестой, выпускной, класс школы, приступив к занятиям 1-го февраля 1946 г.

В отличие от классических *public schools* моя новая школа, как и эколь Реми, была смешанной, с учениками обоих полов. Наряду с англичанами в ней обучались дети различных национальностей, в их числе несколько китайцев, двое русских.

Другое отличие нашей школы от стандартных *public schools* состояло в отсутствии статуса *headboy*, официально признанного «главным учеником» школы по своим успехам в учебе и на спортивном поприще, пользовавшегося особым уважением преподавателей и учащихся и служившего своего рода посредником между школьной администрацией и ученическим сообществом.

У меня сложились ровные, дружеские отношения с одноклассниками.

Из учительского состава наибольшим влиянием в классе пользовался преподаватель английского языка мистер Руд, типичный (в моем представлении) англичанин, слегка ироничный, с безупречно правильной, размеренной речью, всегда находящий нужное слово для выражения своей мысли.

Непосредственное близкое знакомство с английским восприятием современного мира выявило несколько удивившую меня противопоставленность британской и американской, составляющих казавшегося ранее единым англосаксонского менталитета. Не скрывавшееся мистером Рудом ироническое отношение к американскому образу жизни находило проявление преимущественно в языковом плане.

Один из учащихся, Джордж Гудир, часто рассказывал о своем пребывании в японском

концлагере для военнопленных, противопоставляя друг другу поведение пленных англичан и американцев. Англичане, по его словам, устраивали в лагере различные обструкции охранникам, совершали побег, за что постоянно подвергались наказаниям, вплоть до расстрелов. «Но все-таки что-то делали, хотя бы пытались бежать», – говорил он. «Американцы же сидели смирно и ничего подобного не предпринимали». Подобные рассуждения свидетельствовали о наличии... трещины во внешне консолидированном англосаксонском блоке.

В июне 1946 г. состоялись выпускные экзамены. Я окончил школу по высшему разряду «grade A» в числе шести учеников. Аттестат об окончании Cambridge Junior я сохранил до настоящего времени.

Вскоре после моего окончания школы неожиданно для всех вышло постановление советского правительства о репатриации всех русских граждан, желающих вернуться на родину. Перед нашей семьей встал вопрос: Советский Союз или Америка? На семейном совете родители заявили, что поскольку речь идет обо всем моем будущем, окончательное решение за мной. Я до сих пор с удивлением вспоминаю, насколько просто и естественно, как бы сам собой, ответ мгновенно сформировался в моем сознании. Если прежде несравненно менее существенные для меня возникающие проблемы зачастую порождали длительные гамлетовские размышления, сопряженные с сомнениями, взвешиванием потенциальных последствий альтернативных вариантов решения, в этот критический, переломный момент своей жизни я, не задумываясь, сказал: «Хочу в Россию». По-видимому, этот ответ соответствовал внутренней установке родителей, и на этом обсуждение вопроса, затрагивающего грядущие судьбы всей нашей семьи, завершилось. Решение было принято без лишних слов, единогласно и бесповоротно.

Весть о предстоящем переселении значительной части эмигрантского общества быстро распространилась по Шанхаю, вызвав значительный ажиотаж как в готовящейся к отъезду, так и в остальной части населения. Отъезжающие, владеющие имуществом, мало пригодным для транспортировки, бросились продавать его, чем вызвали резкое снижение цен в городе. Эта девальвация с особой силой сказалась на таком

нестандартном товаре, как печатные машины и шрифты.

В этой ситуации отец принял в высшей степени характерное для него как русского интеллигента решение. К удивлению наших знакомых иностранцев, воспринявших его как непонятное «русское чудачество», он заявил, что вместо того, чтобы продавать по бросовой цене нашу нажитую многолетним трудом типографию, он предпочитает принести ее в дар своей стране и своему народу, чтобы вернуться на родину не с пустыми руками. Это решение поставило перед нашей семьей новую проблему, неизвестную другим отъезжающим. Помимо забот по обеспечению себя теплой одеждой и другими предметами первой бытовой необходимости, мы должны были взять на себя дополнительные расходы и усилия по упаковке типографского инвентаря, подготовке его к столь дальнему путешествию.

Для перевозки репатриантов из Шанхая в Советский Союз был выделен теплоход «Н. В. Гоголь». В эмигрантской среде получила распространение следующая шутка: «За кем приплыл пароход “Тоголь”? – За мертвыми душами». Наша семья попала в четвертую, предпоследнюю, очередь репатриантов.

По мере удаления от Шанхая люди, стоявшие на причале, слились в единую массу, и я с трудом стал различать лишь общие контуры многометровой статуи ангела, воздвигнутой на набережной в память о неисчислимых жертвах Первой мировой войны (и Второй, мысленно добавил я). Теплоход вышел в открытое море. Вглядываясь в открывшийся со всех сторон бескрайний колышущийся водный простор, я воочию убедился в шарообразности земли, почти на ощупь осязая изгиб земного шара по ту сторону горизонта, тающего за собой неопределенность открывающегося передо мной будущего.

Воспоминания профессора Г. Г. Сильницкого включают четыре части, определяемые городами, игравшими ключевую роль в жизни автора: 1) Шанхай, 2) Пермь, 3) Ленинград, 4) Смоленск. Биографические факты излагаются на фоне исторических событий, прямым или косвенным свидетелем которых довелось быть автору, и с психологическими зарисовками ряда характерных личностей, встреченных им на своем жизненном пути.

1. Сильницкий Г. Г. Осмысление прошлого (четыре круга спирали одной жизни). Смоленск : изд-во СмолГУ, 2017. 188 с.

КОМАНДОРЫ В ГОДЫ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904–1905 гг.

В период Русско-японской войны и последующие годы на Командорских островах не было полномасштабных боевых действий, но имел место беспрецедентный всплеск японского браконьерства, который привел к вооруженным столкновениям и человеческим жертвам. На о. Беринга в 1905 г. произошло два ключевых события, повлиявших на дальнейший ход истории. Это высадка японского десанта 3–16 августа и захват Северного лежбища 21–23 августа – 3–5 сентября. Кульминация данной трагедии пришлась на день подписания Портсмутского мирного договора. Все дальнейшие столкновения носили бытовой характер и в публикации не рассматриваются. На о. Медном события развивались по более жесткому сценарию. Там имели место действия, сопоставимые с военными. Но нападавшими были не военные, а вооруженные браконьеры. Тяжелая обстановка длилась более четырех лет.

Ключевые слова: Русско-японская война; Командорские о-ва; алеуты; японские нарушители; десант; браконьерство.

Странные события лета 1905 г.

События, разворачивавшиеся на Камчатке и Командорах в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг., по большей части даже отдаленно не напоминали полномасштабные боевые действия. Скорее, это была рекогносцировка с целью оценить общее состояние дел и реакцию на возможное вторжение со стороны жителей и властей полуострова. Другой важной задачей было изъятие документов, подтверждавших незаконную промысловую деятельность японских судов в российских территориальных водах и сопутствующее оказание вооруженного сопротивления официальным представителям власти.

31 июля – 13 августа 1905 г. в густом тумане японские крейсера «Сума» и «Идзуми» подошли к Петропавловску и открыли артиллерийский огонь по маяку и скалистой береговой линии. Один из снарядов повредил здание уездного управления, другие строения не пострадали. Вслед за этим последовала высадка десанта. Японцами была изъята денежная касса и документы управления, разгромлены аптека и почта. От большей части бумаг избавились сразу за ненадобностью, документы оказались разбросанными по улицам и пристани. Нападавшие разграбили пороховые склады и убили значительное количество скота мирных граждан, а у самих жителей отобрали огнестрельное оружие. Но раненых и убитых при этом не было [6, л. 38–109; 4, с. 337].

Двойственность и кажущуюся нелогичность происшедшего лучше всего проиллюстрировать серией фактов. С одной стороны, начальник Петропавловского уезда Станислав Лех, полагая, что японцы, подобно французам

в 1854 г., высадят десант «за горой у озера», отдал приказ дружине отступать в с. Старый Острог (совр. Елизово), чтобы не попасть в засаду. С другой, несмотря на высокую вероятность повторного появления военных судов, заведующий Петропавловским городским училищем Л. Л. Роберт намеревался открыть плановые сентябрьские занятия школьников. С одной стороны, был взят в плен находившийся на Камчатке лейтенант японского флота С. Гундзи, с другой, он же консультировал, как обезвредить неразорвавшиеся снаряды. А в следующем 1906 г. Гундзи прибыл в Петропавловск «по рыбным делам» и сообщил подробности о том, что «сам лично читал в Морском Штабе в Токио» в рапорте «начальника японского десанта, хозяйничавшего в г. Петропавловске». С одной стороны, японцы изъяли из сейфа управления крупную денежную сумму, с другой, Лех не сомневался, что «японское Правительство никогда не откажется сообщить сумму взятых ими денег, если только это будет касаться чести человека» [6, л. 38–39]. Таких примеров много.

На следующий день после высадки в Петропавловске крейсера взяли курс на Командоры. В 1901–1911 гг. пушные промыслы на островах арендовало «Камчатское торгово-промышленное общество» (в правление входили А. Я. Прозоров, Мандель и Я. И. Савич). Суда КТПО ходили под российским флагом, за исключением провоза леса из Америки, бесплатно провозили казенный груз и командированных чиновников. Обычно делали не менее трех рейсов в год. В 1901 г. в распоряжении общества находился пароход «Котик» и две шхуны – «Бобрин» и «Беринг» [2, с. 13]. Но 28 января – 10 февраля 1904 г. правительство Японии конфисковало зимовав-

шего в Иокогаме «Котика», а вслед за ним – «Бобрика». Оба судна были изъяты как «военизированные» плавсредства, несшие береговую охрану. Пикантность заключалась в том, что эти суда оберегали российские биоресурсы преимущественно от японских браконьеров.

Весной 1904 г. Общество зафрахтовало американский грузовой пароход «Редондо», но первый же рейс показал его полную непригодность [2, с. 17–18]. В начале июня была зафрахтована «Минеола». В июле пароход-снабженец направлялся из Петропавловска в Гижигу, куда Н. А. Гребницкий был уполномочен Министерством внутренних дел сопровождать В. Р. Векентьева и А. П. Сильницкого. Но утром 23 августа на подходе к с. Тигиль судно налетело на подводную скалу и затонуло (люди не пострадали).

Зафрахтованные в 1905 г. американские пароходы «Австралия» и «Монтара» постигла та же участь. «Австралия» была захвачена японскими военными в Петропавловске 31 июля, на ее борту находился начальник Командорского уезда Н. А. Гребницкий. По доносу неустановленного лица личность Гребницкого была раскрыта, и он был взят в плен. «Монтару» захватили 3 августа на о. Беринга. Оба судна были конвоированы в Иокогаму или, возможно, Йокосуку.

Подробнее об этом рассказано дальше. В основу исторической реконструкции легло дознание, проведенное 7 августа 1907 г. помощником начальника Командорского уезда В. Р. Векентьевым, а также рапорты уездного врача С. М. Малиновского и доверенного КТПО Ю. Г. Мартинсона от 8 августа того же года [6, л. 23–35об.].

Высадка японского десанта на о. Беринга 3–16 августа 1905 г.

Утро выдалось тихое и безветренное. На рейде напротив с. Никольского стоял пароход «Монтара», подошедший накануне из Петропавловска. Вместе с грузом из Сан-Франциско на нем прибыли: главный уполномоченный РТКП барон Н. Е. Брюгген, доверенный Ю. Г. Мартинсон, командированный, чтобы сменить Сычева (крестьянин д. Обухово Коломенского уезда Московской губернии, Петр Тимофеевич Сычев несколько лет жил на о. Беринга вместе с женой Марией Прохоровной и детьми), служащий компании Битте и уездный врач С. М. Малиновский. Выгрузка шла полным ходом.

Незадолго до полудня на горизонте появилась струйка дыма, а вслед за ней – мачты пер-

вого японского транспорта. К острову приближались крейсера 1-го ранга «Сума» и «Идзуми». Через полчаса корабли подошли к месту якорной стоянки вблизи о. Топорков. Островитяне сразу догадались, что суда военные, но свои или неприятеля, было непонятно. Из-за безветрия удавалось разглядеть лишь белый цвет флагов.

На берегу напротив Николо-Иннокентьевской церкви стал собираться любопытствующий народ. Среди них был сельский староста Иван Афанасьевич Ножилов (ок. 1870 г. р.) и дежурный десятский Петр Григорьевич Григорьев (1864 г. р.). Также в селении находилась часть команды береговой охраны под началом Ивана Лаврентьевича Иванова (ок. 1879–1913). Занимавшийся выгрузкой Мартинсон всматривался, тщетно пытаясь разобрать государственную принадлежность незваных гостей. На берег высадились Брюгген и Сычев, к ним подошел с биноклем старший полицейский надзиратель Дмитрий Филиппович Сафронов. На шум из дома вышли псаломщик Иларию Иванович Плотников и заглянувший к нему в гости младший надзиратель Степан Тимофеевич Волчков. Рядом стоял фельдшер Александр Федорович Волокитин и другие местные жители, креолы и алеуты.

Чтобы не привлекать внимания, Малиновский обратился к Мартинсону на немецком, что, по его мнению, корабли – японские. Около 3 часов пополудни с одного из крейсеров был дан холостой пушечный выстрел, за ним последовало еще шесть сигнальных залпов, и корабли встали на якорь неподалеку друг от друга.

Дмитрий Сафронов как старший по званию представитель государственной власти вышел на лодке навстречу. Вместе с ним в шлюпке сидели: врач Сергей Михайлович Малиновский, фельдшер Александр Волокитин, старший охранник Иван Иванов, его дядя Сергей Иванович Иванов (ок. 1870 г. р.) и еще 4 алеута из команды охранников. На Сафронове была казенная форма служащего МВД, оружия при нем не было. Малиновский на левом рукаве имел знак Красного Креста. Все остальные были в штатском и так же без оружия. Приблизившись, островитяне смогли разглядеть японские флаги, много пушек и солдат с ружьями. Вскоре делегацию окружили спущенные на воду судовые шлюпки. Сафронов, Малиновский и Волокитин через переводчика сообщили свои должности, а Сергей Иванов сказал: *«Мы не русские, мы – алеуты»*. Очевидно, это был ответ на заданный вопрос, кем по национальности являются люди несла-

вянской внешности? Впоследствии российские чиновники, в частности Векентьев, истолковали слова превратно, едва ли не приравняв их к государственной измене. Но японская сторона восприняла информацию индифферентно и со своей стороны продолжала хранить молчание.

Надзирателя и доктора пересадили в японскую шлюпку и под конвоем отправили на берег. Лодке с алеутами также велели возвращаться, не заходя на «Монтару». К тому времени американский пароход был уже захвачен военными с «Идзуми», а японский сводный десант под командой лейтенанта Хираива, численностью примерно в 150–200 человек, высаживался возле Входного рифа. Солдаты мгновенно рассредоточились и заняли ключевые позиции. Одна группа подошла к флагштоку, сбросила российский флаг и подняла японский (по словам Волокитина, имело место именно пренебрежительное отношение). Другая отправилась в здание уездного управления, а остальные – к аптеке, казенным домам и лавке КТПО. Часть японцев поднялась на береговую террасу южнее селения и осталась там.

Аптека стояла на краю села и одновременно служила жилым домом для семьи лекаря (здание 1893 г. постройки хорошо знакомо жителям о. Беринга, в конце XX в. там находилась типография). К приходу Малиновского там уже находились два офицера, один из которых был военным врачом, а второй – фельдшером. У обоих, как и у Малиновского, имелись повязки Красного Креста. Разговаривали через японского переводчика. Врач осмотрел помещение и медикаменты, расспросил о качестве питьевой воды и текущих заболеваниях: нет ли среди жителей заразных? После допроса он сообщил, что задержанный может быть свободен. Малиновский запер аптеку и вместе с женой и прислугой, боявшимися оставаться на окраине без защиты, направился к уездному управлению. Фельдшер Волокитин, который также присутствовал при разговоре, собирался идти домой, но ему сказали, что все, кто ездил на корабль, должны явиться к управлению. Так он и сделал.

Мартинсон, едва высадившись на берег, поспешил в лавку КТПО, где уже хозяйничали офицеры и солдаты с «Идзуми». По свидетельству Сычева, в лавке находилась запечатанная коробка для пожертвований в пользу арестантов. Японцы забрали эту сумму, деньги из кассы, а также разные предметы: столовые ножи, гребни и *«две штуки черных кож»*. Среди прочего в лавке находилось 20 винтовок системы

«Винчестер». Их намеревались изъять в первую очередь, но Мартинсон сумел убедить, что это не боевое, а охотничье оружие, жизненно необходимое алеутам для добычи пропитания. Японцы взяли все, что посчитали нужным, и обещали заплатить лишь за 4 бочки сахара. Это был предлог пригласить Мартинсона на судно и побеседовать с ним с глазу на глаз. Служащий согласился, но в итоге не ответил ни на один из интересовавших вопросов, сославшись на то, что сам недавно приехал и не в курсе происходящего.

Сафронова и Плотникова повели к так называемому «охранному дому», дому надзирателей. Там хранилось оружие. Д. А. Павский, исполнявший обязанности уездного начальника во время отсутствия Гребницкого, велел закопать в сарае при доме 13 берданок и 6 ящиков патронов к ним. Вернувшийся в июле 1904 г. Гребницкий распорядился откопать оружие и привести его в боевую готовность. Других распоряжений не поступало, а теперь сам управляющий находился в плену. На островах о случившемся ничего не знали, и старший надзиратель не рискнул самовольно перепрятать стволы. Таким образом, японцы беспрепятственно конфисковали 15 казенных ружей системы Бердана и патроны к ним. Также они забрали шашку Сафронова и 2 дробовика (дробовики были возвращены после его допроса на судне).

Обыскав «охранный дом», японцы повели старшего надзирателя в уездное управление (современное здание музея). Там стояли две кассы: малая и стальная нескороаемая фирмы Сан-Галли. Они приказали открыть малую кассу и пересчитали деньги. На вопрос, чьи они, Сафронов ответил, что это его жалование, оставленное начальником уезда. Японцы вернули деньги, и он положил их обратно. Большой сейф с печатью «Д. А. Павский» на концах шнура захватчики не тронули, зато забрали две висевшие на стене бобровые шкуры.

Остальных жителей в здание управления не пускали. Кто-то стоял на крыльце, остальные толпились поодаль. Малиновский разговаривал с японским офицером на английском. Тот расспрашивал о морском плавании «Монтары», известных из газет последних событиях и личном мнении врача относительно гибели российского флота на Цусиме. Во время беседы к ним подошел Волчков и просил разрешения съездить на пароход забрать свои вещи. Разрешение было получе-

но, и он отправился на судно вместе с Волокитиным, но вещей не получил и вернулся ни с чем. Тем временем японцы выносили из управления на носилках толстые кипы связанных в стопки казенных бумаг. Среди них виднелись особые документы в синих папках. Все отчетные материалы были погружены на «Идзуми». Также из здания вынесли ящики с патронами. Изъятие казенного имущества продолжалась до шести часов вечера.

Примерно через час японцы начали возвращаться на свои корабли. Последними отчалили офицеры, они забрали свой флаг и прихватили российский. Сафронову велели ехать с ними, но допрос продлился недолго, и вскоре он вернулся на берег. В одиннадцатом часу с «Монтары» прибыл Сычев и сообщил, что команда заменена на японскую, а судно арестовано и будет направлено в г. Йокосука. С этого момента никому не разрешалось ни посещать, ни покидать его.

Утром 17 августа стоял густой туман. В 8 часов утра донесся звук работающих двигателей, и жители поняли, что «Монтара» покинула остров. Около полудня за ней последовали «Сума» и «Идзуми». Контр-адмирал Того предполагал отправить крейсера для осмотра котиковых лежбищ, но ввиду густого тумана отменил распоряжение.

Опомнившись после внезапного налета, жители начали осмотр села. Сразу же обнаружилось, что все висячие замки, в том числе на сараях близ Рифа, были сломаны или вырваны, а имущество разбросано по полу. В аптеке два окна оказались выломаны, а вещи, деньги и бумаги частично *«приведены в беспорядок»*. В управлении царил хаос. Такой же обыск учинили и в доме Гребницкого. Все перевернули вверх дном, не тронули только семейные негативы и дорогие фотореактивы, содержавшие соли золота и осмия.

Но это были мелочи. Настоящим тяжелым ударом стала утрата строевого леса и дров. Во время выгрузки «Монтары» для удобства транспортировки древесины была связана в специальный плот. Плот стоял под бортом и ожидал буксировки на берег, но утром 4 августа японцы обрубили трос, и лес раскидало по лайде. Часть бруса удалось собрать в районе р. Ладыгинской, но основная масса была сломана буруном, замыва в песок и унесена течением. Вместе с невыгруженным товаром в Японию ушли казенные медикаменты, предназначавшиеся для о. Медного.

События на Северном лежбище 21–23 августа – 3–5 сентября 1905 г.

События 16 августа оказались прелюдией к трагедии, разыгравшейся в начале осени на Северном котиковом лежбище.

Служба береговой охраны о. Беринга состояла из 20–22 местных мужчин в возрасте от 19 до 30 лет. В апреле каждого года начиналась подготовка к новому промысловому сезону, сопровождавшемуся неизбежными браконьерскими набегами. По установленному порядку уездный начальник, а в его отсутствие старший надзиратель, утверждал личный состав охраны и делил группу на две смены. Для каждой смены назначался старший часовой. Береговые команды поочередно несли вахту на Северном лежбище (Полуденное, или Южное, лежбище в тому времени прекратило существование, а Северо-Западное еще не образовалось). Помимо прямых обязанностей алеуты проводили учет котиков: отмечали темпы привала, появление первых щенков и т. д. Они же проводили санитарные работы, убирая павших животных. Согласно инструкции, в случае обнаружения *«хищнических шкун»* часовые были обязаны сообщить об этом надзирателю. Вступать в перестрелку разрешалось лишь в том случае, если *«хищники возвращаются в море с упрямьшленными шкурами, да и притом на предупреждения остановится стараются уйдти»* [7, л. 41]. Если браконьерское действие еще не было совершено, но к этому имелись все предпосылки, охране полагалось действовать исключительно путем убеждения.

В начале сентября 1905 г. на лежбище дежурил младший надзиратель Иван Прокопьевич Коровников (должность младшего надзирателя была введена в штат с 1892 г., все надзиратели были приезжими). Старшим часовым был служивший в охране с 1901 г. Иван Лаврентьевич Иванов. Команда состояла из 10 человек, из них 8 оказались непосредственными участниками описанных ниже событий. А именно: Григорий Николаевич Терентьев (ок. 1875 г. р., в охране с 1897 г.), Семен Алексеевич Бадаев (ок. 1876 г. р., в охр. с 1895), Яков Павлович Пахомов (1877 г. р., в охр. с 1898), Севастьян Егорович Шадров (1882 г. р., в охр. с 1900), Феокист Феокистович Корсаковский (1884 г. р., в охр. с 1903), Иван Никанорович Григорьев (1885 г. р., в охр. с 1903), Гавриил Васильевич Мальцев (1886 г.р.) и Александр Бадаев (вероятно Александр Авраамович (1885 г.р. в охр. с 1903); или, что мало вероятно, это медновчанин Александр Венедиктович (1886 г.р.).

Остальные двое выполняли поручения на сопредельных территориях.

2 сентября в Никольское пришло сообщение, что вдоль северо-восточного берега о. Беринга крейсируют две шхуны. На следующий день одна из них бросила якорь напротив Кишечного участка лежбища. Алеуты Севастьян Шадров и Иван Григорьев, охранявшие эту территорию, немедленно доложили о произошедшем старшему охраннику Ивану Иванову, а тот, в свою очередь, надзирателю Ивану Коровникову. Старший надзиратель Дмитрий Сафронов находился в селе, с донесением к нему отправили Феоктиста Корсаковского.

Тем временем, от шхуны отошли две шлюпки и причалили в районе Ракушечника – в 2–3 км восточнее основного лежбища. Наблюдавшие за развитием событий охранники насчитали 20 высадившихся. Все были в японской морской военной форме, с ружьями. Трое японцев отделились от общей группы и пошли по берегу в направлении лежбища. Молодой надзиратель, испугавшись, спрятался в траве. Выйти навстречу нарушителям вместо него пришлось 25-летнему Ивану Иванову. На вопрос: «Зачем вы высадились?» один из японцев по-русски ответил: «За рыбой». Алеуты парировали, что рыбы здесь нет. Тогда незнакомец заявил, что это – военная шхуна, направленная сторожить лежбища, такое распоряжение ей дали те два крейсера, которые приходили в Никольское 16 августа. Осмелев от собственной наглости, самопровозглашенные «хозяева» объявили, что Командоры теперь принадлежат Японии, и они уполномочены японским правительством сообщить об этом, а также, что в скором времени ожидается заход японского транспорта с новыми служащими и товарами для местных жителей.

Ближе к вечеру непрошенные гости вернулись на шхуну. Когда они сели в лодки, из своего укрытия показался Коровников. Вскоре прибыл Сафронов. Узнав о произошедшем, он отстранил младшего надзирателя за ненадлежащее поведение и забрал с собой в село. Уезжая, Сафронов отдал распоряжение выжидать и в случае, если японцы вновь сойдут на берег, незамедлительно сообщить об этом в селение. При этом следовало вести с ними диалог и тянуть время, ни в коем случае не провоцируя и не открывая огонь. Ружья и патроны у охраны имелись, но они были спрятаны.

Днем 4 сентября японцы высадились возле лежбища и зашли в юрту к охранникам. Угостив

чаем и водкой, они пригласили алеутов к себе на шхуну. Иванов отпустил шлюпку с 5 охранниками. Вскоре шлюпка вернулась, и бывший в ней за старшего Иван Григорьев рассказал, что на судне их продолжили потчевать и попросили дать забить 500 котиков. В случае согласия охранники должны были поднять над юртой белый флаг, а несогласия – красный. Иванов поднял красный и незаметно отправил Якова Пахомова гонцом в село.

Ближе к вечеру японцы вновь нанесли визит с чаем и водкой. Двое местных жителей (вероятно, гостившие у родственников сельские обыватели) выпили по рюмке, остальные отказались. Японцы повторили, что это – военная шхуна, присланная охранять лежбища, и скоро придут другие. В какой-то момент терпение лопнуло, и военный с саблей, очевидно, их командир, велел выдать 70 шкур в приказном порядке. На отказ он рассвирепел и замахнулся мечом. Это послужило сигналом для мгновенного ареста охранников и их родных. Всех согнали в одну юрту, приставили часовых и под страхом смертной казни запретили покидать стены темницы.

Пахомов наблюдал за происходившим с расстояния. Вечером того же дня он прибыл в Никольское и сообщил о нападении. К такому повороту никто не был готов. Сафронов собрал народ и сделал объявление. Ранее берданки были конфискованы, и Мартинсон вооружил население винчестерами, выдав все, что имелось в лавке. Плюс к этому удалось найти несколько дробовиков. Прежде чем решиться на отчаянный шаг, нарушавший все официальные инструкции, надзиратель попросил псаломщика открыть церковь. В коллективной молитве приняли участие почти все жители. Один лишь врач остался стоять на улице. После молитвы Сафронов обратился к мужчинам, способным вести боевые действия (старшему из них было 59 лет), и попросил присягнуть на верность, что будут защищать остров, не изменять и не отступать. Поклялись все до единого. Прямоком из церкви отряд двинулся на Северное.

Добрались ближе к полуночи. На расстоянии 1,5–2 км от селища и охранной юрташки отряд слышал выстрелы и залег в кочки тундры. Стрелял японский часовой, услышавший лай от собачьей упряжки Михаила Мершенина, опередившего остальных. Мершенин тут же бросил собак и вернулся к товарищам.

Ночь выдалась на редкость темная. Сафронов приказал Петру Игнатьевичу Березину (ок. 1879 г. р., в охр. с 1898) отправиться в раз-

ведку. В разведотряд вошли охранники его смены Дмитрий Ладыгин и Ариан Яковлев. Алеуты ползком добрались до селища, но вернулись ни с чем, было не видно огней и не слышно разговоров. Тогда Сафронов отправил их на Кишечную. Охранники осмотрели участок: на суше не заметили ничего, зато на шхуне загорелся и тут же погас огонек. Когда разведчики вернулись, начинало светать. Положение по-прежнему оставалось неопределенным. Сафронов принял решение взять неприятеля в тиски. Для этого он разбил группу на два отряда: 10 человек под командой Петра Березина двигались к селищу по правой дороге, а он с остальными заходил слева, со стороны Кишечной.

В отряд Дмитрия Сафронова входили: Феоктист Корсаковский, Яков Пахомов, Елисей Георгиевич Корсаковский (1875 г. р., в охр. с 1895), Иван Федорович Григорьев (1878 г. р., в охр. с 1897), Александр Моисеевич Паньков (ок. 1878 г. р., в охр. с 1898), Прокопий Афанасьевич Ножилов (1879 г. р., в охр. с 1898), Андрей Лаврентьевич Паньков (1884 г. р., стал охр. в 1906), Василий Васильевич Мальцев (1882 г. р.), Семен Сергеевич Хорошев (ок. 1877 г. р.), Михаил Кириллович Галкин (ок. 1873 г. р.), Александр Феоктистович Корсаковский (ок. 1873 г. р.), Михаил Федорович Мершенин (ок. 1872 г. р.), Сергей Иванович Иванов, Иван Афанасьевич Ножилов, Степан Мефодиевич Шипицын (ок. 1869 г. р.), «курилец» Иван Игнатьевич Куликалов по прозвищу Ишку (ок. 1869 г. р.), Парфений Афанасьевич Ножилов (ок. 1868 г. р.), Лаврентий Родионович Будаков (1861 г. р.), Александр Степанович Бурдуковский (ок. 1857 г. р.) и его брат Денис (1862 г. р.), Яков Макарович Прошев (1859 г. р.), Алексей Федорович Бадаев (ок. 1847 г. р.). К ним присоединились гостившие на Северном: Феоктист Иванович Корсаковский (ок. 1846 г. р.), Николай Игнатьевич Бадаев (1865 г. р.), Петр Григорьевич Григорьев (1864 г. р.) и его сын подросток Александр Григорьев (1888 г. р.), Феоктист Феоктистович Березин (1884 г. р.), Иван Ермолаевич Ножилов (1889 г. р., двоюродный брат Ивана Иванова). Большинство из последних находились в плену, но кто-то мог прятаться в тундре, ожидая подкрепления.

В отряд Петра Березина входили опытные охранники: Дмитрий Иннокентьевич Ладыгин (ок. 1880 г. р., в охр. с 1898), Ариан Агафонович Яковлев (ок. 1880 г. р., в охр. с 1898) и его брат Иван (ок. 1883 г. р., в охр. с 1903), а также общественники: Мирон Петрович Бурдуковский (ок. 1855 г. р.), Дорофей Иванович Березин

(ок. 1867 г. р.), Константин Георгиевич Корсаковский (ок. 1872 г. р.), Захар Иванович Дуришин (ок. 1872 г. р.), Михаил Севастьянович Шадров (ок. 1875 г. р., дядя Севастьяна) и Андрей Игнатьевич Ладыгин (ок. 1873 г. р.). Андрей фигурирует в «Дознании» Векентьева, в более позднем списке, составленном старостой Григорьевым, вместо него указан Павел Родионович Будаков (ок. 1867 г. р.).

Ползком, между кочек, отряд Березина добрался до нарты Мирона Бурдуковского и притаился. Со стороны Саранного по дороге в Никольское шагали двое патрульных в японской военной форме, один был вооружен саблей, второй – винтовкой. Они конвоировали Ивана Григорьева, его двоюродную сестру Клеопатру Корсаковскую (1884 г. р.) и 16-летнего Ваню Ножилова (Ивана Ермолаевича). Группа искала женщин, которые вечером, испугавшись, убежали в тундру и там заночевали. Среди сбежавших была мать Ивана, Екатерина Петровна Григорьева (1858 г. р.). На рассвете было велено их разыскать, в этот самый момент и подоспела подмога из села.

Григорьев первым заметил односельчан и хотел бежать, но конвоир уловил его жест, схватил за грудки и замахнулся саблей. Иван увернулся и с криком: «Уби́нас укаа́бакус!» («Наши пришли!») фраза переведена на алеутский 26.04.2019 г. при поддержке Э. И. Гребзде и Г. М. Яковлева) бросился к юрте, где находились под стражей его товарищи. Заподозрив неладное, конвоиры обратились в бегство и открыли беспорядочную пальбу, но никого не задел. Отряд Березина начал преследование. Впереди с винтовкой бежал Петр, рядом с ним Дмитрий Ладыгин. Бывшие в заточении охранники примкнули к отряду Сафронова.

В это время основная часть команды шхуны двигалась по лежбищу с дрыгалками, намереваясь забить котиков. Напротив выбранного ими участка стоял сарай для засолки шкур. Японцы установили в нем скорострельную пушку, и трое солдат, охранявших позицию, навели дуло на дорогу. Заметив неприятеля, алеуты открыли огонь из ружей, те ответили выстрелами из пушки и отступили к остальным. К этому времени подоспел отряд Сафронова. Основное сражение разыгралось на берегу. Отступая, японцы продолжали отстреливаться из шлюпок. Вскоре все нарушители были убиты. В живых остался только один, он был тяжело ранен. Прибывший к концу перестрелки Малиновский оказал медицинскую помощь, но раны оказались смертельными.

Еще в селе Сафронов попросил врача и фельдшера поехать с ними. Малиновский велел Волокитину собираться и отправил в аптеку. Ящик с медикаментами был уложен, и тут Сергей Михайлович передумал, заявив, что ехать лучше с рассветом, а не на ночь глядя. Переодевшись в лучшие одежды, взяв жену и берданку, он отправился... ночевать к Мартинсону. Там было не так страшно. Лекарская упряжка выехала только в 4 утра.

Когда стихли последние выстрелы, Сафронов, Малиновский и Волокитин отправились на японскую шхуну. Последних трех японцев арестовали, посадили в шлюпку и расстреляли, а затем вместе с остальными убитыми спустили на воду. Шхуну решили перегнать ближе к берегу и сжечь. Из трофеев оставили только оружие: пушку, ружья и 2 сабли.

Послевоенные годы

К отчаянному поступку Сафронова, пытавшемуся скрыть следы перестрелки и сам факт нападения вражеской шхуны, можно относиться по-разному. Но важно понимать, что положение надзирателя, ставшего в эти дни единственным представителем государственной власти, было по-настоящему безвыходным. На его глазах японские военные совершили два нападения в течение двадцати дней. В обоих случаях они вели себя уверенно и дерзко, как успешные завоеватели. Связь с Камчаткой отсутствовала. Последней новостью было сообщение двухмесячной давности о разгроме российской эскадры во время Цусимского сражения. После ареста «Монтары» наступил информационный вакуум. Сегодня мы понимаем, что оба набега носили разведывательно-провокационный характер. Военные действия в северных широтах противоречили соглашению о демаркационной линии. Но в те дни никто не имел ни малейшего представления о том, что происходит во внешнем мире. Островитяне могли лишь надеяться, что Командоры по-прежнему находятся под юрисдикцией России.

В этом свете инструкции и предписания утрачивали свою целесообразность. Что бы Сафронов ни говорил и как бы ни поступал, любое его решение, в конечном счете, стало бы порицаемым. Такая участь постигла не только его. *«Я теперь являюсь неправым и надо мной подсмеиваются <...>, если бы японцы <...> взяли меня в плен, тогда бы говорили, что начальник Уезда имел возможность выйти из города, но попался, как мышь в ловушку»*, – сетовал началь-

ник Петропавловского уезда Станислав Лех [6, л. 39об.]. Преданный вчерашними деловыми партнерами Николай Гребницкий был взят в плен, но даже в этом незавидном положении не оставил попыток урегулировать конфликт дипломатическим путем. Но его усилий никто не оценил, а, напротив, на фоне общей неразберихи стали обвинять чуть ли не в сговоре с неприятелем, разумеется, на уровне «закулисных игр». Зато в число героев сумели просочиться не присутствовавшие в гуще событий, но успешные вовремя составить грамотные рапорты.

Действия Сафронова зиждились на вере в Бога, высшую справедливость и товарищескую взаимопомощь. Он совершил важнейший поступок в жизни, безропотно приняв на себя груз ответственности. Но впоследствии чиновники, в частности, Векентьев, не оценили его патриотического порыва. Ни он, ни алеуты, защитившие остров, не получили наград. Их подвиг сохранился только в памяти местных жителей.

Через год жизнь надзирателя оборвалась. А разбойные набеги японских «хищников» продолжались еще около 20 лет. Мирный договор между Россией и Японией, подписанный в Портсмуте 23 августа – 5 сентября 1905 г., не улучшил ситуации. Согласно статье XI, Россия предоставляла японским подданным права *«по рыбной ловле вдоль берегов русских владений в морях Японском, Охотском и Беринговом»*. А поскольку российское охранное крейсерство практически отсутствовало, нормы международного права попирались регулярно грубо и цинично.

Нарушители игнорировали не только утвержденную в 1893–1894 гг. 30-мильную охранную зону вокруг Командорских островов (формально Япония не была обязана ее соблюдать), но и признаваемую всеми государствами 3-мильную зону вдоль побережья. Шкуры каланов и котиков добывали всеми доступными способами: на воде и на суше, ружьями, дрыгалками, сетями. Браконьеров не волновало, сколько раненых животных и их щенков погибнет бесцельно. Но этим хищническая деятельность не ограничивалась. Японские шхуны мстили за то, что островитяне охраняли собственную территорию. Они жгли караульные юрты, совершали налеты на селища и воровали уже обработанные шкуры. В апреле 1908 г. на о. Медном была разгромлена д. Глинка: двери и окна выбиты, лучшие вещи похищены, иконы разбросаны или подвешены ликами вниз, а в нескольких домах оставлены человеческие

испражнения [5, л. 199об.]. Все последующие годы японцы добывали не только котиков и каланов, но также при случае охотились на песцов и оленей в южной части о. Беринга [10, с. 261]. Обычно отстрел оленей проводился для собственного пропитания, но массовая гибель животных зимой 1906 г. наводит на мысль о мести за сожженную шхуну.

Ключевые события военных лет, имевшие место на о. Беринга, ограничиваются описанными выше случаями. На о. Медном, значительно более богатом пушными ресурсами, дела обстояли намного хуже. В военные и послевоенные годы произошел беспрецедентный всплеск иностранного браконьерства, который, в свою очередь, привел к вооруженным столкновениям и человеческим жертвам. С 1904 г. для охраны трех четвертей периметра этого острова (т. е. участков, где держались котики и каланы) все мужское население, включая мальчиков 10–12-летнего возраста, встало под ружье. По мере сил им помогали женщины. Порой приходилось нести караул по несколько суток бессменно. В такие дни семьи защитников находились рядом, без сна, в ожидании роковой развязки [3, л. 243об.–244]. Так продолжалось более четырех лет. Постоянная готовность быть атакованными японскими браконьерами вошла в сознание островитян настолько глубоко, что даже через сто лет можно было встретить отголоски этих событий в различных жанрах алеутского фольклора.

За боевые заслуги четверем медновским алеутам был пожалован номерной военный орден IV степени «За защиту острова Медного от Японцев за время войны 1904 и 1905 годов» [1; 6, л. 36]. Орденов были удостоены: Игнатий Венедиктович Бадаев (1872–1925), Елисей Ипатьевич Григорьев (ок. 1872–?), Поликарп Николаевич Хабаров (ок. 1875–?) и Иов Семено-

вич Сушков (1869–1943). Остальные защитники, т. е. почти все мужское население острова, были награждены медалями «За храбрость» на Георгиевской ленте. Награды нашли своих героев исключительно благодаря усилиям старшего надзирателя о. Медного Николая Никитича Лукина-Федотова (?–1909) и начальника уезда Николая Александровича Гребницкого (1848–1908).

23 февраля 1905 г. орден Св. Станислава II степени «за отличие оказанное при защите Командорских островов и Камчатки» получил В. Р. Векентьев [3, л. 54]. Правда, в защите островов он участия не принимал и этим процессом не руководил. С 1 января 1905 г. штабс-капитан был назначен временно исполняющим обязанности помощника начальника Командорского уезда с прикомандированием в распоряжение Петропавловского уездного начальника. В том же приказе на него было возложено «дело обороны Камчатки» [там же, л. 32об.–33об.]. С 19 марта его утвердили в указанной должности на постоянной основе. Но к месту службы он прибыл только 23 мая 1906 г., поскольку с июля 1905 г. находился в Охотске. Векентьев занимал введенный ему пост до 20 мая 1911 г., периодически замещая начальника уезда Н. П. Сокольников. За шесть лет правления он так и не смог организовать защиту островов от иностранных нарушителей. Он не вошел в историю ни как мудрый управленец, ни как специалист, сведущий в вопросах природопользования.

По имеющимся скудным и противоречивым данным сложно восстановить объективную картину тех лет. Видна лишь череда бесконечных политических интриг, приведшая к краху существовавшей системы правления. Возможно, в будущем удастся обнаружить документы, которые помогут в полной мере понять и осмыслить события прошлого.

1. АКМ [Алеутский краеведческий музей]. АКМГИ 1275. Имянной список лиц, получивших Высочайше пожалованные награды за защиту острова Медного от Японцев за время войны 1904 и 1905 годов.
2. Гаврилов С. В. Вдоль камчатских берегов. Транспортное и рыбопромышленное освоение охотско-камчатского побережья в конце XIX – первой трети XX вв. Петропавловск-Камчатский : Камч. печат. двор, 2003. 567 с.
3. ГАРФ [Государственный архив Российской Федерации]. Ф. 102. Д-во 1. Оп. 1905. Д. 235. О прибавочном жаловании помощнику Командорского уездного начальника, отставному штабс-капитану Вячеславу Векентьеву.
4. Глушков В. В., Черевко К. Е. Русско-японская война 1904–1905 гг. в документах внешнеполитического ведомства России. Факты и комментарии М. : ИДЭЛ, 2006. 576 с.
5. РГИА ДВ [Российский государственный исторический архив Дальнего Востока]. Ф. 702. Оп. 2. Д. 229. Дело канцелярии Приамурского генерал-губернатора. Об охоте на зверя и птицу и о запрещении их хищничества (1908–1916).

6. РГИА ДВ. Ф. 1044. Оп. 1. Д. 113. Списки лиц, защищавших о-в Медный от нападения японцев в 1904–1906 г., о высадке японцев 3 августа 1905 в с. Никольском на о-ве Беринга и нападении их 21–23 августа 1905 на котиковое лежбище.
7. Там же. Ф. 1046. Оп. 1. Д. 3. Постановления, инструкции, протоколы старшего надзирателя о-ва Беринга и переписка о промысле котов, происшествиях на острове, списки охранников о-ва и другие административно-хозяйственные вопросы.
8. Там же. Ф. 1634. Оп. 1. Д. 4. Никольское сельское общество о-ва Беринга. Посемейные списки и статистические сведения за 1885–1911 гг.
9. Рекогносцировка «Сума» и «Изуми» у берегов Камчатки // Описание военных действий на море в 37–38 гг. Мейдзи (в 1904–1905 гг.). Т. 4: Действия против 2-й Тихоокеанской эскадры и овладение о-вом Сахалин. СПб., 1910. С. 242–245.
10. Суворов Е. К. Из поездки на Командорские острова // Известия РГО. СПб., 1911. Т. 47, вып. 6. С. 237–263.
11. Татаренкова Н. А. «Олени Дыбовского» и Русско-японская война // Камчатка. Литература. Краеведение. 2019. Петропавловск-Камчатский, 2019. С. 452–491.

ИЗДАНИЯ О РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ 1904–1905 гг. В ФОНДЕ ОСОБО ЦЕННЫХ И РЕДКИХ ДОКУМЕНТОВ САХОУНБ

Характеристика редких документов, посвященных Русско-японской войне 1904–1905 гг., из фондов Сахалинской областной универсальной научной библиотеки. Приводятся описание и цитаты из наиболее ценных изданий.

Ключевые слова: Русско-японская война; Сахалин, о-в; архивные документы; фонд редких документов.

В фонде особо ценных и редких документов Сахалинской областной универсальной научной библиотеки бережно хранятся материалы, посвященные одной из тяжелых страниц в истории Российского государства – Русско-японской войне 1904–1905 гг. Ход и итоги военных действий обусловили многие исторические процессы в двух государствах, оказывая влияние на российско-японские отношения до сих пор.

Среди материалов есть журналы, издания, содержащие как воспоминания очевидцев, так и полноценные исследования. 120-летие со дня начала боевых действий Русско-японской войны является поводом еще раз обратиться к ценным материалам и первоисточникам.

«**Летопись войны с Японией**» – еженедельный журнал Российской империи, который издавался во время Русско-японской войны [1]. Каждый выпуск выходил по вторникам, освещал все основные события и персоналии тех дней. В основу издания были положены высочайшие указы, правительственные распоряжения, сообщения и приказы по военному и морскому ведомствам. Всего было подготовлено и выпущено 84 номера. В нашей библиотеке на хранении находятся 12 выпусков Летописи. Хотелось бы обратить особое внимание на номер 66, который включает статьи «Сахалинская операция», «О прочном мире (письмо в редакцию)». Материалы сопровождаются фотографиями, рисунками, картами. Статьи содержат не только фактографическую информацию. Военкоры издания смело рассуждают, оценивают, высказывают свое мнение. Приведем цитату из статьи Петра Краснова «О войне»: *«События в Одессе вызвали целую литературу, разговоры о мире оживленно обсуждаются в газетных передовицах, и за этими событиями словно немеченным прошло занятие японцами Сахалина. А между тем, это очень большой для русского сердца успех японского оружия. До сих пор японцы не занимали у нас ни пяди земли. Война была*

колониальной. И вот – свершилось. Первая, русская, с каким ни на есть, но русским населением земля занята японцами. Города и местечки с русскими наименованиями стали попадать в японских донесениях. И странное дело, мы даже мало говорили об этом печальном событии... Сахалин достался японцам дешевою ценою, и если он останется за ними – это будет кровоточивая рана» [2].

Стоит отметить, что «Летопись войны с Японией» имеет достаточно широкое распространение – все номера (с 1-го по 84-й) журнала размещены в полнотекстовом формате в сети Интернет. Но это не уменьшает значимости оригинала печатных выпусков, хранящихся в библиотеке.

Важным источником сведений о войне являются свидетельства очевидцев. Воспоминания участников войны – это бесценный источник информации о быте и повседневной жизни солдат армии, о боевых операциях и других моментах. Например, книга **Людовика Нодо «Письма о войне с Японией»**, вышедшая в Санкт-Петербурге в 1906 г. Людовик Нодо – один из иностранных корреспондентов, сопровождавших русскую армию в войне с Японией. Эпиграфом к изданию послужили слова телеграммы журналиста из плена: *«События, очевидцем которых я был, будут интересны еще сотню лет»* [3]. В книгу вошли избранные письма корреспондента с войны под заглавиями «Они не знали...», «Чья вина?», «Дурные признаки» и другие.

Также заслуживает внимания издание «**Из вражеского стана**» 1905 г. выпуска. Это отрывки из книги «Дневники военного корреспондента на Дальнем Востоке». Автор – бывший французский офицер, военный корреспондент **Рэжиналь Кан**. За ходом войны автор следил со стороны японцев, и это придает особый интерес его работе. Во вступительной статье от издателя говорится: *«...на нас его впечатления действуют так, как будто с "позолоченного японского*

Будды” пред нами снимают позолоту, и из-под нее показывается простая глина. Это нечто обратное тому гипнозу японского величия, которому мы все невольно поддались и заплатили дорогую дань» [4].

Интересна книга еще одного свидетеля военных действий – доктора **Евгения Сергеевича Боткина «Свет и тени Русско-японской войны 1904-5 гг. Из писем к жене»**. В своих письмах к жене Е. С. Боткин рассказал о том, как была устроена российская армия, о людях, воевавших на передовой, и, конечно же, о врачах, работавших с ним бок о бок. В предисловии автор пишет: *«Мне представляется, что если бы все, бывшие на этой войне, поступили так же, и все, сохранившие о ней свои заметки или письма, сделали бы их достоянием желающих, то из всего множества фактических данных, которое этим путем бы накопилось, и составила бы наиболее яркая и верная картина пережитого Россией испытания»* [5]. Издание вышло в свет в 1908 г. Существует версия, что именно после прочтения этих писем императрица Александра Федоровна пригласила Боткина на должность личного врача царской семьи.

Есть воспоминания и высокопоставленных лиц. Алексей Николаевич Куропаткин, военный министр Российской империи и главнокомандующий всеми сухопутными и морскими вооруженными силами в 1904–1905 гг., оставил мемуары **«Итоги войны»**. Они были опубликованы в 1908 г., однако книга была изъята из обращения. Настоящее издание вышло в **Берлине в 1909 г.** Генерал-адъютант Куропаткин подводит итоги Русско-японской войны, отмечает заслуги русской армии, анализирует причины поражения, считая решающей ту, что эта война была непонятна для армии и народа: *«В числе главных причин наших неудач надлежит отметить равнодушие, даже враждебное отношение населения к минувшей войне»*. Во вступительной статье к книге, а также в многочисленных рецензиях говорится о том, что *«автор в своих записках слишком поверхностно касается многих вопросов, и в некоторых случаях односторонне освещает события и факты»* [6]. Тем не менее, это не лишает издания ценности как исторического источника.

Более объективное, скрупулезное, полное фактографического материала описание Русско-японской войны представлено в **трудах Военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны**, созданной в 1906 г. [7]. Комиссия занималась изучением и

систематизацией архивных материалов, отчетов иностранных военных агентов при японской армии. Параллельно шла работа по сбору, классификации и составлению картографического материала. В 1910 г. труды военно-исторической комиссии были изданы в девяти томах и девяти атласах карт, планов и картограмм. Сегодня полный комплект издания встречается редко, особенно плохо сохранились картографические приложения. В нашей библиотеке хранятся первый и третий тома. Наибольшую ценность с краеведческой точки зрения представляет первый том *«События на Дальнем Востоке, предшествовавшие войне, и подготовка к этой войне»*. Глава VI *«Подготовка России к войне в инженерном отношении»* содержит раздел *«Подготовка в инженерном отношении Сахалина»*, в котором описываются предполагаемые проекты обороны постов Александровского и Корсаковского, а также принятый план инженерной подготовки Сахалина.

Еще одно издание 1910 г. выпуска – труд участника Русско-японской войны, генерала, военного юриста, писателя **Владимира Александровича Апушкина «Русско-японская война 1904–1905 гг.»**. В своей работе автор рассмотрел широкий круг вопросов: происхождение, характер и уроки войны, способы ведения вооруженной борьбы на сухопутном и морском театрах, победы и великие сражения, причины отдельных неудач русской армии и причины общего поражения. В первой главе В. А. Апушкин рассматривает прошлое русско-японских отношений и делает любопытные заключения: *«Японский народ, лишившись теперь возможности безданно, беспошлинно добывать на Сахалине сельдяной тук, лес, рыбу, каменный уголь, остался крайне недоволен этой сделкой, – и печать объявила Россию “коварным врагом” Японии, “жестоким ее притеснителем” и т. п. И хотя Россия не участвовала ни в одной из военных демонстраций, имевших целью открыть свободный доступ в Японию иноземцам и устроенных в 1854 г. – американцами, а в 1864 г. – англичанами, французами и голландцами; – хотя она ни разу не пыталась воздействовать на Корею в пользу христиан посылкою своей эскадры, как это сделали в 1866 г. французы, а в 1871 г. – американцы; – хотя, наконец, она все свои дела с Китаем вела также совершенно мирным путем, не следуя примеру англичан, бомбардировавших в 1856 г. форты к югу от Кантона и повторивших на другой год эту военную демонстрацию вместе с французским флотом, – тем*

не менее именно Россия казалась Японии опаснейшим ее врагом и каждое ее мероприятие рассматривалось как угроза независимости и развитию Японии» [8]. В книге также содержится краткое описание захвата японцами Сахалина. Издание богато проиллюстрировано.

Хотелось бы обратить внимание на изучение войны с Японией первыми исследователями в советской научной литературе. «Русско-японская война 1904–1905 гг.» **Николая Арсеньевича Левицкого** – издание второе, исправленное, вышедшее в 1936 году. Оно было адресовано слушателям военных академий и командному составу Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Данная книга – это аналитическое описание Русско-японской войны, содержащее подробный разбор действий обеих сторон на сухопутном театре. С краеведческой точки зрения важна глава XIX «Действия на второстепенных театрах. План обороны Сахалина», которая содержит сведения о силах и средствах Сахалина, характере сахалинского театра боевых действий, действиях партизанских отрядов в южной части Сахалина, а также боевых действиях в северной части Сахалина. Приведем несколько выдержек из издания, характеризующих уровень подготовки каторжно-го острова к обороне:

1) «Когда война в Манчжурии уже происходила, Ляпунов продолжал проектировать план постройки полевых укреплений более примитивного характера...»;

2) «Дружины оказались малообеспеченными: среди дружинников было много людей преклонного возраста, были люди слабосильные и даже с физическими недостатками...»;

3) «Вообще характер поверхности острова требовал от обороняющихся войск большого напряжения и серьезной подготовки к действиям в горной и лесистой местности, чего не было в войсках, на которые возложена была защита Сахалина» [9].

Материал сопровождается картами и схемами. Стоит отметить, что данный раздел в книге восстановленный, когда-то страницы были удалены.

Пожелтевшие от времени страницы представленных изданий содержат не только информацию, которая помогает нам достоверно интерпретировать исторические факты и события. Данные книги – отражение надежд, страхов и сомнений, волновавших общество в годы Русско-японской войны. Сахалинская областная универсальная научная библиотека гордится наличием раритетных документов, являющихся частью культурного наследия Сахалинской области и страны в целом.

1. Летопись войны с Японией : [журн.] / изд. Д. Н. Дубенский. СПб. : тип. Т-ва Р. Голике и А. Вильборг, 1904–1905. № 1–84.
2. Краснов П. О войне // Летопись войны с Японией. 1905. № 66. С. 1316–1317.
3. Нодо Л. Письма о войне с Японией / пер. с фр. [и предисл.] Н. М. Лагова. СПб. : тип. И. Гольдберга, 1906. 328 с.
4. Кан Р. Из вражеского стана : из «Дневника военного корреспондента» при японской армии : пер. с фр. СПб. : изд-во Н. М. Лагова, 1905. 66 с.
5. Боткин Е. С. Свет и тени Русско-японской войны 1904–1905 гг. (Из писем к жене). СПб. : тип. М. М. Стасюлевича, 1908. 95 с.
6. Куропаткин А. Н. Записки генерала Куропаткина о Русско-японской войне. Итоги войны. Berlin : J. Ladyschnikow, 1909. 549 с.
7. Русско-японская война 1904–1905 гг. : работа Воен. ист. комис. по описанию Рус.-яп. войны. Т. 1–9. СПб., : тип. А. С. Суворина, 1910.
8. Апушкин В. А. Русско-японская война 1904–1905 гг. М. : Образование, 1910. 213 с.
9. Левицкий Н. А. Русско-японская война 1904–1905 гг. М. : Гос. воен. изд-во Наркомата обороны Союза ССР, 1938. 384 с.

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА 1904–1905 гг. В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИОГРАФИИ

Проанализированы пути развития историографии Русско-японской войны 1904–1905 гг. Выявлены факторы, связанные с возникновением различных историографических школ, привнесших новые представления о событиях войны на полях Маньчжурии в начале XX в. Сделана попытка сопоставить художественно-историческую литературу с тенденциями в советской исторической науке 1930-х гг. Обозначены новые направления, по которым может развиваться научный поиск, посвященный проблемам Русско-японской войны.

Ключевые слова: Русско-японская война; Российская империя; Маньчжурия; историография; Япония.

После подписания Портсмутского мирного договора 1905 г. отечественные историки приступили к активному изучению событий «маленькой победоносной войны». Пальма первенства здесь принадлежала Военному и Морскому министерствам, которым требовалось в течение сжатых сроков как обобщить полученный опыт войны, так и выявить слабые стороны в организационном строительстве Русской императорской армии, ее тактике. В 1906 г. начала свою работу Военно-историческая комиссия по описанию Русско-японской войны, находившаяся в ведении Главного управления Генерального штаба. Военные исследователи стремились дать максимально полное описание событий в Маньчжурии на суше и на море. Так, был подробно описан замысел командования Маньчжурской армии по отражению японского десанта на Сахалине. Особенностью первого многотомного издания стало привлечение большого количества документов из архива Генерального штаба, основная масса которых иллюстрировала планирование операций [1].

Отдельное описание конфликта подготовила Николаевская академия Генерального штаба. Оно отличалось от работы комиссии тем, что основной акцент в труде был сделан на боевое применение отдельных родов войск (сил), а источниками были воспоминания непосредственных участников событий [2]. В выводах исследования авторы особенно отмечали, что причины поражения армии крылись в отсутствии взаимодействия между пехотой и другими родами войск, неправильном построении обороны, действиях при наступлении.

В первый период развития исторического знания о событиях на Дальнем Востоке оно было неразрывно связано с мемуаристикой. И по сей день трудно отличить попытки некоторых авторов анализировать боевые действия от их воспоминаний о событиях. В подобном ключе

построил свое повествование А. В. Грулев, рассматривавший управление ведением боевых действий штабами Маньчжурских армий [3]. Схоже поступил и бывший командующий сухопутными и морскими войсками против Японии А. Н. Куропаткин. В мемуарах, изданных в Берлине, он стремился не столько изучить ход боевых действий против Японии, сколько оправдать свои решения на посту командующего [4].

До начала Первой мировой войны историки стремились проанализировать конфликт на полях Маньчжурии в контексте его военной составляющей (организации войск, их боевого применения и т. д.). Социальная сторона противостояния оставалась вне предмета внимания ученых. После революции исследователи получили больше возможностей как в работе с архивными источниками, так и в выборе темы исследований. С одной стороны, пришедшие к власти большевики в 1920-е гг. проводили политику открытия «царских» архивов. С другой стороны, перед исследователями была поставлена идеологическая задача по «развенчанию» преступлений царской власти.

Проводником данной политики стал М. Н. Покровский, автор «Русской истории в самом сжатом очерке» [5]. В его работе развивался тезис Ленина: «...военный крах, понесенный самодержавием, приобретает еще большее значение, как признак крушения всей нашей политической системы» [6]. Действительно, отношение создателя советского государства к войне на маньчжурских сопках во многом определило тот вектор, по которому пошло развитие отечественной историографии в советский период. Идеи Покровского развивал Б. А. Романов, специализировавшийся на внешней политике царского правительства. Исследователь утверждал, что политика Российской империи на Дальнем Востоке была смесью феодально-

самодержавной (силовой) и виттевской (экономической) экспансий [7].

Несмотря на то, что в 1920-е гг. историки концентрировались на внешнеполитическом аспекте войны, исследования в области военной истории продолжались. Так, в 1927 г. Б. М. Шапошников в военно-теоретическом труде «Мозг армии» отмечал, что поражение России в Русско-японской войне было следствием не только дезорганизации управления ее вооруженными силами, но и отказом царского правительства увеличивать военные кредиты [8].

Обобщение опыта Русско-японской войны проводилось в рамках курса военной истории. Одним из зачинателей данного направления в советской военной науке стал Е. А. Разин. В 1939 г. полковник Разин, преподаватель академии им. Фрунзе, предоставил в издательство НКО работу по истории военного искусства. Появление данной книги совпало с трансформацией советской исторической политики. В начале 1930-х гг. разгрому была подвергнута «школа Покровского». Подвиги солдат и офицеров русской императорской армии вновь стали освещаться в периодической печати и использоваться как средство патриотического воспитания [9]. Разин использовал в своем пособии не только опубликованные труды дореволюционных авторов, но и документы Центрального государственного военно-исторического архива (ЦГВИА). Он показывал не только просчеты русского командования в ходе планирования и проведения операций на суше и на море, но и то, как командование стремилось переломить ход боевых действий, применяя новые типы вооружения и тактические приемы.

В то же время появились и отдельные аналитические исследования о Русско-японской войне. В 1933 г. участник данных военных событий Д. М. Карбышев публикует исследование по обороне Порт-Артура, в котором подробно рассматривает организацию инженерного обеспечения обороны крепости, а также ее слабые стороны в артиллерийском оснащении и системах заграждения [10].

В 1936 г. профессор Академии Генерального штаба РККА Н. А. Левицкий на основании своей диссертации публикует книгу «Русско-японская война 1904–1905 гг.» [11]. Автор критически оценивал не только планирование и проведение операций в ходе самой войны, но и подготовку Русской императорской армии и Военного министерства к ней. Так, Левицкий справедливо отмечал, что вооруженные силы

империи на территории Дальнего Востока были не отоборужены, а правительство накануне нападения Японии смогло усилить воинскими частями лишь Приамурский округ. В то же время исследователь обратил внимание на то, что после сражения при р. Шахе в действиях и русских и японских войск начали появляться зачатки позиционности, то есть создания укрепленных линий и полос, которая получила дальнейшее развитие уже в годы Первой мировой войны в ходе кампании 1915 г. Схожую работу по анализу опыта действий русского флота провел капитан 1-го ранга Быков в 1942 г. [12].

Говоря о массовом обращении к теме Русско-японской войны, следует учитывать тот факт, что война 1904–1905 гг. ассоциировалась с конфликтами на о. Хасан (1938 г.), р. Халхин-Гол (1939 г.), а также Советско-японской войной (1945 г.). Уже в 1940 г. в Высшей партийной школе читались лекции о героизме и мужестве русских моряков в сражении у Чемульпо и Цусиме, обороне Порт-Артура [13].

Разнообразные брошюры и книги появлялись для массового читателя. Ярким примером такого направления является книга А. С. Новикова-Прибоя «Цусима» [14]. Новиков, участник сражения в Желтом море 1905 г., еще в японском плену задумал описать пережитое в прозе. В 1932 г. через газету «Правда» он получил воспоминания очевидцев сражения, участвовавших в нем в качестве матросов, а к 1940 г. его роман выдержал уже семь переизданий и постоянно дополнялся новыми главами. Разумеется, положительные образы в произведении принадлежали матросам, находившимся под влиянием большевистской пропаганды. В то же время характер войны, в которой они принимают участие, считается не «захватнически-империалистическим», а патриотическим. Также к этому направлению историописания следует отнести и роман А. Н. Степанова «Порт-Артур» [15].

После победы над Японией в 1945 г. исследовательский интерес к войне 1904–1905 гг. начинает снижаться. Так, изучение военной стороны конфликта не становится частью научного поиска военных историков, поскольку анализ боевых действий уже не мог внести новое в рекомендации по современному строительству и применению вооруженных сил. Теперь обобщение опыта войны было отдано на откуп гражданским исследователям. В частности, в 1960-е гг. активно развивалась школа изучения институтов власти дореволюционной России (Н. П. Ерошкин, П. А. Зайончковский).

В рамках данного исследовательского направления работал К. Ф. Шацилло, в прошлом командир звена катеров и участник Советско-японской войны.

По материалам Морского министерства им была подготовлена монография об истории строительства флота в Российской империи в начале XX в. Несмотря на то, что автор в духе своего времени стремился показать влияние «кризиса капиталистического способа производства» на морские программы империи, ему удалось продемонстрировать то, что изменения в организационном строительстве русского флота начались уже после первых неудач 1904 г. [16].

До начала 1990-х гг. в отечественной литературе наиболее полное обобщение, как дореволюционных, так и советских историографических традиций, было сделано авторским коллективом под руководством И. И. Ростунова. В коллективном труде акцент делался на сухопутных боевых действиях, а для анализа привлекались не только опубликованные документы, но и материалы из фондов ЦГВИА. В отличие от исследований Разина и Левицкого авторы не стремились выявить недостатки военного искусства России, а пытались дать наиболее полное описание боевых действий на суше и на море.

Говоря о современной исторической литературе, посвященной Русско-японской войне 1904–905 гг., следует учитывать произошедший в конце 1980-х гг. поворот в исследовательских подходах. Теперь классические военно-исторические исследования стали соседствовать с работами об образах врага в российском и японском обществах. После открытия доступа к архивам стали появляться исследования, в основу которых были положены не только новые источники, но и методологические подходы. Так, Д. С. Ван дер Ойе обратил внимание на то, как в прессе и программных документах, вышедших из-под пера сподвижников Николая II, конструировался образ Японии, оказывавший влияние не только на внешнюю политику империи в 1894–1904 гг., но и на изменения, произошедшие в ней после подписания Портсмутского мирного договора [17]. Появление данного труда было следствием распространения концепций Б. Андерсона о «воображаемых сообществах», то есть о зарождении наций и национализма [18]. Последним общим исследованием о внешней политике России начала XX в. является монография И. С. Рыбаченок. В ней внешне-

политический курс правительства Николая II рассматривается не только в контексте политики царского правительства на Дальнем Востоке, но и в свете противостояния России с Великобританией и США [19].

В то же время в последние десятилетия в литературе появляются работы, где делаются попытки сопоставить не только военную, но и дипломатическую сторону противостояния на Дальнем Востоке. В исследовании О. Р. Айрапетова на основе ранее опубликованных материалов и источников о военной стороне конфликта, а также недавно обнаруженных документов из фондов архива внешней политики Российской империи показано, что Русско-японская война не только предопределила трансформацию системы управления империей, но и заложила те направления внешней политики, которые в дальнейшем развивало и советское государство [20].

Перспективным направлением исследований является анализ борьбы спецслужб Российской империи и Японии. Еще в начале 1990-х гг. появились публикации А. Петрова и Д. Павлова, где на основании документов РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив) анализировались мероприятия контрразведки в тылу Маньчжурских армий, а также попытки японских эмиссаров содействовать разгоравшимся в стране революционным процессам [21; 22]. Это направление исследований было развито в работе Я. Франка о влиянии Русско-японской войны на ход мировой истории [23]. Автор показал, что опыт японской разведки был использован австрийской и германской военными разведками в ходе Первой мировой войны как на Восточном, так и на Западном фронтах.

Таким образом, период повышенного исследовательского интереса к событиям Русско-японской войны, пришедший на первую половину XX в., сменился более фундированным и избирательным подходом к анализу и оценке событий, происходивших на Дальнем Востоке в 1904–1905 гг. Если обратиться к возможным направлениям исследования Русско-японской войны, то следует признать, что необходимо сосредоточиться не столько на изучении боевых действий, сколько на организации и боевом применении отдельных родов войск. Также следует признать, что изучение конфликта через «региональную» перспективу (анализ общественных настроений и особенностей повседневной жизни в губерниях Российской

империи в годы войны) может содействовать не только пониманию причин поражения в войне, но и выявлению особенностей возникновения и развития революционных процессов в 1917 г.

1. Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны : [в 9-ти т.], Т. 1–9. СПб. : тип. А. С. Суворина, 1910.
2. Русско-японская война в сообщениях в Николаевской академии Генерального штаба / под ред. А. Байова [в 2-х ч.]. Ч. 1–2. СПб. : тип С. Г. Кнорус, 1906–1907.
3. Грулев М. В. В штабах и на полях Дальнего Востока. Воспоминания офицера Генерального штаба и командира полка о Русско-японской войне. СПб. : изд-во В. Березовского, 1908. 367 с.
4. Куропаткин А. Н. Записки генерала Куропаткина о Русско-японской войне. Итоги войны. Берлин : Ladyschnikow Verlag, 1909. 549 с.
5. Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. М. : Партиздат, 1933. 514 с.
6. Ленин В. И. Падение Порт-Артура // Полное собрание сочинений. М., 1968. Т. 9. С. 151–159.
7. Романов Б. А. Очерки дипломатической истории Русско-японской войны. 1895–1907. М. ; Л. : изд-во АН СССР, 1947. 496 с.
8. Шапошников Б. М. Мозг армии : [в 3-х кн.]. Кн. 1. М. ; Л. : Гос. изд-во, Отд. воен. лит., 1927. 258 с.
9. Бранденбергер Д. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956). СПб. : Акад. проект, изд-во ДНК, 2009. 416 с.
10. Карбышев Д. М. Оборона Порт-Артура (1904). Краснознаменная воен. акад. РККА им. М. В. Фрунзе. – М., 1933. 62 с.
11. Левицкий Н. А. Русско-японская война 1904–1905 гг. М. : Гос. воен. изд-во НКО СССР, 1938. 384 с.
12. Быков П. Д. Русско-японская война 1904–1905 гг. : действия на море. М. : Воен.-мор. изд-во НКВМФ СССР, 1942. 104 с.
13. Яковлев Н. Н. Русско-японская война, буржуазно-демократическая революция 1905–1907 гг. : [стеногр. лекций]. М., 1941. 130 с.
14. Новиков-Прибой А. С. Цусима. Л. : Воен.-мор. изд-во, 1940. 800 с.
15. Степанов А. Н. Порт-Артур : [роман в 2-х кн.]. М. : Воениздат, 1982.
16. Шацилло К. Ф. Русский империализм и развитие флота накануне Первой мировой войны. (1906–1914). М. : Наука, 1968. 367 с.
17. Schimmelpenninck van der Oye D. H. Toward the rising sun: russian ideologies of empire and the path to war with Japan = Схиммельпенник ван дер О. Х. Навстречу восходящему солнцу: русская имперская идеология на пути к войне с Японией. De kalb : NIUP, 2001.
18. Anderson B. Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism = Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. London ; New York : Verso, 1991. 224 с.
19. Рыбаченок И. С. Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи, методы. М. : РОССПЭН, 2021. 581 с.
20. Айрапетов О. Р. На пути к краху. Русско-японская война 1904–1905 гг. М. : Алгоритм, 2015. 494 с.
21. Павлов Д., Петров С. Тайны Русско-японской войны. Японские деньги и русская революция. Русская разведка и контрразведка в войне 1904–1905 гг. : документы. М. : Прогресс, 1993. 348 с.
22. Павлов Д. Б. Русско-японская война 1904–1905 гг.: секретные операции на суше и на море. М. ; СПб : Центр гуманитар. инициатив ; Университет. кн., 2016. 511 с.
23. Франк Я. Русско-японская война и ее влияние на ход мировой истории. М. : БиблиоРоссика, 2022. 239 с.

Раздел III

ПАМЯТЬ ПОКОЛЕНИЙ. КАЗАКИ НА СЛУЖБЕ РОДИНЕ

В. В. Бибиков, Г. А. Зайцев

ОТ КАМЧАТКИ ДО СЕБИНО И ОТ КАМЧАДАЛКИ БУЖЕНИНОВОЙ ДО СВЯТОЙ МАТРОНЫ МОСКОВСКОЙ

О ходе и результатах исследования генеалогии рода Святой Матроны Московской, попытках установления точной даты ее рождения, поиске связей с дворянским родом Бибиковых и камчадалкой Авдотьей Бужениновой.

Ключевые слова: генеалогия; Святая Матрона Московская; Бибиковы, дворянский род; Буженинова А., камчадалка.

Тайна рождения блаженной Матроны Московской

Эта история началась в ноябре 2005 г., когда группа любителей-генеалогов возвращалась с устроенной ими же первой генеалогической выставки в Нижнем Новгороде. Окрыленные удачей энтузиасты решили создать общественную организацию для популяризации генеалогии, так появился СОЮЗ ВОЗРОЖДЕНИЯ РОДОСЛОВНЫХ ТРАДИЦИЙ (СВРТ). За прошедшие девятнадцать лет СВРТ провел уже пятнадцать Всероссийских генеалогических выставок, более десятка выставок «Обратись к истокам».

Итак, морозным солнечным днем машина, в которой ехали довольные успехом генеалогии, в том числе и я – Валерий Владимирович Бибиков, была остановлена сотрудником ГАИ возле Покровского монастыря в Москве. И пока водитель разбирался с гаишником, я впервые услышал имя Святой Матроны Московской от одной из наших коллег. Оказалось, что в монастыре, возле которого мы остановились, находятся мощи блаженной старицы. Рассказ о деяниях Матроны сильно поразил меня, возникло желание узнать подробности жизни Святой. В тот же день Интернет «выдал на-гора» огромный объем информации о Матроне.

После этого образ Матроны я стал встречать везде, купил и несколько изданий разных авторов «Житие блаженной старицы Матроны». Внимательно изучив книжечки, я заинтересовался историей рождения Святой, а учитывая, что она была практически нашей современнице, покинув этот мир в 1952 г., решил, что ее еще помнили на малой родине. Но, увы, все оказалось не так просто.

В опубликованной литературе указывалось, что родилась Матрона Дмитриевна Никоно-

ва либо в 1881 [1, с. 67], либо в 1885 г. [2, с. 6] в Тульской губернии в с. Себино. Название села мне показалось знакомым и, просмотрев свои материалы по родословию дворян Бибиковых, я убедился в своей догадке. Ранее часть села принадлежала тульской ветви этого большого знаменитого рода, а точнее, Ивану Васильевичу Бибикову (1826–1875) [3, с. 37]. Данный факт заставил меня задуматься о неслучайности некоторых совпадений, кто-то упорно старался привлечь мое внимание к судьбе старицы Московской, а разночтение в датах рождения только увеличивало интерес. Захотелось всерьез заняться родословием Матроны Московской.

Первое, с чего я начал, это посетил Российский государственный архив древних актов (РГАДА) и порадовался, что сохранились ранние ревизские сказки (аналог переписи населения) по этому селу, которое было поделено между помещиками Бибиковыми, Яньковыми и Новосильцевыми, а еще ранее принадлежало Муромцевым. Все помещики состояли в родственных отношениях друг с другом [4, с. 16]. Изучив ревизии [5], было вполне возможным найти упоминание о предках Матроны в начале XVIII в. Но чтобы составить непрерывную цепочку родственников, надо было идти не из глубины веков (т. к. фамилии себинских крестьян не были указаны в ранних источниках), а от Матроны, то есть начинать надо было с изучения документов Государственного архива Тульской области (ГАТО), т. к. именно там хранятся более поздние ревизии и метрические книги, в которых священники вели регистрацию церковных обрядов.

Главным специалистом по Тульскому архиву в нашей организации по праву считается Геннадий Арнольдович Зайцев, да и живет он в Туле. Геннадия очень заинтересовал мой рас-

сказ, тем более, что и он тоже ранее ничего не слышал про Святую. Решили с ним провести совместные поиски в архивах, чтобы составить родословие Матроны ко второй генеалогической выставке, которая должна была состояться летом 2006 г. в Брянске.

Для начала поисков нам пришлось оттапливаться от тех данных, которые были указаны в разных изданиях про Матрону. Скудость, а зачастую и ошибочность информации, представленная в одном из первых изданий «Жития Матроны»: *«Родители ее – Дмитрий и Наталия, крестьяне...»* [6, с. 3] (не указаны даже отчества родителей), направили нас первоначально по ложному пути. В результате работы в архивах было составлено Древо предков вплоть до 1700 г., но что-то насторожило меня в нем. Просмотрев еще раз всю цепочку предков Матроны, я понял, что среди них нет ни одного человека с именем Никон, а ведь фамилия ее отца – НИКОНОВ – однозначно указывала, как звали одного из предков, от которого и пошла фамилия. Столкнулись мы и с такой уникальной ситуацией: в Себино в XIX в. жили две семейные пары, схожие по возрасту и составу семьи – *«состоящий в военной службе солдат Дмитрий Федоров и законная его жена Наталья Павлова»* [7], а также *«крестьянин собственник Дмитрий Иванов и законная жена его Наталья Никитина»* [8]. При этом и в той, и в другой семье был сын Иван, фамилии отсутствовали, а в одном из изданий «Жития» было указано, что у Матроны был брат с таким именем. Пришлось начинать все сначала.

Найденные новые документы все расставили по своим местам, так в ревизии за 1858 г. удалось найти запись: *«...у Ивана Никонова сын Дмитрий»*. Возраст Дмитрия, а также отчество его отца – Никонов (в данном случае еще не фамилия), указывали направление дальнейшего поиска, что и позволило в итоге составить родословное древо семьи. Был найден и основатель фамилии, в ревизской сказке за 1782 г. *«...села Медведево Себино тож»* в семье Егора Калинина указан сын Никан 3 лет [9].

Спустя год после начала нашего исследования, в ноябре 2006 г., на третьей Всероссийской генеалогической выставке в Курске впервые было продемонстрировано Древо Матроны Московской. Родословная в тот момент насчитывала 117 персон и начиналась с родоначальника – крестьянина с. Себино Ивана с датой рождения до 1649 г. Именно в эти годы был

заложен Покровский женский монастырь, где ныне находятся мощи Святой.

В процессе исследования нам пришлось столкнуться с рядом других трудностей, связанных с фактом рождения и противоречиями в описаниях первых лет жизни старицы. В первую очередь, мы столкнулись с отсутствием точной даты рождения. В разных изданиях «Жития» указывались разные годы (1881, 1885 и даже 1890), а день и месяц рождения не фигурировали вовсе, хотя приводились детали появления на свет Матроны, и очевидцами было подробно описано ее крещение [10, с. 4].

При работе над родословием в архивах были просмотрены не только ревизские сказки, но и сельхозпереписи за разные годы, протоколы собраний односельчан, а также метрические книги по всему приходу с. Себино за 1880–1890 гг. К сожалению, ни в одной из метрик не было обнаружено записи о рождении Матроны Дмитриевны Никоновой, хотя за десять лет было выявлено восемнадцать рождений девочек с таким именем. После нахождения дат рождения всех братьев и сестер Святой и анализа просмотренных документов стало ясно, что девочка с именем Матрона в семье крестьян Никоновых могла появиться только в 1883 г. На эту дату косвенно указывала и запись в сельскохозяйственной переписи по Тульской губернии за 1911 г. [11]. В этом документе зафиксирована семья крестьянина Дмитрия Иванова Никонова с указанием возраста членов семьи, среди которых значится «дочь 28 лет, девица» с пометкой «К», что означает – калека. Но именно в метрической книге за 1883 г. в разделе «о родившихся» сохранилась только первая страничка за январь месяц [12]. Куда делись остальные страницы, остается только догадываться. Кстати, спустя несколько лет сотрудниками ГАТО в сельскохозяйственной переписи за 1900 г. [13] в карточке на двор Дмитрия Ивановича Никонова была обнаружена запись: «дочь 17 лет» с пометкой «слепа», что также подтверждало наш вывод о том, что годом рождения Матроны следует считать 1883.

Откуда же взялись годы рождения Святой (1881, 1885), указанные в разных изданиях «Жития»? Вот как отвечает на этот вопрос иеромонах Иов: *«Когда мы в 1997 году приступили к подготовке материалов к прославлению старицы Матроны Дмитриевны Никоновой, уже существовали о ней публикации. В жизнеописании было сказано, что она родилась в 1881 году. Для проверки этой даты был послан запрос в Тульский областной*

архив, где хранятся метрические книги храма Успения Пресвятой Богородицы ее родной деревни Себино Епифанского уезда Тульской губернии. В ответ на запрос было сообщено, что в метрических книгах за 1881 год села Себино записи о Матроне Дмитриевне Никоновой не имеется. <...> Алексей Константинович Светозарский (ныне профессор Московской Духовной Академии) посоветовал посмотреть кладбищенские книги. Я сказал об этом Антонине Борисовне Малаховой (ныне монахиня Матрона), которая ухаживала за могилой блаженной старицы. Мы пошли в контору Даниловского кладбища. Нам очень быстро принесли книгу за 1952 год. Начали просматривать записи за май. Вскоре открыли страницу, относящуюся к 4 мая (святая старица умерла 2 мая). Помню, как замерло сердце, когда я увидел поблекшую от времени запись, сделанную фиолетовыми чернилами: «Никоннова Матрона Дмитриевна, 66 лет». Поэтому можно уверенно предположить, что праведная Матрона родилась в конце октября или в начале ноября (по ст. ст.) 1885 г. Эта дата была указана в Житии, составленном для Синодальной комиссии по канонизации святых. Публикации об этом не было, поэтому неверная дата (1881) до сих пор воспроизводится [14, с. 346].

Вот такая история... Спустя девять лет, в 2006 г., в метрической книге за 1885 г. нами будет найдена запись о рождении 17 августа брата Матроны – Ивана [15]. Из чего следовало, что Матрона не могла родиться «в конце октября или в начале ноября 1885 года», как предполагал иеромонах Иов. Были и мы с Геннадием на Даниловском кладбище, где сотрудник показал запись о погребении Матроны в кладбищенской книге, но возраст там записан не совсем четко, вместо цифры 66 можно прочесть и 68.

Не соответствовали найденным документам и другие эпизоды жизни Святой, описанные в «Житии». Например, Матрона родилась не в многодетной семье, как было написано [16, с. 3], а в семье, где к моменту ее появления был всего один ребенок – девочка десяти лет, то есть полноценная помощница по дому; предыдущие дети четы Никоновых умерли в младенчестве. Не нашло подтверждения и утверждение, что Матрона была последним ребенком, после нее в семье родились еще два мальчика. Не была семья и бедной: Никоновы проживали в избе из дуба, была у них и печь [17]. Весьма удивили такие слова из книги: «Мать Матроны решила отдать будущего ребенка в приют князя Голицына в соседнее село Бучалки...»

[18, с. 5], мало того, что такие мысли матери кажутся нам весьма странными, ведь там же написано: «Родители ее были людьми благочестивыми...», так еще и приют был открыт только в 1900 г. [19, с. 6]. Эти и другие несоответствия из книг заставили нас более внимательно проанализировать все сведения, касающиеся года рождения Матроны.

Впервые год рождения старицы – 1881-й, был указан в биографии, написанной Зинаидой Владимировной Ждановой [20, с. 3], в доме которой старица прожила почти восемь лет. Как мы теперь знаем, в метрической книге за этот год рождения Матроны не найдено (просмотрены записи, касающиеся всех населенных пунктов прихода). Более того, ближайший по времени рождения брат Матроны Андрей родился 12 августа 1882 г. [21], а девочка с именем Матрона (по святцам) должна была бы родиться в октябре-ноябре 1881 г. Таким образом, между этими двумя датами рождения всего девять месяцев. Вызывает также недоумение, что биограф (Жданова) не спросила о дне рождения у самой Матроны. Или спрашивала, но Матрона и сама не знала, но тогда откуда подробности крещения, описанные в книге?

Как известно, девочка от рождения была незрячей, у нее не было глазных яблок. Это редкое заболевание (один случай на 20 тыс. младенцев) называется анофтальмия. Аномалия обусловлена одним рецессивным геном, локализованным в аутосоме. Проще говоря, чтобы ребенок получил такое генетическое заболевание, каждый из родителей должен нести в себе этот ген, но это возможно, только если в роду были близкородственные браки. При работе над родословной были найдены не только прямые предки семьи Никоновых, но и их боковые ветви. Можем утверждать, близкородственных браков в этом роду не было, в то время как в других крестьянских, да и в дворянских семьях случаи бракосочетания с четвероюродными, троюродными и даже двоюродными родственниками встречались, но только не в роду Никоновых.

Не могли мы игнорировать еще одно утверждение из «Жития»: «Дочь местного помещика, благочестивая и добрая девица Лидия Янькова, брала Матрону с собой в паломничества...» [22, с. 9]. Создается впечатление, что речь идет о взрослой девушке, которая брала с собой в путешествие маленькую незрячую девочку и опекала ее. Но дело в том, что Лидия Александровна Янькова родилась 25 июня

1885 г., то есть она была как минимум на два года моложе Матроны [23].

Также в «Житии» сказано, что на момент встречи Иоанна Кронштадтского с Матроной ей было 14 лет, соответственно, Лидии было только 12 лет. Могли ли девочки (одна из которых ограничена в передвижении) путешествовать в этом возрасте без сопровождения взрослых? Может быть, кто-то из помещиков села взял на себя труд заботиться о девочке-калеке, но почему? Как уже было написано выше, помещики Бибиковы и Яньковы были в родстве, причем, в очень близком. Так, в роду Бибиковых–Яньковых близкородственных браков было не менее пяти. Попутно заметим, что двоюродной сестрой Лидии Яньковой была Надежда Андреевна Бибикова (в девичестве Янькова, 1877–1951), дочь основательницы Шамординского женского монастыря схимонахини Софии (Софья Михайловна Янькова, в девичестве Болотова, 1845–1888), которая, в свою очередь, являлась дочерью урожденной Бибиковой Александры Дмитриевны. Бабушка же самой Лидии Яньковой была в девичестве тоже Бибиковой, а ее прадед был женат на своей троюродной сестре. И это еще не весь клубок родственных связей, (вот где велика вероятность появления рецессивного гена у обоих родителей).

Если принять как вероятную нашу версию, что Матрона появилась в семье Никоновых в ноябре 1883 г., то следует обратить внимание на тот факт, что за три месяца до этого у Дмитрия и Натальи Никоновых умер годовалый сын Андрей [24]. И таким образом, из пятерых ранее рожденных детей в живых у них осталась только одна десятилетняя дочь, что не являлось типичным для многодетных крестьянских семей.

Профессиональные генеалоги знают, что в те времена рождение детей не планировали – «как Бог даст». С научной точки зрения рождение детей было обусловлено физиологическими особенностями конкретной пары. В некоторых семьях дети рождались с очевидной периодичностью, а в некоторых с разными промежутками, хотя и в этом тоже особенность конкретной пары. Так вот, если обратить внимание на годы рождения детей у Дмитрия и Натальи: Михаил – 1870, Пелагея – 1873 [25], Устинья – 1876, Иван – 1879 [26], Андрей – 1882 [27], МАТРОНА – 1883, Иван – 1885 [28], Михаил – 1888 [29], то увидим, что из периодичности рождений в три года выпадает только факт рождения Матроны в этой семье.

Стоит указать еще на один интересный

факт. В ревизской сказке за 1858 г. в большой семье Никоновых числятся не только близкие родственники и девятилетний отец Матроны – Дмитрий, но еще и три приемыша [30], то есть Никоновы охотно принимали чужих детей, больше подобной семьи в с. Себино не было.

Здесь перечислены далеко не все «неточности и противоречия», выявленные нами в процессе работы с документами, материалов хватит для небольшой книги.

Подводя итоги, можно уверенно заявить, что в семье Никоновых девочка с именем Матрона могла родиться только в 1883 г. (хотя и с указанными выше оговорками). Если же рассматривать годы, указанные в «Житии» (1881 или 1885 гг.), то следует однозначно признать, что девочка родилась в другой семье, хотя такое же предположение может относиться и к 1883 г. тоже. Отсутствующие страницы метрической книги за 1883 г. могли содержать не только дату рождения Святой, но и факт принятия в семью Никоновых чужого ребенка. Такая версия имеет право на существование, если же она ошибочна, то это значит, что Древо Матроны Московской, которое мы демонстрируем на всех генеалогических выставках СВРТ, верное.

Благодаря работе в архивах мы знали точные даты рождения всех многочисленных племянников и племянниц Матроны, некоторых она даже крестила. И в процессе своих поисков мы неоднократно сожалели, что не осталось никого из них в живых, ведь они могли бы ответить на многие наши вопросы. Но оказалось, что мы заблуждались. В 2015 г. по телевидению показали сериал «Чудотворица» – фильм о Матроне, в котором были эпизоды, связанные с нашими поисками, а мы выступали в качестве экспертов. Спустя пару месяцев на нас вышла Виктория Викторовна Дунина – правнучатая племянница Матроны. Как было сказано выше, нам были известны точные даты рождения всех племянниц и племянников Матроны, т. к. были найдены записи об их рождении в метрических книгах. Но дело в том, что вскоре после Октябрьской революции записи в «церковных» книгах, по понятным причинам, больше не велись, последняя информация, касающаяся Никоновых, была найдена в метрической книге за 1918 г.

На встречу Виктория Викторовна пришла вместе со своим отцом Виктором Алексеевичем. Они поведали, что у брата Матроны – Ивана Дмитриевича в 1921 г. родилась дочь Анна, мама Виктора Алексеевича Дунина. А так как

рождение Анны не попало в метрические книги (их к тому времени уже не вели), мы ничего и не знали о родственниках по этой линии. Чувство глубокого разочарования испытали мы, когда узнали, что Анна Ивановна прожила большую жизнь и умерла в возрасте 94 лет в 2015 г. за несколько месяцев до показа фильма. Она хорошо знала свою тетю и даже запечатлена на фотографии возле гроба Матроны. Мы свое исследование начали в 2005 г. и, если бы фильм был снят хотя бы на год раньше, вероятно, у нас была бы возможность задать вопросы ближайшей родственнице Матроны, которая ее хорошо знала и помнила.

Говоря о Святой, нельзя не коснуться темы чудес. В процессе работы над родословием, конечно же, мы с ними сталкивались. Чудеса всегда происходят, когда ты серьезно занимаешься генеалогией. Наши предки хотят, чтобы их нашли, и помогают в поисках.

На сегодняшний день Древо рода Никоновых состоит из 183 персон. Тайна рождения Святой пока до конца не разгадана, но работа продолжается, и, возможно, нам удастся приблизиться к разгадке – Матрона поможет.

И последнее... Каждый из нас своими чертами характера во многом обязан своим родителям, воспитанию, которое мы от них получили, а вот наша судьба predetermined многовековой историей всего рода, поэтому так важно знать, в каком роду вы родились и в какой семье воспитывались. Проведенные нами исследования не преследовали цели подвергнуть сомнению «Житие Матроны Московской», многократно повторенное в различных изданиях. Мы хотели составить родословную ЧЕЛОВЕКА, причисленного к лику святых, чтобы понять истоки святой праведности Матроны. Найденные документы и наши выводы позволяют предположить, что рождение и жизнь блаженной Матроны Московской, вероятно, были намного трагичнее, чем их литературное описание.

После одного из моих выступлений следующий докладчик, которой подошел к микрофону, сказал, что ему придется на ходу менять свой доклад, т. к. я неожиданно для него сообщил сведения, которые его сильно удивили. Этим докладчиком оказался Сергей Иванович Вахрин, известный камчатский краевед. Оказалось, что накануне он общался с одним представителем из рода Яньковых, который ему сообщил, что Матрона Московская тоже из этого же дворянского рода. Я был буквально в шоке, т. к. в докладе высказывалась эта версия, а тут

мне сообщали, что наша с Геннадием Зайцевым версия верна. Сергей Иванович сообщил мне телефон Владимира Юрьевича Янькова, я ему позвонил и спросил, почему он так уверен, что Матрона его родственница? Каково же было мое разочарование, когда он сказал о том, что прочитал об этом в научной статье про Святую и сослался на нашу раннюю статью, в которой мы с Геннадием рассматривали версию о рождении Матроны в семье местных помещиков. Круг замкнулся.

Несмотря на разочарование этот курьезный случай позволил мне познакомиться с интереснейшим человеком – Сергеем Ивановичем Вахриным.

В 2017 г. я наткнулся в сети на его книгу «Камчатская тайна Святой Матроны Московской» [31]. В ней он описал историю нашего знакомства и поместил доклад, с которым я выступал на конференции в 2016 г. Вся книга Вахрина пронизана мыслями об истории России и ее судьбе. В частности, большое внимание он уделил описанию родственных связей князей Голицыных. Своим читателям Сергей Иванович напомнил об одном представителе этого знатнейшего рода – князе Михаиле Алексеевиче (1687–1775), который за свое вероотступничество был определен императрицей Анной Иоанновной (1693–1740) в шуты и подавал квас своей «благотельнице», за это был прозван Квасником. Потехи ради венценосная особа решила женить его на своей шутихе – камчадалке Авдотье Ивановне Бужениновой (1710–1742). Шутовская свадьба состоялась зимой 1740 г., все расходы на нее были покрыты из казны. Был устроен грандиозный карнавал, а на Неве из льда построен «Ледяной дворец», в котором молодые провели целую ночь. От брака Бужениновой и Михаила Алексеевича 24 ноября 1740 г. родился сын – князь Андрей Михайлович Голицын (1740–1777).

В своей работе Сергей Иванович упомянул также часть потомков Бужениновой, среди которых оказались и Яньковы, а точнее, ближайшая подвижница Матроны Московской – Янькова Лидия Александровна (1885–1938?). Лидия Янькова упоминалась и в докладе, который я прочитал на чтениях, где выдвигалась версия об их возможном родстве. На основании этого Вахрин сделал вывод, что Матрона тоже несет в себе гены коренных камчадалов. Честно говоря, я был удивлен таким его предположением и не мог сразу с этим согласиться.

Прошло еще несколько лет, и в 2023 г. мы

снова встретились с Сергеем Ивановичем в том же месте, где и познакомился в 2016 г. – в Московском доме национальностей уже на XV Родословных земляческих чтениях. И вновь Сергей Иванович предложил мне внимательно отнестись к версии родства Святой Матроны и камчадалки Бужениновой. Посмотрев внимательно родословную потомков князя Голицына и его жены, я увидел, что одна из линий Яньковых действительно восходит к Авдотье Бужениновой. И тогда, исходя из нашей с Зайцевым версии, что Матрона Московская, возможно, была дочерью кого-либо из себинских помещиков (Яньковы, Бибиковы, Муромцевы практиковали близкородственные браки, и потому вероятность рождения ребенка с генетическим дефектом, которого могли определить в крестьянскую семью, была высокой), версия о предках Святой Матроны с Камчатки уже не казалась столь фантастической.

Я решил более внимательно разобраться с этим вопросом и стал достраивать Древо потомков четы Голицыных из «Ледяного дворца». В ходе работы я обнаружил, что среди потомков Бужениновой оказался народный артист СССР Сергей Владимирович Образцов (1901–1992). Это мини-открытие я сделал в три часа ночи и, включив телевизор, попал на программу, где выступала внучка знаменитого кукольника – Екатерина Михайловна Образцова. Она рассказывала про своего знаменитого деда. Вот такое совпадение заставило меня еще пристальнее присмотреться к родословной камчадалки.

И вот нашлась очередная сенсация. Оказалось, что дед Лидии Яньковой – Яньков Николай Александрович (1814–до 1883) был женат на Бибиковой Евгении Васильевне (1816–п. 1883), и среди их потомства была дочь – Янькова Евгения Николаевна (1847–п. 1903), которая вышла замуж за своего двоюродного брата – Ворыпаева (Ворыпаев, Воропаев...) Николая Сергеевича (1845–п. 1906). Опять близкородственный брак (куда уж ближе) и высокая вероятность передачи потомству «плохих» аутомных генов. Более того, и Евгения Николаевна, и Николай Сергеевич (жена и муж) Ворыпаевы, как оказалось, оба потомки Бужениновой! В браке эта чета Ворыпаевых в период 1871–1886 гг. произвела на свет не менее шестерых детей (найлены документы с точными датами их рождений); в этот же промежуток времени родилась и Матрона. Судьба пятерых детей неизвестна, а вот про старшего сына, Ворыпаева Петра Николаевича (22.08.1873–п. 1906), я кое-что знаю.

Напомню, что про Матрону я впервые услышал в ноябре 2005 г., привлекла она мое внимание в т. ч. и тем, что родилась в с. Себино, часть которого принадлежала тульским дворянам Бибиковым. Но к тем Бибиковым я не имел никакого отношения. А вот персону Ворыпаева Петра Николаевича мне впервые встретила в документах Государственного архива Брянской области (ГАБО) в мае 2005 г., и это тоже было связано с Бибиковыми. А точнее, с Бибиковым Иваном Степановичем – депутатом 1-й Государственной Думы 1906 г., который приходился братом моему деду, а я, соответственно, ему довожусь внучатым племянником. В ГАБО, а затем и в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) нашлось несколько дел, связанных с арестом моего родственника после роспуска Думы. Вместе с ним были арестованы и несколько его соратников. Вот строки из рапорта пристава: *«Вы доносит, что 11 июля Акуличский лесничий Воропаев с племянником Литкенс... явились в д. Алень на сход, назначенный бывшим членом Государственной Думы Бибиковым, и когда старшина Никущенко приказал сходу разойтись, лесничий Воропаев воспрепятствовал и позвал крестьян к училищу, где совместно с Литкенс говорил речи»* [32]. Есть в этом деле и весьма интересные сведения о семьях Ворыпаевых, Литкенсов и моих Бибиковых, но это, как говорится, уже совсем другая история.

После того как в 2007 г. была написана биографическая брошюра про депутата И. С. Бибикова [33], я совсем забыл о его соратниках, которые вместе с ним были отправлены в Орловский централ. И вот через 17 лет я вдруг выяснил, что бабкой лесничего Ворыпаева была Янькова Евгения Васильевна (урожденная Бибикова), и наверняка он с депутатом Госдумы обсуждал не только проблемы государственного устройства, но и выяснял, есть ли между ними кровное родство.

Как я уже писал выше, Ворыпаев Петр Николаевич родился от родителей, которые были в двоюродном родстве и оба являлись потомками князя Голицына и Бужениновой. Близкородственные браки всегда запрещались церковью и не рекомендовались с медицинских позиций, т. к. была велика вероятность появления потомства с генетическими отклонениями. Судя по описанию, среди прочих проблем со здоровьем у крестьянской девочки Никоновой Матроны Дмитриевны была и генетическая аномалия (аномальность), одной из причин которой мог быть именно близкородственный брак. Эта версия была выдвинута мною и Зайцевым еще в одной из первой наших статей много лет на-

зад. В семье Ворыпаевых родилось шестеро детей, точнее, не менее шести. К близкородственной связке помещиков Яньковы – Бибиковы – Муромцевы добавились еще и Ворыпаевы. Но это все еще пока только версия – тайна рождения Матроны до конца так и не разгадана.

Вероятно, не случайно произошла моя встреча с Сергеем Ивановичем Вахриным в 2016 г., так же не случайно при работе над родословием Матроны Московской мне постоянно встречаются разные представители фамилии Бибиковых.

1. Житие и чудеса святой праведной блаженной Матроны Московской. М. : Свято-Покровский ставропигиал. жен. монастырь, 1999. С. 67.
2. Житие святой блаженной старицы Матроны Московской и ее чудотворения. XX–XXI вв. / сост. А. Худошин. Киев : Свято-Троицкий Ионинский монастырь, 2010. С. 6.
3. Ровенский Г. В., Бибиков Н. Г. Родословная Бибиковых. Фрязино, 1996. С. 37.
4. Там же. С. 16.
5. РГАДА [Российский государственный архив древних актов]. Ф. 350. Оп. 1. Д. 117, 1710 г.; Оп. 2. Д. 958, 1719 г.; Д. 974, 1764 г.
6. Житие и чудеса святой праведной блаженной Матроны Московской... С. 3.
7. ГАТО [Государственный архив Тульской области]. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1820, 1880 г.
8. Там же. Д. 1857, 1885 г.
9. Там же. Ф. 366. Оп. 1. Д. 4, 1782 г.
10. Житие и чудеса святой праведной блаженной Матроны Московской... С. 4.
11. ГАТО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1966, 1911 г.
12. Там же. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1844, 1883 г.
13. Там же. Ф. 4. Оп. 4. Д. 270, 1900 г.
14. Иеромонах Иов (Гумеров). Тысяча вопросов священнику. М. : Московский Сретенский ставропигиал. муж. монастырь, 2009. С. 346.
15. ГАТО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1857, 1885 г.
16. Житие и чудеса святой праведной блаженной Матроны Московской... С. 3.
17. ГАТО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1966, 1911 г.
18. Житие и акафист святой праведной блаженной Матроны Московской. М. : Покровский ставропигиал. жен. монастырь, 2004. С. 5.
19. Голицын С. М. Записки уцелевшего. М. : Орбита, Моск. фил., 1990. С. 6.
20. Жданова З. В. Сказание о житии блаженной старицы Матроны. Переславль-Залесский : Свято-Троицкий Ново-Голутвин монастырь, 1997. С. 3.
21. ГАТО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1838, 1882 г.
22. Житие и акафист святой праведной блаженной Матроны Московской... С. 9.
23. ГАТО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1857, 1885 г.
24. Там же. Д. 1844, 1883 г.
25. Там же. Ф. 3. Оп. 15. Д. 638, 1873 г.
26. Там же. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1815, 1879 г.
27. Там же. Д. 1838, 1882 г.
28. Там же. Д. 1857, 1885 г.
29. Там же. Д. 1880, 1888 г.
30. Там же. Ф. 360. Оп. 1. Д. 4, 1858 г.
31. Вахрин С. И. Камчатская тайна Святой Матроны Московской. СПб. : Свое изд-во, 2017. 106 с.
32. ГАБО [Государственный архив Брянской области]. Ф. 523. Оп. 1. Д. 521, 1906 г.
33. Бибиков В. В., Немцов В. Л. Первый крестьянский депутат // Новая жизнь. Клетня, 2006. № 9. С. 3.

КАЗАКИ КАМЧАТКИ.

УЧАСТИЕ В ОБОРОНЕ ПЕТРОПАВЛОВСКОГО ПОРТА 1854 г. И ОБОРОНЕ
КАМЧАТКИ В ПЕРИОД РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904–1905 гг.

Об участии камчатских казаков в Петропавловской обороне (1854) и Русско-японской войне (1904–1905). Приведены фамилии казаков – героев обороны Петропавловского порта. Дан список Георгиевских кавалеров, награжденных за участие в боевых событиях периода Русско-японской войны на Камчатке.

Ключевые слова: история; казаки; Петропавловская оборона; Русско-японская война.

К сожалению, история сибирского (включая и дальневосточное) казачества не является цельной, а разделена на более мелкие и не всегда связанные между собой региональные истории, что во многом умаляет то великое историческое значение сибирского казачества в судьбе нашего государства, которое и стало великой державой, покорив Сибирское царство и взяв под высокую державную руку сибирские народы.

Это был мощнейший на протяжении нескольких столетий процесс прирастания Российского государства новыми территориями, новыми племенами и народами не только в Азии, но и на соседнем континенте – в Русской Америке (на Алеутских островах и Аляске).

Этот процесс был непрерывным. И не только в смысле прирастания новыми территориями, но и в отношении разрастания и распределения по необъятным сибирским просторам казачьих родов, представители которых, будучи непосредственными участниками землепроходческого движения, повсеместно обзаводились на открытых ими землях потомством, которое продолжало вслед за отцами и дедами движение «встречь солнцу».

Казачество Сибири несло не только обычную традиционную пешую и конную службу, но сибирские казаки были еще и мореходами, осваивали просторы Северного Ледовитого и Великого Тихого океанов. С открытия в 1716 г. морского пути из Охотска на Камчатку появилось зафиксированное во многих официальных документах новое профессиональное понятие «за матросов казак». В 1803 г. на Камчатке была создана отдельная экипажная рота из камчатских казаков, которая впоследствии стала региональным подразделением в составе Охотского флотского экипажа. В 1849 г., с образованием Камчатской области и переводом Охотского флотского экипажа в Петропавловский порт, Камчатская экипажная рота вошла в состав 46-го (с лета 1854 г. 47-го) Камчатского

флотского экипажа. Он принял на себя основной удар артиллерии объединенной эскадры англо-французов и разгромил высадившийся на камчатское побережье десант, обеспечив очень важную на фоне общего поражения России в Крымской войне 1853–1856 гг. победу на тихоокеанском театре военных действий объединенных сил Запада [1].

В августе 1854 г. в Авачинскую бухту вошли четыре английских и два французских корабля, целью которых было уничтожение русского флота на Тихом океане. У врага было трехкратное превосходство в живой силе, шестикратное – по количеству пушек [2].

Но враг, предприняв две десантные операции, высадив в первом случае 600, в другом – около 900 десантников, был разгромлен со счетом, судя по их собственным сведениям, в пропорции один наш погибший воин к десяти убитым врагам [3].

Среди камчатских казаков отличились двое, награжденные Знаком Военного ордена Святого великомученика и победоносца Георгия. Это боцман 47-го флотского экипажа (из казачьих детей) Иван Иванович Шестаков и пятидесятник Алексей Степанович Карандашев – оба потомки тобольских казаков.

Вот что сообщал об их подвигах В. С. Завойко в своем приказе: *«Боцман Шестаков был постоянно моим ординарцем день и ночь во время всего действия, был смелым и расторопным в посылках под ядрами и пулями... Пятидесятник Карандашев, будучи ранен тяжело, все же выстрелил метко в кучу неприятеля...»* [4].

Этот выстрел Карандашева оказался оборотным в ходе обороны. Испугавшись неожиданного выстрела, ударившего картечью в центр колонны из 600 человек, и перейдя в состояние паники, десантники бросились спасаться на вершину сопки (невысокой горы), не подозревая, что на ее противоположном склоне не пологий спуск, а отвесные сорокаметровые

вые скалы, с которых и сбросили врага, пойдя в штыковую атаку, матросы 47-го флотского экипажа и фрегата «Аврора».

Следующим в приказе о награжденных значился казачий пятидесятник Александр Никифорович Томский, фамилия которого весьма четко связывает нас с другим историческим центром Сибири и второй ее столицей для восточных окраин – городом-крепостью Томском.

Отличился и боцман Харитон Иванович Новограбленный, командир бота № 1, который, обнаружив присутствие вражеской эскадры в Авачинской бухте, предупредил об этом направляющиеся в Петропавловский порт суда, в том числе и с пакетом от генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева. Предками боцмана Новограбленного были иркутские дети боярские [5].

В числе погибших в период обороны Петропавловского порта мы также находим как имена казаков, так и имена «матросов из казаков»: Киселев Иван [Степанович – 2-й] (1839 г. р.), кантонист 46-го флотского экипажа, убит 20 августа; Конев Иван [Поликарпович] (1822 г. р.), матрос 46-го флотского экипажа, убит 24 августа; Костоломов Александр Леонтьевич (1821 г. р.), казак Камчатской казачьей команды, убит 24 августа; Селиванов Иван [Николаевич] (1823 г. р.), казак Камчатской казачьей команды, убит 24 августа; Юшин Роман Васильевич (1811 г. р.), отставной матрос, убит 24 августа [6, с. 491–492].

В 1855 г. гарнизон Петропавловского порта в полном составе был переведен в Николаевск-на-Амуре и 47-й Камчатский экипаж был переформирован в 27-й Амурский экипаж Сибирской флотилии.

Как известно, общее поражение в Крымской войне 1853–1856 гг., несмотря на героическое сражение на Камчатке (1854) и Амуре (1855), привело к трагическим для страны геополитическим процессам. Боясь военного отторжения русских территорий на севере американского континента, Русская Америка была переуступлена Северным Соединенным Штатам Америки за «смешные» деньги в один миллион двести тысяч долларов. А в 1875 г. русский флаг был спущен и на открытых и освоенных камчатскими казаками Курильских островах, в результате чего Россия лишилась выхода в Тихий океан.

Камчатка была полностью демилитаризована. Здесь оставалась только небольшая казачья команда. И японцы, используя тот факт, что часть жителей Курильских островов, являясь

формально с 1875 г. подданными японского императора, самовольно в период с 1875 по 1878 г. переселилась на Камчатку и жила в селениях на юго-западе полуострова. Под видом возвращения своих подданных в лоно Страны восходящего солнца приняли решение высадить на Камчатке десант, состоящий из 150 отставных унтер-офицеров, и «мирным путем», без «вмешательства регулярной армии», отторгнуть от России баснословно богатый рыбой п-ов Камчатка. Японцы провели предварительную разведку, которая показала, что Камчатка совершенно беспомощна в военном отношении против агрессии, а сулящий по факту проигрыш Российской империи в Русско-японской войне позволит Японии получить в бессрочное пользование рыбные ресурсы Камчатки в качестве военного трофея.

Японцы не учли главного – патриотического настроения жителей Камчатки, которые организовали народное ополчение и пресекли любые попытки японцев высадиться и закрепиться на камчатской земле. Было организовано несколько народных дружин на восточном и западном побережьях Камчатки, в состав которых вошли жители практически всех населенных пунктов полуострова.

Первый бой с японцами в устье р. Большой вошел в историю Русско-японской войны как показательный: отряд камчатских казаков и коренных камчадалов под руководством отставного пятидесятника Александра Максимовича Селиванова на легких речных суденышках (батах) атаковал японские шхуны с древним казачьим волжским кличем «сарынь на кичку» [7]. Общий итог – уничтожено 40 шхун и, по разным оценкам, убито от 300 до 700 человек [8].

Отмечу также, что участником этих боев был донской казак Нагорный, представленный к награждению Георгиевским крестом, который по какой-то причине не был вручен герою. Пользуясь предоставленной возможностью, сообщаем о нем: «Донской казак [Михаил Трофимович] Нагорный. 25–30 лет от роду. Приехал на Камчатку в качестве приказчика на рыбные промыслы» [9]. Нагорный командовал Облуковинской дружиной народного ополчения в бассейнах рр. Облуковиной, Колпаковой, Ичи. 8 июня 1904 г. его отряд уничтожил шхуну с японской командой (13 человек), затем 16 июля здесь же уничтожены еще четыре шхуны и убито более 50 японцев, а в ночь с 26 на 27 июля его отряд уничтожил на р. Колпаковой экипажи девяти японских шхун (более 200 человек) [10].

И так в течение лета-осени 1904–1905 гг. продолжалось по всему побережью п-ва Камчатка, на нерестовые реки которого совершались нападения «хищнических шхун».

Советские историки, выдвинув концепцию о позорном и полном поражении царской России в Русско-японской войне, выкинули из российской истории победный камчатский эпизод как нарушающий эту стройную идеологическую концепцию. И только сегодня мы восстанавливали истинную картину событий и, главное, обнародовали имена участников этих событий. И что мы выяснили – героями Русско-японской войны, имена которых мы назвали ниже, были, как правило, дети и внуки героев обороны Петропавловского порта 1854 г.

Список казаков –

Георгиевских кавалеров, награжденных за участие в обороне Камчатки:

Волынкин (Валынкин) Николай Николаевич (4-й степени № 171296);

Конев Николай Никитич (4-й степени № 171302);

Копылов Прохор (4-й степени № 171280);

Крупенин Павел Васильевич (4-й степени № 171301);

Пинезин Василий Николаевич (4-й степени № 171279);

Пенизин Николай Николаевич (4-й степени № 171285);

Помаскин Алексей Геронтьевич (4-й степени № 171298);

Помаскин (Помазкин) Николай (4-й степени № 171292);

Селиванов Александр Максимович (3-й степени № 14816);

Селиванов Иван Ильич 2-й (4-й степени № 169565);

Селиванов Николай Ильич 4-й (№ 171303) и 3-й степеней (№ 8608);

Селиванов Павел Максимович (4-й степени № 169562);

Толстихин Петр Иннокентьевич (4-й степени № 171307);

Черных Александр Николаевич (4-й степени № 171281);

Черных Алексей Алексеевич (4-й (№ 169563) и 3-й (№ 8609) степеней);

Чудинов Иосиф Ипатович (4-й степени № 171288);

Юшин Павел Иосифович (4-й степени № 171290);

Юшин Моисей Иосифович (4-й степени № 171294).

А еще через 40 лет новые потомки героев обороны (внуки и правнуки камчатских ополченцев) 18 августа 1945 г. приняли участие в десантной операции по освобождению Курильских островов от японских милитаристов.

3 сентября 1945 г. приказом Верховного Главнокомандующего генералиссимуса Иосифа Виссарионовича Сталина этот день был объявлен Днем победы над Японией. Но со времен правления Н. С. Хрущева, пожелавшего одарить Японию группой южнокурильских островов в обмен на мирный договор, День победы над Японией выпал из официального исторического календаря побед России и восстановлен только 24 июня 2023 г.

Безусловно, это величайшая историческая несправедливость, когда в силу каких-то конъюнктурных политических интересов принимается решение об отказе от героического прошлого своей страны, но тот факт, что мы возвратили историческую справедливость и вернули военную победу в нашу отечественную историю, говорит о том, что мы вновь стали патриотами.

В сентябре 2024 г. Россия отмечает 170-летие победы над англо-французской эскадрой при обороне Петропавловского порта (1854) во время Крымской войны 1853–1856 гг. и 120-летие разгрома японцев на Камчатке в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. Это – наша общая, всех народов России, благодарность героям, защищавшим дальневосточные рубежи своего Отечества.

1. Вахрин С. И. Камчатка – Россия – Мир. Петропавловская оборона 1854 г. Книга памяти. Петропавловск-Камчатский : Дальпресс, 2022. Ч. II. 268 с.
2. Сергеев М. А. Оборона Петропавловска-на-Камчатке: [из эпохи Крымской войны 1854–1855 гг.]. М. ; Л. : Военмориздат, 1940. 73 с.
3. АВПРИ [Архив внешней политики Российской империи]. Ф. Второй департамент. Оп. 255. Д. 359. Л. 7–12об.
4. Защитники Отечества. Героическая оборона Петропавловска-Камчатского в 1854 г. : сб. офиц. док., воспоминаний, ст. и писем / [сост. Б. П. Полевой]. Петропавловск-Камчатский : Дальневост. кн. изд-во, Камч. отд-ние, 1989. 270 с.

5. *Вахрин С. И.* Дело об убийстве Володимера Атласова. Камчатская Сибириада : [в 3-х кн.]. Петропавловск-Камчатский : Камчатпресс, 2021–2023.
6. *Гаврилов С. В.* Список защитников Петропавловского порта, погибших и умерших от ран в 1854 г. // Краеведческие записки. Петропавловск-Камчатский, 2019. Вып. 15. С. 469–494.
7. РГИА ДВ [Российский государственный исторический архив Дальнего Востока]. Ф. 702. Оп. 1. Д. 481. Л. 118–124.
8. Там же. Ф. 702. Оп. 1. Д. 220.
9. *Семенов В. И.* Оборона Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 годов // Норд-Ост. Люди. Природа. История. Петропавловск-Камчатский, 1985. С. 77–93.
10. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 481. Л. 122–123.

О МОРСКОЙ СЛУЖБЕ КАМЧАТСКИХ КАЗАКОВ ДУРЫНИНЫХ

Рассмотрена роль представителей тобольского служилого рода казаков Дурыниных в освоении Камчатки, их участие в морских экспедициях, служба в экипажных ротах. По материалам архивных документов.

Ключевые слова: история Дальнего Востока; Камчатка, п-ов; генеалогия; родословные; Дурынины; казаки.

Первым из тобольского казачьего рода Дурыниных на Камчатке оказался Яков Корнилов сын Дурынин. В якутской имянной окладной книге 1706 г. указано, что рядовой пеший казак девятой пятидесятни «Яков Корнилов с. Дурыниных на Камчатке от иноземцов убит» [14, с. 93]. Яков Корнилов сын Дурынин погиб в 1703 г. в бою с нижекамчатскими камчадалами при попытке отряда анадырского казака Андрея Кутына поставить будущий Нижнекамчатский острог [3, с. 274].

Основателем же камчатской казачьей династии Дурыниных явился троюродный брат Якова Корнилова сына Дурынина, уроженец Tobольска, якутский рядовой пеший казак тринадцатой пятидесятни Никита Прокопьев сын Дурынин [14, с. 96], упомянутый в знаменитой книге Степана Петровича Крашенинникова «Описание Земли Камчатки» как глава карательного похода 1713 г. русских служилых людей и их союзников камчадалов против «авачинских иноземцов», открыто противостоящих власти русских камчатских прикащиков и подлю убивших казаков во главе с атаманом Данилой Анцыферовым [7, с. 756]. Никита Прокопьев сын Дурынин оставил после себя шестерых сыновей – Никиту, Луку, Семена, Григория, Алексея и Лаврентия [8, л. 107–107об., 108об.]. Его сыновья – Лука, Семен и Григорий в 1739–1742 гг. поочередно участвовали в качестве сопровождающих и толмачей в экспедиции по Камчатке С. П. Крашенинникова [там же, с. 588, 611, 629, 630, 633].

Старший сын Никиты Прокопьева сына Дурынина казак Никита Никитин сын Дурынин в должности квартирмейстера участвовал в 1766–1770 гг. в секретной экспедиции П. К. Креницына и М. Д. Левашова к берегам Русской Америки. Он был одним из 13 (по сведениям А. И. Алексеева) чудом уцелевших членов команды во время крушения галиота «Святой Павел» 9 января 1767 г. на скалах у седьмого Курильского острова [1, с. 68]. За матросов на галиоте были исключительно камчатские казаки.

Судно с оторванными якорями, изорванными парусами и поломанными реями в зимних условиях полтора месяца носило по океану и, наконец, шквальным ветром и быстрым течением выбросило на каменные утесы неизвестного берега. К этому времени из 46 членов экипажа четверо уже умерли от болезней, один утонул, сбитый волной с палубы. Галиот менее чем за четверть часа полностью разбило, и все, что на нем было, потонуло. 14 человек (по сведениям И. В. Глушанкова), в том числе Никита Никитин сын Дурынин, спаслись вплавь, остальные 27 человек (по сведениям И. В. Глушанкова) погибли. На острове не было ни жилья, ни леса, кроме «малого сланцу или кедровнику», все покрыто было глубоким снегом. Оставшиеся в живых члены команды встретили на острове случайно оказавшихся и зазимовавших курильцев, жителей соседнего острова, которые приняли моряков в свои земляные юрты и немного помогли продовольствием. Полмесяца члены команды питались двумя сумами провианта, найденными при крушении судна; а после – выброшенным на берег китом, место нахождения которого показали курильцы; затем морской капустой и дягильным корнем, «коего у них было немного запасено». В апреле кита уже не стало, начали собирать на побережье ракушки, изредка удавалось убить тюленя или бобра. В конце мая вместе с курильцами переехали на второй остров, где было много рыбы, это основательно помогло в питании. Семь месяцев находилась команда галиота на Курильских островах, и только в конце августа 1767 г. на байдарках местных жителей она возвратилась на Камчатку [5, с. 73–76].

То, что за квартирмейстера и за матросов на галиоте «Святой Павел» были казаки, не вызывает удивления потому, что казаки, в частности камчатские, были всегда привычны к речным и морским переходам, которые они совершали на кочах или шитиках, зачастую построенных ими самими.

Коч – деревянное килевое однопалубное одномачтовое судно, хорошо зарекомендовав-

шее себя при плавании в арктических широтах. Оно было способно пройти и «заберегой», полосой чистой воды вдоль берега, и «голоменью», открытым морем. Незначительная осадка кочей (менее сажени) позволяла использовать их на реках Сибири. При попутном ветре это полярное морское судно шло со скоростью до 200–250 км в сутки. При хождении на коче казаки пользовались компасом, который называли «маткой», и лотом. Делались кочи из «мелкослойного» сухого соснового леса, упругого и гибкого, стойкого при сжатии льдами. В длину судно достигало 18–19 м, а в ширину – 4–4,5 м, поднимало до 2 тыс. пудов груза. Для управления судном достаточно было 10–15 человек. Кроме экипажа коч мог перевозить от 30 до 50 человек пассажиров. Для рыбной ловли, поездок на берег, стаскивания с мели на палубе коча имелось два карбаса или лодки-набойницы. Ходили кочи под большим холщовым парусом 13 м в высоту и 8–8,5 м в ширину. Парусом управляли при помощи такелаж (дрогов, вожжей, буглинь и др.) В носовой части при помощи вант укреплялась высокая мачта – щегла, а на корме имелось рулевое управление, состоящее из сопца (руля) и двух веревок, идущих от концов дуги руля к большому «колесу с железными веретенами» – штурвалу. В оснащение коча входило несколько железных якорей и якорные канаты (шеймы). На палубе в кормовой части помещалась «казенка» – каюта. Экипаж размещался под палубой, в отсеках – «заборницах». Крупным недостатком коча являлось отсутствие оснащения, позволявшего плавать при встречном ветре. При «противном» ветре приходилось отстаиваться в бухте, ожидая хорошей погоды. При этом терялось драгоценное в условиях Арктики время. В крайне ограниченных размерах могла быть использована сила бокового ветра [2, с. 45–48].

На таких кочах ходили в своих походах по рекам и морям известные казаки-первопроходцы – Иван Юрьев сын Москвитин, Михаил Васильев сын Стадухин, Семен Иванов сын Дежнев и многие другие. Кстати, Семен Иванов сын Дежнев на таком коче в 1648 г. открыл Берингов пролив, пройдя впервые в истории через него из Чукотского моря в Берингово. Однако уже в XVIII в. на Северо-Востоке строились и морские суда. Для первой экспедиции В. И. Беринга в 1728 г. в Нижнекамчатске был построен бот «Святой Гавриил», а для экспедиции казачьего головы Афанасия Федотова сына Шестакова

в 1729 г. в Охотске были построены большой бот «Восточный Гавриил» и малый бот «Лев». В 1766 г. в Охотске для экспедиции П. К. Креницына и М. Д. Левашова были построены бригантина «Святая Екатерина» и гукор «Святой Павел». Но на построенные суда нужно было где-то набирать матросов. Военное руководство на местах решало эту проблему просто – за матросов ставили казаков. Подобная практика на Камчатке продолжалась до 9 ноября 1803 г., когда в Камчатском гарнизонном батальоне, кроме пяти сухопутных рот, учредили одну морскую роту – Петропавловскую экипажную роту [4, с. 505–506].

9 апреля 1812 г. Александр I утвердил «Новое положение о Камчатке», разработанное особым комитетом под председательством Сибирского генерал-губернатора И. Б. Пестеля. Упразднялся Камчатский гарнизонный батальон, а вместо него создавалась флотская экипажная рота из ста двадцати двух человек, располагавшаяся в Петропавловской гавани, и казачья команда из пятидесяти пяти казаков.

В Камчатскую экипажную роту в дальнейшем переводили и казаков Камчатской казачьей команды, и детей бывших матросов из казаков. Так, внук вышеуказанного Никиты Никитина сына Дурынина, казак Камчатской казачьей команды Сидор Васильев сын Дурынин (1781–1835) в 1818 г. стал кузнецом Камчатской экипажной роты [13], в дальнейшем служил кузнецом в унтер-офицерском чине в Охотске. Его родственник Гавриил Тимофеев сын Дурынин (1801 г. р.) в 1817 г. поступил на службу казаком в Камчатскую казачью команду, а в 1819 г. был определен матросом 2-й статьи в Камчатскую экипажную роту, в 1828 г. был повышен в чине до матроса 1-й статьи, а в 1842 г. переименован плотником 2-го класса [10, Л. 765 об.–766]. Подобные послужные метаморфозы произошли со многими представителями старых камчатских казачьих родов. Таким образом, в 1845 г. в Камчатской экипажной роте оказались младший госпитальный писарь в унтер-офицерском чине Пантелей Наумов сын Дурынин (1801 г. р.) [там же, л. 708 об.–709], его сын канонир 2-й статьи Клим Пантелеев сын Дурынин (1823 г. р.) [там же, л. 757 об.–758.] и канонир 2-й статьи Андрей Васильев сын Дурынин (1808 г. р.) [там же, л. 779 об.–780].

В 1850 г. Камчатская экипажная рота была преобразована в 46-й флотский экипаж. В том же году в Петропавловском порту моряками 46-го флотского экипажа числились: матрос

Стефан Гаврилов сын Дурынин (1830 г. р.), адмиралтейский (скорее всего канонир) Андрей Васильев сын Дурынин (1808 г. р.) и отставные Василий Андреев сын Дурынин (1779 г. р.), Гавриил Григорьев сын Дурынин (1796 г. р.) и Пантелей Наумов сын Дурынин (1801 г. р.) [4, с. 694–696].

Также в 1850 г. в Петропавловске была учреждена школа кантонистов. По завершении обучения кантонисты строевого отделения, достигшие восемнадцатилетнего возраста, определялись рядовыми в 46-й флотский экипаж или другие воинские команды. Кантонисты нестроевого отделения отправлялись на службу писарями, подшкиперами, баталерами и ремесленными мастерами с «награждением унтер-офицерским чином». Те же из них, кто не выдерживал испытаний, выпускались из школы рядовыми в нестроевые команды [там же, с. 714]. В том же 1850 г. кантонистами морского ведомства в Петропавловске числились Гавриил Пантелеев сын Дурынин (1835 г. р.), Павел Пантелеев сын Дурынин (1841 г. р.), Федор Иванов сын Дурынин (1837 г. р.), Иван Иванов сын Дурынин (1830 г. р.), Иннокентий Гавриилов сын Дурынин (1838 г. р.) [там же, с. 919].

Из послужных списков 47-го (бывшего 46-го) флотского экипажа 1855 г. известно, что сын указанного выше плотника 2-го класса Гавриила Тимофеева сына Дурынина Степан Гавриилов сын Дурынин в 1845 г. поступил в Камчатскую экипажную роту матросом 2-й статьи, в 1849 г. был переведен в матросы 1-й статьи, а в 1850 г. – в рулевые. В 1846 и 1847 гг. он ходил в плавание на транспортном боте «Камчадал», а с 1848 г. – на тендере «Камчадал» [11, л. 99об.–100]. В 1858 г. Степан Гавриилов сын Дурынин служил на тендере «Камчадал» уже в чине квартирмейстера. 9 августа 1858 г. в 10 часов вечера на р. Уде при свежем ветре и волнении опрокинулась лодка, на которой он с двумя матросами был послан с тендера «Камчадал» к берегу к футштоку для определения прибыли воды. С тендера была спущена шлюпка со спасательной командой, состоящей из квартирмейстера и трех матросов. Спасательная команда спасла двух матросов, державшихся за опрокинувшуюся лодку, но квартирмейстера Степана Гавриилова сына Дурынина в темноте при всем старании не нашла. Утром следующего дня в 5 часов в результате организованных поисков он был найден утонувшим и выброшенным волной на берег [12, л. 1–6об.].

Вскоре произошла трагедия, повлекшая смерть всей команды тендера «Камчадал». 11 октября того же 1858 г. тендер «Камчадал» снялся с якоря на Николаевском рейде на Амуре и пошел, нагруженный продовольствием, в Удское. Поздней осенью в сложных метеорологических условиях плавания в северной части Амурского лимана он потерпел крушение и был частично затоплен. Вся команда тендера «Камчадал» и пассажиры погибли от переохлаждения [6, с. 107–118].

В послужном списке 47-го флотского экипажа 1855 г. Федора Иванова сына Дурынина указано, что уроженец Камчатской области из солдатских детей Федор Иванов сын Дурынин (1836 г. р.) 1 ноября 1853 г. зачислен на службу в 46-й флотский экипаж матросом 2-й статьи, а 1 января 1855 г. переведен «в 1-ю статью». Там же записано, что Федор Иванов сын Дурынин в 1853 и 1854 гг. служил на корвете «Оливуца». Следовательно, он участвовал в походе корвета «Оливуца» в 1853 г. в Гонолулу. 26 мая 1854 г. корвет «Оливуца» вернулся в Петропавловск из заграничного плавания, и его команда приняла активное участие в сооружении укреплений Петропавловского порта на случай возможного нападения англо-французского флота. 27 июня 1854 г. корвет «Оливуца» вышел из Петропавловска в зал. Де-Кастри для соединения с эскадрой адмирала Е. В. Путятина. В том же послужном списке Федора Иванова сына Дурынина записано: «в 1855 г. на том же корвете [“Оливуца” – Авт.] 8 и 9-го мая сего года был в действительном сражении с судами англо-французской эскадры, состоявшей из 1 фрегата, 1 пароходокорвета и 1 брига в заливе Де-Кастри» [11, л. 237об.–238].

В послужном списке 47-го флотского экипажа 1855 г. Гавриила Пантелеева сына Дурынина указано, что уроженец Камчатской области из солдатских детей Гавриил Пантелеев сын Дурынин (1834 г. р.) 17 ноября 1853 г. «поступил на службу из кантонистов неранжированной роты в штаб командира Петропавловского и камчатских портов писарем 3 класса». 27 ноября 1854 г. Гавриил Пантелеев сын Дурынин за серьезный служебный проступок был наказан 50 ударами розог с понижением в матросы 2-й статьи 47-го флотского экипажа. В том же послужном списке отмечено, что Гавриил Пантелеев сын Дурынин «в 1854 г. был в действительном сражении противу англо-французской эскадры, бомбандировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа». Также там указано,

что в 1855 г. он служил на транспорте «Иртыш» [11, л. 353об.–354]. То есть случилось так, что в 1855 г. на транспорте «Иртыш» встретились два родственника, ведь на данном транспорте нес службу сын указанного выше бывшего казака Камчатской казачьей команды, отставного кузнеца Камчатской экипажной роты Сидора Васильева сына Дурынина подпоручик Корпуса флотских штурманов Аникита Сидоров сын Дурынин.

В полном послужном списке «8-го флотского экипажа, Корпуса флотских штурманов, штабс-капитана Аникиты Дурынина», составленном 13 января 1869 г., указано, что Аникита Сидоров сын Дурынин, родившийся 6 августа 1822 г., происходящий из унтер-офицерских детей Петропавловского порта Камчатской области, воспитывался в Охотском штурманском училище. В службу он вступил в Охотскую флотилию учеником 2-го класса 1 апреля 1839 г., а 26 августа 1841 г. он был произведен в 1-й класс. 30 октября 1842 г. Аникита Сидоров сын Дурынин был произведен в кондукторы Корпуса флотских штурманов Охотской флотилии.

В этом же послужном списке указано, что в 1845 г. по 28 сентября Аникита Сидоров сын Дурынин служил на транспортном брига «Гижига» под командою мичмана Григорьева в плавании в Охотском море и Восточном океане [9, л. 363об.]. Но 28 сентября 1845 г. – это день гибели транспортного брига «Гижига». Вот что рассказал в своей книге «Летопись крушений и пожаров судов русского флота от начала его по 1854 год» ее автор, Александр Петрович Соколов (1816–1858), о последних часах похода транспорта «Гижига»:

«1845 г. Транспорт Гижига. Командир Мичман А. И. Григорьев (Беринг м.) входя в Авачинскую губу, после полудни, 27 сентября, заштилел, и стал на якорь почти на середине входа, в одной миле на SW 67° от камней Три брата. На глубине 9 ½ саж., грунт песок, канату вытравлено 35 саж. Место, где заштилел совершенно открытое морю, а до Изменной бухты, где есть изрядная якорная стоянка, оставалось до 6 верст; но сильное противное течение, не позволяло идти буксиром или верповаться, тем более, что на транспорте были только две небольшие и тяжелые на ходу шлюпки (4 и 8 весельные), а команда, проведшая последние дни почти без отдыха, совершенно обезсилена.

Окончив работы и отдав приказание уведомлять о всякой перемене погоды, командир спустился в каюту отдохнуть от непрерывна-

го двухсуточного бдения. На вахте оставался, до 7-го часа кондуктор Дурынин, а с 7-го следовало вступить Прапорщику Семчину.

В одиннадцатом часу вечера ветер стал задувать от ОНО, и вскоре засвежел; транспорт подрейфовало. Командир, немедленно вышедший наверх, приказал ставить паруса, чтобы удалиться в море; но едва успели отдать фор-марсель, как за кормою брига, справа и слева, открылись камни. Отойти уже не было никакой возможности, и потому бросили другой якорь, вытравив канатов 65 и 30 сажень (более, по близости камней, нельзя было травить); закрепили паруса; спустили брам-реи и брам-стенги, стали готовить к спуску нижняя реи. Все это делалось с быстротою необыкновенною. Транспорт остановился ненадолго, и вскоре опять подрейфовал, а во втором часу ударился о камень, на рифе Ягодной бухты. С первых ударов руль выскочил и трюм наполнился водою. Гибель была решена! Поручив сохранение журнала Прапорщику Семчину, а денежный сундук кондуктору Дурынину, и приказав квартирмейстеру Яблокову иметь попечение о пассажирах, командир сделал последнее усилие, чтобы облегчить неизбежное крушение: поставил паруса, в надежде заворотить ближе к берегу; но это не помогло: транспорт не трогался с места, и только бился о камни с ужасною силою. Хотели спустить гребные суда – их вырвало и унесло; хотели делать плоты – буруны разрушали все усилия. Вскоре корпус транспорта повалился на левый бок, так что мачты его ушли в воду; при этом, 14 человек были снесены волнами и погибли; в числе их были: Прапорщик Александр Семчин с женою, Лекарь Сигизмунд Станкевич с женою, штурманский ученик Александр Самойлов, 5 женщин, 2 детей, якут и служитель. Сам Григорьев был тоже сброшен буруном за борт; но успел за что-то ухватиться, и с отчаянным усилием выбрался на русленя правого борта. Там собрались и все другие, избежавшие гибели. Ветер ревел, ночь была темная и ненастная, волны ходили через палубу, били о камни и разрушали корпус. Надежды на спасение не было; гибель казалась близкою и неизбежною – страшная гибель!..

Но Провидению было угодно спасти несчастных, испытав их всеми ужасами безнадежного крушения! В 8-м часу утра, бурунами переброшено корпус транспорта через камни и принесло к берегу. Кондуктор Дурынин первым бросился на берег с концом веревки, и при этой помощи, с убывшею при отливе водою, все благополучно

перебрались на берег. Несчастный командир последним оставил развалины своего транспорта – первое судно порученное в его команду – и сойдя на берег, упал от изнеможения» [15, с. 199–202].

Господь сохранил Аникиту Сидорова сына Дурынина от неминуемой гибели еще один раз в 1850 г. В том году с 7 августа по 10 сентября он был в плавании на транспортном бриге «Курил» под командою того же Аполлона Иванова сына Григорьева только уже капитан-лейтенанта. 10 сентября прапорщик Аникита Сидоров сын Дурынин по какой-то причине был переведен на транспорт «Байкал» под командою Корпуса флотских штурманов поручика Кузьмина. А отправленный из Охотска в Петропавловский порт 14 сентября транспортный бриг «Курил» с казенным и частным грузом, а также с пассажирами пропал без вести. Без вести пропали все 42 человека, находившиеся на его борту [там же, с. 242–243].

20 декабря того же 1850 г. за отличие по службе Аникита Сидоров сын Дурынин был произведен в подпоручики Корпуса флотских штурманов. С 18 июня 1853 г. по 18 августа 1854 г. Аникита Сидоров сын Дурынин, исправлял должность помощника начальника Аянского порта и поэтому не участвовал в обороне Петропавловского порта от нападения англо-французской эскадры в августе 1854 г. С 18 февраля по 16 марта 1855 г. он был занят при исправлении нагрузки и вооружении транспорта «Иртыш». В том же послужном списке отмечено, что он «в 1855 г. состоя на транспорте “Иртыш” 8 и 9 мая был в действительном сражении в заливе Де-Кастри с судами англо-французской эскадры, состоявшей из 1-го фрегата, 1-го пароходоковрета и 1-го брига» [9, л. 363об.].

С 29 августа по 26 ноября 1855 г. подпоручик Аникита Сидоров сын Дурынин находился при постройке порохового погреба в Николаевске. 30 ноября 1855 г. он был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени за отличие, усердие и ревность, оказанную при возведении укреплений в Петропавловском порте, снятию оных по случаю оставления и перенесения этого порта к устью р. Амура и за исправление и вооружение судов. 26 августа 1856 г. подпоручик Аникита Сидоров сын Дурынин был награжден бронзовою медалью на Андреевской ленте в память войны 1853–1856 гг. 1-го января 1858 г. он произведен в поручики Корпуса флотских

штурманов, а 6-го августа того же года по распоряжению начальства назначен в упраздненный Охотский порт заведующим по лоции. Четыре года поручик Аникита Сидоров сын Дурынин провел на службе в Охотске, а затем возвратился в Николаевск. С 23 августа 1863 г. он исполнял обязанности смотрителя Дуэского маяка на о. Сахалин. 1 января 1864 г. Аникита Сидоров сын Дурынин произведен в штабс-капитаны Корпуса флотских штурманов. 30 декабря 1864 г. по распоряжению начальства он перемещен в наличие 27-го флотского экипажа в Николаевск. В дальнейшем по ходу своей службы в Николаевске он был членом Портовой комиссии, исправлял должность делопроизводителя при заведующем лоцманской и маячной частями в портах Восточного океана, заведывал хозяйством по этим частям и Константиновским маяком, был ассессором в комиссии Военного суда, учрежденной в портах Восточного океана, следователем при Амурском экипаже. 21 октября 1868 г. штабс-капитан Аникита Сидоров сын Дурынин переведен в 8-й флотский экипаж (г. Санкт-Петербург), а 13 января 1869 г. Высочайшим приказом № 779 он зачислен по Резервному флоту (т. е. вышел в отставку) [9, л. 357–357об., 359об., 360об., 361об., 362об.].

В 1860 г. гидрографической экспедицией подполковника Корпуса флотских штурманов В. М. Бабкина на винтовой шхуне «Восток» мыс, расположенный на северном берегу бух. Юзгоу (нынешнее название – бух. Краковка) Японского моря, был назван в честь штабс-капитана Корпуса флотских штурманов Аникиты Сидорова сына Дурынина м. Дурынина [16, с. 28].

Лично для меня этот м. Дурынина – символ окончания 300-летнего Великого казачьего похода «Встречь Солнцу»! Похода, результатом которого стало то, что наша Родина простирается до Тихого океана. И сегодня здесь, на Камчатке, начинается Россия, именно здесь, на Камчатке, поднимается над Россией Солнце! А еще этот мыс – память о подвигах сибирских казаков, пришедших в этот ранее неведанный край, наперекор природе строивших здесь города и корабли, волею судьбы ставших моряками, погибавших от голода и стихии, но с упорством защищавших интересы Родины на суше и на море!

1. Алексеев А. И. Судьба Русской Америки. Магадан : Кн. изд-во, 1975. 326 с.
2. Белов М. И. Семен Дежнев. М. : Мор. транспорт, 1955. 155 с.

3. *Вахрин С. И.* Дело об убийстве Володимера Атласова. Камчатская Сибириада : [в 3-х кн.]. Петропавловск-Камчатский : Камчатпресс, 2021. Кн. 1. 972 с.
4. *Он же.* Там же. Кн. 3. 996 с.
5. *Глушанков И. В.* Секретная экспедиция : экспедиция Креницына-Левашова, послан. для открытия, исслед. и точ. нанесения на карты наиболее вост. о-вов Алеутской гряды. Магадан : Кн. изд-во, 1972. 182 с.
6. *Конкевич Л. Г.* Летопись крушений и других бедственных случаев военных судов русского флота. СПб. : тип. Мор. м-ва, 1874. 408 с.
7. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки : с прил. рапортов, донесений и др. неопубл. материалов. М.; Л. : изд-во Главсевморпути, 1949. 842 с.
8. РГАДА [Российский государственный архив древних актов]. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194.
9. РГА ВМФ [Российский государственный архив Военно-Морского Флота]. Ф. 406. Оп. 3. Д. 667.
10. Там же. Оп. 5. Д. 515.
11. Там же. Д. 803.
12. Там же. Ф. 909. Оп. 2. Д. 204.
13. РГИА ДВ [Российский государственный исторический архив Дальнего Востока]. Ф. 1009. Оп. 2. Д. 3.
14. Сибирские города. Материалы для их истории XVII–XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М. : тип. М. Г. Волчанинова, 1886. 146 с.
15. *Соколов А. П.* Летопись крушений и пожаров судов русского флота от начала его по 1854 год. СПб. : тип. Имп. акад. наук, 1855. 365 с.
16. *Степанов А. И.* Русский берег. История географических названий. Владивосток : Дальневост. кн. изд-во, 1976. 189 с.

БЛУЖДАЮЩИЙ НИЖНЕКАМЧАТСКИЙ ОСТРОГ.
КАМЧАТКА. 1697–1736 гг.

Из истории Нижнекамчатского острога. Рассмотрено, сколько их было под данным названием, где они располагались, куда переносились, какие исторические события с ними связаны.

Ключевые слова: история освоения Камчатки; остроги; Нижнекамчатский острог; казаки; Атласов В.

Открывая туристические странички Интернета об истории освоения Камчатки, мы сегодня часто находим там примерно такую информацию: *«Нижнекамчатский острог был основан впервые в 1697 г. В. В. Атласовым. Он нашел место у устья реки Еловка, что впадает в р. Камчатка, и поставил тут несколько деревянных сооружений. Через несколько лет зимовье перенесли ближе к подножию Горелой сопки (Ключевской вулкан), в 1706 г. огородили его частоколом. Через семь лет по инициативе приказчика Ивана Енисейского острог опять переехал ниже по реке. На этот раз тут построили бревенчатые стены с башней. В пяти километрах воздвигли церковь Николая Чудотворца, первую на Камчатке. Вокруг стали селиться люди. В исторической литературе основание острога относят к 1713 г., т. е. к моменту построения башни и церкви»* [1, с. 1], и далее речь идет не понятно о каком остроге, ведь к 1713 г. Нижний камчатский острог уже существовал.

Сжато, скудно и совершенно не привлекательно для туриста и просто оскорбительно для российских землепроходцев и коренных жителей полуострова. Ведь на самом деле именно здесь, под Ключевским вулканом, на главной камчатской реке, в 1697 г. 55 российских казаков под руководством атамана Владимира Атласова, пешком проделав по суше тяжелейший путь из Анадыря, заложили зимовье и установили большой православный крест, ознаменовав этим присоединение Камчатки к России.

С этого, сначала маленького, Нижнекамчатского зимовья в устье р. Еловки, затем Нижнекамчатского острога, началось системное освоение Камчатки, началось распространение православия среди коренного населения, именно здесь была построена первая церковь на Камчатке, здесь в 1711 г. был убит камчатский Ермак, Владимир Атласов. Здесь, в Нижнекамчатском (Камчатском) остроге, командой Витуса Беринга был построен первый на Камчатке корабль, бот «Святой Гавриил». Отсюда в 1728 г. Первая Камчатская экспедиция

Беринга отправилась к берегам неизвестной Америки. Здесь в 1731 г. произошло самое масштабное на Камчатке восстание аборигенов, в результате которого острог был сожжен, церковь разграблена. Этот бунт охватил практически всю Камчатку [14, с. 17–18]. Здесь, у подножья самого высокого действующего вулкана Евразии, Ключевской сопки, монахи пустыни Ивана Козыревского впервые на Камчатке начали выращивать овощи, сеять овес и ячмень. Впоследствии это место стало называться «село Ключи». В этих местах в составе Второй Камчатской экспедиции Витуса Беринга с 1738 по 1741 г. работал будущий академик РАН С. П. Крашенинников, создавая свой исторический труд «Описание земли Камчатки».

Все эти события, насыщенные драматизмом и трагическими исходами, были связаны с немалым самопожертвованием и отвагой многих российских первопроходцев, священников, ученых и простых казаков. Забывать о них не должно ни одно поколение российских граждан.

Но так сложилась историческая обстановка, что многие документы, подтверждающие и описывающие детали этих событий, были потеряны или забыты на громадных полках различных мировых архивов. Поэтому мы до сих пор не нашли однозначного ответа на вопросы: в каком точно месте Атласов установил свой знаменитый крест; где находились первые в долине р. Камчатки зимовья и остроги казаков. Самым острым является вопрос о Нижнекамчатском остроге. Сколько их было под этим названием, где они располагались, куда переносились, какие исторические события связаны с ними, в каком из них был убит Атласов, в каком остроге останавливался Беринг, где строился бот «Святой Гавриил», в каком произошло восстание ительменов, какой острог был сожжен и вновь возродился, но уже существенно ниже с. Ключи, где конкретно была построена первая церковь на Камчатке, кто первым из

язычников принял крещение от архимандрита Мартиниана, какую дату нужно считать днем основания с. Ключи?

Все архивные материалы однозначно указывают на то, что в период с 1697 по 1731 г. в районе нынешнего поселка Ключи было несколько русских казачьих зимовий и острогов с почти одним названием «нижнее зимовье, Нижний камчатский, Нижнекамчадальский, Нижний, Нижнекамчатский острог». Вопрос только в том, где конкретно они располагались и к какому из них относилась информация, изложенная в письмах, донесениях и публикациях первооткрывателей Камчатки: Атласова, Козыревского, Енисейского, Колесова, членов экспедиции Беринга, Крашенинникова и других исследователей. В этой статье мы постараемся найти предварительные, возможные ответы на эти вопросы. Для более точных ответов необходимо провести в районе Ключей археологические исследования на участках расположения предполагаемых нами ительменских стоянок и русских острогов XVIII в.

Первые рекогносцировочные работы по выявлению таких участков были проведены авторами статьи на инициативной основе в период с 2018 по 2022 г. Большую помощь в этих работах оказывали местные жители пос. Ключи: Г. Я. Теплицкий, А. В. Ушаков, В. П. Ханзунтин, С. А. Кужанкуй, А. Аристархов, А. В. Сельев. Для более корректного изложения исторических сведений там, где возможно, мы будем приводить ссылки на оригиналы доступных нам сегодня источников. Среди источников – две забытые книги: «Памятники сибирской истории XVIII века» (кн. 1–2), в которых в хронологическом порядке приводятся оригинальные акты документов тех времен: указы, грамоты, отписки, докладные [2, с. 1–551; 4, с. 1–541].

Согласно показаниям казаков, с 1700 по 1704 г. в Камчатские остроги ходили в основном по суше на собаках и оленях, переваливая через Срединный хребет: «Иванъ Шамаевъ въ допросъ сказалъ: въ прошломъ де въ 700 году посыланъ онъ Иванъ въ Камчадальской острогъ для ясачного сбора съ прикащикомъ Тимофеемъ Кобелевымъ. И шли они съ Анадыря до Пенжины на оленяхъ и на собакахъ, и подъявъ на Пенжинъ въ моръ суды, и шли подлѣ Камчацкой Носъ моремъ въ судахъ до пустаго острога; и тѣми де судами море не пропустило. И отъ того де острогу кодили они на оленныхъ на неясачныхъ Корахъ, и погромили оленей, и на тѣхъ оленяхъ поднялись черезъ хребты на

Камчатку... Михайло Насѣткинъ въ допросъ сказалъ: въ прошломъ де 702 году посыланъ былъ онъ Михайло въ Камчадалской острогъ съ прикащикомъ Михайломъ Многогрѣшнымъ, для ясачного сбора. И шли де они изъ Анадырскаго до Пенжинскаго острогу на оленяхъ и на собакахъ, и на Пенжинъ подъявъ суды карбасы, выплыли въ Пенжинское устье, и взяли у ясачныхъ Корякъ байдары, и въ тѣхъ байдарахъ пошли они моремъ на Камчатку; и дошедъ до Лъсной рѣки заосеновали, и осенью, подъявъ нарты и лыжи, пришли на Камчатку, и съ Камчатки де они ходили внизъ по Камчаткѣ въ походъ на немирныхъ камчатскихъ мужиковъ. И противъ Камчатскаго де устья значитъ островъ... (здесь явно говорится о р. Камчатка – Авт.)... Да его де Михайла съ служилыми людьми, въ пятидесяти человекъ, посылалъ съ Камчатки прикащикъ Василей Колесовъ въ Курильскую землю на немирныхъ людей. И они де шли въ ту землю на собакахъ, и провѣдывали отъ Курильскаго острогу далѣ въ Носъ земли, и отъ того де мѣста далѣ земли въ Носъ нѣтъ, пришло море, только видѣть въ моръ за ... Алексѣй Поротовъ въ допросъ сказалъ: въ прошломъ 704 году, послалъ его Алексѣя съ Иваномъ Томскимъ изъ Анадырскаго острогу прикащикъ Евфимъ Петровъ въ Камчадалскіе остроги съ присланными изъ Якутца указными памятьми къ прикащику Василью Колесову. И онъ де Алексѣй съ товарищемъ шли съ Анадыря до Пенжины и съ Пенжины до Камчатки горою на оленяхъ и на собакахъ 4 мѣсяца, и отдалъ тѣ указные памяти Василью Колесову въ цѣлости» [4, с. 501–502, акт 118].

В прошении в Сенат синодальной области камчадальской Успенской пустыни строителя иеромонаха Игнатия Козыревского написано: «...А в 702-м де и в 703-м годах для оберегательства построил он две крепости, да в 711-м году на Большой реке построил же крепость, к которой и имеется ныне морским судам пристань...» [22, с. 1, док. № 50]. Отсюда можно сделать вывод, что крепости, т. е. небольшие остроги (и один из них точно Нижнекамчатский) были заложены в период с 1702 по 1703 г. А к 1714 г. вблизи Большерецкого острога был построен морской причал.

А в 1704 г. Колесов был послан в «Камчадальские остроги». «Да около нижнего зимовья, что на Камчатке ж на Ключах (скорее всего в оригинале было написано «на ключах». – Авт.) построил козельчатой же острог мерою кругом тридцать сажень, в вышину полтретей ж

сажени... Из-за отсутствия смены Василий Колесов вынужден был задержаться на Камчатке до весны 1706 г.» [5, с. 133–134]. По факту же в 1706 г. его отряд сопровождал казну, но на них напали коряки с юкагирами и олюторцы. Колесов вынужден был вернуться. Потом ему все-таки удастся пробиться в Анадырь, но без казны. И только в 1714 г., уже вместе с Иваном Енисейским, они предпринимают вторую попытку по доставке многолетней казны в Анадырь по суше. Но и эта попытка закончилась трагически, огромная сборная казна была разграблена, а оба приказчика были убиты зимой 1715 г. под Акланском [14, с. 9].

Таким образом, в 1704 г. на ключах существовало нижнее зимовье и рядом был построен новый небольшой козельчатый острог. Вероятно, начал его строить Козыревский, а завершил Колесов. Но на каких ключах? По левому берегу Камчатки или по правому?

«Скаска» трех камчатских казаков о камчатских термальных источниках и Ключевской сопке, записанная в Якутске в декабре 1707 г., получила в Сибири в начале XVIII в. относительно широкую известность. Ее неоднократно копировали в Якутске.

В той же «скаска» 1707 г. казаки рассказывали: *«На Камчатке де реке по правую сторону идучи вниз той реки против Нижнего острогу на ключах от того острогу в верстах в трех (здесь явно пропущена еще одна тройка или ноль, так как от устья Еловки до вершины вулкана не менее 35 км, а от с. Ключи – 32 км. – Авт.) и больше на высокой горе на верху горит огонь всегда, летом и зимою и донныне непрестанно...» [5, с. 132]. Казаки пишут «против острога», это указывает, что они наблюдали извержение скорее всего с левого берега Камчатки, возможно, со склона Заречного или от устья Еловки. Вид оттуда на вулкан прямой, он как на ладони. Если же смотреть с правого берега, то еще нужно поискать место, где он будет открыт, а чтобы увидеть его вершину, смотреть уже нужно выше горизонта. Эти соображения указывают на то, что первые зимовья и небольшой острог с 1697 по 1704 г., были все-таки на левом берегу Камчатки.*

Согласно Крашенинникову и другим донесениям, Атласов был арестован заговорщиками в декабре 1707 г., сбежал в Нижний острог и был там убит в январе 1711 г. [6, с. 201, 203, 206]. Он сидел три года в Нижнем и ничего не делал? Это непохоже на Атласова. Явно он в этот период укреплял острог и, возможно, занимаясь охотой, искал для него новое место, так как это

подтапливалось. Кроме того, он явно посылал тревожные сообщения в Анадырь и Якутск, которые либо не дошли, либо до сих пор лежат в чьих-то архивах.

20 июля 1709 г. Петр Чириков, пробиваясь через олюторские засады к р. Камчатке, пишет в Якутск: *«...Олюторские иноземцы ... посланного из Якутска в Камчадалские зимовья на болюшую реку прикащика, сына боярского Ивана Панютина, убили... и после того говорили. До Камчатки де вас сухим путем и морем не допустим, то де и в уме не держите, чтобы быть на Камчатке...»*. И далее Чириков добавляет: *«А впредь в Камчадалские остроги без анадырских жителей, с одними посланными из Якутского служилыми людьми идти никоими мерами не возможно...» [2, с. 410, 411, акт 94].*

Из этого следует, что в 1709 г. Камчадалские зимовья еще существовали, но при этом уже были поставлены Камчадалские остроги. Более того, зимовья существовали и в 1714 г., о чем свидетельствует акт 15: *«...У Ивана Енисейского сбору его 714 году 67 сороковъ 22 соболя..., Верхняго и Нижняго зимовей картаной и костеной и огненной свѣтъ откупныхъ 16 бобровъ морскихъ,. И всего сборной великаго государя казны у обоихъ прикащиковъ, у Василья Колесова, у Ивана Енисейского, 141 сорокъ 1 соболя, 751 лисица красныхъ, 10 лисицъ сиво-дуца-тыхъ, 137 бобровъ морскихъ, 11 пластинъ лисьихъ красныхъ, 2 выдры, а золота и денегъ вышеписанное жъ число...» [4, с. 45–46, акт 15].*

В 1713 г. из Москвы приходит «Наказъ капитану Петру Татаринову о завѣдываніи Камчадалскими и Анадырскимъ острогами». Вот его содержание: *«1713, февраля въ 17 день, по указу великаго государя и по приказу губернатора князя Матвея Петровича Гагарина, его губернаторского шквадрун капитану Петру Иванову сыну Татаринову ѣхать изъ Тоболска въ Камчадалскіе остроги... Ему жъ капитану сдѣлать на Камчаткѣ церкви Божіи и привлечь иноземцовъ ко христіанской вѣрѣ, указу великаго государя, съ великимъ прилежаніемъ въ православную христіанскую вѣру и крестить, и за крещеніе давать государево жалованье, какъ можно, по своему разсмотрѣнію, смотря по человѣку... Такожъ смотрѣть того накрѣпко и домогаться, чтобъ сдѣлать ходъ моремъ съ Камчатки на Ламу...» [2, с. 508–509, акт 118].*

В 1712 г. 10 сентября в Нижнекамчатский острог прибывает второй раз приказчиком Василий Колесов [2, с. 529, акт 123] и сталкивается с грабежом казны Константином Кыргызовым.

«И сошел де онъ Константин съ товарищи своими съ поромовъ на берег и были де они въ часовне, а изъ часовни де пошелъ онъ Константин съ товарищи въ дом заикацику Федору Ярыгину...», т. е. в это время была только часовня, а церковь только планировалась. Попом в это время был Иван Петров [2, с. 535]. Зафиксируем факт, что указание о строительстве церквей было дано только в 1712–1713 гг. А до этого часовни и пустынь (1715 г.) на ключах строились на частные пожертвования и по частной инициативе Ивана Козыревского. Кроме того, Петр I уже требовал сведений о возможности строительства судна на Камчатке. Поэтому здесь обязательно нужно отметить тот факт, что уже в 1719 г., а может и раньше, приказчики докладывали о такой возможности и собирались уже сами строить суда на Камчатке-реке: «...а на судовое строение лѣсу по Камчаткѣ рѣкѣ довольно, толко надобно приложить радѣніе. А въ прошломъ 719 году выронено лѣсу и къ рѣкѣ вытаскано на рѣкѣ Камчаткѣ на одно судно мѣра длина 10 сажень, а дѣлать еще не начинали и упруговъ нѣтъ. Посемъ, господинъ Иванъ Васильевичъ, прошу, чтобъ сего лѣта отправить изъ Якуцка какого дворянина въ Камчадалскую страну начальнѣйшимъ хотя по послѣднему пути, а мореходы говорятъ, что и съ Воздвиженьева дни можно на море итти» [4, с. 270, акт 65]. И вот уже Козыревский в своих пометках к чертежам пишет: «...И с прошлаго 719 году состоялась быть морского пути с Ламы чрез море на Большой реке судовая пристань» [6, с. 259], т. е. путь морем из Охотска на Камчатку был открыт в период с 1716 по 1719 г. [23, с. 20–23].

В связи же с предстоящей Первой экспедицией Беринга здесь требуется заметить, что для строительства судна нужен был сухой плотный лес. Значит, необходимо было несколько лет вымачивать листовенницу, затем сушить ее способом особой укладки бревен, затем построить что-то типа верфи и только после этого закладывать морское судно. То есть за несколько лет до прибытия Беринга в Нижний острог лес уже готовился и «верфь» строилась? Вероятно, поэтому ему и удалось в 1728 г. так быстро (за два месяца) построить бот.

Но вернемся к хронологии. Согласно отписок Осипа Липина (Миронова) и Алексея Пещеры [2, с. 474–475, акт 111] и докладной Ивана Таринова [там же, с. 484–486, акт 111], Чириков с Липиным перевезли всю огромную камчатскую казну (ясак) за 1707–1711 гг. в Нижний

Камчадалский острог и разместили в амбарах под охрану. Согласно Указу, они должны были отправить ее через Тигиль, затем Пенжинским морем в Якутск с отрядом под командой Петра Чирикова, но выполнить это не смогли. Они оба вынуждены были вернуться в Верхний острог, где Данила Анциферов учинил бунт. 29 января 1711 г. на подъезде к Верхнему острогу заговорщики перехватили приказчиков и убили Осипа Липина. Петр Чириков был взят в заложники и зверски убит 20 марта 1711 г. в Верхнем остроге [там же, с. 477, акт 111]. Затем они устремились в Нижний острог и 1 февраля 1711 г. убили там Атласова [там же, с. 482, акт 111], но амбары они не тронули, забрали лишь вещи Атласова и, осознав всю тяжесть содеянного, пришли с повинной к приказчику Верхнего острога Алексею Пещере.

В связи с этими событиями на Камчатку срочно отправляют нового приказчика. Им вторично становится Василий Колесов. Он, прибыв в Нижний острог осенью 1712 г., начинает разбирательства об убийствах, а главное, срочно ищет возможный путь доставки уже 6-летней казны в Якутск. В этот период ему было не до строительства новых острогов и церквей. Главным было выполнить Указ Петра I, доставить казну в Якутск, иначе – казнь. В помощь ему в 1713 г. отправляют опытного Ивана Енисейского. Чем закончились эти две командировки мы уже описали выше. Насколько ценна была эта казна, можно судить лишь по одному известному факту: в те времена стоимость только одной шкурки морского бобра (калана) достигала на рынке стоимости 4–6 лошадей.

Здесь необходимо уточнить, что Иван Енисейский прибывает на Камчатку уже в 5-й раз. Согласно акту 102 [там же, с. 432–436], Енисейский ходил на Камчатку сначала с Михайло Черкашениным и Лукой Морозко в Корякию (1694–1697 гг.). Затем на р. Камчатку проводником и толмачом с Атласовым (1697–1700 гг.), затем в 1700 г. с Тимофеем Кобелевым. В этом походе на р. Палане встретили они Потапа Серюкова с казной, которого потом коряки убили и казну забрали. Пришлось тех коряков боем разбить и казну забрать. В этом бою Енисейский был сильно ранен. А как пришли на Камчатку (каким путем?), то в верховье поставили острог и зимовье (где?). При возвращении, на пути в Анадырь, его к себе выпросил у Кобелева ехавший к нему на смену приказчиком Василий Колесов (первый раз 1704–1707). Иван вновь вернулся на Камчатку и опять в качестве проводника и толмача.

Это уже был 1704 г. Он довел отряд Колесова до Камчатского острога и был отправлен на Пенжинское море для сбора ясака, с которым в 1707 г. вернулся в Якутск, где был поверстан в десятники и назначен в 1708 г. приказчиком на Колыму (Кавыму), где успешно собирал ясак с чукчей. За этот труд он был пожалован в дворяне.

Далее, в связи с крайне напряженной обстановкой на Камчатке, в помощь Колесову в 1713 г. туда вновь отправляют Енисейского. Таким образом, он в пятый раз попадает на Камчатку, но уже приказчиком, и, в соответствии с Указом, они вместе с Колесовым достраивают Никольскую церковь, первую на Камчатке. Крашенинников же пишет: в «1713 году в Августе месяце приехал на смену Колесову дворянин Иван Енисейской, которой в бытность свою, кроме правления всяких дел и ясачного збору, заложил на ключах церковь, с тем намерением, чтоб со временем Нижнему Камчатскому острогу быть на оном месте, что и впоследствии, ибо казаки не в долгом времени переселились на новое, а прежнее место неспособно было к строению потому, что около онаго болота, и что оно водою понимается... И стоял Нижней Камчатской острог на том месте до главного в 1731 году учинившагося Камчатскаго бунта; а во время бунта сожжен купно с церковью и со всем строением...» [6, с. 215].

И чуть иначе: в «1713 году в августе месяце на смену прикащику Колесову приехал дворянин Иван Енисейской; в бытность его заложена церковь на ключах пониже немного Нижнего острога, которой заведен был от Андрея Кутыина (скорее от Черкашенина в 1704 г. – Авт.); от того времени стали помалу строится Нижнего острога жители на ключах, оставя старой острог...» [10, с. 756]. Но, основываясь на докладной Колесова от июня 1713 г. [2, с. 550], следует отметить, что Крашенинников здесь слегка ошибся, утверждая, что церковь и острог на Ключах заложил Енисейский, а не Колесов.

Итак, выяснилось, что в 1713 г. на правом берегу Камчатки, недалеко друг от друга, одновременно продолжали существовать два Нижних острога, один – Кутыина-Черкашенина, другой – Колесова, а также строилась Никольская церковь, к которой стали перебираться жители от старого (первого. – Авт.) острога Черкашенина и планировался перенос острога Колесова ближе к церкви. Назовем этот запланированный, но еще не перенесенный острог, острогом Колесова-Енисейского. Вероятно, этот 1713 г. и нужно считать днем основания с. Ключи.

Ведь на Руси так и было заведено: деревня селом становилась только тогда, когда в ней церковь закладывали.

В результате кропотливой работы с архивными материалами В. Е. Быкасов приходит к следующему выводу: «...в первой трети XVIII века на участке между устьем Еловки и нынешними Ключами поочередно возникали и затем одновременно стояли три русских поселения, которые в обыденном смысле воспринимались за единое целое. И что только этим можно объяснить отсутствие должной однозначности в определении места нахождения собственно Нижнекамчатского острога» [3, с. 162].

К такому же выводу приходит и Г. Я. Теплицкий в своей публикации на сайте «Камчадалы.ру». «...Нижнекамчатск на ключах не сгорел до тла. Под общим названием Нижнекамчатск было три поселения. О чем писал В. Беринг...», в том числе остатки первых двух нижних острогов. Здесь остается лишь уточнить, что всего в районе современных Ключей в период с 1697 по 1731 г. русских поселений было уже 7: два нижних зимовья и острог на левом берегу (20 домов); и на правом берегу два острога с похожими названиями: Нижний, Нижнекамчадальский, Нижнекамчатский (50–60 дворов); а ниже – Никольская Церковь (15–20 дворов); еще ниже – Успенская Пустынь Ивана Козыревского (3 двора, часовня и амбары) [8, с. 259–260; 10, с. 756; 13, с. 15, 17; 14, с. 10; 17, с. 63]. Для подчеркивания важности этого острога и убедительности добавим еще такой известный факт: в 1726 г. в Охотском остроге было всего 11 домов, а в Нижнекамчатском – уже 40, и это без церкви и пустыни Козыревского [15, с. 247].

Вот как описывается эта ситуация в исторических документах: «...из дальнейшей биографии И. П. Козыревского известно, что с 1714 г. в течение двух лет он был временным управляющим на Камчатке и много сделал для упрочения русской власти на этом отдаленном полуострове. Кстати, в 1715 г. был уже собран ясак с первых двух курильских островов. Тогда же он построил на реке Камчатке Успенскую пустынь [8, с. 256]. «В прошлом 717 г. по обещанию я, монах, на пустом месте вновь трудами и коштом своим со своими дворовыми и погромными людьми ради прибежища ко спасению безпомощным и старым, и дряхлым, и раненым служилым людям, которые не имеют нигде главы подклонить, и желал оной пустыне в Камчадальской землице быть монастырем и божий церкви во имя пресвятыя богородицы» [7, с. 1; 8, с. 260].

Оригиналы текстов, нанесенные Козыревским на свой чертеж полуострова (с севера на юг), читаются так: «По нижнему течению реки Камчатки, ниже устья Еловки, по левому берегу р. Камчатки: Нижней Камчадальской острог. По правому берегу, ниже по течению: Церковь. Еще ниже: Часовня и кельи, мое строение сначала». Недалеко от этих текстов: «Горит горелая сопка. Камень. У подлинного чертежа подписано тако: К сему чертежу Камчадальской новостроенной пустыни строитель монах Игнатий Козыревский руку приложил» [7, с. 2, док. 30].

А вот в другом издании текст уже другой: «По нижнему течению реки Камчатки. Ниже устья Еловки, по правому берегу реки Камчатки: “Нижней Камчадальской острог”. Ниже по течению, по той же стороне: “церковь”. Еще ниже: “часовня и кельи, мое строение с начала”. Недалеко от этих текстов: “Горит горелая сопка камень”» [8, с. 261]. Тут либо неверная редакция текста в связи с новыми данными, либо это исправления самого Козыревского, но уже на копии первого чертежа, который он редактировал в 1720–1726 гг., когда острог уже был действительно перенесен на правый берег. Именно эту копию он передал Берингу в 1726 г. [там же, с. 257, 10, прил., с. 782; 12, с. 137–139].

Завершая свою статью, В. Е. Быкасов отмечает: «И все же высказанные мною представления о местах расположения всех охарактеризованных поселений имеют предположительный характер. И это во многом объясняется тем, что современную гидрографическую сеть характеризуемой местности не так-то просто увязать с историческими данными. Как потому, что сами эти данные не очень точны, а, порой, и попросту противоречивы, так и потому, что за триста лет эта самая гидрография наверняка, и, не исключено – существенно, поменялась» [3, с. 162].

Отсюда следует, что для определения местоположения острогов, необходимо:

1) восстановить гидрографию района поисков;

2) искать не один острог, а все русские поселения, располагавшиеся в начале XVIII в. на правом берегу р. Камчатки в районе от оз. Ключевского до пос. Ключи.

Исследования будут продолжены, мы постараемся описать и восстановить историческую гидрографию района, определить места, где могли располагаться эти поселения, кем строились, в связи с чем и куда перемещались и в какое время.

1. Нижнекамчатск – Нижнекамчатский острог : [статья] // URL: <https://kamchatkaland.ru/note/nizhnekamchatsk> (дата обращения: 04.09.2024).
2. Памятники Сибирской истории XVIII века / [ред. А. И. Тимофеев]. СПб. : тип. М-ва внутр. дел, 1882. Кн. 1: 1700–1713 гг. 551 с.
3. Быкасов В. Е. Нижнекамчатский острог // Отчизны верные сыны : материалы XXXII Крашенинник. чтений. Петропавловск-Камчатский, 2015. С. 155–164.
4. Памятники сибирской истории XVIII века / [ред. А. И. Тимофеев]. СПб. : тип. М-ва внутр. дел, 1885. Кн. 2: 1713–1724 гг. 541 с.
5. Полевой Б. П. Новое об открытии Камчатки: [в 2-х ч.]. Петропавловск-Камчатский : Камч. печат. двор, 1997. Ч. 2. 202 с.
6. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. СПб. : Наука; Петропавловск-Камчатский : Камчат, 1994. Т. 2. 319 с.
7. ЦГАДА [Центральный государственный архив древних актов]. Ф. 199. Д. 533, № 8. Л. 6.Об.–11.
8. Колумбы земли русской : сб. док. описаний об открытиях и изучении Сибири, Дальнего Востока и Севера в XVII–XVIII в. / [сост. К. В. Цеханская ; ред. А. И. Алексеев]. Хабаровск : кн. изд-во, 1989. 460 с.
9. Крашенинников С. П. Там же. Т. 1. 438 с.
10. Он же. Описание земли Камчатки : с прил. рапортов, донесений и др. неопубл. материалов. М. ; Л. : изд-во Главсевморпути, 1949. 842 с.
11. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. : сб. док. / [сост. Т. С. Федорова и др.]. М. : Наука, 1984. 320 с.
12. Черевко К. Е. Игнатий Козыревский – автор «Описания Апонского государства» // Проблемы Дальнего Востока. 1975. № 2. С. 137–142.
13. Сгибнев А. С. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке // Морской сборник. 1869. № 4. С. 65–142.
14. Зуев А. С. Русские остроги на крайнем Северо-Востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII века. Приказчики камчатских острогов в 1700–1730 годы // URL: <https://zaimka.ru/zuev-aborigines-app2-3/?ysclid=m0vmvsswsu143818830> (дата обращения: 10.09.2024).

15. *Словцов П. А.* Историческое обозрение Сибири. СПб. : тип. И. Н. Скороходова, 1886. Кн. 1: с 1585 по 1742 г. 326 с.
16. *Он же.* Там же. Кн. 2: с 1742 по 1823 г. 364 с.
17. Памятники сибирской истории XVIII века / [ред. А. И. Тимофеев]. СПб. : тип. М-ва внутр. дел, 1882–1885. Кн. 1–2.
18. *Слюнин Н. В.* Охотско-Камчатский край: естественно-историческое описание. СПб. : тип. А. С. Суворина, 1900. Т. 1. 690 с.
19. Тексты «Чертежа Камчадальского Носу и морским островам», составленного И. П. Козыревским (1726 г., июня 2–6) // URL: https://drevlit.ru/docs/world/XVIII/1700-720/Issl_russ_tich_ok_XVIII_perv_pol/21-40/30.php (дата обращения: 10.09.2024).
20. Экспедиция Беринга : сб. док. / подгот. А. Покровский. М. : ГАУ НКВД СССР, 1941. 420 с.
21. *Покровский И. М.* Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы. Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования. Казань : Центр. тип., 1913. Т. 2. 892 с.
22. «Скаска» пятидесятника Владимира Атласова от 10 февраля 1701 г. // Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в. : сб. арх. материалов. URL : https://drevlit.ru/docs/russia/XVIII/1700-1720/Kolonialn_politika_kamcatka/index.php?ysclid=m0vonq7meb510225162 (дата обращения: 10.09.2024).
23. *Миллер Г. Ф.* Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю, с российской стороны учиненных // Беринг В. Камчатские экспедиции. М., 2012. С. 1–27.

К ЧЕЛЮСКИНЦАМ НА КАМЧАТКУ. ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ЛЕТЧИК АЛЕКСЕЙ ИВАНОВ

Из биографии Алексея Яковлевича Иванова, летчика Дальневосточного управления Гражданского воздушного флота. Он первым проложил авиатрассу по маршруту Хабаровск – Камчатка, принимал участие в операции по спасению членов экспедиции на пароходе «Челюскин» (1934).

Ключевые слова: история авиации; летчики; Иванов А. Я.; Камчатка, п-ов.

Дальневосточная гражданская авиация создана трудом многих людей – проектировщиков трасс, техников, пилотов, служащих аэродромов и посадочных площадок. Первой воздушной линией Дальнего Востока стала трасса из Хабаровска на Сахалин, охватывающая несколько населенных пунктов. Среди тех, кто работал на ней, был Алексей Яковлевич Иванов – летчик, проложивший дорогу по воздуху из Хабаровска на Камчатку.

Алексей Яковлевич родился в 1895 г., с 1918 г. числился в рядах Рабоче-Крестьянской Красной армии. В 1920 г. Иванов поступил на службу в 11-й авиационный отряд истребителей, базировавшийся в Петрограде. В 1931 г. он получил орден Красного Знамени, четыре года спустя – орден Ленина (в связи с десятилетием установления советской власти на Северном Сахалине) [8, с. 48].

В 1932 г. Иванов приехал в Хабаровск работать в Дальневосточном управлении Гражданского воздушного флота [13, с. 2] и уже к 1933 г. налетал на Дальнем Востоке 250 тыс. км. Он был командиром первого гидросамолета «Savoia S55P» с бортовым номером СССР-Л997. В характеристике от 18 августа 1934 г. Алексей Яковлевич представлен как «систематически перевыполняющий планы» пилот, ударник и член коммунистической партии [5, с. 1].

В марте-апреле 1934 г. в Арктике проводилась операция по спасению участников экспедиции на пароходе «Челюскин», который затонул, будучи раздавлен льдами. Советские пилоты сняли 104 человека со льдины и переправили их на материк, откуда они были вывезены судами сначала на Камчатку, а затем доставлены во Владивосток.

28 мая 1934 г. в порт Петропавловска-Камчатского вошли пароходы «Смоленск» и «Красин» с челюскинцами на борту. Горожане устроили им торжественную встречу [2, с. 1]. Два дня спустя Иванову поручили вылететь из Хабаровска в Петропавловск, чтобы забрать со «Смоленска» кинокадры и другие материалы похода «Челюскина».

Судя по данным источников, 30 мая на самолете «Savoia Л-997» Алексей Иванов со штурманом Следом к полудню прибыли в Александровск-Сахалинский, где осуществили посадку при густом тумане, «руководствуясь приборами и опытом прежних многочисленных полетов сюда». На следующий день экипаж вылетел на полуостров, проведя в пути 5 часов 25 минут над сплошной облачностью [10, с. 1].

31 мая в полдень Иванов и Следь прибыли на Камчатку. Как писал корреспондент «Тихоокеанской звезды», «пилот совершил рекордный перелет, впервые пересек Сахалин и Охотское море прямым курсом на Большерецк» [там же]. Здесь Алексей Яковлевич поздравил Молокова и Каманина с «великолепной работой по спасению челюскинцев».

1 июня Иванов, взяв на борт специального корреспондента газеты «Правда» на ледоколе «Красин» Изакова, пересек Охотское море в обратном направлении и приземлился в Александровске, где задержался на день из-за тумана. 2 июня Л-997 вылетел с Сахалина и в 9 часов утра благополучно вернулся в Хабаровск. Мобильность Иванова поспособствовала тому, что корреспондент «Правды» Изаков с материалами похода «Челюскина» оказался в Москве уже 5 июня [11, с. 1].

Первым летчиком, совершившим регулярный рейс на Камчатку, был Александр Демченко, осуществивший перелет из Владивостока в Петропавловск в сентябре 1933 г. [12, с. 2]. Алексей Иванов стал первым летчиком, проложившим воздушную трассу по маршруту Хабаровск – Камчатка.

Поскольку личное дело Алексея Яковлевича Иванова пока не обнаружено, его трудовую деятельность на Дальнем Востоке можно определить только фрагментарно. Так, известно, что 14 июля 1934 г. он сумел предотвратить столкновение двух воздушных судов. Заходя на посадку в Николаевске-на-Амуре, командир звена Павлов на Ш-2 не сделал выжидательный круг и пытался опередить «Савойю» Иванова. Благо-

даря бдительности и быстрой реакции последнего катастрофы удалось избежать [4, с. 1].

В 1934 г. деятельность экипажа Алексея Иванова, в состав которого вошли бортмеханик Стыченко и моторист Черненко, получила высокую оценку от жителей Охи. Они написали в газету заметку под названием «Работать так, как работает экипаж Л-997», в которой выразили свое восхищение «ежедневной связью». Охинцы были довольны тем, что авиаторы привозят почту в город вовремя. С 26 июня по 15 июля «Савойя» перевезла из Охи 49 пассажиров, 703 кг багажа, 136 кг почты и 243 кг прочего груза [9, с. 1].

В преддверии Дня авиации президиум Сахалинского областного исполнительного комитета, желая поощрить отличившихся на сахалинских трассах пилотов, принял решение принять их на «постоянное снабжение» (что именно это означало, в источнике не уточняется), организовать их питание в аэропортах Александровска и Охи, оборудовать комнаты отдыха и наградить почетными грамотами Обл-исполкома. В число награждаемых вошел и экипаж Алексея Иванова [3, л. 389].

4 сентября 1934 г. Иванов с тремя членами экипажа и девятью пассажирами попал в авиакатастрофу. Во время промежуточной посадки на дозаправку у промысла Тирха в зал. Ольга Savoia Иванова наскочила на бревно. Пилоту удалось выбраться на берег, но самолет списали, поскольку он получил серьезные повреждения [8, с. 48]. Из девяти пассажиров, находившихся на борту, погибли двое. Расследовавшая происшествие комиссия установила, что пилот нарушил § 68 Наставления по летной службе: не проверил наличие горючего в баках, из-за чего ему понадобилась дозаправка на гидроплощадке с засоренной акваторией [6].

Летом 1935 г. Алексей Иванов ушел из Гражданского воздушного флота в автодорожный институт. К тому моменту он проработал в авиации 20 лет, из них 18 лет – летчиком. Подытоживая свой опыт, Иванов отметил, что в воздухе в общей сложности он провел 4 тыс. часов, преодолев 573 тыс. км.

Скорее всего, Алексей Яковлевич покинул авиацию из-за двух аварий, произошедших за короткий промежуток времени, по тем же причинам Дальний Восток покинул пилот Илья Мазурук [7, с. 39]. В заметке для «Тихоокеанского авиаработника» Иванов сделал выводы из своих ошибок и предостерегал коллег:

«...У меня было много ошибок в летной практике. Взять хотя бы последние два случая: катастрофа и авария. Они говорят за то, что летчику нужно работать над собой повседневно, до последнего полета. У меня же вина в данном случае налицо.

Катастрофа в бухте Ольга. Если бы я вовремя остановил себя и напомнил бы командованию, что лететь в бухту, где нет никакого обслуживания со стороны нашей системы, на таком самолете как С-55 нельзя, я бы в бухту Ольга не садился и никакой катастрофы не было бы.

Авария на Ш-2. Здесь видно прямое мое нарушение дисциплины не только летной, а и общей. Я много взял на себя, не выполнив прямого указания вышестоящего начальника. Полетел на розыски, но на это у меня не было разрешения. Думал сделать лучше, оказалось, как всегда в таких случаях бывает, получилось хуже. Сама посадка на зеркальную поверхность сделана не со всей серьезностью, слишком был уверен в себе, переоценил свой опыт.

Если летный состав хочет работать в авиации долго и быть в тех кадрах летного состава, которыми гордится советская авиация, перед которой трепещут наши враги, нужно работать над собой в каждом своем полете. Не нужно бояться самокритики, подчас критикуя самого себя, признавая свои ошибки, и давать возможность этим самым предупреждать себя и своих товарищей. Надо делиться своим опытом со всем летным составом, как иногда делился я своим опытом. Изживите в своей среде такие поведения, когда летчик занимается чванством, обособленностью, как делают некоторые из нас, воображая, что мы знаем все.

Теперь несколько слов хочу сказать об организациях, с которыми мы непосредственно связаны, которые нами руководят. Это отдел эксплуатации. Надо прямо сказать, к великому сожалению, у нас в ДВТУ мы, летный состав, не видим никакой работы с нами, а также командирами линейных аэропортов. Все пока что носит стихийный порядок, каждый летчик в рейсе предоставлен сам себе, каждый порт переваривается в собственном соку. Нет четкого, конкретного руководства и ясности в получаемых нами заданиях.

Сплошь и рядом при аварии не найти налицо виновного, за исключением летчика. Этому некуда деваться. Сколько было аварий в 1935 г., и виноваты только пилоты. Частично это верно, но неужели в управлении так хорошо по-

ставлено дело, что оно всегда в стороне? Я думаю, что не так, если посмотреть, то можно найти много вины в самой организации работ.

В отношении инженерного состава отрядов, я считаю, что летному составу нужно ближе, теснее жить с ними. Только при совместной работе можно будет подойти вплотную к устранению всех недостатков ухода за материальной частью.

Возьмем пример: новая материальная часть С-55, впервые прибывшая в Советский Союз из Италии, нами осваивалась вслепую, людьми, которые не видели самого производства и эксплуатации за границей. Главный инженер управления Филиппович был за границей как председатель приемочной комиссии чуть ли не в течение года, а помочь нам ни в чем не помог. Он должен был оправдать свою поездку. Составить научный материал об эксплуатации и им лично на практике нами руководить. Но с его стороны это сделано не было, и поэтому нам приходилось перевариваться в собственном соку и учиться на новой материальной части, подчас в ущерб таковой.

Таких примеров плохой связи летного состава

с инженерами отрядов и управления немало. Эта обособленность должна быть уничтожена. Теория и практика неразрывны.

Товарищи члены партии, летно-подъемный, технический состав и весь коллектив ДВТУ. Прощаясь с вами, я уверен, что вы справитесь с аварийностью на вашем участке работ и одержите большие производственные победы, ибо решающей силой являемся мы сами, ибо главную роль в изжитии аварий играем мы. Будем дисциплинированы сами и призовем других к тому же» [1, с. 4].

По сведениям К. А. Пронякина, в 1940 г. Иванов вышел на пенсию. Уже через год его мирная жизнь прервалась: во время Великой Отечественной войны Алексей Яковлевич служил в 65-м авиационном Краснознаменном полку особого назначения ГУ ВВС ВМФ [8, с. 48]. К сожалению, его биографию после окончания войны прояснить не удалось, и это может стать предметом дальнейших исследований историков. Дело А. Я. Иванова живет до сих пор: рейсы по маршруту Хабаровск – Елизово (Камчатский край) совершаются регулярно.

1. Быть идеалом дисциплины // Тихоокеанский авиаработник. 1935. 1 авг.
2. Встреча героев Арктики // Тихоокеанская звезда. 1934. 30 мая.
3. ГИА СО [Государственный исторический архив Сахалинской области]. Ф. 53. Оп. 1. Д. 32.
4. За дисциплину в воздухе // Тихоокеанский авиаработник. 1934. 25 июля.
5. Знатные люди // Там же. 1934. 18 авг.
6. Катастрофа Savoia S.55 Дальневосточного управления ГВФ в бухте Ольга // Авиационные происшествия, инциденты и авиакатастрофы в СССР и России. URL: <https://airdisaster.ru/database.php?id=3250> (дата обращения: 11.09.2024).
7. Лукоянова М. А. «Лучший летчик острова»: трудовая биография пилота Ильи Мазурука на Сахалине // Вестник Сахалинского музея. Южно-Сахалинск, 2022. № 1 (38). С. 33–40.
8. Пронякин К. А. Первые летчики на Дальнем Востоке России: влетевшие в историю : справочник. 196 биографий. Хабаровск : Медиа-Мост, 2019. 158 с.
9. Работать так, как работает экипаж Л-997 // Тихоокеанский авиаработник. 1934. 1 авг.
10. Рекордный перелет // Тихоокеанская звезда. 1934. 1 июня.
11. Рекордный перелет // Тихоокеанский авиаработник. 1934. 10 июня.
12. «Савойя 55» в Александровске // Советский Сахалин. 1933. 29 сент.
13. Факты побед // Тихоокеанский авиаработник. 1935. 7 нояб.

М. Д. МаксUTOва
НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВУ...

Сведения о представителях дворянского рода МаксUTOвых, начиная с 1554 г. Александр и Дмитрий Петровичи МаксUTOвы – герои Петропавловской обороны (1854).

Ключевые слова: генеалогия; история; МаксUTOвы, дворянский род; МаксUTOв А. П.; МаксUTOв Д. П.; Петропавловская оборона.

Род МаксUTOвых берет свое начало от младшего сына хана Золотой Орды – Максуда. По семейному преданию, он спас молодого царя (предположительно Ивана III) на охоте от стаи волков, за что был принят к нему в услужение и за преданную службу пожалован княжеским титулом. Когда семья (частично) приняла православие, то официально обрела дворянство и вошла в список древних татарских княжеских родов России. Герб кн. МаксUTOвых внесен в Гербовник 24 января 1835 г. за № 1076 с надлежащим описанием для Высочайшего утверждения.

**Из дворянского дела [1]
о роде кн. МаксUTOвых (кратко)**

Улан МаксUT, ум. 1554 г., потомок Касимовских царей, Чингизид. Его сын, Араслан. В 1617/23 г. вместе с матерью, и бабкою его, и сестрами верстан 200 четвертями земли (12 лет) в обмен на службу Царскую по достижению им 16 лет. Сын его Адельша, ротмистр. За не крещение по указу за 1713 г. у него были отписаны семь душ крестьян из с. Дмитриевское Верхне-Ломовского уезда. Внук Бек. За не крещение по указу за 1713 г. у него были отписаны 12 душ крестьян из д. Тарасовский Починок Касимовского уезда, семь душ из д. Шуриновка Керенского уезда, 10 душ из с. Дмитриевское Верхне-Ломовского уезда. Внук Сулейман, в крещении Семен. Получил отписанное ранее в казну имение деда. В 1817 г. правнуки Сулеймана/Семена Петр и Иван Ивановичи МаксUTOвы внесены в VI ч. ДРК Рязанской губ. По указам Правительствующего Сената от 8 декабря 1855 г. за № 9117 и от 29 мая 1856 г. за № 3374 род МаксUTOвых внесен в V часть Дворянской родословной книги Пензенской губернии.

Князь Петр Иванович МаксUTOв [2] (14 июня 1790 – 11 октября 1867) был первым и единственным управляющим Пермской удельной конторы, открытой в Перми в 1830 г. и упраздненной в 1858 г. Он был женат на дочери профессора русской истории, будущего ректора Казанского университета И. Ф. Яковкина –

Анне Ильиничне [3] (0.09.1796–08.02.1847), которая скончалась в Перми в 1847 г. [4].

В семье Петра Ивановича МаксUTOва и Анны Ильиничны Яковкиной родилось десятеро детей: Катерина, Павел, Николай, Анна, Александр, Дмитрий, Петр, Егор, Параскева и Владимир.

**Четверо из братьев МаксUTOвых
выбрали военную карьеру.**

Старший, Павел Петрович МаксUTOв (15.04.1825–02.05.1882), родился в Пензе, образование получил в Морском кадетском корпусе [5] в Петербурге. Плавал на кораблях Балтийского и Черноморского флота. Участник Синопского сражения, был флаг-офицером контр-адмирала Ф. М. Новосильского на флагманском линкоре «Париж», участник обороны Севастополя, после затопления Черноморского флота состоял на 4-м бастионе, войдя в состав Севастопольского гарнизона, где был неоднократно ранен и контужен, получил серьезные ожоги ног. Награжден орденами Св. Владимира IV степени с бантом, Св. Анны II с мечами и III степени с бантом, золотой саблей с надписью «За храбрость», дослужился до чина контр-адмирала. Был назначен начальником Бердянского порта с 1863 г. и градоначальником Таганрога с 1876 г. Как и завещал, был похоронен на Севастопольском братском кладбище. Могила сохранилась до наших дней.

В молодом возрасте от холеры скончался второй старший брат, Николай Петрович МаксUTOв [6] (02.02.1829–11.04.1857), коллежский асессор и секретарь III Департамента Сената. Был похоронен в с. Александровское близ Петербурга.

Младший, Егор/Георгий Петрович МаксUTOв [7] (03.06.1836–12.08.1877), окончил Морской кадетский корпус [8], участник обороны крепости Свеаборг близ Хельсинки на Балтийском море 1854–1856 гг. Не выдержав ужасов войны, сошел с ума и окончил свою жизнь в госпитале для душевнобольных в Петербурге. Его брат, Дмитрий Петрович МаксUTOв, был назначен его опекуном [9].

Александр и Дмитрий Петровичи МаксUTOвы также окончили Морской кадетский корпус. Плавали на кораблях Балтийского флота [10].

Александр Петрович МаксUTOв [11] (01.02.1831–10.09.1854), командир 3-й, «Смертельной» батареи из 5 орудий (восстановлена в настоящее время), погиб от ран, полученных в ходе обороны Петропавловского порта, 10 сентября 1854 г. Здесь же был похоронен. Ему было всего 23 года. Посмертно награжден орденом Св. Георгия IV степени. В Морском Кронштадтском соборе Петербурга на 7-й доске выбито: *«24-го Августа 19-го флотского экипажа Лейтенант Князь Александр МаксUTOв 2-й при нападении англо-французских эскадр на Петропавловск тяжело ранен, умер 10-го сентября»*.

Дмитрий Петрович МаксUTOв 1-й [12] (12.05.1832–21.03.1889), герой обороны Петропавловского порта. Командир 2-й батареи со знаменем и донесением о победе на Камчатке был направлен в Петербург к Государю-Императору. Лейтенант Д. П. МаксUTOв при подготовке к обороне города от англо-французской эскадры был снят с фрегата «Оливуца», где проходил службу и назначен генералом В. С. Завойко командиром 2-й береговой батареи. Награжден орденом Св. Владимира IV степени с бантом и орденом Св. Георгия IV степени. Из описания награждения: *«Командуя батареею № 2, из 11 орудий при 127 нижних чинах, подавал пример неустрашимости, в течение 8 часов, в бою 20 Августа 1854 г., при отражении нападения на Петропавловский порт Англо-Французской эскадры, состоявшей из 3 фрегатов с 156 пушками и парохода, вооруженного бомбическими орудиями, причем меткими выстрелами нанес неприятельским судам значительные повреждения»*.

Был назначен капитаном Николаевского порта (на р. Амур), а с 1859 г. – помощником главного правителя Русской Америки (Аляски). 1 января 1866 г. был вызван в Петербург, где произведен в чин капитана 1-го ранга и назначен Правителем Русской Америки, став ее последним правителем. Принимал участие в церемонии передачи русских колоний американцам.

Первая жена Дмитрия Петровича – Аделаида Ивановна Бушман [13] (1835–19.12.1862), дочь профессора английского языка Николаевской военно-морской академии Петербурга, умерла от чахотки, оставив мужу трех малых детей (Анну, 1860, Елену, 1861 и Александра, 1862). По одной из версий причиной смерти была мышь,

которую молодая мать увидела подле своей постели. Получив назначение на Аляску, Дмитрий Петрович ненадолго задержался в Петербурге. 22 января 1864 г. он обвенчался с юной Марией Владимировной Александрович [14] (1844–1881), дочерью бывшего генерал-губернатора Иркутска и атамана Забайкальского казачьего войска Владимира Александровича [15]. Впервые они встретились еще в 1854 г., когда Дмитрий Петрович останавливался в доме генерал-губернатора Иркутска по дороге в Петербург с донесением о Победе. Тогда юной Марии было всего 9 лет.

Молодая и энергичная княгиня Мария Владимировна прибыла в Ново-Архангельск в сопровождении трех старших детей кн. МаксUTOва от первого брака и няни, впоследствии она родила ему еще пятерых детей (Александру, 1865, Владимира, 1866, Дмитрия, 1870, Марию, 1876 и Ольгу, 1877). Продажа РАК стала для нее большим ударом, от которого до конца жизни она так и не смогла оправиться. К тому же по дороге в Петербург в 1868 г. заболел и умер младший сын Владимир. Мария Владимировна умерла в своем имении в возрасте всего 37 лет [16] (ходили слухи о возможном самоубийстве). После смерти родителей заботу о детях взяла на себя старшая из дочерей, Анна Дмитриевна Несслер, супруга молодого военного врача Альбина Адольфовича Несслера, которого назначили опекуном девочек [17].

В 1871 г. Дмитрий Петрович уволился на службу на коммерческих судах, при выходе в отставку был произведен в контр-адмиралы флота. В дальнейшем Дмитрий Петрович участвовал в сомнительных финансовых предприятиях, которые принесли ему полное разорение. Он скончался в Петербурге, в возрасте 56 лет, практически в нищете [18], был похоронен 25 марта 1889 г. на Новодевичьем кладбище [19] в парадном мундире с золотой саблей. Могила контр-адмирала Дмитрия Петровича МаксUTOва до наших дней, к сожалению, не сохранилась.

Петр Петрович МаксUTOв [20] (26.06.1834–30.09.1903) выбрал карьеру горного инженера. Воспитанник Корпуса горных инженеров, действительный статский советник, управляющий Отделением департамента государственных казначейств, чиновник V класса особых поручений Министерства финансов, служил на Олонекских и Уральских заводах. Кавалер орденов Св. Станислава III степени и II с императорской короной, Св. Владимира III степени. Похоронен в своем имении Трофимовка под Пензой. Был дважды женат. Первая жена, Татьяна Дмитри-

евна Раевская (1845–1880), родив ему пятерых детей (Екатерину, Александру, Анну, Дмитрия и Анастасию), умерла от чахотки [21]. Молодая вдова Зинаида Николаевна Риман (урожденная Арандаренко) стала приемной мамой младшим детям князя Максудова. По оставлению службы кн. Максудов был избран почетным мировым судьей в Городищенском уезде.

К сожалению, младшие дети Петра Ивановича Максудова Владимир [22] (12.05.1839–10.08.1839) и Параскева [23] (15.11.1837–12.03.1839) [24] умерли во младенчестве. Вместе с отцом на Мироносецком кладбище была похоронена и средняя дочь Анна (10.07.1827–18.02.1831), умершая в возрасте 4 лет.

Старшая из дочерей, Екатерина Петровна Максудова (17.02.1822–01.04.1897), вышла замуж за горного инженера и директора Горного департамента Владимира Карловича Рашета [25]. В этом браке родилось трое детей: Анна в 1846, Владимир в 1851 и Петр.

Потомки контр-адмирала Павла Петровича Максудова

У Павла Петровича Максудова и Елизаветы Зиновьевны (ур. Талаевой) было четверо детей. Первенец Петр [26] (22.11.1853–04.12.1856), к сожалению, скончался в возрасте 3 лет и был похоронен в Петербурге, при Троицкой церкви с. Александровского (ныне «Кулич и Пасха», там же, где и его дядя Николай) [27].

Старшая его дочь, Ольга Павловна Максудова [28] (12.02.1856–21.10.1905), всюду следовала за отцом. Став сестрой милосердия, она принимала участие и в Крымской, и в Русско-японской войне. Была награждена «за храбрость» серебряной шейной медалью на Георгиевской ленте и медалью на Аннинской ленте «за выдающееся усердие». Ее портрет найден в Иллюстрированной летописи Русско-японской войны [29].

Потомки контр-адмирала Дмитрия Петровича Максудова

Две старшие дочери Дмитрия Петровича от первого брака с Аделаидой Ивановной Бушман, родившиеся в Ново-Архангельске, умерли очень молодыми. Анна Дмитриевна Максудова (11.01.1860–02.05.1887) вышла замуж за молодого врача, Альбина Адольфовича Несслера. После смерти родителей они вместе заботились о ее сестрах. Елена Дмитриевна Максудова (06.08.1861–06.03.1881) стала женой профессора Михаила Юрьевича Ягнъ. Обе княжны были похоронены рядом с отцом на Новодевичьем кладбище.

Старшая из дочерей Дмитрия Петровича и Марии Владимировны – Александра Дмитриевна Максудова [30] (24.06.1865–22.03.1924) сделала блестящую преподавательскую карьеру. Окончила полный курс наук Императорского воспитательного общества благородных девиц (Смольный институт). После прохождения двухгодичного курса наставниц при Александровском институте в 1888 г. была определена классной дамой, а с 1901 г. назначена инспектрисой Николаевского сиротского института. С 1891 по 1900 г. состояла на службе классной дамой в Обществе благородных девиц. Была пожалована серебряной медалью в Память Имп. Александра III на Александровской ленте, вензелевым знаком отличия к 100-летию существования Ведомства Императрицы Марии Федоровны, а также Мариинским знаком отличия беспорочной службы за XXV лет. Александра Дмитриевна посвятила свою жизнь служению. Неоднократно встречалась с Императрицей. С 1903 г. она регулярно исполняла обязанности начальницы Николаевского сиротского института на время ее отсутствия. Была начальницей с 1907 г. Оренбургского им. Николая Первого, а с 1910 г. – Полтавского Николаевского институтов. 31 июля 1914 г. была назначена начальницей Николаевского сиротского института. После выхода на пенсию переехала к двоюродным сестрам в имение дяди, кн. Петра Петровича Максудова, Трофимовку, где и скончалась от удара 22 марта 1924 г. после известий об арестах Максудовых [31] и национализации имущества.

В том же институте [32] воспитывались и младшие дочери Дмитрия Петровича Мария [33] (19.05.1876–19.02.1940) и Ольга (13.06.1877–17.02.1906) Дмитриевны Максудовы. К сожалению, Ольга умерла в молодом возрасте от чахотки. Мария Дмитриевна Максудова стала супругой барона Александра Федоровича Фитингоф-Шель.

Сыновья Дмитрия Петровича Максудова тоже выбрали карьеру морских офицеров.

Александр Дмитриевич Максудов (06.09.1862–11.10.1918) [34] окончил Морской кадетский корпус в 1883 г. Совершил многочисленные научно-исследовательские плавания на Дальнем Востоке. В Японском море в зал. Петра Великого в бух. Троица мыс носит имя Максудова в его честь. Он владел уникальной по тем временам профессией морского водолаза. Вышел в отставку в чине капитана 2-го ранга. В 1913 г. Александр Дмитриевич был назначен начальником Ревельского порта. Пережить революцион-

ные события он не смог... В 1918 г. скончался в Петербурге от сердечного приступа на фоне голодания. Похоронен на Волковском кладбище.

Дмитрий Дмитриевич МаксUTOв 1-й (13.08.1870–30.01.1952) окончил Морской кадетский корпус в 1885 г. Капитан 1-го ранга, служил на кораблях Черноморского флота. Был женат на Елене Павловне Ефремовой (1873–25.10.1954). Венчание состоялось 26 апреля 1895 г. в Николаеве, в Адмиралтейском соборе [35]. У них родилось четверо детей: Дмитрий (1896), Елена (1900), Зинаида (1905) и Константин (1908). В 1896 г., после назначения Дмитрия Дмитриевича в торговый флот, супруги переехали в Одессу.

Революцию он не принял, участвовал в белом движении. В 1919 г. был помощником капитана Добровольного флота на пароходе «Владимир». С 1921 г. – пресс-атташе при Русской миссии в Константинополе. Вместе с младшим сыном Константином (23.11.1908–1988) эмигрировал в Югославию, потом через Париж в Америку, где и поныне проживают его потомки. С 1937 г. проживал в Нью-Йорке, работал на пассажирском флоте, а затем был смотрителем пристани на Гудзоне. Состоял членом Общества бывших русских морских офицеров в Америке с 1949 г.

Его внук, Дмитрий Константинович (1942–2022), последний «американский» князь МаксUTOв, прямой потомок последнего «губернатора Аляски», скончался бездетным в США в августе 2022 г. Его сестра, Татьяна Константиновна Фелл (1946 г. р.), урожденная МаксUTOва, проживающая в США, хранит некоторые вещи деда: личную печать контр-адмирала Дмитрия Петровича МаксUTOва, герб семьи в акварельном рисунке и некоторые письменные документы.

Его старший сын, Дмитрий Дмитриевич МаксUTOв 2-й [36] (11.04.1896–12.08.1964) стал астрономом [37], ученым-оптиком, членом Академии наук СССР, изобрел Менисковый телескоп, известный во всем мире, и фотогастограф. Малая планета и лунный кратер носят его имя. Внук контр-адмирала Дмитрия Петровича МаксUTOва тоже должен был продолжить морскую карьеру своих предков, по случаю чего дедушка вручил ему свою подозрительную трубу. Но Дмитрий-младший трубу разобрал, а из стекол собрал первый домашний телескоп. Уже в младшем возрасте его интерес к исследованию перевешивал все доводы взрослых наставников. Еще школьником самостоятельно построил два телескопа-рефлектора с зеркалами диаме-

тром 180 и 210 мм, с помощью которых вел наблюдения звездного неба. В 15-летнем возрасте был избран членом Русского астрономического общества, отделение которого действовало в Одессе. Дмитрий по традиции поступил учиться в Одесский морской кадетский корпус. По окончании учебы в 1913 г. поступил в Николаевское инженерное училище в Санкт-Петербурге. После полутора лет учебы, в чине подпоручика, прошел 3-месячный курс радиотелеграфии при Офицерской электротехнической школе. В 1915 г. в числе других курсантов был отправлен на Кавказский фронт, где служил начальником конной радиостанции. За отличие в боях был награжден и получил звание поручика инженерных войск.

В 1916 г. добровольцем поступил в Кавказскую школу военных летчиков в Тифлисе, но уже через год, в декабре 1917 г., во время учебного полета его самолет потерпел катастрофу. В результате падения с большой высоты Дмитрий Дмитриевич получил ранение и контузию, был признан инвалидом и комиссован. Он попытался эмигрировать через Сибирь, Маньчжурию и Китай в США, имея целью поступить на работу в Маунт-Вилсоновскую обсерваторию. Но в 1918 г. был арестован, освобожден после установления личности. В 1920 г. Д. Д. МаксUTOв поступил сразу на 3-й курс химического факультета Томского технологического института. Проучившись 8 месяцев, по приглашению директора ГОИ (Государственный оптический институт) Д. С. Рождественского поступил на работу в оптическую мастерскую института под началом А. А. Чикина, но домашние обстоятельства вынудили его уволиться и уехать в Одессу к больной матери, Елене Павловне Ефремовой. Оставаясь в Одессе с 1921 по 1927 г. преподавал в школах физику и математику. В 1927–1930 гг. работал научным сотрудником и заведующим оптической мастерской в Научно-исследовательском институте физики при ОГУ им. И. И. Мечникова. С 1 ноября 1930 г. вновь поступил в ГОИ, где организовал в 1933 г. и возглавил лабораторию астрономической оптики. С 1935 г. – действительный член ГОИ. Был дважды арестован в 1930 и в 1938 гг. Оба раза освобожден «за прекращением дела». В 1941 г. Д. Д. МаксUTOву была присвоена ученая степень доктора технических наук (по совокупности опубликованных работ без защиты диссертации). Во время эвакуации ГОИ из Ленинграда в Йошкар-Олу, Дмитрий Дмитриевич «в дороге» изобрел ме-

нисковую систему, которая сыграла большую роль в развитии оптического приборостроения. (Менисковый телескоп системы Максута – всем известный «школьный» телескоп). В 1944 г. Максуту было присвоено звание профессора. На период с августа 1944 по март 1945 г. был командирован в Академию наук для определения номенклатуры и технических условий разрабатываемых астрономических приборов. В 1946 г. избран членом-корреспондентом АН СССР по Отделению физико-математических наук (астрономическая оптика). С 1952 г. и до конца жизни заведовал отделом астрономического приборостроения Главной астрономической обсерватории АН СССР в Пулково. Был избран депутатом Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся в 1962 г. Лауреат двух Сталинских премий, кавалер орденов Ленина, ордена Знак Почета, награжден медалью «За доблестный труд», получил Большую золотую медаль на ВДНХ и Гран При на Всемирной выставке в Брюсселе. Д. Д. Максutow жил и работал на территории Пулковской обсерватории в Ленинграде, скоропостижно скончался 12 августа 1964 г. Похоронен на Пулковском кладбище. Могила сохранилась до наших дней.

Единственная дочь Дмитрия Дмитриевича 2-го Татьяна Дмитриевна Максutowа (22.06.1924–2014) по профессии математик, преподавала в Университете в должности доцента. Проживала в Ленинграде с матерью Татьяной Семеновной, служащей библиотеки Академии наук. Являясь хранителем семейного наследия Максutowых, Татьяна Дмитриевна дважды в год устраивала обязательные званые вечера для родственников и потомков (в Татьянин день и на Пасху).

Сестра Дмитрия Дмитриевича – Елена Дмитриевна Максutowа (02.04.1900–1974), в браке Александрова, в 1917 г. окончила курс физико-математического отделения Одесского Императорского института Императора Николая I. Много занималась музыкой и в советские годы выступала с концертной деятельностью по классу скрипки. Ее муж, Борис Александров, участник белого движения, в советские годы работал в Одесской обсерватории, занимался исследованиями магнетизма. В 1938 г., спасаясь от арестов, переехал на Урал, но 4 апреля 1938 г. был арестован и вскоре расстрелян. Их младший сын, Дмитрий Борисович Александров (15.09.1930–26.04.2010), во время Великой Отечественной войны в 1944 г. попал в эмиграцию в США, где встретился со своим дедом, Дмитрием Дмитри-

евичем. Он поступил в Свято-Троицкую семинарию, стал священником Зарубежной русской православной церкви, епископом Ирийским Даниилом. Последние годы проживал в г. Ири, в Пенсильвании.

Потомки Петра Петровича Максutowа

Старшие дочери Петра Петровича – Екатерина и Александра Петровны Максutowы [38] (рожд. 12.08.1866 и 16.01.1868) окончили Мариинский институт им. Ея Имп. Величества Екатерины Михайловны в 1883 и 1885 гг., получив звание домашних учительниц. Замуж не выходили. Переехали в Пензенское имение отца Трофимовку, где и проживали до революции.

Средняя дочь, Анна Петровна Максutowа [39] (05.09.1869–1951), вышла замуж за Даниила Дмитриевича Уварова [41]. Брак долго не продлился. Их дочь Екатерина Даниловна Уварова [40], (13.04.1898–25.10.1975) окончила Первую Пензенскую женскую гимназию, и в 1918 г. – восьмой дополнительный педагогический класс. По окончании учебы и работы библиотекарем с 1922 г. перешла на педагогическую работу с глухонемыми детьми в Пензенскую школу глухонемых, с 1927 по 1941 г. работала в Москве в Детском доме глухонемых дошкольников. Во время Великой Отечественной войны Екатерина Даниловна оставалась в Москве, работая в различных учреждениях. В июле 1946 г. переехала в Ленинград, год проработала в детских яслях и Доме ребенка, с 1947 г. служила делопроизводителем Ленинградской духовной академии. С 1971 по 1975 г., до выхода на пенсию, Екатерина Даниловна занимала должность архивариуса Ленинградских духовных академии и семинарии. За ревностные труды была награждена Патриаршей грамотой, подписанной архимандритом Кириллом (ныне – Святейший Патриарх Московский и всея Руси) [41].

Младшая дочь, Анастасия Петровна Максutowа (28.11.1875–1965), оперная певица, преподаватель музыки и сестра милосердия. В 1896 г. окончила педагогические курсы при Патриотическом институте в Петербурге, выступала с концертами, преподавала в музыкальном училище пение, музыку и иностранные языки. В годы Русско-японской и Первой мировой войн Анастасия Петровна работала сестрой милосердия. Ухаживая за ранеными, состояла попечительницей Общины сестер милосердия, принимала деятельное участие в открытии больницы в Пензе. С 1918 по 1919 г. являлась членом правления Союза сестер милосердия, одно-

временно преподавала пение в 39-й советской школе до первого ареста в 1920 г. Арестована с группой лиц по обвинению в принадлежности к монархической организации «Национальный центр». Год провела в лагере принудительных работ на Боголюбском порядке. В 1931 г. вновь арестована (по принадлежности к Пензенскому филиалу Всесоюзной монархической организации «Истинно-православная церковь»), снова год провела в тюрьме в ожидании трехлетней ссылки. По возвращении переехала к сестре Анне в Ленинград. В пожилом возрасте состояла на попечении племянницы Екатерины Даниловны Уваровой.

Единственный сын Петра Петровича, Дмитрий Петрович МаксUTOв 2-й (01.12.1873–08.03.1942), родился в Петербурге, окончил Морской кадетский корпус в звании мичмана. Плавал на судах Балтийского флота (1893–1904). Совершил кругосветное путешествие на борту крейсера «Россия» в 1896 г., вахтенным офицером участвовал в Цусимском сражении в мае 1905 г. на крейсере «Владимир Мономах». Уничтожив три японских эсминца, в ночь с 11 на 12 мая «Владимир Мономах» был подбит миноносцем и затонул в Корейском проливе. Дмитрий Петрович был ранен и попал в плен к японцам. После возвращения из плена в 1906 г. перешел служить в Гвардейский Преображенский полк, прошел в его составе Первую мировую войну в чине полковника. Был ранен, контужен, комиссован в отставку по состоянию здоровья в 1916 г. Военный переворот 1917 г. он встретил в Петербурге. Во время Гражданской войны, передвигаясь на костылях, служил офицером запаса при штабе обороны Петрограда от генерала Юденича. Его первая жена, княжна Полина (Пелагея) Оболенская [42], вместе с дочерью Ольгой [43] (1913–1930) бежали за границу, обосновавшись с Оболенскими и Боткиными в Италии. Дмитрий Петрович эмигрировать наотрез отказался, они разошлись. Повторно он женился в 1920 г. на Вере Ивановне Гильшер [44] (1888–1954), дочери военного инженера полковника Ивана Федоровича Гильшера (1857–1941), который вел строительство оборонительных укреплений Порт-Артура и Ивангородской крепости в Польше. От второго брака у Дмитрия Петровича в возрасте 55 лет родился сын Дмитрий [45], дедушка автора статьи. Через год Дмитрия Петровича арестовали и приговорили к трем годам заключения в СЛОН. После был отправлен в Канск и Туруханск. Его освобождения в 1933 г. удалось добиться через

организацию Политический Красный крест после вмешательства Екатерины Пешковой (жена Максима Горького), к которой по очереди на поклон ходили и тетушки Раевские, и сестры МаксUTOвы, и жена Вера Ивановна. Семья смогла объединиться в г. Кашине, куда Веру Ивановну с сыном выслали из Петербурга. Получив назначение на гидрометеостанцию, Дмитрий Петрович с семьей перебрался в г. Красный Холм. Маленького сына забрали на воспитание Гильшеры, тетя с бабушкой, в Ленинград. Дмитрий Петрович продолжил работать на гидрометеорологической станции в г. Волховстрой, куда они переехали с супругой, чтобы быть поближе к сыну, вплоть до начала войны. При наступлении немцев на Ленинград он лично на автомобиле вывез все архивные документы из-под обстрела (эти документы, метеорологические наблюдения, могли быть использованы при организации Дороги жизни по льду Ладожского озера). Оставшись в окруженном городе во время блокады, до самой смерти от голода и холода (в марте 1942 г.) он продолжал работать...

Дмитрий Дмитриевич МаксUTOв 3-й (14.01.1923–31.05.2020) – инженер-кораблестроитель, почетный полярник, ветеран Великой Отечественной войны. Школу окончил с отличием на год раньше. С детства увлекался кораблестроением, занимался в кружке в Аничковом дворце, мечтал о военной карьере, как его отец, деды и прадеды, хотел служить Отечеству, но по состоянию здоровья, из-за проблем со зрением, не мог поступить на военную службу. Выбрал Кораблестроительный институт. По окончании первого курса в 18 лет, едва сдав экзамены, отправился добровольцем на фронт, в ЛАНО (Ленинградская армия народного ополчения). Прошел всю войну, охранял Дорогу жизни, участвовал в прорыве блокады, воевал на Ораниенбаумском плацдарме, дошел до Польши, был дважды ранен и контужен, награжден орденами Отечественной войны I степени, Красной Звезды, медалями «За Отвагу», «За оборону Ленинграда» и многими другими. После войны вернулся в институт, который окончил с отличием в 1950 г. Женился на своей дальней родственнице, Ариадне Сергеевне Титовой, молодой вдове из семьи белого офицера Титова, усыновил ее сына от первого брака – Митю, отец которого погиб на войне. Работал в Научно-исследовательском институте Арктики и Антарктики, в 1951 г. отправлен в Финляндию, а в 1952 г. – в Голландию наблю-

дать за строительством судов для Советского Союза. В Голландии он руководил строительством судов ледокольного типа: «Лена», «Обь», «Енисей», «Ангара», «Индигоирка» и «Байкал». Родились два сына – Георгий (1952) и Дмитрий (1955). Вернувшись в Ленинград в 1956 г., возглавил экспедицию по испытанию во льдах первого атомного ледокола «Ленин», став главным инженером института. Был начальником 10 Арктических и 6 Антарктических экспедиций, одним из создателей первого в мире опытного ледового бассейна для испытаний прочности судов. Возглавил первый санно-гусеничный поход на Южный Полюс в 1964 г. «Поезд» прошел более 500 км в 50-градусный мороз. В 1968 г. по-

лучил ученую степень кандидата наук, защитив диссертацию. Имеет звания «Почетный Полярник» и «Отличник Гидрометеослужбы». 23 правительственные награды получил дедушка за свою работу, а в 1981 г. стал лауреатом Государственной премии Совета Министров СССР. Более 30 лет проработал в НИИ им. Академика Крылова (с 1987 до 2019 г.) в должности старшего научного сотрудника. Скончался в 2020 г. от коронавирусной инфекции в возрасте 97 лет, похоронен в родовой могиле на Большеохотинском кладбище.

Дедушка прожил длинную, насыщенную, интересную жизнь, вырастив трех сыновей, трех внуков и трех правнуков.

1. РГИА [Российский государственный исторический архив]. Ф. 1343. Оп. 46. Д. 532. Дело о дворянстве князей Максutowых.
2. ГАПК [Государственный архив Пермского края]. Ф. 37. Оп. 1. Д. 68. Л. 40. Метрическая запись о крещении Петра Максutowа.
3. Анна Ильинична Максutowа (20.09.1796–08.02.1847) // Некрополи Перми... и не только. URL: https://permnecropol.ucoz.ru/index/maksutowa_ai/0-147 (дата обращения: 04.09.2024).
4. Голубцов В. В. Пермский некрополь. Пермь : Реал, 2002. 179 с.
5. РГА ВМФ [Российский государственный архив Военно-Морского Флота]. Ф. 432. Оп. 5. Д. 3637. Максutow Павел П.
6. ЦГИА [Центральный государственный исторический архив]. Ф. 19. Оп. 1124. Д. 294. Л. 358. Метрическая запись о смерти Николая Петровича [Максutowа].
7. ГАПК. Ф. 37. Оп. 1. Д. 76. Л. 33. Метрическая запись о крещении Георгия Максutowа.
8. РГА ВМФ. Ф. 432. Оп. 5. Д. 3801. Дело Максutow Георгий П.
9. ЦГИА. Ф. 268. Оп. 1. Д. 7026. Дело об опеке над душевно-больным Г. П. Максutowым.
10. РГА ВМФ. Ф. 432. Оп. 5. Д. 3884. Д. 3887. Максutowы Александр и Дмитрий.
11. ГАПК. Ф. 37. Оп. 1. Д. 34. Л. 40б. Метрическая запись о крещении Александра Максutowа.
12. Там же. Д. 101. Л. 24. Метрическая запись о крещении Дмитрия Максutowа.
13. ЦГИА. Ф. 19. Оп. 124. Д. 793. Л. 619. О венчании кн. Максutowа и А. Бушман.
14. Там же. Д. 899. Л. 100. О венчании кн. Максutowа и М. Александрович.
15. Русская Америка. 1799–1867 : материалы междунар. конф. «К 200-летию образования Российско-американской компании. 1799–1999» / отв. ред. Н. Н. Болховитинов. М. : ИВИ РАН, 1999. 292 с.
16. ЦГИА. Ф. 268. Оп. 2. Д. 355. Об опеке над имуществом кн. М. В. Максutowой.
17. Там же. Д. 354. Об опеке над детьми и имуществом кн. Д. П. Максutowа.
18. Там же. Д. 353. Дело об опеке над имуществом Д. П. Максutowа.
19. Максutow князь Дмитрий Петрович (12.05.1832–21.03.1889), контр-адмирал // Захоронения Георгиевских кавалеров на Новодевичьем кладбище С.-Петербурга. URL: <https://poxoronka.ru/news/1467-zakhoroneniya-georgievskikh-kavalerov-na-novodevichem-kladbishche-s-peterburga> (дата обращения: 04.09.2024).
20. ГАПК. Ф. 37. Оп. 1. Д. 68. Л. 40. Метрическая запись о крещении Петра Максutowа.
21. ЦГИА. Ф. 268. Оп. 2. Д. 352. Дело об опеке над имуществом П. П. Максutowа.
22. ГАПК. Ф. 37. Оп. 1. Д. 93. Л. 40. Л. 174. Метрическая запись о рождении Владимира и его смерти.
23. Там же. Д. 105. Л. 81. Метрическая запись о рождении Параскевы Максutowой.
24. Там же. Д. 93. Л. 150. Метрическая запись о смерти Параскевы [Максutowой].
25. Там же. Д. 174. Л. 88. О венчании кн. Максutowой Екатерины Петровны.
26. ЦГИА. Ф. 19. Оп. 124. Д. 292. Л. 353. Метрическая запись о смерти Павла Максutowа.
27. Захоронения Успенского (Александровского) кладбища (по книге В. И. Саитова) с дополнением из газеты «Новое время» // Санкт-Петербургский Митрофаниевский союз. URL: http://spb-mitrofan-society.org/saitov_uspensk_aleksandrovskoe.php (дата обращения: 01.09.2024).
28. ЦГИА. Ф. 19. Оп. 111. Д. 350. Л. 25. Метрическая запись о крещении Ольги Максutowой.
29. Иллюстрированная летопись Русско-японской войны : (по офиц. данным, сведениям печати и показаниям очевидцев). Вып. 1–21. СПб. : тип. А. С. Суворина, 1904–1905.

30. ЦГИА. Ф. 10. Опись 1. Дело. 5511. Дело Александры МаксUTOвой.
31. Княжна МаксUTOва : [статья] // URL: <https://expenza.ruskontur.com/dvoryane/knyazhna-maksutova/> (дата обращения: 01.09.2024).
32. ЦГИА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 3244. Дело Марии и Ольги МаксUTOвых.
33. ЦГА [Центральный государственный архив]. Ф. 203. Оп. 776. Д. 1137. С. 112. Метрическая запись крещения Марии.
34. ЦГИА. Ф. 19. Оп. 127. Д. 3696. Л. 77. Запись о смерти и погребении Александра МаксUTOва.
35. Там же. Оп. 128. Д. 319. Л. 257. О венчании Д. МаксUTOва в Николаевском Андреевском соборе.
36. Там же. Д. 356. Л. 251. Метрическая запись о крещении Дмитрия МаксUTOва в Николаеве.
37. Известия Главной астрономической обсерватории в Пулкове. СПб., 1963. Т. XXIV, ч. 2.
38. ЦГИА. Ф. 414. Оп. 1. Д. 1575. Личные дела воспитанниц Екатерины и Александры МаксUTOвых.
39. Там же. Ф. 19. Оп. 124. Д. 1057. Л. 122. О крещении Анны Петровны МаксUTOвой.
40. РГИА. Ф. 1349. Оп. 2. Д. 753. Л. 1–8. ФС Даниила Уварова, указаны супруга и дочь Екатерина.
41. Журнал Московской Патриархии. 1976. № 6. URL: <http://www.jmp.ru/a1943/pdf1976/1976-06.pdf> (дата обращения: 06.09.2024).
42. ЦГИА. Ф. 19. Оп. 128. Д. 983. Л. 244. О венчании кн. МаксUTOва и кн. Оболенской.
43. Там же. Д. 1283. Л. 11. Метрическая запись о крещении Ольги МаксUTOвой.
44. ЦГИА. Ф. 19. Оп. Р-6141. Оп. 1. Д. 1875. Л. 176. Актовая запись о браке Гильшер МаксUTOв.
45. Там же. Р-6143. Оп. 3. Д. 1013. Л. 23. Актовая запись о рождении Дмитрия МаксUTOва.

ТРИ ПОКОЛЕНИЯ СЕЛИВАНОВЫХ НА ЗАЩИТЕ КАМЧАТКИ

Об участии представителей камчатской линии рода Селивановых в Петропавловской обороне (1854), событиях периода Русско-японской войны (1904–1905) на Камчатке, Великой Отечественной войне, включая Курильскую десантную операцию (1945).

Ключевые слова: генеалогия; казаки; история Камчатки; Селивановы; Петропавловская оборона; Русско-японская война; Великая Отечественная война; Курильский десант.

Изучая дедов, узнаем внуков, то есть, изучая предков, узнаем самих себя. Без знания истории мы должны признать себя случайностями, не знающими, как и зачем мы пришли в этот мир, как и для чего в нем жили, как и к чему должны стремиться.

В. О. Ключевский [1]

Когда я стала заниматься историей своего рода, я пережила новое для меня состояние – «благородное чувство рода, чувство исторической памяти», которое помогает мне в жизни, творчестве и даже подпитывает иногда затухающий во мне оптимизм.

Имя нашего рода – Селивановы – произошло от канонического имени Селиван из латинского *Silvanus* – «бог лесов». Селиваном нарекли сына вновь обращенного – крещенного татарина Кичи-бея, пришедшего на службу к рязанскому князю в 1427 г. Первые упоминания фамилии Селиванов относятся к 1506 г. Это – боярин *Василий Селиванович*. Я обнаружила более десяти упоминаний Селивановых (за три столетия после 1506 г.), которые вошли в историю как воеводы, бояре и боярыни. Была даже мамка и казначейша у царевича Петра Алексеевича Матрена Романовна Селиванова.

Я насчитала трех стольничих (придворный чин) Селивановых. У Петра I было 69 стольников. Обязанности стольников (встречаются на Руси с XIII в.) с каждым столетием расширялись. Человек, подающий блюда на стол, в поздние времена получал высокие государственные должности. Селиванов был стольником патриарха Филарета, другой Селиванов был комнатным стольником царя Петра I в течение шести лет. Селивановы были стряпчими, контри вице-адмиралами, педагогами, краеведами, и даже один из них – математиком, другой – писателем. И все это установлено на основании поколенных росписей, документов генеалогических справочников, гербовников, которые постоянно печатались в Российской империи.

Проследить дальнейшее развитие этой фамилии, которая становится все более мно-

гочисленной, труднее и труднее. Известно, что одна ветка оставалась в Санкт-Петербурге. В адресной книге за 1913 г. я насчитала несколько десятков жителей столицы по фамилии Селивановы. Есть в Ленинградской области две деревни Селиваново. Селивановы – роды дворянские.

Другая же группа обнаруживается на Дону, на территории бывшего Войска Донского. Частота упоминаемости фамилии Селивановых в современных станицах Донского казачества относится ко второму ряду (среднему). В автономной административно-территориальной единице Российской империи Войска Донского в 1912 г. было три деревни Селивановых, Селивановских. В XIX в. дворянский титул получали и казаки. Это тоже доказывается дореволюционными поколенными росписями, гербовниками и другими документами, издаваемыми в Российской империи согласно требованиям генеалогии – науки, изучающей родственные связи людей, историю родов и т. д.

Но все это закончилось в 1917 г., когда в желании всех уравнивать большевики признали науку генеалогию вредной. Возможно, если бы не это, то многие из нас, ныне живущих, смогли бы проследить историю своих родов не на три-четыре поколения, а глубже. Только несколько десятилетий назад генеалогия как наука стала в России возрождаться. И этот интерес сопровождается возрастающим интересом к истории своей страны. Ибо науки эти ходят всегда рядом.

В 2024 г. Камчатка отметила 170-летие обороны Петропавловского порта (1854) от англо-французской эскадры. Отметила на новом уровне, предъявив молодому поколению и старожилам Петропавловска новые факты

и фамилии защитников порта. Победа перед нами предстала в лицах, а за ними встала их родина, дом, село, город, губерния и вся страна. И это случилось благодаря огромному труду писателя С. Вахрина, краеведов, музейных работников, архивистов, библиотекарей Камчатского края. В этом – новый подход к изучению истории.

Итак, Селивановы появляются на Камчатке в XVIII в. Появление казаков на дальних рубежах страны не было ни редким, ни странным.

Пути дороги первого, возможно не одного, а с братом, казака Селиванова привели сначала на ЧУКОТКУ, а оттуда на КАМЧАТКУ.

Интерес к истории рода возникает по-разному, у меня – с написания курсовой работы, посвященной газете «Камчатский листок», выходившей до революции в Петропавловске.

Впервые фамилию Селиванов я встретила в книге В. Войта «Камчатка и ее обитатели». Автор писал, что очень много медведей водилось в то время на Камчатке: «...был пример, когда казак по имени Селиванов в одну зиму убил 52 медведей» [2].

Другое упоминание встречается в статье путешественника и известного на Камчатке врача В. Н. Тюшова «По западному берегу Камчатки». Здесь уже указано имя и отчество, упоминается мой дед Николай Ильич Селиванов. Он был у доктора проводником. Николай Ильич хорошо знал юго-запад Камчатки. Доктор Тюшов пишет о проводнике Селиванове как об опытном охотнике и описывает случай, как они переходили р. Амчигачеву [3].

Упоминаются Селивановы и в других до-революционных источниках. Эти упоминания в литературе весьма интересны, но грешат одним недостатком, чаще всего автор пишет фамилию без имени. А в то время на Камчатке уже проживали десятки семей Селивановых.

Не обошли вниманием моих предков и два замечательных автора, оставивших нам уникальные документальные свидетельства о жизни первой столицы Камчатки – старом с. Большерецк, сс. Кавалерское и Усть-Большерецк. Это книги Евдокии Лангбурд «Дорога в полтора века» [4] и Д. П. Логинова «Большерецкий острог» [5]. Свидетельства составили конкретный образ большерецких Селивановых, и мне не приходится стыдиться за своих предков.

«Любовь Ильинична Логинова (Селиванова) была женщиной добрейшей. Умелая хозяйка, рукодельница, мастерица на все руки...». «Вечерку

нынче устроили у Селивановых. У них горница просторная, а главное, они тоже граммофон купили, а логиновские девицы новые пластинки привезли», – пишет Лангбурд [4].

Логинов сохранил нам подробный отчет о каждой семье Большерецка, из них Селивановы составляли почти половину этого древнего села.

Эти описания моих предков устами других людей не только потрясли меня в свое время, но и предоставили в мое распоряжение виртуальную машину времени, благодаря которой я путешествовала в прошлое.

Мой отец всю жизнь был учителем, отдал этому благородному труду почти сорок лет, и казалось, кому, как ни ему, передавать историю рода своим трем дочерям. Но были другие обстоятельства, которые повлияли на то, что о своем казачьем происхождении отец молчал вплоть до 1990 г., когда был реабилитирован. Впервые я узнала, что мой дед, прадед и прапрадеды были казаками, за три года до кончины отца – в 1993 г.

А то, что отец не посвящал нас в подробности своей биографии, щадил нас, и, возможно, потому, что на Малой Лагерной, где он сидел под следствием, дал следователю расписку: *«Ни при каких обстоятельствах, никогда, нигде не рассказывать, свидетелем чего я был восемнадцать месяцев...»*. В 1938 г. с Малой Лагерной Селиванов был возвращен в Усть-Большерецк, где суд освободил его из-под стражи из-за недоказанности обвинения по политической статье 58, ч. 10.

Первым из представителей коренной камчатской фамилии Селивановых в документах начала XVIII в. назван служилый казак Агафон СЕЛИВАНОВ. Есть еще один Селиванов – гренадер Стефан, он умер от ран, полученных при штурме Нижнекамчатска в 1731 г. во время восстания, и нам неизвестно, была ли у него семья. Поэтому остановимся на Агафоне Селиванове.

Потом идет пробел в информации, и только в 1842 г. в документах обнаруживается фамилия зауряд-хорунжего казака Максима Николаевича Селиванова. Предполагаю, что все Максимовичи, жившие в Большерецке, а это четыре семьи, были детьми указанного Селиванова. У него был брат Илья, поэтому все Селивановы с отчеством Ильичи, являются двоюродными братьями и сестрами Максимовичей.

При наличии стольких казаков по фамилии Селивановы на Камчатке трудно разобраться во всех линиях родства. Но поскольку темой выступления является участие Селивановых

в трех войнах, я буду писать обо всех Селивановых, не выделяя Селивановых по моей линии.

В 1854 г. в обороне Петропавловского порта принимал участие казак Иван Николаевич Селиванов (1823 г. р.) из с. Халактырка. *«Здесь же в Халактырке поселилась часть казаков из рода Селивановых – двое из четырех сыновей Николая Селиванова – Кузьма (Косьма) и Иван Николаевич»* [6]. Иван Николаевич был урядником (начальником) Петропавловской казачьей команды. В период обороны порта петропавловские казаки по долгу службы приняли участие во всех сражениях 1–5 сентября 1854 г. (по н. ст.).

5 сентября Иван Николаевич Селиванов погиб. В списке похороненных на склоне Никольской сопки НЕ ЧИСЛИТСЯ. Похоронен, видимо, в с. Халактырка, где в детстве я неоднократно бывала (село исчезло в 1950-х гг.).

Известно, что гарнизон Петропавловского порта со всем военным и гражданским имуществом был вывезен в Николаевск-на-Амуре. В составе этого гарнизона были и уроженцы Камчатки. Но Селивановы, Сахаровы и Сметанины остались на полуострове.

Ровно через полвека, когда началась Русско-японская война, Селивановы, в основном проживавшие на западном побережье, приняли участие в защите Камчатки от японцев в 1904–1905 гг.

В ходе обороны побережья Камчатки в эти годы защитники полуострова уничтожили 20 японских шхун и до 200 неприятельских солдат и офицеров. И это благодаря умному руководству уездного начальника А. П. Сильницкого. Через 120 лет в 2024 г. Сильницкий, руководивший обороной Камчатки, решением Городской Думы вписан посмертно в число Почетных граждан г. Петропавловска-Камчатского.

Пытаясь запугать жителей гавани (Петропавловск. – *Авт.*), японцы, войдя в Авачинскую губу на крейсерах «Сума» и «Идзума», обстреляли из пушек покинутый жителями г. Петропавловск. Смело высадили двести десантников, которые от злости перерезали редких коров и повредили несколько домов. Основные действия против японцев развернулись на Командорских островах и западном побережье Камчатки.

В этих боевых действиях принимали участие шесть Селивановых из Большерецкой дружины и один из с. Сероглазка.

Селиванов Александр Александрович, награжден Георгиевским крестом IV степени,

нашей медалью «За усердие» на Станиславской ленте.

Селиванов Александр Максимович, отставной пятидесятник, награжден Георгиевскими крестами IV и III степени (№ 314816).

Селиванов Иван Ильич, казак, участник народного ополчения Камчатки, Большерецкая дружина.

Селиванов Николай Ильич (1851 г. р.), «за отражение японцев на мысе Лопатка», «за мужество и храбрость, оказанные им во время отражения нападения двух японских шхун в 1905 г. у мыса Лопатка» награжден Георгиевским крестом IV (№ 171303) и III степеней (№ 8608).

Селиванов Павел Максимович (1854 г. р.), льготный казак Камчатской команды, участник народного ополчения в период Русско-японской войны 1904–1905 гг., «за мужество и храбрость, оказанные им при отражении нападения двух японских шхун при реке Озерной в 1904 г.» награжден серебряной медалью «За усердие» и Георгиевским крестом IV степени (№ 169562) [7].

Селиванов Иван Ильич (2-й) из Сероглазки, участник народного ополчения в период Русско-японской войны 1904–1905 гг., кантонист Петропавловской дружины. «За мужество и храбрость, оказанные им во время отражения нападения двух японских шхун у мыса Лопатка в 1905 г.» награжден Георгиевским крестом IV степени (№ 169565), серебряной медалью «За усердие» [там же].

В дальнейшем японцы больше не предпринимали каких-либо военных действий против Камчатского уезда, опасаясь затяжных боевых и партизанских действий со стороны местных жителей – русских, ительменов и коряков.

В годы Второй мировой войны камчатскую землю вновь прославили потомки казаков Селивановых: Игнат Михайлович Селиванов (1914 г. р.), призванный Петропавловским городским военкоматом и награжденный в 1944 г. орденом Отечественной войны II степени; Федор Яковлевич Селиванов, умерший в госпитале 12 октября; братья, уроженцы с. Ключи Василий Васильевич Селиванов (1921 г. р.), погибший в плену 28 февраля 1942 г. (лагерный номер 11247), и Николай Васильевич Селиванов (1919 г. р.), который прошел всеми главными дорогами Великой Отечественной войны от Сталинграда до европейских столиц. (Он имел образование 5 классов, вступил в комсомол в 1943 г, жил в Елизове. Место работы – ЛУАД, автоколонна 1959, холост, место призыва – Усть-Камчатский РВК Камчатской области

(10.1940). Период прохождения службы – 1941 – август 1945 г. Послужной список этого смелого земляка вызывает огромное уважение: Украинский фронт, артиллерист; Степной фронт, Сталинградский фронт, 81-я стрелковая Красноградская Краснознаменная дивизия, 422 стрелковая дивизия, 173 гвардейский артиллерийский полк, 5 и 6 батареи, наводчик. Сержант.)

В войне с Японией с 9 августа 1945 г. на о. Сюмусю (японское название о. Шумшу) участвовал Николай Николаевич Селиванов (1914 г. р.), наводчик 2-й стрелковой роты 138-го стрелкового полка 101-й стрелковой дивизии, 2-го Дальневосточного фронта.

(В наградном листе в разделе «Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг» записано: *«Действовал в группе стрелков с майором Шутовым в штурме высоты 171.0. Проявил мужество и храбрость. Убил*

троих японских солдат из экипажа танков. Достоин награждения медалью “За отвагу”». И подпись – Командующий КОР (Камчатским оборонительным районом) генерал-лейтенант Гнечко. Сентябрь 1945 г.)

Последний в данном списке – мой отец, Селиванов Николай Николаевич. Его призвали в армию из Кировска в 1942 г. За три года до этого он был освобожден Усть-Большерецким судом из-за отсутствия доказательств совершения преступления по политической ст. 58, ч. 10. В 1940 г. было принято решение разрешить детей казаков призывать на службу в РККА (Рабоче-Крестьянская Красная Армия). Репрессированы по надуманным обвинениям перед войной были четырнадцать Селивановых. Коренные жители Камчатки, патриоты своего края, не озлобились и с честью защищали свою родину в тяжелую годину.

1. Василий Ключевский. Афоризмы и мысли. 1880–1905 // URL: <https://proza.ru/2014/02/14/2076?ysclid=m1riq59mc630313912> (дата обращения: 30.09.2024).
2. Войт В. К. Камчатка и ее обитатели: с видом г. Петропавловска, планом и описанием сражения 20 и 24 авг. СПб. : тип. гор. полиции, 1855. 35 с.
3. Тюшов В. Н. По западному берегу Камчатки. СПб. : тип. М. М. Стасюлевича, 1906. 521 с.
4. Лангбурд Е. Дорога в полтора века : док.-худож. повесть. Петропавловск-Камчатский : Сев. Пацифика, 2001. 184 с.
5. Логинов Д. П. Большерецкий острог. Петропавловск-Камчатский : Новая кн., 2012. 237 с.
6. Вахрин С. Камчатка – Россия. – Мир. Петропавловская оборона 1854 г. Книга памяти. Петропавловск-Камчатский : Камчатпресс, 2021. 486 с.
7. РГИА ДВ [Российский государственный исторический архив Дальнего Востока]. Ф. 702. Оп 1. Д. 2020.

КАПИТАН 2-го РАНГА А. В. КОЛЧАК И ИССЛЕДОВАНИЕ КАМЧАТКИ

О Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана (ГЭСЛО-2, 1910–1915). Основное внимание уделено роли А. В. Колчака, капитана 2-го ранга, командира судна данной экспедиции «Вайгач». Есть сведения о заходе судна в Петропавловский порт и исследовательских работах, проведенных в районе п-ва Камчатка.

Ключевые слова: история освоения Арктики; полярные экспедиции; Гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана; ГЭСЛО-2; Таймыр, судно; Вайгач, судно; Колчак А. В.; Камчатка, п-ов.

В многогранной, но трагической жизни Александра Васильевича Колчака остался без должного внимания исследователей короткий отрезок его жизни, связанный с исследованием Камчатки. Это произошло летом и осенью 1910 г., в самом начале деятельности Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана (ГЭСЛО-2), которая впоследствии вошла в историю России своими открытиями в Арктике архипелага императора Николая II (с 1926 г. – Северная Земля), ряда островов и первым сквозным плаванием русских моряков по трассе будущего Северного морского пути с востока на запад в 1914–1915 гг.

16 июля 1910 г. суда экспедиции «Таймыр» (командир – капитан 2-го ранга А. А. Макалинский) и «Вайгач» (командир – капитан 2-го ранга А. В. Колчак) прибыли из Петербурга через Суэцкий канал на свою основную базу – во Владивосток. Чтобы успеть совершить плавание в Северный Ледовитый океан, следовало поторопиться с подготовкой. Однако номинальный руководитель экспедиции капитан 2-го ранга Макалинский не беспокоился об этом.

Такое положение дел вызывало тревогу у опытного в полярных делах командира «Вайгача» Колчака. Уже на второй день после прибытия во Владивосток он отправил в Петербург начальнику Главного гидрографического управления Морского министерства генерал-лейтенанту по Адмиралтейству А. И. Вилькицкому телеграмму со следующими вопросами: «...предполагается ли посылка транспортов на север, а также решена ли зимовка или возвращение... Кому надлежит озаботиться необходимым снаряжением?» [там же]. Кроме того, Колчак подчеркнул, что «уход на север должен быть не позднее двадцатых чисел июля» [там же]. Вскоре из Петербурга пришел ответ, что «заготовление снаряжения для обоих транспортов поручено Колчаку» [там же].

Однако из-за неисправности угольных топок и необходимости некоторого общего ре-

монта корпуса и механизмов выход «Таймыра» и «Вайгача» задержался.

В середине августа 1910 г. во Владивосток прибыл начальник экспедиции полковник Корпуса флотских штурманов И. С. Сергеев [2, л. 52] – известный гидрограф, имевший опыт полярных работ в Баренцевом и Карском морях. А 27 августа вместо Макалинского в должность командира транспорта «Таймыр» вступил старший лейтенант Б. В. Давыдов – молодой, но опытный боевой моряк, отличившийся во время обороны Порт-Артура, выпускник Николаевской Морской академии, прошедший подготовку в Николаевской главной астрономической обсерватории в Пулкове. И Сергеев, и Давыдов получили свои назначения по представлению А. И. Вилькицкого [3, с. 52–53].

Курсом в Арктику

28 августа 1910 г. в Амурском заливе были опробованы котлы и машины, затем определена девиация. На рассвете 30 августа «Таймыр» и «Вайгач» покинули Владивосток вместе с транспортным судном «Аргунь», зафрахтованным в качестве судна-угольщика экспедиции [там же].

На следующий день, 31 августа 1910 г., в Петербурге император Николай II «повелеть соизволил... учредить гидрографическую экспедицию для исследования Северного Ледовитого океана от Берингова моря до устьев Лены... Означенную экспедицию сохранить после 1 января 1911 года» [1, л. 154].

Вечером 1 сентября, пройдя проливом Лаперуза, «Таймыр» и «Вайгач» вышли в Охотское море, 4 сентября прошли Четвертый Курильский пролив, а уже днем 5 сентября 1910 г. стали на якоря в бух. Раковой Авачинской губы.

6 сентября суда двинулись из Петропавловского порта на север, 9–11 сентября они испытали сильный шторм (ветер 10 баллов), во время которого в кромешной тьме бушующего моря

потеряли друг друга. Однако 13 сентября все суда благополучно соединились в бух. Провидения. *«Водка и доллары были здесь единственной общепринятой валютой. Петропавловск-Камчатский в сравнении с жизнью в бухте Провидения казался теперь уже не далекой заброшенной окраиной, а вершиной культуры и благосостояния»*, – писал впоследствии участник экспедиции Н. И. Евгенов [3, с. 58].

15 сентября «Таймыр» и «Вайгач» вышли в море, чтобы начать гидрографические работы. Евгенов впоследствии отмечал следующее: *«Личные склонности и научные интересы командиров экспедиционных судов во многом определили характер производившихся исследований. Если Б. В. Давыдов основное внимание уделял чисто морской гидрографии (описи, промеру, определению астропунктов и т.п.), то командир “Вайгача” А. В. Колчак наряду с гидрографией увлекался океанографией, в области которой у него уже был накоплен значительный опыт еще во время Первой Русской полярной экспедиции 1900–1903 годов. Не случайно в плавании 1910 года “Вайгач” взял 10 глубоководных гидрологических станций, а “Таймыр” – ни одной»* [там же, с. 59].

Утром 17 сентября на «Вайгаче» приступили к океанографическим исследованиям. Первая станция была взята в районе между мысами Лихачева и Пузино. К великому удивлению, в этом месте были обнаружены совершенно не свойственные здешним местам глубины. Для взятия пробы воды с придонного горизонта батометр Петерсена пришлось опустить на глубину 140 м (!), в то время как во всей северной части Берингова моря глубины редко достигают даже 50 м. К сожалению, как указывал Евгенов, материалы этих наблюдений не найдены [там же].

Уже 20 сентября командиры судов, двигавшихся к м. Дежнева, оценили сложный характер ледовой обстановки. Впоследствии, по результатам четырехлетних наблюдений, выяснилось, что осень 1910 г. в северной части Берингова моря была наиболее холодной [там же, с. 60].

22 сентября «Таймыр» и «Вайгач» вышли в Северный Ледовитый океан. В тот же день на берегу была установлена трехгранная пирамида, названная впоследствии «Знак Брусилова» (в честь лейтенанта, руководившего ее сооружением).

24 сентября, несмотря на большой объем гидрографических работ, Колчак сумел выделить несколько человек для производства наблю-

дений за приливами. А утром 25 сентября он вывел «Вайгач» в море на океанографические работы. В течение дня были выполнены наблюдения на четырех глубоководных станциях в Беринговом проливе к востоку от м. Дежнева. Утром 26 сентября Колчак привел «Вайгач» к Уэлену, закончив гидрологический разрез поперек Берингова пролива.

Утром 27 сентября суда сделали попытку пройти по направлению м. Сердце-Камень, но из-за ненастной погоды и льдов им пришлось остановиться в 7 милях северо-западнее м. Инчоун, а вечером – вернуться к Уэлену. При этом «Вайгач» закончил начатую утром гидрологическую станцию [3, с. 61–63].

Утром 28 сентября сплоченность льдов и размеры отдельных льдин (до 80 м) заставили суда ненадолго расстаться: «Таймыр» перешел на южную сторону м. Дежнева, а Колчак повел «Вайгач» на гидрологические работы с категорическим приказом начальника экспедиции Сергеева ни в коем случае не рисковать. Однако Колчак рискнул. Пройдя во льдах несколько миль к северу, «Вайгач» оказался на чистой воде и прошел далее еще около 50 миль. В крайней северной точке с координатами 67°00' с. ш. и 168°40' з. д. была сделана остановка, затем выполнены гидрологическая станция и гидробиологическое траление, драгирование, после чего Колчак повел «Вайгач» на юг – в Берингов пролив, где 29 сентября стал на якорь близ «Таймыра».

1 октября Колчак вновь отправился в Берингов пролив, чтобы повторить сделанный ранее гидрологический разрез, но полностью это сделать не удалось: последняя станция располагалась у о-вов Диомида, в проливе между о-вами Ратманова и Крузенштерна. 2 октября были окончены все триангуляционные работы на перешейке между Уэленом и постом Дежнева. На этом работы 1910 г. в Северном Ледовитом океане были закончены. Утром 3 октября «Таймыр» и «Вайгач» взяли курс на юг [там же, с. 64–65].

Исследование Камчатки

4 октября 1910 г. суда попали в жестокий 9-балльный шторм, от которого с трудом укрылись в бух. Хед (бух. Провидения). 5 октября они пересекли Анадырский залив, 6 октября миновали м. Наварин. Ночью 7 октября стоявшие на вахте любовались красивым полярным сиянием.

От нового шторма Сергеев решил укрыться уже на Камчатке – в бух. Анастасии, где

суда стали на якоря в ее вершине, за п-вом Линдгольма. При этом были проведены гидрографические работы, после которых выяснилось, что план бух. Анастасии (№ 298), составленный шкипером Ф. К. Геком еще в 1885 г., имел существенные неточности. Так, протяженность бухты составила не 21 миль, а 8; ширина – не 7 миль, а не более 4. Выяснилось также, что бухта не укрывала от свежих юго-восточных ветров, а единственное закрытое п-вом Линдгольма место имело слишком малые глубины, чтобы быть для судов укрытием от шторма.

Покинув бух. Анастасии, «Таймыр» и «Вайгач» вскоре вновь были застигнуты штормовой погодой, которая заставила их найти убежище в бух. Наталии, глубоко врезавшейся в скалистые прибрежные горы Корякского нагорья.

Подходя к бухте, штурмана обоих судов убедились, что карта ее тоже составлена неверно. Неподалеку от мыса, разделяющего бух. Св. Павла и бух. Св. Петра (в южной части бух. Наталии), виднелся неизвестный остров, при этом вход в бух. Петра лежал к северу от этого острова. На судовой навигационной карте вместо острова был показан полуостров, соединенный перешейком с материком. Полковник Сергеев поручил Давыдову произвести опись бух. Павла, а Колчаку – бух. Наталии.

В глубине бух. Св. Павла Давыдов обнаружил ту часть, где извилистые берега совершенно закрывают ее от всех ветров и впоследствии характеризовал бух. Св. Павла как надежнейшее убежище *«для судов при часто дующих здесь жестоких ветрах юго-восточной четверти»* [3, с. 66–67].

В то же время Колчак на «Вайгаче» исследовал бух. Наталии: там была сделана морская опись с попутным драгированием и зоологическим тралением. После этого «Вайгач» перешел в бух. Св. Петра тем проливом, который на карте был показан как перешеек, разделяющий бух. Св. Петра и Св. Павла.

Таким образом, Колчак доказал, что в бухте Наталии находится остров, а не полуостров. Вечером 9 октября (26 сентября) командир «Таймыра» Давыдов после совещания офицеров записал в неопубликованном еще дневнике: *«Окончательно решено по предложению А. В. [Колчака] назвать остров именем Св. Иоанна Богослова, в день которого он и открыт, а входные мысы залива, куда впадают обе бухты: NO-ый – Св. Савватия, а SW-ый – Св. Зосимы»* [4].

10 октября (27 сентября), как отмечал в дневнике Давыдов, *«...днем А. В. [Колчак] лазил на гору; барометрически определил ее высоту около 3000 ф[у]т[ов]...»* [там же].

11 октября, совместными усилиями обоих судов, была завершена съемка бух. Св. Петра, поэтому «Таймыр» и «Вайгач» покинули бух. Наталии.

Однако при переходе через Олюторский залив суда вновь были захвачены штормом. Размахи качки увеличились до 50° на борт. На «Вайгаче» нахлынувшей водяной горой сломало левый трап, затем вышибло иллюминатор на командном мостике. Скорость судов упала до 6–7 узлов. Только к вечеру они сумели войти в глубокую, как фиорд, бухту Лаврова в юго-западной части Олюторского залива. Однако стоянка здесь была беспокойной: суда часто дрейфовали по ветру, несмотря на оба отданных якоря.

14 октября, когда несколько стихло, «Таймыр» и «Вайгач», поставив паруса, совершили напряженный двухсуточный переход по Тихому океану в Петропавловский порт. Здесь 10-дневная стоянка была использована для исправления повреждений, приведения в порядок машин и механизмов, пополнения запасов, воды и продовольствия и отдыха команды.

После очередного шторма в Охотском море суда 30 октября сделали остановку в Находке, а 2 ноября благополучно прибыли во Владивосток. За время похода было 46 ходовых дней и 16 – стоянка на якоре. Под парами и частично под парусами пройдено почти 6 100 миль [3, с. 68].

По возвращении из Арктики Колчак получил телеграмму от морского министра С. А. Воеводского и начальника Морского генерального штаба князя А. А. Ливена с приглашением вернуться в Петербург и продолжить службу в Морском генеральном штабе для скорейшего приведения в жизнь обширной судостроительной программы, направленной на возрождение боевой мощи русского военного флота. Колчак согласился, т. к. его горячий темперамент и жажда практической деятельности не уживались со спокойным и не в меру осторожным характером Сергеева [там же, с. 70].

Здесь следует указать на характер взаимоотношений командира «Вайгача» капитана 2 ранга Колчака и начальника ГЭСЛО-2 полковника Корпуса флотских штурманов Сергеева. Об этом, в частности, имеется несколько записей в дневнике командира «Таймыра» старшего лейтенанта Давыдова. Так, 8 (20) сентября 1910 г.

Давыдов, вернувшийся с «Вайгача», записал в дневнике, что Сергеев *«тотчас же набросился на меня с расспросами, причем... главным образом справлялся о настроении А. В. Колчака, – не сердит ли тот. Очевидно, что он его здорово боится, как человека компетентного более его в северных вопросах, а также зная, что с мнением А. В. [Колчака] будет считаться и начальство»* [4].

24 ноября 1910 г. полковник Сергеев, капитан 2-го ранга Колчак и старший лейтенант Давыдов прибыли из Владивостока в Петербург, где были причислены к Главному гидрографическому управлению [2, л. 55об.]. 8 февраля 1911 г. Колчак был назначен штаб-офицером высшего оклада Морского генерального штаба, а командиром «Вайгача» стал лейтенант К. В. Ломан [там же, л. 70об.].

В архивных материалах имеется рапорт Колчака, что после возвращения в Петербург он передал в Николаевскую морскую академию для исследования рефрактометр для определения плотности морской воды, полученный от Карла

Цейсса в декабре 1909 г. в Гавре [5, л. 7]. Евгенов полагал, что Колчак передал туда и журналы гидрологических наблюдений [3, с. 69].

В заключение следует отметить, что даже короткое плавание транспортов «Таймыр» и «Вайгач» в Северный Ледовитый океан в 1910 г. принесло существенные результаты, в том числе и в части попутного исследования побережья Камчатки. В 1913 г. по материалам работ экспедиции в Главном гидрографическом управлении была, в частности, напечатана новая морская карта «Залив Наталии с бухтами Св. Петра и Св. Павла» (№ 974, масштаб: ½ мили в 1 дюйме) [6, л. 1].

На основании вышеизложенного можно сделать следующий вывод: одним из активных участников исследований Камчатки в 1910 г. в ходе работ ГЭСЛО-2 был 35-летний командир ледокольного транспорта «Вайгач» капитан 2-го ранга Александр Васильевич Колчак. Данный доклад посвящается памяти Колчака в связи с предстоящим 16 ноября 2024 г. 150-летием со дня его рождения.

1. РГА ВМФ [Российский государственный архив Военно-Морского Флота]. Ф. 404. Оп. 1. Д. 7464.
2. Там же. Д. 589.
3. *Евгенов Н. И.* Экспедиция века. Гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана на судах «Таймыр» и «Вайгач» в 1910–1915 годах / Н. И. Евгенов, В. Н. Купецкий. СПб. : РГМАиА, 2012. 352 с.
4. РГА ВМФ. Дневник Б. В. Давыдова. Рукопись.
5. РГА ВМФ. Ф. 404. Оп. 1. Д. 7721.
6. Там же. Ф. 1331. Оп. 10. Д. 978.

ОСНОВОПОЛОЖНИК ИЗУЧЕНИЯ РАЗМНОЖЕНИЯ И РАЗВИТИЯ МОРСКИХ РЫБ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

(к 120-летию со дня рождения Теодора Сауловича Рассы)

Сведения об основных этапах жизни и научной деятельности российского исследователя ихтиофауны Дальнего Востока и Камчатки, ихтиолога и ихтиопланктолога Теодора Сауловича Рассы, 120-летие которого отмечается в 2024 г. Представлены наиболее значимые его научные труды.

Ключевые слова: ученые; ихтиология; ихтиолог; ихтиопланктолог; ихтиофауна; Дальний Восток.

В 2024 г. исполняется 120 лет со дня рождения известного российского ихтиолога и ихтиопланктолога, доктора биологических наук, профессора, лауреата Государственной премии СССР Теодора Сауловича Рассы, внесшего огромный вклад в изучение размножения и развития морских рыб Дальнего Востока и Мирового океана, а также подготовку специалистов-ихтиологов. Значение его разноплановой научной, организаторской и педагогической деятельности для развития ихтиологии и рыбного хозяйства на Дальнем Востоке России трудно переоценить [1–3].

Родился Т. С. Расс 3 декабря 1904 г. в г. Кременце Волынской губернии Российской империи (в настоящее время – Тернопольская область Украины) в семье врача. В 1921 г. он поступил на биолого-почвенное отделение физико-математического факультета Московского университета, которое окончил в 1925 г., получив специальность зоолога позвоночных [там же]. Свою научную деятельность Теодор Саулович начал в том же году в качестве сотрудника Мурманской биологической станции. И уже через год в сборнике трудов этой станции появилась его первая публикация, посвященная находке не известной ранее в Кольском заливе норвежской карликовой камбалы *Phrynorhombus norvegicus*.

В 1926–1929 гг. молодой ученый обучался в аспирантуре Научно-исследовательского института зоологии при МГУ, возглавляемого академиком А. Н. Северцовым. После окончания аспирантуры в 1929 г. он был зачислен старшим научным сотрудником Государственного океанографического института – ГОИН (вскоре после этого преобразованного во Всесоюзный институт морского рыбного хозяйства и океанографии – ВНИРО), где впоследствии в течение почти 20 лет заведовал Мальковой лабораторией [там же].

В 1938 г. за 19 научных публикаций без защиты Рассу присудили ученую степень канди-

дата биологических наук, а в 1940 г. он защитил докторскую диссертацию по изучению ранних стадий развития костистых рыб Баренцева моря и получил звание профессора [там же]. Основные усилия возглавляемого им коллектива в те годы были направлены на исследование ранних стадий развития рыб и особенностей их распределения в Баренцевом, Каспийском и дальневосточных морях.

Новый этап в жизни Рассы связан с его переходом в 1948 г. в Институт океанологии Академии наук СССР, где с 1954 г. он стал руководить вновь созданной лабораторией нектона (преобразованной в 1973 г. в одноименный отдел) [там же]. В этом институте ученый проработал до конца своей жизни. Здесь под его руководством были развернуты широкомасштабные ихтиологические исследования сначала в дальневосточных морях России, а затем и в отдаленных районах Мирового океана. Теодор Саулович принимал участие в семи рейсах научно-исследовательского судна «Витязь» в Охотское, Берингово моря и Курило-Камчатские воды Тихого океана, а также в пяти дальних экспедициях на НИС «Витязь» и «Академик Курчатов» в центральную часть Тихого океана (1957–1958), Индийский океан (1959–1960), юго-восточную Пацифику (1968), Карибское море и Мексиканский залив (1973), Средиземное море (1979). Ихтиопланктонные исследования Рассы и сотрудников его лаборатории (Т. А. Перцевой-Остроумовой, Н. Н. Горбуновой и др.), выполненные в 1949–1961 гг. в дальневосточных морях, заложили основу современных знаний по размножению и развитию камбаловых, тресковых, терпуговых и других промысловых рыб этого региона [1].

Будучи ихтиологом широкого профиля и обладая фундаментальными познаниями и исключительным трудолюбием, Расс внес существенный вклад в разработку многих разделов морской ихтиологии. Но все же главным направлением его научной деятельности, бесспорно, были исследования размножения

и развития морских рыб, проводившиеся на основе синтеза методов и знаний по эмбриологии, ихтиологии и гидробиологии. Именно он заложил в 1930-х гг. основы отечественной школы ихтиопланктологии (сам этот термин впервые применен ученым в 1933 г.) и оставался ее лидером до последних лет своей жизни. По разработанной Теодором Сауловичем методике собраны огромные материалы по раннему развитию рыб сначала в отечественных морях, а затем в разных климатических областях Мирового океана. Эти материалы были впоследствии использованы ученым для разработки проблем систематики икринок и личинок рыб на основе установленных географических закономерностей строения рыб в раннем онтогенезе. Расс впервые сформулировал несколько морфолого-географических правил и вместе с сотрудниками своего отдела охарактеризовал эколого-географические закономерности нереста морских рыб [1].

Расс известен не только своими исследованиями ихтиопланктона, размножения и ранних стадий развития морских рыб, важное направление работ Теодора Сауловича представляет серия публикаций, посвященных изучению мирового рыболовства. Еще в 1948 г. им опубликован уникальный для того времени капитальный труд, в котором были подсчитаны предвоенные мировые уловы рыб и беспозвоночных животных отдельно по наиболее важным семействам и видам (впоследствии, начиная только с 1950 г., такие сведения стали публиковаться в ежегодниках ФАО) [4]. Дальнейший анализ состава и распределения мирового улова морских объектов рыболовства позволил ученому разработать оригинальную концепцию промыслово-географических комплексов ихтиофауны. В 1979 г. в Мировом океане были выявлены и охарактеризованы 18 таких комплексов с оценкой их промыслового использования и значения.

На основе сравнительного анализа географических комплексов рыболовства Расс показал, что в отдельных водоемах существуют незанятые экологические ниши, которые он предлагал заполнить путем акклиматизации и меж океанской трансплантации морских рыб [5]. В 1958–1965 гг. Теодор Саулович теоретически обосновал и частично подтвердил экспериментально возможность акклиматизации некоторых северных дальневосточных представителей ихтиофауны (терпуговых, камбаловых, бычков-рогатковых) в Баренцевом море.

Кроме изучения размножения и раннего развития морских рыб, Расс был одним из первых отечественных ихтиологов, который специально занимался исследованием глубоководной ихтиофауны. В процессе работы им описаны три новых рода и 7 новых видов глубоководных рыб и подготовлены первые обзоры глубоководной ихтиофауны дальневосточных морей России и сопредельных вод Тихого океана [6–10].

Помимо научной деятельности, Расс являлся одним из организаторов, редакторов и основных авторов таких капитальных монографических изданий, как атлас «Промысловые рыбы СССР» (1949), ставший итогом многолетней работы коллектива ведущих ученых страны [11]; том «Рыбы» (1971, второе издание 1989) в знаменитой семитомной серии «Жизнь животных» [12]; том «Рыбы открытых вод Тихого океана» в 10-томной монографии «Тихий океан» (1966–1974) (за ее подготовку Теодор Саулович в составе авторского коллектива в 1977 г. стал лауреатом Государственной премии СССР в области науки и техники) [13]; многоязычный «Словарь названий морских промысловых рыб мировой фауны» (1980, в соавторстве с Г. У. Линдбергом и А. С. Гердом), который включил в себя названия около 3000 видов рыб из 260 семейств более чем на 100 языках и наречиях [14]. Многие годы Расс был членом редакционной коллегии, а в 1979–1984 гг. – заместителем главного редактора одного из ведущих отечественных научных журналов «Вопросы ихтиологии» [1].

Однако Теодор Саулович является автором не только около 350 научных статей. Ему принадлежит немало научно-популярных публикаций, в том числе, в журнале «Природа». В одной из них он достаточно увлекательно, доступным языком впервые поведал читателям о таком замечательном примере взаимоотношения рыбы и краба в Охотском море у западного побережья Камчатки, как откладка икры представителем морских слизней сем. *Liparidae* в жаберную полость равношипного краба, служащего для икринок этого представителя ихтиофауны «живым инкубатором» [15].

Будучи страстным библиофилом, Теодор Саулович коллекционировал книги по самым разным областям знаний, тратя на их приобретение значительную часть своих личных средств. Его уникальная ихтиологическая библиотека, создававшаяся в течение 75 лет и впоследствии переданная дочерями ученого

в основанную Теодором Сауловичем лабораторию океанической ихтиофауны Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН, содержит сотни томов и тысячи отдельных оттисков, подаренных многими отечественными и иностранными авторами, в том числе такими выдающимися учеными, как академик АН СССР Л. С. Берг, члены-корреспонденты АН СССР Г. В. Никольский, А. Н. Световидов, А. П. Андрияшев и В. Г. Богоров [3].

Обладая огромной эрудицией, Расс в течение нескольких десятилетий читал курс «Зоогеография рыб» студентам кафедры ихтиологии Московского государственного университета и подготовил к научной деятельности несколько

поколений ихтиологов, работающих сегодня в разных городах России и ближнего зарубежья. Среди его учеников насчитывается около 30 докторов и кандидатов наук. За свои научные достижения Расс награжден орденами Трудового Красного Знамени и Знак Почета, избран Почетным членом Российской академии естественных наук, членом многих отечественных и зарубежных научных обществ [1].

Именем Теодора Сауловича Рассы названы 4 вида рыб, в том числе обитающие на батимальных глубинах северной части Тихого океана морской слизень *Pseudonotoliparis rassi* и представитель бельдюговых рыб – безухий лиценхел Рассы *Lycenchelys rassi* [16].

1. Евсеенко С. А., Парин Н. В. Памяти Теодора Сауловича Рассы (03.12.1904–12.11.2001) // Вопросы ихтиологии. 2002. Т. 42, № 5. С. 714–720.
2. Журавлева Н. Г. К 100-летию со дня рождения Теодора Сауловича Рассы // Биология моря. 2004. Т. 30, № 5. С. 409–410.
3. Расс Ирина Т., Расс Ирма Т. Жил-был профессор: к 100-летию со дня рождения Т. С. Рассы // Природа. 2004. № 11. С. 59–72.
4. Расс Т. С. Мировой промысел водных животных. М. : Сов. наука, 1948. 64 с.
5. Он же. Рыбные ресурсы Европейских морей СССР и возможности их пополнения акклиматизацией. М. : Наука, 1965. 105 с.
6. Он же. Глубоководные рыбы дальневосточных морей // Природа. 1953. № 2. С. 107–110.
7. Он же. Глубоководные рыбы дальневосточных морей СССР // Зоологический журнал. 1954. Т. 33, вып. 6. С. 1312–1324.
8. Он же. Глубоководные рыбы Курило-Камчатской впадины // Труды ИО АН СССР. 1955. Т. 12. С. 328–339.
9. Он же. К познанию тихоокеанских Moridae (Pisces, Gadiformes) // Там же. 1954. Т. 11. С. 56–61.
10. Он же. Глубоководные рыбы – долгохвосты (Pisces, Macruridae) Охотского моря // Там же. 1963. Т. 62. С. 211–223.
11. Промысловые рыбы СССР : атлас. М. : Пищепромиздат, 1949. 231 с.
12. Жизнь животных : [в 6-ти т.]. Т. 4, ч. 1 : Рыбы / под. ред. проф. Т. С. Рассы. М. : Просвещение, 1971. 656 с.
13. Тихий океан. Т. VII : Биология Тихого океана. Кн. 3 : Рыбы открытых вод / отв. ред. Т. С. Расс. М. : Наука, 1967. 275 с.
14. Линдберг Г. У., Герд А. С., Расс Т. С. Словарь названий морских промысловых рыб Мировой фауны. Л. : Наука, 1980. 564 с.
15. Расс Т. С. Замечательный случай биологической связи рыбы и краба // Природа. 1950. № 7. С. 68–69.
16. Токранов А. М. Названы их именами. Петропавловск-Камчатский : Камчатпресс, 2008. 260 с.

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НИИ (ВОЕННОЙ ИСТОРИИ)
ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА
ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО РАЗВИТИЮ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЕННОЙ
ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ**

О путях развития школы советских и российских военных историков, обстоятельствах создания и основных направлениях деятельности Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ. Особое внимание автор уделяет рассмотрению перспективных путей развития военно-исторической работы в Вооруженных Силах РФ.

Ключевые слова: историческая наука; военная история; научно-исследовательский институт; исследовательская работа; научные труды; монографии.

Научно-исследовательский институт (военной истории) является единственным в стране специализированным научно-исследовательским учреждением в области военной истории и единственным в Вооруженных Силах научно-исследовательским учреждением гуманитарно-исторического профиля.

27 августа 1966 г. ЦК КПСС принял Постановление «Об организации Института военной истории» в качестве головного научно-исследовательского учреждения страны в области военной истории. В организационном отношении Институт подчинялся Министерству обороны СССР и Главному политическому управлению Советской Армии и Военно-Морского Флота, научно-методическое руководство его работой было возложено на Академию наук СССР [1, с. 11].

5 ноября того же года начальник Генерального штаба ВС СССР, первый заместитель МО СССР, Маршал Советского Союза М. В. Захаров подписал соответствующую директиву о создании Института военной истории Министерства обороны СССР. Позднее эта дата была официально утверждена днем образования Института. Первым начальником Института военной истории стал один из инициаторов его создания член-корреспондент Академии наук СССР, доктор исторических наук, профессор, лауреат Ленинской и Сталинской премий СССР, известный военный историк, генерал-лейтенант Павел Андреевич Жилин, более 20 лет бессменно возглавлявший Институт [там же, с. 182].

6 мая 1983 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР «за заслуги в развитии военно-исторической науки» Институт был награжден орденом Красной Звезды. Это знаменательное событие в жизни учреждения вскоре нашло отражение в его новом наименовании – «Ордена

Красной Звезды Институт военной истории Министерства обороны СССР», утвержденном приказом МО СССР от 4 июля 1985 г. [2].

С 1 июня 2010 г. Институт является структурным подразделением Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил РФ. Войдя в ее состав, учреждение в полной мере унаследовало научный статус, авторитет и предназначение Института военной истории Министерства обороны и продолжает решение целого комплекса исследовательских, экспертно-аналитических, научно-методических, информационных, статистических и ответственных общегосударственных задач [3].

В настоящее время основу научного потенциала Института составляют высококлассные и профессионально подготовленные специалисты. Среди них 20 докторов наук, 85 кандидатов наук, 10 профессоров, 39 доцентов и старших научных сотрудников [4].

В среднем ежегодно Институтом осуществляется разработка 30–35 научных работ по актуальным проблемам военной истории. Их основу составляют прикладные исследования, направленные на решение проблем обеспечения военной безопасности России, строительства, подготовки и применения Вооруженных Сил.

За прошедшие годы в учреждении подготовлено и издано свыше 850 научных, научно-теоретических и научно-популярных работ общим тиражом более 19 млн экземпляров. Наиболее значимые из них: 12-томник «История Второй мировой войны 1939–1945 гг.», 8-томник «Военная энциклопедия», «Военный энциклопедический словарь», 2-томник «Гражданская война в СССР», 2-томник «Вооруженные Силы России в Первой мировой войне», 2-томник

«Отечественная военная история», «Справочник офицера Вооруженных Сил Российской Федерации», «Генеральный штаб Российской армии: история и современность», «Военное искусство в локальных войнах и вооруженных конфликтах. Вторая половина XX – начало XXI века», «Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: энциклопедия для суворовских военных, Нахимовского военно-морского училищ и кадетских корпусов» и многие другие. Более 60 книг переведены на иностранные языки и изданы за рубежом, 30 трудов удостоены премий, дипломов и медалей.

Важным направлением деятельности Института является научное и научно-методическое обеспечение образовательного процесса в Вооруженных Силах РФ. Институтом разработаны единые (базовые) электронные учебники «История», «Военная история», «История военного искусства», а также внеплановый электронный учебник «Краткая история Российской армии».

Особое внимание уделяется исследованию и систематизации военных конфликтов второй половины XX – начала XXI в. Сотрудниками Института ведется работа по наполнению информационно-справочной системы «Войны и вооруженные конфликты». Она стала важным источником информации для органов военного управления, научно-исследовательских организаций, преподавательского состава, слушателей и курсантов военных академий и училищ.

Важное место в работе Института занимает научная экспертиза проектов нормативно-правовых актов Российской Федерации и военно-исторических документов; военно-историческое обеспечение деятельности органов военного управления.

Учреждение выступает организатором проведения Международной олимпиады среди курсантов высших военно-учебных заведений МО РФ, гражданских российских и зарубежных вузов; всермейских, всероссийских и международных конференций, «круглых столов» и других публичных мероприятий, имеющих большое теоретическое и практическое значение.

Проводится большая работа по освещению результатов военно-исторической работы, популяризации военной истории и противодействию фальсификации отечественной истории в средствах массовой информации. За последние пять лет более 200 раз сотрудники Института выступали на телевидении и радио.

Событием для страны и Вооруженных Сил стало открытие и освещение Главного храма Вооруженных Сил и музейного комплекса «Дорога памяти». В соответствии с указанием министра обороны РФ Институт осуществлял научно-методическое обеспечение реализации концепции строительства Главного храма Вооруженных Сил и работ по созданию экспозиций залов и галерей музейно-мемориального комплекса «Дорога памяти» [5].

Институт организует работу двух советов по защите докторских и кандидатских диссертаций по трем научным специальностям: военная, отечественная и всеобщая история. За время существования в них было защищено более 150 докторских и 550 кандидатских диссертаций. Учреждение осуществляет подготовку кадров высшей квалификации по специальностям: военная и всеобщая история в докторантуре и адъюнктуре при Военной академии Генерального штаба ВС РФ. Обучение здесь проходят не только российские, но и иностранные военнослужащие.

Под руководством Главного оперативного управления Генерального штаба ВС РФ ведется экспертно-аналитическая работа по дальнейшему наполнению электронного банка документов периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. «Подвиг народа» для размещения в Интернете.

Институт оказывает помощь гражданам в установлении боевого пути их родственников, участников Великой Отечественной войны. Ежегодно более 100 обращений приходят в адрес Института, ни одно из них не остается без ответа.

Учреждение принимает активное участие в совершенствовании исторического комплекса Военной академии Генерального штаба, осуществляя научное сопровождение разработки проектов оформления исторических двори-ков имперского периода, периода 1918–1941 гг. и Николаевского зала ВАГШ ВС РФ.

Институт участвует в разработке календарной продукции. Сотрудниками разработаны календари Генерального штаба ВС РФ для участия в ежегодном смотре календарной продукции, проводимом Министром обороны Российской Федерации. Также подготовлены карманный, плакатный, настенный, настольный, планинг и трио-календарь Военной академии Генерального штаба ВС РФ на 2024 г.

Одним из приоритетных направлений в деятельности Института является дальней-

шее развитие и углубление научных связей с зарубежными государственными и военными структурами, отвечающими за организацию военно-исторической работы.

Учреждение представляет Российскую Федерацию в Международной комиссии военной истории (МКВИ). Ее членами являются более 40 государств. Членство в МКВИ дает возможность отстаивать позиции отечественной военной истории по наиболее острым и актуальным современным проблемам исторической науки.

Большая организационная работа проводится по линии Российско-Американской комиссии по делам военнопленных и пропавших

без вести, которая осуществляет выявление и анализ материалов, касающихся судеб советских (российских) и американских военнослужащих – участников военных конфликтов XX – 1-й четверти XXI в.

Научно-исследовательский институт (военной истории) продолжает работу по развитию отечественной военной истории, ищет ответы на современные вызовы, обусловленные изменением военно-политической обстановки, появлением новых средств вооруженной борьбы, формированием новых подходов к вооруженному и невооруженному противоборству в мире.

1. Институт военной истории 1966–2006 : [сборник] / сост. Н. А. Баженов, И. И. Басик. М. : Воениздат, 2006. С. 11.
2. Архив института военной истории ВАГШ ВС РФ. Ф. 243. Инв. 1.
3. Институт военной истории. 55 лет : [сборник] / под об. ред И. И. Басика. М. : [б/и], 2021.
4. Басик И. И. Форпост военно-исторической науки. 55 лет со дня создания Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации // Военно-исторический журнал. 2021. № 11. С. 67.
5. Дорога памяти : [электронный ресурс] // URL: <https://doroga.mil.ru/> (дата обращения 15.08.2024).

Раздел IV

ЛУЧШИЕ БИБЛИОТЕЧНЫЕ ПРАКТИКИ ПО КРАЕВЕДЕНИЮ

Н. М. Балацкая

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ДОСТУПНЫЕ РЕШЕНИЯ

Представлены результаты всероссийского мониторинга краеведческих библиографических изданий и ресурсов центральных библиотек субъектов РФ. Дан анализ состояния подсистемы библиографических продуктов, выявлены недостатки отдельных пособий, предложены пути их устранения.

Ключевые слова: библиография; краеведение; краеведческая библиография; библиографические издания; библиографические ресурсы.

Краеведческая библиография была и остается абсолютно необходимым элементом всей системы краеведческой деятельности, значение которого с расширением состава и разнообразия форм краеведческих источников и по мере освоения сетевой среды совершенно естественно увеличивается: библиографическую основу имеют современные электронные краеведческие библиотеки и коллекции и зарождающиеся в российских библиотеках краеведческие веб-архивы.

В то же время состояние краеведческой библиографии вызывает тревогу: «мозг» краеведения работает не всегда правильно, с более или менее крупными проявлениями нездоровья. [Статья Е. И. Трубиной и А. А. Тришковой, содержащая обзор результатов первого этапа мониторинга, будет опубликована в очередном (девятом) сборнике «Проблемы краеведческой деятельности библиотек», который готовится к печати.]

Объективные и, кажется, неустранимые причины такого положения, не задумываясь, назовет любой практикующий библиограф-краевед: хроническое несоответствие кадровых возможностей краеведческих подразделений постоянно растущей нагрузке по текущей библиографической обработке краеведческих документов, дополненное ростом объема «массовой работы». Но следует признать, что не все трудности и проблемы обусловлены этими тяжелыми условиями; есть еще неиспользованные резервы. Именно на них и хотелось бы обратить внимание коллег.

В описании состояния подсистемы краеведческих библиографических продуктов мы можем опираться на результаты всероссийского мониторинга краеведческих библиографических изданий центральных библиотек субъектов РФ, первый (ретроспективный) этап

которого, охватывающий издания 2010–2022 гг., завершился весной 2024 г. Это могут быть как сами данные, собранные и обработанные в соответствии с программой мониторинга, так и попутные наблюдения, накопленные в ходе поиска изданий и сведений о них на сайтах библиотек. В свод данных мониторинга вошло 2 761 издание 85 регионов. Следует отметить, что мы знаем о краеведческих библиографических продуктах региональных библиотек не все. За рамками мониторинга пока пришлось оставить структурно «несамостоятельную» (внутрикнижную, внутрижурнальную) библиографию и ее сетевые аналоги – краеведческие указатели в составе крупных сетевых краеведческих продуктов.

Первое и главное впечатление – равнодушные библиографов к результатам собственной работы. Как выяснилось, весьма часто завершённые, готовые к использованию указатели остаются неопубликованными и хранятся в виде распечаток для внутреннего пользования в краеведческом подразделении. 95 таких «недоизданий», существующих менее чем в десяти (а чаще – в одном-двух) экземплярах (в том числе 37 – крупных научно-вспомогательных), сейчас составляют содержимое «корзины», не включенное в общий свод данных – и это только те случаи, когда в ходе мониторинга ситуацию не удалось исправить электронной публикацией.

Половина (50,7 %) внесетевых (печатных и на дисках) краеведческих библиографических указателей выпущена тиражами от 10 до 50 экземпляров, которых недостаточно даже для муниципальных библиотек своего региона; еще 22 % – от 51 до 100 экземпляров, это означает, что они будут недоступны за пределами региона. При этом более четверти (27 %) таких указателей (258 изданий!) не представлены даже на собственных сайтах выпустивших их библи-

отек и остаются неизвестными пользователям и коллегам.

Наконец, к неоправданным потерям относятся весьма частые случаи публикации на сайтах неоформленных массивов краеведческих библиографических записей, непригодных в таком виде ни для полноценного использования, ни для библиографической обработки, ни для постоянного хранения [1].

Все это не только обесценивает работу библиографов, но и отражается на качестве указателей: недоступность краеведческой библиографической продукции других библиотек, как и «закрытость» (в том числе от критики) собственных изданий, приводит к тому, что привычные решения и ошибки закрепляются и повторяются из года в год. Это заметно, например, при анализе краеведческих библиографических изданий – участников конкурса краеведческих изданий библиотек «Авторский знак» [2, 3], в котором номинация «Библиографические указатели» – одна из самых «массовых».

Что мы можем сделать для решения описанных проблем?

Прежде всего – продолжить работу по мониторингу, ежегодно собирая сведения о краеведческих библиографических изданиях региональных библиотек и копии самих изданий, тем самым спасая их от возможной утраты и одновременно напоминая руководителям библиотек о значимости этой работы. Эффективность таких усилий уже заметна: во многих случаях в результате хорошо подготовленных конкретных запросов и переписки с коллегами в короткие сроки удавалось восполнить пробелы в информации о репертуаре краеведческих библиографических указателей, разыскать потерянные экземпляры; добиться размещения на сайте (в виде правильно оформленных самостоятельных электронных изданий) более 100 указателей, много лет существовавших в единичных экземплярах распечаток.

По результатам мониторинга уже формируется электронная коллекция «Современная краеведческая библиография России» – относительно самостоятельный ресурс в составе Электронной библиотеки РНБ со своей поисковой системой, выделением изданий, отмеченных наградами на профессиональных конкурсах, «привязкой» рецензий и откликов и т. д. Целями создания коллекции являются:

1. обеспечение гарантированной сохранности краеведческих библиографических изданий;

2. обеспечение широкой доступности краеведческих библиографических изданий;

3. содействие продвижению как самих краеведческих библиографических изданий, так и (через них) других краеведческих ресурсов и продуктов библиотек;

4. обеспечение взаимодействия и обмена опытом специалистов российских библиотек в области подготовки краеведческих библиографических изданий;

5. формирование источниковой базы для мониторинга и исследований современного состояния краеведческой библиографии в России;

6. стимулирование работы библиотек по подготовке краеведческих библиографических изданий.

Начальный массив, составляющий около двух тысяч указателей всех видов и жанров, будет ежегодно пополняться изданиями региональных, а впоследствии и других (научных, вузовских, крупных публичных) библиотек.

Еще одно проявление отмеченного равнодушия библиографов-краеведов к результатам своей работы – утрата ясных представлений о ее целях и смысле. Именно это происходит с текущей библиографией местной печати. По данным мониторинга указатели местной печати (946 изданий, в том числе всего 5 ретроспективных) составляют более трети (34,3 %) всего массива краеведческих библиографических изданий. Это наиболее развитый и стабильный его сегмент, в каждой библиотеке включающий целую систему ежеквартальных, ежегодных, а иногда также ежемесячных и дополнительных выпусков и кумуляции за несколько лет.

Проблема, однако, в том, что в существующем виде результаты этой работы практически бесполезны. Важнейшая научная, культурная, практическая задача полного библиографического учета (и на его основе – по возможности полного собрания) местных изданий практически везде ограничена:

– поступлениями в фонд только одной библиотеки;

– поступлениями только по одному каналу: системе обязательного экземпляра, несовершенство которой хорошо известно;

– отдельными видами изданий (иногда только краеведческими по содержанию).

Информация, остающаяся после таких «отсечений», по существу не представляет интереса для обычных пользователей, в лучшем случае являясь для них неполноценной

заменой прекращенных текущих указателей краеведческой литературы; для исследователей истории научной, культурной, издательской деятельности в регионе – она заведомо неполна; для местных законодателей, органов управления библиотечным делом и руководителей библиотек, контролирующих поступление и использование обязательного экземпляра, – недостает фона для сравнения: сведений о количестве и составе изданий, не попавших в библиотеку по этому каналу, и об издающих учреждениях, нарушающих требования законодательства.

По форме же разветвленная система выпусков не облегчает, а, наоборот, затрудняет поиск информации, поскольку при формировании выпусков учитывается не дата издания, а неизвестная пользователю дата поступления в библиотеку, а ретроспективный поиск по многочисленным выпускам требует их сплошного просмотра. Другой возможности у пользователя нет: самостоятельные электронные каталоги местных изданий практически отсутствуют, а «общие» электронные каталоги библиотек (отражающие только местные издания из их собственного фонда), как правило, не предусматривают поиска по признаку «местности» (а часто и вообще по месту) издания.

Вполне доступными решениями, позволяющими одновременно сделать эту систему действительно полезной и сэкономить силы специалистов, могли бы стать:

- воссоздание (в точном соответствии с «Руководством по краеведческой деятельности центральной библиотеки субъекта РФ») самостоятельных электронных каталогов местных изданий, нацеленных на формирование полного библиографического репертуара, независимо от наличия в тех или иных библиотеках;

- расширение круга источников выявления местных изданий (за счет сводных каталогов библиотек региона, электронных каталогов федеральных и других крупнейших библиотек и Российской книжной палаты);

- использование при создании библиографических записей для электронных краеведческих и «общих» каталогов (в одном из свободных 900-х полей) метки «местное издание», как это делают, например, национальные библиотеки Карелии и Республики Коми.

Проблемы текущей библиографии местной печати заслуживают подробного обсуждения, но важно отметить, что для ее реформирования нет препятствий ни в законодательстве об обязательном экземпляре документов, ни

в требованиях Российской книжной палаты к системе «летописей» национальных библиотек, ни в технологии формирования указателей. Об этом свидетельствует опыт редких библиотек, которые продолжают стремиться к полноте учета местной печати: например, Национальная библиотека Карелии, Государственная библиотека Югры, Тульская и Томская областные универсальные научные библиотеки, Камчатская краевая научная библиотека.

В области краеведческих библиографических ресурсов главная и хорошо известная проблема – качество и доступность электронных краеведческих каталогов и массивов записей на краеведческие издания в «общих» электронных каталогах библиотек.

Мы не располагаем объективными данными, характеризующими состояние этих каталогов: исследования такого рода, насколько нам известно, до сих пор не проводились ни в отдельных библиотеках, ни, тем более, в масштабах всей страны. Но наблюдения в ходе практической работы при подготовке методических консультаций и занятий свидетельствуют о многочисленных ошибках при индексировании содержания краеведческих документов и работе с авторитетными файлами (в тех библиотеках, где они ведутся). Вероятно, именно распространенностью и болезненностью этой проблемы объясняется отсутствие даже упоминаний о ней в докладах, публикациях, обсуждениях на профессиональных встречах.

Доступные решения здесь вполне очевидны и связаны, прежде всего, с оптимизацией форм повышения квалификации специалистов региональных библиотек. Мы планируем в рамках Института дополнительного образования РНБ подготовку специального большого курса «Индексирование содержания краеведческих документов. Авторитетный контроль» с большим удельным весом практических занятий и эффективной «обратной связью» со слушателями. С другой стороны, необходимы проведение мониторинга состояния качества индексирования содержания краеведческих документов в электронных краеведческих каталогах и выработка методик тестирования, удобных для применения в самих библиотеках. После перевода в «рабочий» режим работы по мониторингу краеведческих библиографических изданий и формированию электронной коллекции «Современная краеведческая библиография России» именно эти задачи станут первоочередными для специалистов РНБ; понятно, что их выполнение потребует времени.

Но есть не менее важная проблема, которая может быть решена уже теперь. Это – засоренность электронных краеведческих каталогов многочисленными случайными (а иногда и систематическими) мелкими ошибками в библиографических записях. В 2019 г. Свердловской областной универсальной научной библиотекой им. В. Г. Белинского (далее – СОУНБ) совместно с Секцией «Краеведение в современных библиотеках» РБА было проведено тестирование электронных краеведческих каталогов 25 региональных библиотек России, использующих разные автоматизированные системы (ОРАС, ИРБИС–64, Руслан и др.) [4]. Библиотекам предлагалось прислать фрагмент электронного краеведческого каталога объемом 10–15 тыс. записей в формате RUSMARC или во внутреннем формате системы ИРБИС–64, созданных в последние два-три года. Тестирование выполнялось созданной в СОУНБ системой формального контроля библиографических записей [5, 6]. Выявлялись ошибки, обусловленные недочетами в настройках или эксплуатации автоматизированных библиотечно-информационных систем (далее – АБИС), неправильным конвертированием данных и т. п. Предполагалось, что участники получат представление о возможностях формального контроля записей, а также о предоставляемых АБИС средствах, которые могут использоваться для автоматической корректировки или проверки записей, и т. д. «Хотя итоги тестирования разных библиотек серьезно отличались, даже в лучших библиотеках соотношение найденных ошибок к числу проверенных записей составляло около 1 %, а в проблемных случаях оно исчислялось десятками процентов. Практически ни одной биб-

лиотеке не удалось избежать достаточно серьезных ошибок, оказывающих влияние на поиск, – т. е. потенциально утерянных записей» [4].

За последние годы в этой библиотеке разработаны новые инструменты, позволяющие не только обнаруживать и очень быстро устранять накопившиеся ошибки в больших массивах сводного краеведческого каталога «Весь Урал», но и автоматически исправлять только что сделанные в момент закрытия созданной записи; внедрена и совершенствуется технология выявления орфографических ошибок в текстах библиографических записей. К сожалению, эти разработки, с доказанной эффективностью применяемые в СОУНБ, до сих пор не заинтересовали коллег; не было, насколько нам известно, и попыток самостоятельного создания подобных инструментов в других региональных библиотеках или разработчиками крупнейших ПО (ИРБИС, ОРАС Global и др.). Достаточно большая (учитывая растущие объемы обрабатываемого потока краеведческих документов) часть найденных, отобранных, библиографированных материалов продолжает идти в корзину, обесценивая сложнейшую профессиональную работу библиографов-краеведов; объем потерь исчисляется тысячами записей.

Нетрудно заметить, что во всех приведенных примерах мы сталкиваемся с психологическими последствиями объективных и трудноустраняемых препятствий, названных в начале статьи. Но верно и то, что приведение в порядок всех участков краеведческой библиографической работы доступными средствами будет способствовать сохранению оптимизма и работоспособности самих библиографов-краеведов как ценнейшего ресурса краеведческой библиографии.

1. Трубина Е. И. Подготовка и размещение краеведческих библиографических изданий: трудности и типичные ошибки : [онлайн-докл.] // Актуальные проблемы библиотечного краеведения (19 дек. 2022 г.). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=c9bSVSVTyC0> (дата обращения: 11.08.2024).
2. Ванчурова М. Ю., Иванцова Н. С., Пережогина И. Н. Библиографические указатели в Первом всероссийском конкурсе «Авторский знак» // Проблемы краеведческой деятельности библиотек : сб. ст. и материалов. СПб., 2021. Вып. 6. С. 129–144.
3. Леонтьева Т. П. Библиографические указатели во II Всероссийском конкурсе «Авторский знак» // Проблемы краеведческой деятельности библиотек : сб. ст. и материалов. СПб., 2023. Вып. 8. С. 114–120.
4. Негуляев Е. А. Формальный контроль краеведческих каталогов российских библиотек: краткие итоги и рекомендации // Проблемы краеведческой деятельности библиотек : сб. ст. и материалов. СПб., 2020. С. 171–173.
5. Он же. Формальный контроль библиографических записей в корпоративных проектах Свердловской ОУНБ // Двадцать первая международная конференция и выставка LIBCOM–2017 «Информационные технологии, компьютерные системы и издательская продукция для библиотек» (г. Суздаль, 2–24 нояб. 2017 г.). URL: <http://www.gpntb.ru/libcom2017/docl/001.pdf> (дата обращения: 10.08.2024).
6. Он же. Контроль качества библиографических записей: опыт работы в корпоративном проекте «Весь Урал» // Проблемы краеведческой деятельности библиотек : материалы XVIII Всерос. науч.-практ. семинара (г. Омск, 3–6 окт. 2017 г.). СПб., 2018. С. 299–302.

АРХИВ ВИДЕОМАТЕРИАЛОВ ГТРК «КАМЧАТКА» В ФОНДАХ КАМЧАТСКОЙ КРАЕВОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ – ИСТОЧНИК УНИКАЛЬНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

Представлена методика библиографической обработки, анализа и систематизации материалов видеоархива ГТРК «Камчатка». Рассказано об организации доступа к архиву и его продвижении в социальных сетях. Даны краткие сведения о наиболее ценных визуальных источниках информации.

Ключевые слова: документ; телевидение; визуальный источник информации; видеоархив; видео-файл.

Архив оцифрованных видеоматериалов Государственной телерадиокомпании (ГТРК) «Камчатка» был передан Камчатской краевой научной библиотеке им. С. П. Крашенинникова в 2014 г. Первоначально данный массив включал большое количество папок, в заголовках которых выносилась только дата оцифровки входящих в нее видеофайлов (всего около 5 000). Найти необходимую информацию при такой организации архива не представлялось возможным. Предстояла долгая и кропотливая работа по его систематизации.

При первом и довольно беглом знакомстве с видеоматериалами сразу стало понятно, что библиотека приобрела коллекцию уникальных визуальных источников информации. Видео-записи – это сложный, комплексный исторический документ, способный отразить объекты, людей, события не только наглядно и образно, как фотография, но и в движении. На кадрах хроники можно увидеть, как менялись улицы городов и поселков, как строились и работали крупнейшие предприятия Камчатки; познакомиться с повседневной жизнью населения и самобытной культурой коренных народов полуострова.

Работа с архивом началась с просмотра каждого видеофайла. В настоящее время – это более 3 000 документов. По мере обработки материалов количество документов архива значительно сократилось, так как отдельные папки содержали дублетные копии (иногда в разных форматах записи). Предположительно, по окончании работы архив будет насчитывать около 4 000 документов.

Видеозаписи не равнозначны. Одни длятся 10 минут, другие – несколько часов. Часть из них представляет собой полностью смонтированные телевизионные фильмы и передачи, некоторые – черновые, подготовительные материалы, рассказывающие о жизни нашего полуострова. Хочется отметить, что черновые

фрагменты имеют не меньшую ценность, как источники более непосредственные, без выбора лучшего ракурса, без прикрас и без фильтров.

Хронологический охват видеоматериалов довольно широк – с конца 1960 до начала 2000-х гг., но большая его часть включает период второй половины 1970 – 1990-х гг.

На каждый видеодокумент составлено библиографическое описание в соответствии с ГОСТ 7.82–2001 «Библиографическая запись / Библиографическое описание электронных ресурсов» и «Российскими правилами каталогизации» (раздел 13. Кинофильмы и видеозаписи). Библиографическое описание фильмов и смонтированных телепередач не представляет трудностей, т. к. в них указаны авторы, названия и год создания документа (имеются все выходные данные источника информации).

Кроме библиографического описания на каждый просмотренный видеофайл имеется подробная аннотация, в которой указаны следующие сведения: какое событие происходит в кадре, кто в нем участвует, каким лицам оно посвящено, где и в каком году состоялось.

Трудности библиографического описания и аннотирования возникали при работе с черновыми фрагментами и подготовительными материалами телевизионных передач, не имеющими выходных данных, а часто и без звукового сопровождения. Чтобы проаннотировать такой документ, необходимы были знания о жизни региона в определенный временной отрезок. В связи с этим выбрана следующая стратегия работы с документами. Первоначально были просмотрены все видеофайлы готовых, смонтированных фильмов и передач, что создавало определенную насмотренность, запомнились лица и голоса тележурналистов и героев фрагментов. Это помогло в дальнейшей работе по описанию и аннотированию документов.

Год съемки и другие сведения приходилось устанавливать при тщательном просмотре

(иногда, повторном) по малейшим косвенным признакам – внешнему виду улиц населенных пунктов, временным особенностям архитектуры, одежде людей, изображенным в кадре плакатам, разговорам и репликам участников. Авторы видеоматериалов зачастую можно было узнать только по голосам и характерным позам тележурналистов.

Установленные таким образом сведения проверялись и подтверждались. Для этого использовался краеведческий каталог, подшивки местных газет; сверялись даты событий, лица сравнивались с фотографиями в печатных изданиях, с изображениями в других видеоматериалах.

Подробное и тщательное аннотирование необходимо для дальнейшей работы по созданию справочного аппарата к видеоархиву. Грамотно и детально организованный электронный каталог видеоматериалов превратит хаотичную массу папок в логически выстроенную систему, позволит найти документы по любым заданным параметрам. Электронный каталог ведется в программе ОПАК-Глобал (в настоящее время – более 3 000 записей).

При внесении всех данных о видеодокументе (берутся из аннотации) в определенные поля программы, становится возможен поиск материалов не только по авторам или заглавию, но и по ключевым словам, темам, персоналиям, географическим объектам, названиям предприятий и учреждений. Для ввода единообразных названий всех данных параметров создаются словари (например, ключевых слов, географических объектов, наименований предприятий). Это позволит избежать ошибок и разночтений при поиске информации.

После подробного описания и внесения в каталог каждый видеофайл размещается в определенной тематической папке. Названия папок соответствуют таблицам «Библиотечно-библиографической классификации». Например: Вулканология, Геология, История, Культура, Искусство, Экономика и др. Зачастую это дает возможность подобрать видеоматериалы по определенной теме, даже не прибегая к помощи электронного каталога.

Просмотр видеодокументов выявил их широкий тематический охват и целый ряд уникальных источников информации. В первую очередь необходимо упомянуть материалы, в которых зафиксированы наиболее ранние фрагменты о жизни нашего края.

В 1929–1930 гг. Камчатку посетила московская киноэкспедиция во главе с режиссером

А. Литвиновым, которая работала в рамках большого проекта кинодокументалистов. Участники экспедиции провели на полуострове полтора года, прошли около 8 000 км сложным маршрутом, запечатлев уникальный быт коренного населения. Итогом работы экспедиции стали четыре документальных фильма. Данных фильмов в нашем архиве нет, но благодаря камчатским тележурналистам можно увидеть их фрагменты. Они включены в такие телефильмы, как «Амто, Корякия» (2000), «А на Севере праздник» (2000) и ряд других.

Первые видеодокументы о Петропавловске можно найти в художественном фильме того же режиссера Литвинова «Девушка с Камчатки», который снимался у нас на полуострове в 1935–1936 гг. Вместе с героиней фильма Натасей зритель может пройти по главной улице Петропавловска (в настоящее время – Ленинской) 1936 г. Фрагменты данного фильма вошли в телевизионный фильм «Век кино. Камчатка» (2016).

Один из первых документальных фильмов камчатских тележурналистов – «Мальчик из Анавгая» (1967) ярко и красочно рассказывает о жизни северного села Корякского округа. Его автор Е. Лангбурд, представительница одной из старейших династий камчатских просветителей Логиновых-Лонгиновых, стояла у истоков регионального телевидения. Ей посвящен фильм тележурналиста Л. Марьясовой «Евдокия Лангбурд» (2001).

Интересны с исторической точки зрения такие фрагменты, как беседа со старожилом села Паратунка об участии в партизанском отряде Г. Елизова; воспоминания первых коммунистов и комсомольцев полуострова; рассказ супруги Фролова (Н. Фролов – начальник камчатской милиции в 1918–1930 гг.) о пребывании в белогвардейском плену в годы борьбы за советскую власть на Камчатке и другие.

Часть видеоматериалов посвящена историческим местам и памятникам полуострова. Уникальны кадры репортажа об открытии памятника Ленину на Театральной площади в Петропавловске в ноябре 1978 г. Есть материалы об открытии городского мемориала в Парке Победы в районе ул. Дачной, мемориальных досок Л. С. Молчанову (ветерану камчатской милиции), Б. Давыдову, Л. Тушканову (борцам за власть Советов на Камчатке).

Немало записей посвящено уникальной камчатской природе. Например, фильмы известных документалистов В. Иванченко

и В. Шишкова «Циклон» (1985), «Там, где зимует весна», «Мертвая зыбь» (1989). Фильм «Там, где зимует весна» содержит редкий фрагмент интервью с Т. И. Устиновой, ученой-гидрогеологом, открывшей Долину гейзеров в 1941 г.

Благодаря архивным видеоматериалам, сохранились кадры с участием других известных ученых Камчатки. Это основоположники науки о вулканах, сотрудники Института вулканологии В. И. Влодавец, С. И. Набоко, С. А. Федотов; экономист, общественный деятель, писатель Р. С. Моисеев; ученые-орнитологи Н. Н. Герасимов и Е. Г. Лобков; В. В. Петрашева – первый кандидат философских наук среди коренных народов Камчатки и др.

Следующий блок информации – материалы о деятельности различных предприятий края. Показана работа судоремонтных и строительных предприятий, хлебозавода, пищекомбината и молокозавода, жестяно-баночной и швейной фабрик и ряд других. Многих предприятий в настоящее время не существуют, другие претерпели структурные изменения, а сохранившиеся кадры стали историей развития экономики полуострова.

Фильмы, посвященные развитию энергетики Камчатки, расскажут о работе ТЭЦ-1, строительстве ТЭЦ-2 и Мутновской геотермальной электростанции, о начальном этапе строительства газопровода, о пуске каскада Толмачевской гидроэлектростанции.

Ряд телевизионных фильмов был снят к юбилеям крупных предприятий. Это фильмы о становлении, развитии и ветеранах Камчатавтотранса, Камчатавтодора, Камчатского морского пароходства, Камчатского авиапредприятия.

Ведущей отрасли полуострова, рыбной промышленности, тележурналисты уделяли особое внимание, рассказывая о ее достижениях и проблемах. В архиве хранятся фильмы «Море и мы» (1968), «Где купить живую рыбу» (1985), а также фильмы конца 1990 – начала 2000-х гг. «Берег холодного моря», «Будущее лосося» и другие.

Уникальна информация, посвященная выдающимся деятелям культуры и искусства нашего края.

Наиболее полно изобразительное искусство раскрыто в фильме «Камчатская палитра» (1996). Он снят к 20-летию Камчатской организации Союза художников и знакомит с живописцами Ф. Дьяковым, П. Елизовым, В. Санаковым, В. Тришкиным, В. Шохиним,

С. Степановым, В. Ворошиловым и др. Есть фильмы об отдельных художниках (к 60-летию Ф. Тебиева, о творчестве Р. Яушева); фрагменты телепередач о художниках, скульпторах А. Пироженко и В. Крупиной, о самобытном корякском художнике К. Килпалине.

Ряд видеоматериалов раскрывает творчество таких коллективов края, как Камчатская хоровая капелла, Камчатский камерный оркестр. Сохранились записи концертов капеллы на камчатской сцене и в гастрольных поездках, среди них – выступление в Москве в зале Академии музыки им. Гнесиных, выступление со сводным хором у стен Храма Христа Спасителя, выступление на гастролях в США, где хором дирижирует великий музыкант М. Ростропович.

В фильме «Дни Камчатки в Москве» (1997) есть кадры выступления Камчатского камерного оркестра на московской сцене. За дирижерским пультом – создатель и руководитель оркестра Г. Аввакумов, это было его последнее выступление за пределами Камчатки.

В архиве немало фильмов, передач, фрагментов о национальных, фольклорных коллективах края. Например, интервью с создателем, художественным руководителем ансамбля «Мэнго» А. Гилем, записи танцевальных номеров в его постановке, выступления солистов Е. Гиль, И. Жукова, П. Яганова, Т. Романовой. Сохранились фрагменты, запечатлевшие первого профессионального хореографа среди коренных народов Камчатки С. Кевевтегина, одного из создателей Фольклорного ансамбля «Школьные годы» С. Кутынкавава.

Архив хранит видеоматериалы о наших писателях и поэтах, среди которых Н. Санеев, Е. Сигарев, Е. Гропянов, Н. Суздалова, В. Коянто (Косыгин), Г. Поротов. Поротова вспоминают члены его большой дружной семьи, самого поэта в кадре нет, но в фильме звучит его живой голос.

Часть видеозаписей рассказывает о Камчатском театре драмы и комедии, театре кукол, об известных на полуострове актерах и режиссерах, среди которых – Г. Астраханкина, Г. Горицков, А. Савельева, Т. Артемьева, В. Грачев, З. Янышева, О. Бойко, О. Миронов, Е. Егоров, В. Зверовщиков и др. Есть записи спектаклей Камчатского театра драмы и комедии.

Немало сюжетов посвящено медицинским и образовательным учреждениям края. В центре внимания – больницы и поликлиники, школы, техникумы и вузы, врачи и педагоги.

Работа с материалами видеоархива продолжается. Систематизация видеофайлов по темати-

ческим папкам и создание электронного каталога позволяют уже сейчас сотрудникам Информационно-библиографического отдела выполнять запросы по поиску и предоставлению нашим пользователям необходимой информации.

Библиотека продвигает материалы видео-

архива в своих социальных сетях (в настоящее время – Телеграм, ВКонтакте), где реализуется проект «Камчатские хроники». 3-4 раза в месяц публикуются тематические фрагменты и пояснительные заметки к ним, приуроченные к юбилейным датам и праздникам.

1. Головнев И. А. Великая Камчатская киноэкспедиция // Вестник ВГИК. 2013. № 15. С. 18–28. URL: <http://www.valerytishkov.ru/engine/documents/document1981.pdf> (дата обращения 12.09.2024).
2. Головнев И. А. Неведомая земля. Камчатская киноэкспедиция А. Литвинова 1929–1930 гг. // На перекрестке континентов : материалы XXXI Крашенинник. чтений. Петропавловск-Камчатский, 2014. С. 92–101.

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ КЛУБА «КАМЧАДАЛЫ» МИЛЬКОВСКОЙ БИБЛИОТЕЧНОЙ СИСТЕМЫ

Информационно-поисковый клуб «Камчадалы» создан в 1993 г. под руководством заведующей краеведческим отделом Мильковской библиотеки В. З. Михайловой. В статье обобщен практический опыт деятельности клуба по поиску информации о мильковских родах и создании альбомов фамилий коренных жителей района, по сохранению, распространению и популяризации краеведческих знаний.

Ключевые слова: библиотечное дело; библиотеки; Мильковская библиотечная система; Мильково, с.; клубная деятельность; краеведение.

На сегодняшний день одним из приоритетных является социально-культурное направление работы библиотеки. Главный его аспект – организация досуговой, творческой и познавательной активности на принципах открытости, доступности, безвозмездного характера, что в полную мощь позволяет реализовать клубная работа.

Организация клубов и кружков – давняя традиция в библиотечной деятельности. *«Они способствуют созданию в библиотеке атмосферы свободного общения, обмена мнениями и опытом, раскрытия творческих способностей и формирования социальных контактов»* [1]. Это приводит к тому, что в библиотеку приходят новые читатели, которых привлекает неформальный и открытый характер различных объединений по интересам.

В своей статье «Клубная идеология в современной библиотеке» Анна Анатольевна Фомина, доцент кафедры библиотекведения и информационных технологий Алтайского государственного института культуры, отмечает большую роль клубных объединений: *«Существование в библиотеке клубов социальной тематики может свидетельствовать о развитии гражданской активности посетителей библиотеки, когда библиотекарь реализует стратегию создания условий для совместной деятельности читателей, предоставляя им возможности формирования собственных групп и объединений по интересам. В этом случае библиотека становится мощным инструментом развития гражданских отношений в социуме»* [2].

Более чем тридцатилетний опыт работы информационно-поискового клуба «Камчадалы» при Мильковской библиотечной системе подтверждает вышеупомянутые размышления. Созданный в 1993 г., клуб первоначально ставил

перед собой задачи по сбору материалов о бойцах, призванных с мильковской земли на войну, и участниках трудового фронта. Первые два года показали высокую эффективность работы клуба, результатом которой стало установление мемориальных досок с именами погибших на фронтах Великой Отечественной войны. Деятельность участников клуба нашла большой отклик, поддержку у односельчан и жителей района. Накопленный в результате поисковой деятельности материал стал основой для создания «Книги памяти» и издания книги «Никто не забыт, ничто не забыто».

Основными участниками клуба стали старожилы, представители камчадалских родов Милькова: Толман, Плотниковы, Михайловы, Шишкины, Пинигины, Ворошиловы и др., то есть люди, помнящие традиции, ставящие цель сохранить их для будущих поколений. Большой успех реализации первых проектов, мероприятий во многом был обусловлен высоким профессионализмом, энтузиазмом, четкой организацией деятельности клуба под руководством заведующей Краеведческим отделом Мильковской библиотеки Виктории Зиновьевны Михайловой. С самых истоков создания и по сей день клуб «Камчадалы» и Мильковская библиотечная система идут «рука об руку», и этот путь принес большие результаты.

В 1993 г. Викторией Зиновьевной была разработана программа краеведческих уроков для учащихся начальной школы, рассчитанная на 36 учебных часов. Уроки проходили как в учебных заведениях села, так и в стенах библиотеки. Большую помощь в проведении уроков оказали «Камчадалы», которые не только помогали собирать материалы для картотеки обиходной речи камчадалов Мильковской долины, местный фольклор, но и сами участвовали во встре-

чах с детьми, проводили уроки. Такое приобщение к мероприятиям Краеведческого отдела разнообразило общение школьников. Дети слышали речь старожилов, узнавали местные названия предметов обихода, растений, животных и т. п. Данная работа позволила расширить охват населения и популяризировать краеведческое направление деятельности библиотеки.

В начале 1990-х гг. многие местные жители начали устанавливать принадлежность к коренным малочисленным народам Камчатки, которое давало возможность легально осуществлять рыбный промысел, пользоваться льготами. Без них сложно было выжить в «суровые девяностые». Это, в свою очередь, повлекло многие проблемы, а именно – необходимость формирования доказательной базы, составления родословных. Обращение к своим корням, сохранение памяти о роде стало одним из приоритетных направлений деятельности клуба. Участники клуба – представители разных родов, начали составлять альбомы семейных фамилий, возводить тонкие линии к своим предкам. Они бережно собирали информацию, отправляли запросы в архивы, привлекали родственников, поднимали семейные фотографии, делились воспоминаниями. Результаты большой проделанной работы выливались в проведение вечеров, которые собирали родственников. Обращение клуба к данному направлению очень важно, особенно в условиях современной реальности, когда остро стоит проблема сохранения семейных ценностей.

Русский ученый, философ П. Флоренский считал, что *«жизненная задача каждого – найти собственное правильное место в семье и поставить собственную задачу как члена семьи, рода. Только тогда возможно сознательное отношение к своей жизни и к жизни своего народа. И только тогда оправдывается существование личности, когда каждый будет стремиться дать миру лучшее из того, что сберег в семейной памяти и вложил в него весь род. Нужно осознать свою роль в сохранении и приумножении ценностей своего рода и решить, как передать дело сохранения семейных реликвий потомкам»* [3].

Работа по созданию семейных альбомов стала одним из основных векторов деятельности клуба. В процессе сбора информации о своем роде членам клуба приходилось обращаться к семейным архивам, восстанавливать утраченные документы, привлекать к созданию альбомов родственников. Хитросплетения родственных связей, которые вырисовывались в процессе сбора информации, поражают. Бывали случаи знакомства родственников на вечерах фамилий. Наполнение семейного альбома – процесс длительный, мало собрать информацию, ее необходимо красиво оформить. Это увлекательная и непростая работа. Готовые альбомы представлялись на вечерах-встречах «Мильковские фамилии». Судьбы людей, описанные в альбомах, тесно связаны с историей района, по ним можно проследить историю развития и становления села в целом, историю отдельных предприятий, а также спорта и культуры. Были созданы альбомы: Михайловы, Плотниковы, Коршуновы, Шишкины, Пинигины, Ворошиловы, Толман. Позже при содействии Камчатского регионального общественного фонда «Сохраним лосося ВМЕСТЕ!» совместно с просветительским центром «Страна рыбы и рыбоедов» были выпущены полиграфические издания в серии «Камчатская родословная книга».

Данная работа не останавливается, информация постоянно пополняется. Уже нет в живых руководителя клуба «Камчадалы» и некоторых его участников, что стояли у истоков клубного объединения, но есть ценное наследие – семейные альбомы. Семья в России и сегодня является одним из наиболее значимых элементов культуры, несет в себе ценности, обусловленные в том числе спецификой национальной культуры.

«В настоящее время сбережение семейного и родового культурного наследия дает возможность сохранить культурную идентичность народов России и память о своих предках, которая может быть утрачена под натиском чуждых нам зарубежных субкультур» [4].

Опыт работы клуба «Камчадалы» показывает большую эффективность и значимость в деле сохранения истории мильковских родов, популяризации краеведения.

1. Клубная деятельность библиотеки как успешная форма продвижения чтения : метод. рекомендация / ред.-сост. Е. М. Лактионова. Пыть-Ях, 2023. 17 с. URL: <http://www.pytyahlib.ru/wp-content/uploads/2023/03/Klubnaya-deyatelnost-biblioteki-kak-uspeshnaya-forma-prodvizheniya-chteniya.pdf> (дата обращения: 25.09.2024).

2. *Фомина А. А.* Клубная идеология в современной библиотеке // Мир науки, культуры, образования. 2016 № 1. С. 216–218. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klubnaya-ideologiya-sovremennoy-biblioteki?ysclid=m1h2zjo2oa249784980> (дата обращения: 25.09.2024).
3. *Горяченко С. Л.* Семейная память как составная часть историко-культурного наследия // Открытый текст : [электр. период. изд-ние]. URL: <https://opentextnn.ru/history/semeynye-arhivy/gorjachenko-s-l-semejnjaja-pamjat-kak-sostavnaja-chast-istoriko-kulturnogo-nasledija/?ysclid=m1h33jk yus830519295> (дата обращения: 25.09.2024).
4. *Романова Д. Я.* Роль родовой памяти в сохранении культурной идентичности // Культурологический журнал. 2019. № 4. С. 16–19. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-rodovoy-pamyati-v-sohranении-kulturnoy-identichnosti/viewer> (дата обращения: 25.09.2024).

РАЙОННАЯ ГАЗЕТА КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ ПО ИСТОРИИ БЫСТРИНСКОГО РАЙОНА В 1926–1986 гг.

Рассмотрены характерные черты и особенности районной газеты «Новая жизнь» (ранее – «За колхозную жизнь») как комплексного источника информации по истории Быстринского района в советский период с 1926 по 1986 г. Представлена методика работы по анализу, систематизации, хранению и продвижению материалов данного периодического издания.

Ключевые слова: история; Быстринский район; периодические издания; газеты; «За колхозную жизнь», газета; «Новая жизнь», газета; библиотека; краеведческая работа.

Последние два года районная библиотека с. Эссо активно восстанавливает и оцифровывает все выпуски районной газеты «Новая жизнь». В настоящее время оцифрованы подшивки газеты с 1955 по 2009 г. Данную газету можно рассматривать в качестве коллективной памяти Быстринского района. Поиск и сохранение всех номеров газеты в доступном цифровом формате является важной частью краеведческой работы библиотеки, а сам корпус текстов, статей и фотографий за все годы издания может стать источником ценной информации по истории района и его жителей.

Особенности подачи газетного материала в парадигме советской эпохи. Ключевую особенность районной газеты в Быстринском районе в советский период, особенно до середины 1960-х гг., можно объяснить двумя исторически сложившимися предпосылками. Первое, население Быстринского района никогда не было большим, а сам район был одним из самых труднодоступных на Камчатке. Второе, в нем часто ощущалась нехватка специалистов, и зазор между номенклатурной элитой и простыми тружениками был едва различим. В результате такого стечения обстоятельств районная газета приобрела характерные черты новостного листка большой коммунальной квартиры, где смешались и советская идеология, и бытовые проблемы. Газета стала источником повседневных новостей района, изложенных простым и понятным языком. Из газетных заметок и статей читатели часто узнавали об успехах или недостатках своих знакомых и родственников, потому что так или иначе, но каждый читатель газеты через вторые или третьи руки был знаком со всеми жителями территории. Еще одной особенностью районной газеты было то, что значительную часть населения составляли представители коренных народов Камчатки, которые не имели ни малейшего представления о борьбе мирового пролетари-

ата с мировым капитализмом. В итоге, районная газета с момента своего учреждения в 1939 г. стала общественной площадкой первичного применения новой идеологии к населению района. Через нее жителям Быстринского района транслировались новые идеи и формы восприятия социальной и политической реальности.

Тем не менее, надо отметить, что из-за двух предпосылок, описанных выше, в районной газете можно было услышать разные мнения. Через призывы и идеологию новой советской власти еще звучали голоса простых людей, выражающих сомнение, возмущение или свое собственное мнение о конкретных формах новой реальности в Быстринском районе. Советская идеология оставляла достаточно свободы и пространства для обсуждения насущных социальных и экономических проблем района, будь то нехватка дров для средней школы, трудности с поставками товаров повседневного спроса, халатность в работе предприятий, недобросовестное обслуживание в учреждениях культуры, медицины, торговли. Все эти проблемы активно освещались на страницах газеты и рассматривались с точки зрения советской морали и новых принципов ведения хозяйственной деятельности.

В газете новая советская идеология обкапывалась на реалиях труднодоступного района Камчатки. Она вводила в повседневный обиход новые понятия и заставляла читателей мыслить в рамках новой экономической модели: совместные товарищества по выпасу оленей, создание колхозов и совхозов, пятилетний план, итоговый продукт для государства в виде сельхозпродукции или иных товаров и услуг, оправдывающий существование всех этих хозяйственных объединений. Ярким примером прикладного использования советской идеологии могут служить социалистические обязательства первого табуна колхоза им. Молотова в Анавгае, опубликованные в районной газете на эвенском языке в феврале 1953 г. [1].

В начале 1950-х гг. эвенский язык еще преобладал среди простых тружеников тундры в Быстринском районе, и редкие публикации на эвенском языке в районной газете можно рассматривать как попытку донести новые социалистические представления о жизни до максимального количества жителей данной территории. Районная газета также давала новую историческую перспективу, вписывая малый народ в большую борьбу между капиталистами и другими хозяевами жизни, с одной стороны, и народными рабочими массами, с другой, между советским государством и международными агрессорами. Этой задаче служили частые и подробные международные обзоры о политической ситуации в мире на страницах газеты, издававшейся в удаленном камчатском селе.

Газета также несла людям и новую советскую эстетику через описание работы учреждений культуры и многочисленных советских праздников. Советские кинофильмы, правильно оформленная наглядная агитация, новые представления о торжествах или проведении досуга через театральные постановки, спортивные мероприятия, дни предприятий – все эти формы новой советской эстетики успешно вводились в повседневную жизнь. В ход также шли статьи об экономических успехах, радости труда и совместного светлого будущего не только в Быстринском районе, но и на просторах Советского Союза. Отчеты о смотрах художественной самодеятельности, районных праздниках и фестивалях молодежи воплощали и закрепляли эту эстетику и учили через нее воспринимать и оценивать реальность. На страницах газеты происходило обсуждение перемен в жизни малого народа, в том числе и в сфере эстетики. Многие традиции перенимались, адаптировались и получали иное смысловое содержание по советской шкале успеха и процветания. Например, «традиционная ярмарка» постепенно стала «Днем оленевода», где основной акцент делался не на торговле и взаимном обмене, а на значимости профессии оленевода, которая стала воплощением советского труженика тундры.

Огромное значение играла и просветительская роль районной газеты, особенно в 1950–1960-х гг. На страницах газеты публиковалось значительное количество материалов о правилах гигиены и соблюдении профилактических мер в отношении различных заболеваний. Давались советы по полезным свойствам растений и правилам их заготовки и хранения. Много говорилось о воспитании детей, недопу-

стимости пьянства в семье и на рабочем месте. Большое внимание уделялось важности школьного образования и чтения книг.

Со второй половины 1960-х гг. уровень подачи материалов и качество статей в районной газете значительно выросли. В редакции газеты появились свои профессиональные журналисты. В газетных статьях и очерках делались обобщения и выводы, появился свой стиль. Все эти черты были характерны для советской публицистики той эпохи и нашли свое отражение на страницах газеты Быстринского района.

Источник по персоналиям Быстринского района. Районная газета может служить отличным историческим источником по трудовой биографии отдельных людей. Семейная история, на данный момент, очень популярное направление краеведческой работы. Существует большой запрос от читателей библиотеки и жителей района на биографические материалы о родственниках. Публикации в районной газете служат документальным подтверждением «успешной трудовой деятельности» и «достойной биографии» человека. Основной работой здесь является составление библиографических списков персоналий, отмеченных на страницах районной газеты за доблестный труд. Например, в нашей библиотеке есть такой список работников оленеводства. В нем указаны не только ФИО, но и другие основные персональные данные: место работы, должность, наличие фотографий, наград и поощрений. Такие списки помогают составлять целые портфолио данных по своей семье и могут служить отличным дополнением при составлении, например, генеалогического древа, что было отчасти сделано для фамилии Черкановых.

Приведем пример подборки материалов по известному оленеводу района Конону Макаровичу Дыгдычеву. В газете «Новая жизнь» (далее – НЖ) от 22 августа 1965 г. опубликованы данные о награждении Дыгдычева орденом Ленина [2]. В этом же номере размещена большая статья о его трудовой биографии [3]. В НЖ от 5 декабря 1967 г. сам Дыгдычев делится с читателями газеты своими автобиографическими воспоминаниями [4]. В НЖ от 16 июля 1986 г. появляется заметка о присвоении одной из улиц в с. Эссо имени К. М. Дыгдычева, там же опубликована и фотография знаменитого оленевода [5].

Работая с персоналиями, надо учитывать и определенную критику источника. Большинство биографических очерков составлено в терминах, речевых и понятийных оборотах,

а также наборе черт личности, характерных для стандартного советского человека – передовика производства и борца за светлое будущее. В них подчеркивается важная роль советского государства и коммунистической партии в становлении человека как личности, а сам человек часто оценивается и поощряется с точки зрения полезности для общего дела государственного строительства. Поэтому не удивительно, что одного и того же человека могут как хвалить на страницах одного номера газеты, так и порицать на страницах другого, если он, вдруг, не соответствует функции и стандартам советского работника, например, проявляет халатность на работе или не участвует в общественной жизни рабочего коллектива или района. Тем не менее, несмотря на большое количество клише в статьях о тружениках района, из них можно получить достаточно сведений биографического и личностного характера о конкретном человеке.

Отдельным, интересным и познавательным источником по получению персональной информации из районной газеты могут служить избирательные списки кандидатов в районные и сельские советы. Такие выборы проводились в Быстринском районе каждые два года по нечетным годам, и в газете публиковались списки кандидатов с краткой биографической справкой: ФИО, год рождения и место работы. Как правило, среди кандидатов было много людей с руководящих должностей, и такие списки, например, позволяют восстановить имена руководителей различных учреждений Быстринского района в разные годы. В качестве примера укажем список кандидатов в депутаты Быстринского районного совета в 1955 г. [6].

Источник фактов по району. Внимательное чтение районной газеты позволяет выявлять и определять интересные факты по истории Быстринского района. В отличие от воспоминаний старожилов, которые могут видоизменяться в зависимости от ситуации и времени, факты в районной газете публикуются по горячим следам событий. Это могут быть даты строительства и открытия разных объектов, например, школы, клуба, библиотеки, больницы. Или отчеты о событиях: праздниках, фестивалях, спортивных мероприятиях. Или значимых изменениях в жизни района: появление первых домов с термальным отоплением в с. Эссо. Например, интересный факт, рассказывающий о том, когда в Эссо появились первые названия

улиц и нумерация домов, был опубликован в газете «За колхозную жизнь» (далее – ЗКЖ) от 21 октября 1956 г. [7].

На основе фактов можно выстроить хронологию района по годам (что уже отчасти сделано в районной библиотеке) и выявить определенные закономерности, взаимосвязи и отдельные этапы в истории района. Например, активное жилищное строительство, появление крупных производственных предприятий в с. Эссо – дорожного ремонтно-строительного участка, ремонтно-строительного управления, совхозного поселка, а также развитие механизации с начала 1970-х гг. во многом связано с улучшенной транспортной доступностью Быстринского района и появлением круглосуточного электричества.

Также интересны отчеты о поездках значимых людей по территории района: знаменитых артистов, писателей, ученых. Благодаря заметкам в районной газете мы можем отследить приезды Г. Г. Поротова в Быстринский район, его участие в культурной жизни сс. Эссо и Анавгай. Мы предполагаем, что первые стихотворения Поротова об Эссо и Анавгае появились вначале на страницах районной газеты, а потом уже вышли в сборниках стихов. В качестве примера приведем заметку об участии Поротова в создании эвенского танца «Нургэнэк» в Анавгае в 1972 г. [8].

Особое внимание стоит уделять различным заметкам о работе фотожурналистов и киногорупп, которые делали репортажи и снимали фильмы на территории района. Впоследствии, это может помочь обрести ценный визуальный материал: фотографии и эпизоды из фильмов, снятые на территории района. Так, в фильме «Беспокойные сердца», который повествует о комсомольцах СССР, есть эпизод, снятый на территории района в 1971 г. [9]. Появляется с. Эссо и в кадрах из фильма «Девушка с Камчатки». Этот фильм был снят в 1935 г., и две минуты экранного времени, показывающие с. Эссо, дают очень много краеведческой информации об облике села, его жителях и их традициях в те годы. Работа с районной газетой позволила также узнать о создании первого любительского документального фильма о районе в 1972 г. и найти единственную цифровую копию этого фильма [10].

Надо отметить одну особенность подачи фактов советской эпохи в районной газете. Все они четко укладываются в трактовку светлого будущего, которое уже наступает здесь и сейчас.

Любые новостройки – это признак развития и улучшения жизни. Статьи о праздниках и фестивалях – это отражение все более интересной и насыщенной культурной жизни советского государства. Все факты в районной газете – это успехи советского государства, и они прямо свидетельствуют о том, что даже такой удаленный район, как Быстринский, идет в ногу со временем. Показательны в этом плане выпуски районной газеты к юбилейным датам Быстринского района, например, к 25-летию района в 1955 г. [11] и к 50-летию в 1976 г. [12].

История организаций и учреждений. Появление, расцвет и закат различных организаций на территории Быстринского района является неотъемлемой частью его истории. В качестве примера можно привести историю районного Дома культуры и сети кинофикации. Обе эти организации относились к учреждениям культуры района и выходили далеко за рамки простого показа фильмов и проведения смотров художественной самодеятельности. Их история хорошо отслеживается в газетных публикациях в хронологическом порядке. Из этих публикаций видно, как усложнялись формы работы учреждений культуры, превращаясь в отдельные виды деятельности: появление народного театра, университета культуры, недели кино, творческих встреч с артистами и писателями, создание национальных танцевальных коллективов. Деятельность учреждений культуры тесно переплеталась с работой других организаций района. Например, в агитбригадах, которые вылетали на обслуживание оленеводческих звеньев, были не только артисты, но и медицинские работники, и ветврачи, и журналисты. Обслуживал такие агитбригады аэропорт, предоставляя им для работы вертолеты Ми-4.

Приведем пример работы районной киносети с цифрами о количестве киносеансов и зрителей в 1972 г. [13]: отчет о новом спектакле Быстринского народного театра в июне 1977 г. [14]; Материалы о неделе детского кино в районном Доме культуры в мае 1978 г. [15]; выступлении артистов Москонцерта в Эссо в декабре 1974 г. [16]; работе агитбригад в оленеводческих звеньях в феврале 1979 г. [17]; работе университета культуры при районном Доме культуры в феврале 1979 г. [18].

История учреждений отражается в заметках и статья о специалистах, работавших в этих организациях. В них присутствуют, как критика, которая без сомнения влияла на исправление недостатков в работе, так и поощрение, что создавало специалисту профессиональ-

ную репутацию. Например, заметка о поощрении кузнеца ремонтно-строительного участка А. Т. Пеньковского в 1972 г. [19]. Можно даже предположить, что многие жители района воспринимали себя самих, свое место в обществе, а также других жителей района через профессиональную презентацию, представленную районной газетой.

Каждое учреждение и предприятие района ко дню своего профессионального праздника публиковало отчет о своей работе. В качестве примера можно привести аэропорт села Эссо. 18 августа в СССР отмечался День авиации. Каждый год в районе этой даты, начиная с 1970-х гг., в газете появлялась публикация за подписью начальника аэропорта, в которой сообщалось об успехах этого предприятия и часто приводились цифры по грузоперевозкам и пассажиропотоку [20].

Хозяйственная деятельность. Текущая работа учреждений района плотно освещалась на страницах районной газеты. Хозяйственная деятельность активно обсуждалась. Из недостатков работы делались выводы, а передовой опыт поощрялся. На страницах районной газеты публиковалось большое количество экономической аналитики, например, производственные показатели совхозов и оленеводческих звеньев в центнерах, литрах, штуках. Читатели газеты были в курсе всей хозяйственной деятельности Быстринского района. Они знали, сколько квадратных метров жилья сдавалось в каждом году, сколько кинокартин было показано в районе. Сводки с полей публиковались регулярно и создавали неповторимую атмосферу интенсивной хозяйственной деятельности.

Например, в апреле весь район следил за отчетной компанией в оленеводческих звеньях, летом все организации отчитывались о темпах и объемах заготовки сена, осенью наступала уборочная пора на полях районных совхозов. Весь район следил за крупными стройками: новой школой в первой половине 1970-х, нового клуба в конце 1970-х гг. и другими строительными объектами.

Появлялся на страницах районной газеты и более глубокий анализ хозяйственной деятельности предприятий. Обычно он состоял из серии очерков в нескольких номерах. Например, цикл статей «Семь дней в РСУ» о работе одного из самых крупных предприятий района, опубликованный в газете в августе-сентябре 1978 г. [21]. В нем дается детальный разбор производственных процессов и халатного отношения к

работе, которые послужили причиной значительного отставания от программы капитального строительства в районе в 1978 г. Очерки оценивают и работу конкретных людей: строителей, прорабов, штукатуров, водителей; и причины низкой производительности труда, расточительства, несогласованности планов; и равнодушие партийной организации ремонтно-строительного управления [22].

Хозяйственная деятельность на страницах газеты подавалась в рамках советской идеологии о наращивании темпов производства и улучшении общего благосостояния жителей страны. Она часто была в виде соревнований, например, между оленеводческими звеньями двух совхозов Быстринского района или между двумя районами: Быстринским и Тигильским. Сравнительные сводки успехов двух районов регулярно публиковались на страницах газеты. Часто экономические успехи указывались в процентах от плана, но были и абсолютные цифры. Они позволяют оценить экономическое состояние не только Быстринского, но и Тигильского района, сравнить, например, поголовье оленей или количество новых специалистов в сфере сельского хозяйства в двух районах. Ярким примером публикации экономических показателей в абсолютных цифрах может послужить «Договор о социалистическом соревновании в 1973 году между тружениками сельского хозяйства Быстринского и Тигильского районов», появившийся на страницах районной газеты в марте 1973 г. [23].

Еще одним источником интересной и познавательной информации являются социалистические обязательства учреждений и предприятий района на грядущий год. Они обычно публиковались на страницах районной газеты в декабре и январе. Социалистические обязательства ненамного отличались от реальных цифр хозяйственной деятельности в районе. Рассмотренные в хронологическом порядке, они позволяют оценить появление и становление новых учреждений в Быстринском районе, а также динамику объемов производства сельхозпродукции, товаров и услуг. В качестве примера приведем социалистические обязательства совхоза «Быстринский» на 1972 г. [24] и на 1978 г. [25].

Нужно учитывать, что такое глубокое освещение хозяйственной деятельности района предполагало и наличие читателей, которые были бы в состоянии оценить и разобраться в хитросплетениях экономических показате-

лей и принципах работы предприятий. Работа предприятий и их специалистов оценивалась в рамках широкой общественной площадки, которой являлась районная газета. Такое общественное обсуждение хозяйственной деятельности в исторической перспективе благоприятно влияло на улучшение качества работы и профессиональный рост сотрудников, что тоже можно отследить по публикациям в районной газете. Районная газета выступала в роли своеобразного хозяйственного университета, в котором читали лекции о текущих событиях из сферы экономики, проводили семинары, подводя итоги хозяйственной деятельности за отчетный период, например, пятилетку, сдавали экзамены, когда критиковали те или иные недостатки в работе. В итоге, можно предположить, что у читателей газеты развивался достаточно высокий уровень хозяйственной грамотности.

Первые попытки обобщения и осмысления истории района. Так как Быстринский район был самостоятельной административной и территориальной единицей, ему требовался собственный исторический нарратив, который отражал бы в понятиях советской идеологии этапы истории района. Требовалось из текущей исторической реальности выделить знаковые события и тенденции, которые легли бы в основу истории района. Так как на территории района проживали представители коренных и малочисленных народов Севера, требовалось увязать их судьбу и историю малых народов с историей большого советского государства. Подобные попытки осмысления истории Быстринского района предпринимались на страницах газеты неоднократно.

Одним из первых это сделал К. С. Черканов, который учился на историческом факультете Хабаровского пединститута в 1950-х гг. Тяга к знаниям, а также преобразование экономической и общественной жизни, зарождение и формирование своей национальной интеллигенции стали основными мотивами, которые он использовал при написании исторического нарратива Быстринского района. Мы можем хорошо отследить эти идеи в публикациях Черканова в районной газете в конце 1950-х гг. В статье «История одного села», появившейся в ЗКЖ 24 октября 1957 г., на примере зарождения с. Анавгай, прослеживается четкая канва исторического рассказа о значительных изменениях к лучшему в жизни малого народа, которые стали возможны только благодаря участию советской власти [26]. В заметке «Рост

национальной интеллигенции» Черканов показывает, как интерес к знаниям, а также появившаяся возможность получить хорошее образование привели к формированию управленческих кадров и хороших специалистов из числа представителей северных народов [27]. В статье «Свидетельство роста» от 2 октября 1958 г. на основе фактов аргументировано объясняется, как преимущества советского типа хозяйствования привели к экономическому росту Быстринского района. В ней также говорится об улучшении медицинского обслуживания населения и росте числа грамотных жителей района [28]. Таким образом, в своих исторических заметках Черканов выделяет знаковые события в истории Быстринского района первых лет и дает им толкование в рамках советской исторической интерпретации.

В основу исторического нарратива Быстринского района также легли воспоминания и научная деятельность Е. П. Орловой в Быстринском районе в 1920, в конце 1950 и в начале 1960-х гг. В 1920-х гг. при Орловой происходило становление района как самостоятельной административной единицы. Она же в роли одного из первых учителей участвовала в зарождении школьного образования в будущем селе Эссо. Во время своего второго визита в Быстринский район в 1958 г. Орлова сделала в рамках советской концепции прогресса и успеха широкий сравнительный анализ достижений района в экономической жизни за тридцать лет. Эти воспоминания были опубликованы на страницах районной газеты только в 1976 г., но их без сомнения слышали жители сел Эссо и Анавгай в 1958 г., когда Орлова выступала с лекциями в районе [29]. Во время третьего визита в Быстринский район в октябре 1961 г. Орлова также выступает перед жителями Эссо с лекцией об освоении Камчатки и замечательных переменах в жизни полуострова в период советской власти. Она же выступает на радио с беседой о хозяйственных и культурных изменениях в Быстринском районе, который она впервые посетила 35 лет назад [30].

С конца 1950-х гг. газета стала уделять больше внимания воспоминаниям старожилов района и публиковать их на своих страницах. Как правило, в таких публикациях старожилы оценивали историю района по шкале «как было и что стало». Анализ этих воспоминаний позволяет выделить основные критерии благополучия района с точки зрения его жителей к 1967 г. – 50-летию юбилею Октябрьской

революции. К ним относятся строительство жилья: отдельных домов для семей; появление техники и электричества в районе: автомобили и сельхозтехника; строительство отдельных специализированных магазинов; регулярное авиасообщение с областным центром; улучшение снабжения продуктами и товарами повседневного спроса благодаря строительству дороги Крапивная – Эссо. Особое внимание старожилов, преимущественно из представителей местного коренного населения, уделяли появлению и развитию медицины и медицинских услуг в Быстринском районе. Подобное сравнение было очень контрастным: от шаманов к профессиональным врачам, от юрты к собственной квартире, от собачьей упряжки к тракторам, сельхозмашинам и авиации [31–35].

К 50-летию юбилею Октябрьской революции в 1967 г. на страницах газеты был размещен большой очерк о становлении первых советов у эвенов, в котором описывались годы утверждения советской власти в Быстринском районе. Автором очерка был старший преподаватель Камчатского пединститута М. П. Стельных [36].

К 50-летию юбилею района в 1976 г. главный редактор районной газеты М. А. Собинов, а также председатель Анавгайского сельсовета П. И. Адуканов навестили Е. П. Орлову в Ленинграде и взяли у нее большое интервью [37]. Материалы этого интервью вышли в первой половине 1976 г. в серии очерков под общим заголовком «Живая связь времен» и вызвали живой интерес и отклик у читателей районной газеты [38]. На призыв редакции откликнулись старожилов, и газета опубликовала их воспоминания в серии статей под общим названием «По пути свершений» [39]. В этих статьях больший акцент ставился уже не на решающую роль советского государства в строительстве социализма в дальней провинции, а на героический подвиг отдельных тружеников, которые в сложных условиях жизни смогли создать и привести к успеху Быстринский район. Воспоминания старожилов охватывали период от 1930-х до 1960-х гг. и закладывали вехи к истории отдельных учреждений района, например, Быстринской средней школы-интерната [40].

Третий раз большая серия очерков о первых десятилетиях Быстринского района появилась в газете в 1981–1982 гг. К 55-летию района в 1981 г. на страницах газеты была опубликована большая глава из рукописи Е. П. Орловой «Изменение быта и культуры народов севера Камчатки

в советский период» [41]. В ней прослеживается история эвенов с момента появления их на Камчатке в середине XIX в. и до конца 1950-х гг., а также оцениваются разные виды хозяйственной деятельности эвенков до и в годы советской власти.

В 1982 г. в серии статей под общим заголовком «Пережитое» журналист В. Коваленко «определил лишь основные штрихи прожитого небольшой народностью нашей Родины, да и то лишь до начала сороковых годов», и переосмыслил становление Быстринского района и судьбы связанных с этими событиями людей в четких рамках советской идеологии на основе газетных публикаций 1940-х гг. и воспоминаний старожилов, многие из которых были ветеранами коммунистической партии и занимали руководящие должности в районе в те и последующие годы [42]. Коваленко приводит много фактов из повседневной жизни тех лет, рассказывает о появлении некоторых учреждений района: районной газеты, узла связи, школы. В этой же серии статей на страницах газеты Коваленко разместил хронологию событий и свершений в районе по годам, на которую уже впоследствии опирались другие авторы публикаций по исто-

рии района как на установленный факт [43]. Коваленко признавал, что история Быстринского района – нетронутый пласт, призывал писать о событиях и особенно о людях – творцах истории района, о которых должно помнить грядущее поколение [44].

В более поздние годы на страницах газеты также предпринимались попытки рассказать и восстановить историю Быстринского района. В это время появился интерес к истории повседневности из рассказов старожилов о том, «как это было на самом деле» вне рамок советской идеологии.

Подводя итог, можно с уверенностью отметить, что районная газета в советский период сыграла решающую роль в формировании образа Быстринского района как отдельной территориальной единицы, отличающейся своим типом хозяйствования, формами культурной и общественной жизни, а также активным и инициативным населением. В дальнейшем имеет определенный исследовательский смысл сравнить газету Быстринского района с газетами других районов Камчатского края, чтобы выделить общие черты или оттенить уникальные особенности этих печатных изданий.

1. Социалистические обязательства пастушьей бригады первого табуна колхоза имени Молотова: текст на эвен. яз. // За колхозную жизнь. 1953. 5 февр.
2. Поздравляем с высокой наградой: список трудящихся Быстринского р-на, награжд. правительств. орденами и медалями // Новая жизнь. 1965. 22 авг.
3. Черканов К. Дыгдычев принимает табун: трудовая биограф. К. М. Дыгдычева // Там же.
4. Дыгдычев К. Труд у нас в почете: трудовая автобиограф. // Там же. 1967. 5 дек.
5. Улица знатного земляка: наименование улицы К. М. Дыгдычева в Эссо в честь 60-летия Быстринского р-на // Там же. 1986. 16 июля.
6. Список кандидатов в депутаты районного совета // За колхозную жизнь. 1955. 3, 6 февр.
7. О наименовании улиц и нумерации домов в районном центре – с. Эссо // Там же. 1956. 21 окт.
8. Петров А. На сцене – эвенский танец: создание эвен. танца «Нургэнэк» в Анавгае // Новая жизнь. 1972. 16 авг.
9. Кичигина З. Наши гости – кинематографисты: съемки эпизода фильма «Беспокойные сердца» на территории Быстринского р-на // Там же. 1971. 4 авг.
10. Зорин В. Первый любительский: первый любит. док. фильм о жизни в Быстринском р-не // Там же. 1972. 22 нояб.
11. Празднование 25-летия нашего района // За колхозную жизнь. 1955. 15 дек.
12. Юбилейный выпуск газеты «Новая жизнь» в честь 50-летия Быстринского района // Новая жизнь. 1976. 12 авг.
13. Нагурная Т. Если любишь работу: отчет о работе район. сети кинофикации с цифрами и фактами // Там же. 1972. 5 апр.
14. Борисов Р. Веселый спектакль: новая постановка Быстринского нар. театра // Там же. 1977. 11 июня.
15. Иванова И. Неделя детского кино: в РДК Эссо // Там же. 1978. 17 мая.
16. Иванова Л. Позабыть нельзя: выступление артистов Москонцерта в Эссо // Там же. 1974. 5 дек.
17. Чернявский Л. Агитбригада – курс тундра: о работе агитбригад в районе // Там же. 1979. 14 февр.
18. Кузьмина Т. Факультет искусства: занятия университета культуры при РДК // Там же. 1979. 24 февр.
19. Пеньковский Александр Тимофеевич: кузнец ремонтно-строительного участка // Там же. 1972. 16 авг. : фот.

20. Карендясов Б. Праздник встречаем успехами: о работе аэропорта села Эссо // Новая жизнь. 1971. 18 авг.
21. Коваленко В. Семь дней в РСУ. Часть 1. Потерянное время // Там же. 1978. 9 авг.
22. Он же. Семь дней в РСУ. Часть 7. На холостом ходу // Там же. 1978. 6 сент.
23. Договор на социалистическое соревнование в 1973 году между тружениками сельского хозяйства Быстринского и Тигильского районов // Там же. 1973. 31 марта.
24. Социалистические обязательства совхоза «Быстринский» на 1972 год // Там же. 1972. 12 янв.
25. Социалистические обязательства коллектива совхоза «Быстринский» на 1978 год // Там же. 1977. 28 дек.
26. Черканов К. История одного села: первые годы села Анавгай // За колхозную жизнь. 1957. 24 окт.
27. Он же. Рост национальной интеллигенции // Там же. 1957. 8 сент.
28. Он же. Свидетельство роста: перемены в экономической жизни Быстринского р-на в 1930-х годах // Там же. 1958. 2 окт.
29. Лекция в РДК: лекция, прочитанная Е. П. Орловой в Эссо об изменениях в Быстринском р-не за тридцать лет // Там же. 1958. 7 авг.
30. Васильев Н. Слово о нашем районе: лекция Е. П. Орловой в Эссо // Там же. 1961. 12 окт.
31. Черканов В. И. Необычное стало обычным: воспоминания старожила района // Там же. 1958. 7 нояб.
32. Кузнецов П. Эссо сегодня: воспоминания старожила района // Там же.
33. В нашем национальном: перемены в хозяйственной жизни района // Там же.
34. Солодилов Е. Т. Наша жизнь становится зажиточнее и культурнее: о переменах в селе Тваян // Там же. 1960. 7 нояб.
35. Покатилов Н. Ради света на земле: воспоминания старожила района // Новая жизнь. 1967. 7 нояб.
36. Стельных М. П. Первые советы у эвенов: первые годы становления советской власти в Быстринском р-не // Там же. 1967. 5 марта.
37. Собинов М. А. Живая связь времен: встреча с Е. П. Орловой в Ленинграде // Там же. 1976. 7 апр.
38. Он же. Живая связь времен. К 50-летию Быстринского района // Там же. 1976. 14 апр.
39. По пути свершений: воспоминания группы ветеранов района и Е. П. Орловой // Там же. 1976. 19 июня.
40. Севостьянова С. П. По пути свершений: воспоминания о работе в сред. школе с. Эссо в 1940–1960-х гг. // Там же. 1976. 21 июля.
41. Страницы истории. Навстречу 55-летию Быстринского района: публикация главы из рукописи Е. П. Орловой // Там же. 1981. 1 авг.
42. Коваленко В. Пережитое. Репортаж из прошлого: воспоминания ветеранов района // Там же. 1982. 7, 16, 23 окт.
43. Он же. Пережитое. Репортаж из прошлого: первая хронология Быстринского р-на // Там же. 1982. 13 нояб.
44. Он же. Пережитое. Репортаж из прошлого // Там же. 1982. 29 дек.

ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА НА САЙТЕ КАМЧАТСКОЙ КРАЕВОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ИМ. С. П. КРАШЕНИННИКОВА: СТРУКТУРА, СОДЕРЖАНИЕ И ПРОДВИЖЕНИЕ

Рассказано об информационных краеведческих ресурсах Электронной библиотеки на сайте учреждения (*kamlib.ru*): «Берингия», «Выдающиеся личности в истории Камчатки», «Историко-краеведческие публикации», «История Петропавловска-Камчатского», «История населенных пунктов Камчатки», «Камчатка в центральной прессе». Раскрыто их содержание, пути продвижения, особенности рекламы и использования в работе библиотеки.

Ключевые слова: библиотечное дело; Камчатская краевая научная библиотека им. С. П. Крашенинникова; краеведение; информационные ресурсы.

Электронная библиотека находится на главной странице сайта Камчатской краевой научной библиотеки им. С. П. Крашенинникова в разделе «Ресурсы».

Страница Электронной библиотеки открывается вступительной статьей. Имеется поисковая строка по авторам или словам из названия. Содержит следующие краеведческие информационные ресурсы: «Берингия», «Выдающиеся личности в истории Камчатки», «Историко-краеведческие публикации», «История Петропавловска-Камчатского», «История населенных пунктов Камчатки», «Камчатка в центральной прессе».

«Берингия». «Берингия» на Камчатке – это традиционная экстремальная гонка на собачьих упряжках. Проводится ежегодно с 1990 г. В 1991 г. занесена в Книгу рекордов Гиннеса как самая протяженная в мире. Имеет статус официального праздника Камчатского края и уже давно стала визитной карточкой зимней Камчатки. В гонке принимают участие как российские, так и иностранные каюры. О ней написано немало статей и книг.

В 2019 г. был создан одноименный информационный ресурс. В нем представлена вся история и современность гонки, начиная с 1990 г. по настоящее время. Включает оцифрованные статьи из камчатских газет, описания книг, в отдельных случаях – краткие фрагменты из книг. Расположение материала – хронологическое. Имеется поисковая строка по годам проведения гонки.

Читатели узнают об участниках и победителях Берингии, рекордах и призах, знаменитых каюрах, в том числе и женщинах, детской гонке «Дюлин», маршрутах и этапах гонки и получают много другой познавательной информации. Кроме полнотекстовых статей, на странице ресурса представлены видеоматериалы,

посвященные этой теме. Это мнения камчатских журналистов о ресурсе «Берингия», интервью с участницей детской гонки «Дюлин» Софьей Руденко, с судьей Камчатского центра ездового спорта Яной Чикиной и другие интересные видеосюжеты.

«Выдающиеся личности в истории Камчатки». Данный ресурс создан в 2021 г. Было принято решение наполнять его персонами, которые являются юбилеями в определенном месяце текущего года. Это известные мореплаватели, путешественники, исторические деятели, представители науки и культуры.

Каждая личность сопровождается биографической справкой. Далее предлагается список литературы, который включает авторские работы (если таковые есть), выборочно оцифрованные тексты статей из газет (это могут быть беседы, автобиографии, статьи о жизни и деятельности персоны), в отдельных случаях даются ссылки на полные тексты книг из Национальной электронной библиотеки, а также на статьи краеведческих сборников, таких как «Крашенинниковские чтения», «Вопросы истории Камчатки», «Камчатский летописец», «Краеведческие записки».

На сегодняшний день в данном ресурсе представлено 33 личности. Среди них В. В. Атласов, В. Й. Беринг, А. И. Чириков, С. П. Крашенинников, Г. В. Стеллер, В. С. Завойко, А. С. Лукашевский, Б. П. Полевой и др.

«Историко-краеведческие публикации». Этот информационный ресурс состоит из пяти разделов:

1. **Авторский раздел С. В. Гаврилова.** Создан в 2012 г. по инициативе известного на Камчатке историка-краеведа Сергея Витальевича Гаврилова. В нем представлены биография и труды писателя. Это электронные копии книг, очерков, статей и редакторских

работ. В настоящее время в его авторском разделе размещено 102 копии книг.

2. Дореволюционные издания. Раздел включает электронные копии книг (XIX – нач. XX в.) из редкого фонда и краеведческого депозитария библиотеки. Это описания путешествий, обзоры, сочинения, записки, письма, содержащие ценные географические, исторические, этнографические сведения о Камчатке. Расположение материала – алфавитное. Раздел ежегодно пополняется.

3. Издания советского периода. Раздел также включает электронные копии книг (1917–1970-х гг.) из краеведческого депозитария библиотеки. Это географические и этнографические очерки, статистические материалы, отчеты губревкома. Расположение – алфавитное. Раздел ежегодно пополняется.

4. Современные издания. В этом разделе разместили электронные копии авторских книг и составительских работ камчатского писателя и краеведа Сергея Ивановича Вахрина. Например, «Деревенка моя Усть-Камчатск», «Камчадалы – герои Отечества», «Камчадалы – защитники Отечества», сборник «Камчатка – Россия – Мир», трехтомник о землепроходце Камчатки XVII в. Владимире Атласове и другие исторические труды писателя.

5. Периодические издания – раздел находится в разработке. Будет включать копии камчатских газет из фондов библиотеки.

«История Петропавловска-Камчатского». Ресурс подготовлен в 2020 г. к 280-летию города. Состоит из 10 разделов:

1. *Общие работы.*
2. *История города. Комплексные работы.*
3. *Документы и воспоминания XVIII–XIX вв.*
4. *Петропавловская оборона 1854 г.*
5. *Документы и воспоминания XX в.*
6. *История микрорайонов и улиц.*
7. *Памятники и памятные доски.*
8. *Петропавловск в произведениях искусства.*
9. *Библиография.*
10. *Петропавловск-Камчатский по страницам газеты «Камчатская правда» в юбилейные годы (1935–1990).*

Каждый раздел по-своему интересен. Они содержат полные тексты книг (в отдельных случаях – содержание и предисловие), выборочно исторические статьи, статьи за период с 2005

по 2020 г., иллюстративный и газетный материал. Также даны ссылки на труды по истории города камчатских краеведов С. В. Гаврилова и С. И. Вахрина, на дореволюционные издания и издания советского периода.

Пользователи узнают, каким видели Петропавловскую гавань мореплаватели и путешественники в XVIII и XIX вв, познакомятся с архивными документами обороны Петропавловска в 1854 г., историей микрорайонов и улиц, увидят город в произведениях искусства, а также полистают страницы газеты «Камчатская правда» в юбилейные годы Петропавловска, начиная с 1935-го г по 1990-й.

«История населенных пунктов Камчатки». Ресурс создан в 2023 г. В нем содержится справочный материал о крае, округах, районах, поселках и селах. На сегодня в этом ресурсе представлено 10 административных единиц из 16.

Например, *Милюковский муниципальный округ*. На его странице пользователи видят объемную историческую справку об округе; список литературы, который включает официальную информацию (это сайт администрации округа, его устав); далее – отдельные издания по округу; полные тексты статей из сборников, краевых газет и милюковских газет «Знамя труда» и «Милюковские новости». После списка литературы – перечень сельских поселений: Атласовское сельское поселение (пос. Атласово, Лазо, Таёжное); Милюковское сельское поселение (сс. Милюково, Шаромы, Пушино). На каждый населенный пункт округа дана краткая справочная информация и список литературы с оцифрованными статьями. Читатели узнают, как создавался, развивался, строился район и много другой полезной информации.

«Камчатка в центральной прессе». Ресурс содержит выборочные статьи о Камчатском крае из центральной периодической печати с 1994 г. Доступен поиск статей по годам. Пополняется ежегодно. Здесь пользователям предлагается краеведческий материал из Российской газеты, журналов «Библиотека», «Вокруг света», «Чудеса и приключения», «Природа», «Гео», «Рыбное хозяйство» и др.

Все вышеперечисленные информационные ресурсы своевременно редактируются, дополняются, обновляются. Почти все использованные в них источники литературы хранятся в фонде нашей библиотеки. В некоторых случаях даются ссылки на полные тексты книг Национальной электронной библиотеки и ссылки на ресурсы других учреждений.

Важным моментом является не только наполнение их информацией, но и реклама среди широкого круга пользователей. Обязательно делается рассылка писем коллегам из других библиотек Камчатского края о создании или дополнении того или иного краеведческого ресурса. На библиотечных страницах в социальных сетях «ВКонтакте», «Телеграм», на платформе «Яндекс. Дзен» ведется рубрика «Гид по сайту», в котором дается краткая информация о ресурсе и прямая ссылка на него; через рубрику «Камчатские хроники» рекламируются «Выдающиеся личности в истории Камчатки».

Отдельно хочется отметить использование информационных краеведческих ресурсов в **Календаре знаменательных и памятных дат по Камчатскому краю**. Если ранее в Календаре после справки о юбилейной дате приводился классический список литературы, то сегодня пользователям предлагаются прямые ссылки на источники, использованные как в ресурсах Электронной библиотеки, так и в других разделах сайта ККНБ.

Например, юбилейная дата (170 лет) героической обороны Петропавловска-Камчатского в 1854 г. После краткой информации о дате читателям представлены прямые ссылки на полные тексты статей из следующих ресурсов Электронной библиотеки: История г. Петропавловска-Камчатского, Авторский раздел С. В. Гаврилова, Камчатка в центральной прессе, Авторские и составительские работы С. И. Вахрина, также даны статьи из сборника «Крашенинниковские чтения». Здесь читатели видят не только прямые ссылки, но и пошаговый путь размещения ресурса на сайте библиотеки:

РЕСУРСЫ – Электронная библиотека – **История г. Петропавловска-Камчатского**:

Петропавловская оборона в 1854 г. : [архивные документы]. – URL: https://kamlib.ru/resources/full_text_search/arkhivnye-dokumenty-oborony-petropavlovsk-1854g/ (дата обращения: 23.08.2023).

РЕСУРСЫ – Электронная библиотека – Историко-краеведческие публикации – **Авторский раздел С. В. Гаврилова** – **Ежегодники**:

Гаврилов С. В. Камчатские истории. Исторические очерки / С. В. Гаврилов. – Петропавловск-Камчатский, 2021. – 656 с. – (Библиотека «Вопросов истории Камчатки»). – **Из содерж.:** День памяти защитников Отечества : [как го-

довщина Петропавловской обороны отмечалась на Камчатке в разные годы]. – С. 40–55; Павшие герои Петропавловской обороны; «Пардону» врагу не дали. – С. 22–28. – URL: <https://kamlib.ru/upload/medialibrary/c95/kamch-hyst.pdf> (дата обращения: 23.08.2023).

КРАЕВЕДЕНИЕ – Крашенинниковские чтения:

Вахрин С. И. Как Елагины и Овцыны свой город защищали : [новые сведения об участниках и героях обороны] // Отчизны верные сыны : материалы XXXII Крашенинниковских чтений. – Петропавловск-Камчатский, 2015. – С. 89–104. – URL: https://kamlib.ru/upload/iblock/70e/kak_elaginy_i_ovtsyny_svoy_gorod_zashchishchali.pdf (дата обращения: 23.08.2023).

В целях продвижения Электронной библиотеки в 2023 г. была подготовлена необычная выставка под названием «Путеводитель по информационным ресурсам на сайте Камчатской краевой научной библиотеки им. С. П. Крашенинникова». На стеллаж выставили 10 ламинированных слайдов формата А3, раскрывающих структуру Электронной библиотеки и содержание ее информационных ресурсов. На слайде с наименованием ресурса в правом нижнем углу есть QR-код, позволяющий быстро перейти на данную страницу сайта.

В основе продвижения Электронной библиотеки и ее информационных ресурсов заложен принцип взаимосвязи разных составляющих. С одной стороны – через выставку слайдов с QR-кодами читатели знакомятся со структурой и содержанием Электронной библиотеки. С другой – продвигая ее отдельные информационные ресурсы через информирование коллег других библиотек края, интернет-платформы, Календарь знаменательных и памятных дат, пользователи путем прямых ссылок посещают на сайте Электронную библиотеку.

Статистика показала, что за год (с сентября 2023 по сентябрь 2024 г.) количество обращений к информационным ресурсам Электронной библиотеки составило – 19 406.

В заключение хочется отметить, что краеведческие продукты Электронной библиотеки помогают не только эффективно выполнять читательские запросы, составлять библиографические пособия, но и популяризировать краеведческие знания в обществе и привлекать внимание широкой аудитории к истории Камчатки.

**ПИШЕМ КНИГИ О СВОЕМ ГОРОДЕ:
СОЗДАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ КРАЕВЕДЧЕСКИХ ПРОДУКТОВ
(из опыта Центральной городской библиотеки ЦБС г. Вилючинска)**

Из опыта практической деятельности библиотеки по поиску, систематизации и распространению информации краеведческого характера. Особое внимание уделено изданию пособий по различным направлениям, среди которых – история основания Вилючинска; территория и ее жители в годы Великой Отечественной войны; литературная, культурная и научная жизнь города.

Ключевые слова: библиотечное дело; Центральная городская библиотека; Вилючинск, г.; история; Великая Отечественная война; краеведение; издательская деятельность.

Центральная городская библиотека Вилючинска почти 30 лет занимается поисковой исследовательской деятельностью. Сотрудники ведут справочно-библиографический поиск, изучают архивные материалы, встречаются и беседуют со старожилами. Весь собранный краеведческий материал обрабатывается и возвращается к читателю в виде различных изданий: брошюр, сборников, библиографических указателей. За годы библиотечными специалистами создано 58 информационных краеведческих продуктов.

К этой деятельности библиотекарей подтолкнули читатели. Краеведческий фонд библиотеки по истории края в целом был богат, регулярно пополнялся. Но литература по истории малой родины – Вилючинска – отсутствовала полностью. Город является закрытым, долгое время на картах был обозначен под зашифрованным именем, до определенного периода литература о нем не публиковалась, для широкого пользователя сведений не было ни в книгах, ни в печати.

И тогда библиотекари, чтобы исправить эту ситуацию, решили «добыть» информацию сами, занимаясь краеведческим и библиографическим поиском. Подошли к сбору материалов серьезно и ответственно. Работали с книгами С. П. Крашенинникова, В. Л. Комарова, записками В. С. Завойко и других известных авторов. Почти все, кто путешествовал по Камчатке, побывали на берегу Тарьинской бухты (ныне бух. Крашенинникова), где сейчас расположен наш город. Библиотекари выписывали все упоминания о родной местности, первых русских поселениях в наших местах. На некоторое время стали заведующими Государственного архива Камчатского края. По крупицам собирали информацию о появлении и деятельности на берегу бухты рыбацких поселков, впоследствии вошедших в состав города.

Первым изданием, наиболее полно раскрывающим историю города, стал сборник «Вилючинск» [1]. В него вошли не только имеющиеся в печати сведения о городе, но и неопубликованные материалы. Архивные документы, фотографии и воспоминания старожилов составили разделы «Первые поселенцы Яковлевы», «Здесь начиналась рыбная промышленность Камчатки», «Город-форпост на Тихом океане», «Из истории морского завода», «Город и горожане». Своими воспоминаниями поделились жители города. Все их рассказы были уточнены и подтверждены архивными документами. Завершают сборник разделы «Стихи и песни о городе» и «Краткая хроника событий».

Тема Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. подвигла библиотекарей к работе с архивом газеты «Камчатская правда». Внимательно просматривая выпуски, выписывали из статей упоминания поселков и имена земляков. Затем встречались со старожилами – родственниками очевидцев и участников событий, записывали их воспоминания. Собранную информацию обрабатывали, публиковали в местной газете. Эти статьи вызвали интерес у горожан и желание поделиться своими воспоминаниями, рассказать о своих родственниках. Дополненный обработанный материал выпускали в виде тематических брошюр: «Живи и помни о днях минувших», «Назовем поименно...», «У войны не детское лицо» [2, 3, 4].

Результатом другой исследовательской работы стало альбомное издание «Неповторимой красотой чарует Дальнее» [5]. Оно посвящено памятнику природы в окрестностях Вилючинска – оз. Дальнему. Здесь собрана информация о происхождении озера, древних поселениях на его берегах, о научных исследованиях ихтиолога Ф. В. Крогиус, лимнолога Е. М. Крохина и современных ученых, о животном и растительном мире окрестностей. Иллюстрировано

издание фотографиями из личных архивов горожан.

Камчатский поэт и журналист Владимир Иванович Науменков жил и служил в нашем городе. Библиотекарями был собран материал о поэте и выпущен в виде нескольких изданий. Список литературы «Я живу на улице Гусарова...», кроме биографических сведений, знакомит читателя со стихотворениями Науменкова и его публикациями в газете «Залп». В сборник «Подводники с морями на плечах...» вошли стихотворения и поэмы, написанные им в годы службы на базе подводных лодок. Многие произведения публиковались впервые [6]. Обложкой книги стала фотография, на которой Науменков читает подводникам свои стихи о море. Материалы литературно-краеведческой конференции «Слово о поэте» наиболее полно рассказывают о жизни и творчестве Владимира Ивановича [7]. Сюда включены тексты выступлений исследователей его творчества, близких и друзей, а также фотоархив, предоставленный вдовой поэта Маргаритой Ивановной Беловой.

Библиотекарями были собраны и опубликованы материалы других краеведческих конференций: «Не забывать проблем родного края» (экология), «Подводный флот и история города», «О войне написано не все...» [8, 9, 10].

Заслуживает внимания издание в четырех книгах «Вовремя обернись...» [11]. Автор – Алексей Никитич Золотухин, 22 года отработав радиоинженером на судоремонтном заводе в Вилючинске. Он приехал сюда в первые годы образования города, который на его глазах строился и развивался. Болезнь приковала Алексея Никитича к постели. Он начал писать свои воспоминания: военное детство, студенчество, служба на Военно-Морском Флоте, прибытие в Вилючинск, работа на заводе. Часть текста была набрана им на компьютере, часть напечатана на пишущей машинке. Сотрудники библиотеки сканировали эти листы, отредактировали тексты и выпустили книги. Золотухин ушел из жизни, но его воспоминания о появлении и становлении города будут интересны еще не одному поколению горожан. Написаны интересно, читаются как художественная литература, в них много живых человеческих эмоций.

С поэтическим творчеством жителей Вилючинска знакомят выпуски стихов «Каждому городу нужен поэт» [12]. Они выходят в серии «Библиотека и творчество горожан», в разные годы издано четыре небольших сборника. Планируем продолжать выпуски.

Большую помощь в выполнении различных краеведческих справок и запросов оказывает библиографический указатель «Вилючинск» [13]. В нем собраны материалы, отражающие основные факты и события из жизни города. Основную часть составляют статьи из периодических изданий и книг последних лет. В приложении представлены тексты и фотографии. Структурно он состоит из трех разделов: «Историческое прошлое», «Вилючинск – защитник российской земли», «Вилючинск сегодня». Вводная статья дает краткое представление об истории образования города. Поисковый аппарат составляют именной указатель авторов, составителей, редакторов и лиц, которым посвящены работы; алфавитный перечень предприятий и учреждений; перечень использованных источников.

Работа по созданию информационных краеведческих продуктов с каждым годом становится все более значимой для города и получает поддержку администрации. В рамках муниципальной программы «Реализация государственной национальной политики и укрепление гражданского единства в Вилючинском городском округе» были выделены средства на реализацию проекта издания сборника «Вилючинск в годы Великой Отечественной войны 1941–1945» [14].

В книгу вошли уникальные краеведческие материалы, составленные на основе архивных документов, газетных статей «Камчатской правды» за период 1941–1945 гг. Не менее важными источниками информации стали воспоминания и фотографии участников и очевидцев военных событий, предоставленные их детьми и внуками. На территории будущего Вилючинска в то время располагались база военных моряков и рыболовецкие поселки. Добычей и обработкой рыбы занимались Авачинский рыбокомбинат (крупнейшее в те годы рыбоперерабатывающее предприятие Камчатки), колхозы – им. Сталина и «Вилюй»; в Старой Тарье было организовано подсобное хозяйство тыла. О том, как жили и трудились люди в них, рассказывают небольшие тексты. Каждый текст имеет свое название, отражающее его содержание: «Вставай, страна огромная!» (о тех, кто ушел на фронт, и о тех, кто трудился в тылу); «Твоя дочери, Камчатка...» (о женских рыболовецких бригадах); «Короткое детство» (о детях военного времени, о тимуровских командах); «Земляки – фронту» (о помощи фронту личными материальными средствами, участии в создании

Фонда обороны страны); «Культурная жизнь в годы войны» (о работе избы-читальни и клуба); «На озере Дальнем» (о работе научных сотрудников Тихоокеанского института рыбного хозяйства); «Мы вахту несли боевую..» (о формировании базы подводных лодок, гибели экипажа Л-16); «Курильская десантная операция» (об участии в ней наших земляков и моряков-подводников). Тексты иллюстрируют фотографии тех времен, включены две картины художника Г. А. Сотскова «Высадка морского десанта на остров Шумшу» и «Подвиг старшины 1-й статьи Николая Вилкова и матроса Петра Ильичева».

Отдельным разделом стал список участников Великой Отечественной войны и Курильского десанта, проживавших в разное время на территории Вилючинска. Список тех, кто погиб и кто вернулся. В него вошли 17 имен, ставших известными, благодаря поисковой работе библиотечкарей.

В раздел «Война в детском рисунке и взрослом слове» включены работы учащихся Детской художественной школы Вилючинска, иллюстрирующие стихи камчатских поэтов.

Книга изготовлена в салоне оперативной полиграфии «АРТпечатъ» тиражом 25 экземпляров. Обложка сборника представляет собой коллаж фотографий о событиях, рассказанных в книге.

16 октября 2023 г. в День города состоялась презентация книги. На встрече присутствовали молодежь и старшее поколение, родственники участников тех далеких событий. Для более эмоционального воздействия презентацию провели в форме литературно-музыкального вечера. Звучали стихи, живая музыка, песни военных лет.

Новая книга о военном прошлом пополнила не только фонды подразделений Централизованной библиотечной системы, но и всех школьных библиотек и техникума, передана в краеведческий музей и в художественную школу. Также в качестве подарка книги получили три семьи, предоставившие материал из своих семейных архивов.

Чтобы сделать информацию доступной и для удаленных пользователей, книгу разместили в электронном варианте на библиотечном сайте.

Библиотеки всегда были и будут наиболее доступными источниками краеведческой информации для всех категорий пользователей населения. Поисково-исследовательская деятельность сотрудников Центральной городской библиотеки Вилючинска способствует тому, чтобы ее краеведческие информационные ресурсы в полной мере отвечали информационным потребностям пользователей.

1. Вилючинск : сб. док., фот., воспоминаний / [ред. И. В. Витер; сост. Р. Е. Рагулина]. [Петропавловск-Камчатский, 2000]. 175 с.
2. «Живи и помни о днях минувших...» : Вилючинск в годы Великой Отечеств. войны / [сост. В. В. Логинова, Р. Е. Рагулина]. Вилючинск, 2000. 28 с.
3. Назовем поименно...: к 55-летию Курильской десант. операции / [сост. В. В. Логинова]. Вилючинск, 2000. 27 с.
4. «У войны не детское лицо...»: воспоминания детей, переживших войну / [сост. В. В. Логинова]. Вилючинск, 2005. 36 с.
5. «Неповторимой красотой чарует Дальнее...» : фотоальбом / [сост. В. В. Логинова]. Вилючинск, 2010. 51 с.
6. Науменков В. В. «Подводники с морями на плечах...». Стихотворения. Поэмы / [сост. В. В. Логинова]. Вилючинск, 2005. 140 с.
7. Слово о поэте : материалы лит.-краевед. конф. / [редкол. В. В. Логинова, О. С. Ковтун]. Вилючинск, 2008. 54 с.
8. Не забывать проблем родного края: экология Вилючинска : первая гор. экол.-краевед. конф. 14 нояб. 2002 г. : [материалы] / [сост. В. В. Логинова]. Вилючинск, 2003. 91 с.
9. Подводный флот и история города : материалы воен.-ист. конф. 27 нояб. 2003 г., г. Вилючинск / [сост. В. В. Логинова]. Вилючинск, 2005. 67 с.
10. О войне написано не все...: материалы ист.-краевед. конф. / [ред. В. В. Логинова]. Вилючинск, 2006. 84 с.
11. Золотухин А. Н. Вовремя обернись... Воспоминания : [в 4-х ч.] / [ред. В. Логинова, С. Кукина]. Вилючинск, 2006–2007. Ч. 1–4.
12. Каждому городу нужен поэт...: [сб. стихотворений] / [сост. Е. Г. Пешкова]. Вилючинск, 2000. 31 с.
13. Вилючинск : библиогр. указ. / [сост. Р. Е. Рагулина]. Вилючинск, 2009. 108 с.
14. Вилючинск в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 : [сборник] / сост. В. В. Логинова ; отв. за вып. М. А. Гнителива. Вилючинск, 2023. 80 с.

ПРОЕКТЫ БИБЛИОТЕЧНОЙ АССОЦИАЦИИ КАМЧАТКИ: ДЕСАНТЫ И ЭКСПЕДИЦИИ

О подготовке и реализации проектов Камчатской краевой научной библиотеки им. С. П. Крашенинникова и Библиотечной ассоциации Камчатки «Литературно-краеведческий десант в отдаленные районы Камчатки», «Точка на карте: литературно-краеведческий десант по земле Уйкоаль», «Дорогами камчатских просветителей XX века».

Ключевые слова: библиотечное дело; Камчатская краевая научная библиотека им. С. П. Крашенинникова; Библиотечная ассоциация Камчатки; краеведение; проектная деятельность; гранты.

Возможно, в библиотеках страны есть проекты с многодневными поездками по городам и селам края, с выступлениями писателей и краеведов в школах, сельских библиотеках и домах культуры, но проект Камчатской краевой научной библиотеки все-таки уникален.

Идея его создания родилась у сотрудников Организационно-методического отдела в 2018 г. Тогда совместно с муниципальными библиотеками был организован «Литературный десант», в рамках которого известные камчатские писатели стали ездить в отдаленные районы полуострова (Усть-Камчатский, Соболевский, Мильковский).

В 2019 г. состоялся наш первый литературно-краеведческий десант в Мильковский и Быстринский районы, поддержанный Министерством культуры Камчатского края. Команда писателей, краеведов и библиотекарей отправилась в поездку, где провела встречи с читателями, литературные мастер-классы, а также I Малые Крашенинниковские чтения «Возрождая традиции». Сотрудники библиотеки решили возродить традицию проведения выездных Крашенинниковских чтений, которые с 1976 г. проходили в районах Камчатки.

Данная поездка оказалась интересной, она получила множество положительных отзывов. Мы решили написать большой проект от некоммерческой организации «Библиотечная ассоциация Камчатки», отправили заявку в Фонд президентских грантов и выиграли. Проект «Литературно-краеведческий десант в отдаленные районы Камчатки» был поддержан грантом Президента РФ на развитие гражданского общества в 2020 г.

«Литературно-краеведческий десант в отдаленные районы Камчатки», как один из самых крупных, был реализован в 2020–2021 гг., руководила им сотрудник краевой библиотеки, писатель Е. С. Самсонова.

Задачей участников «десанта» было преодоление культурной изоляции и обмен накоплен-

ным опытом между жителями г. Петропавловска-Камчатского и отдаленных населенных пунктов полуострова. «Десантники» проехали сотни километров, побывали в 18 селах, провели около 500 литературно-краеведческих мероприятий, которые посетили почти 5500 человек. Кроме того, был выпущен публицистический сборник, где описаны ключевые точки путешествий, созданы диски с аудиосказками, записанными по итогам литературного конкурса «Северная сказка здесь и сейчас».

Писатели, деятели искусства, краеведы провели встречи с жителями Усть-Камчатского, Соболевского, Усть-Большерецкого, Карагинского районов. Там прошли творческие вечера и просветительские конференции – Малые Крашенинниковские чтения в Усть-Большерецком районе. Для жителей поселков были организованы показы фильмов о крае, мастер-классы по декоративно-прикладному творчеству, литературно-краеведческие беседы и викторины. Очень активно наши «десантники» работали в школах и библиотеках. Благодаря реализации проекта были найдены новые литературные таланты, писатели из глубинки смогли получить информационную и методическую помощь, молодые и не очень молодые непрофессиональные писатели получили возможность публиковаться.

В это же время краевая библиотека начала активно осваивать интернет-пространство, создавать собственные онлайн-продукты. Сотрудники стали снимать видеоролики, создали свой канал на YouTube (в настоящее время – ВКонтакте, Rutube).

В 2021 г., когда на Камчатке широко отмечались юбилейные даты образования Тигильского, Карагинского, Пенжинского, Усть-Большерецкого и Быстринского районов, у нас стартовал новый медиапроект «Точка на карте». Его цель – рассказать о поселениях края, и широко известных, и малоизвестных, и тех,

которые исчезли с карты полуострова (закрыты, признаны «неперспективными», оставлены жителями по другим причинам). Эта информация есть в печатных изданиях, но гораздо больше и интереснее могли рассказать уроженцы и жители камчатских селений, непосредственные участники многих событий. Они и стали героями видеороликов.

Мы приглашали в гости людей, они делились воспоминаниями о любимых местах, где прошли их детство и юность, показывали уникальные фотографии. Первым гостем стала В. Т. Броневиц, первая в стране женщина-губернатор, глава Корякского автономного округа (1996–2000). Потом был снят ролик о Лилии Александровне Аймик (Аслаповой), уроженке с. Средние Пахачи Олюторского района.

Затем появилась идея объединить съемку видеороликов медиапроекта «Точка на карте» и литературно-краеведческий десант. В 2021 г. мы подали новую заявку в Министерство развития гражданского общества и молодежи Камчатского края на реализацию проекта «Точка на карте: литературно-краеведческий десант по земле Уйкоаль».

Почему так назвали? В 2022 г. край отмечал знаменательную дату – 325 лет присоединения Камчатки к России, а Уйкоаль – это ительменское название самой большой водной артерии полуострова, р. Камчатки. На ее берегах был основан Нижнекамчатский острог, вдоль русла проживали коренные жители – ительмены, здесь были сосредоточены самые старые населенные пункты полуострова.

Цель проекта, как и в проекте «Литературно-краеведческий десант в отдаленные районы Камчатки», – преодоление культурной изоляции жителей отдаленных поселков полуострова. В рамках реализации второго проекта мы побывали в Усть-Камчатском, Мильковском, Елизовском, Быстринском районах; провели мероприятия в школах, библиотеках, домах культуры; состоялись литературно-краеведческий конкурс «Новая проза Камчатки» и XXXVII Крашенинниковские чтения.

Мы познакомились с молодым, но уже известным режиссером из с. Мильково Евгением Терновым, взяли его с собой в несколько поездок. Благодаря этим поездкам был снят фильм «Камень ворона», который сейчас смогут посмотреть пассажиры Аэрофлота, летящие на Камчатку.

Каковы итоги проекта? Проведено более 120 мероприятий, которые посетили более 2 000 человек, все мероприятия получили вы-

сокую оценку. Писатели и краеведы, приезжая в отдаленные села, чтобы пообщаться с местными жителями, не только осуществляют просветительскую деятельность, но и сами «напитываются» историей, что позволяет создавать им новые литературные произведения, осуществлять краеведческие исследования.

Президент Библиотечной ассоциации и директор Камчатской краевой научной библиотеки Т. А. Дикова является нашим «заслуженным десантником», она не раз ездила по краю. В одной из таких поездок родилась идея расширить культурную составляющую наших «десантов», привлечь к поездкам артистов и ученых, установить памятные доски в тех населенных пунктах Камчатки, откуда родом наши знаменитые земляки – писатели, краеведы, фольклористы, художники, мастера народного творчества. Появилась идея восстановить памятный столб «Братание», который находится в 14 км от с. Мильково.

В новом проекте Библиотечной ассоциации Камчатки мы решили собрать самое лучшее, что было реализовано в прошлых проектах. Он получил такое название: историко-краеведческие экспедиции «Дорогами камчатских просветителей XX века». Основная идея – пройти маршрутами участников первых Крашенинниковских чтений, провести просветительские мероприятия в тех же населенных пунктах, пообщаться с людьми, которые любят свою малую родину, рассказать о нашей работе, привлечь новых участников исторических чтений, сделать конференцию местом общения начинающих и маститых краеведов и ученых.

В 2023 г. нашу заявку поддержал Президентский фонд культурных инициатив. В настоящее время продолжается реализация проекта.

У Камчатки, как и у каждого региона страны, есть своя история, особенности, обычаи, образ жизни, культура. Традиции культурного просвещения жителей отдаленных районов полуострова имеют давнюю историю. Начинались они с проведения Крашенинниковских чтений в 1976 г. Они вызвали большой интерес в обществе и доказали необходимость их проведения в последующем. В новом проекте мы возрождаем традиции камчатских просветителей, участников чтений. Члены Библиотечной ассоциации и привлеченные специалисты идут дорогами просветителей XX в., рассказывают жителям отдаленных населенных пунктов полуострова о самых значимых событиях в истории Камчатки. Уже состоялись экспеди-

ции в Усть-Камчатский, Елизовский, Быстринский районы, в Мильковский муниципальный округ. Там прошли малые Крашенинниковские чтения, различные культурные и просветительские мероприятия. С нами отправились в путь и актеры камчатских театров, и, что интересно, в этом году они самостоятельно повторили маршрут со своей программой.

В проекте была предусмотрена установка памятных досок людям или событиям, оставившим яркий след в истории тех населенных пунктов, где будет проходить работа экспедиций. В с. Эссо мы установили памятную доску Кирьяку Степановичу Черканову, писателю-фольклористу, исследователю истории быстринских эвенов, чьим именем названа главная библиотека Быстринского района. В с. Мильково на здании районной библиотеки была установлена мемориальная доска писателю Георгию Германовичу Поротову, а на здании детской библиотеки – доска, посвященная памяти Виктории Зиновьевны Михайловой, заслуженного работника культуры России, сотрудника Мильковской библиотеки, руководителя краеведческого клуба «Камчадалы».

В апреле 2024 г. состоялись XXXVIII Крашенинниковские чтения. Необходимо отметить, что для выступления с очными докладами самостоятельно приехали исследователи из Магадана и Южно-Сахалинска. Благодаря поддержке гранта Президентского фонда культурных инициатив в конференции смогли принять очное участие краеведы из отдаленных районов Камчатского края. Большой интерес слушателей вызвали доклады участников из сс. Эссо, Козыревск, Соболево, Усть-Большерецк и Мильково.

В этом году впервые состоялась молодежная секция Чтений – научно-практическая конференция школьников «Под крылом Кутха». Свои исследовательские работы и проекты представили молодые участники из Петропавловска-Камчатского, Елизова и Милькова.

Как заметил волонтер нашего проекта, писатель, журналист и краевед С. И. Вахрин: *«Мы, краеведы и историки, писатели и учителя*

истории счастливы, что наконец-то сбылась главная мечта – наши ряды людей, хранителей исторического наследия Камчатки, начали пополняться детьми». Он выразил надежду, что конференция школьников будет проводиться регулярно.

Одним из направлений работы проекта стало продолжение съемок под рубрикой «Точка на карте». На каналах библиотеки (в настоящее время – ВКонтакте, Rutube) создан целый плейлист, куда вошли все видеоролики, подготовленные в рамках двух проектов. Эти 16 выпусков получили множество положительных отзывов, а количество их просмотров составило более 20 000.

Во время поездок в села и поселки Камчатского края мы встречаемся со старожилами, с жителями, которые могут рассказать о своих родных и любимых местах, показать уникальные фотографии, вспомнить детство и юность. Видеоролики по материалам этих встреч получились хорошие, очень душевные, как сказал один из наших зрителей, «теплые». Прежде всего, это – заслуга героев наших выпусков, ведь именно они любят свою малую родину, готовы говорить о ней часами. Мы также в каждый видеофильм вкладываем душу, ищем фотографии, старые видеосъемки в архиве, тщательно продумываем сценарий.

В планах нашей команды создать видеоролики о большинстве населенных пунктов Камчатки. Главное – добраться туда и найти людей, которые расскажут о своей малой родине. Надеемся, что к 30-летию образования Камчатского края у нас будут созданы выпуски о каждой «точке» на карте полуострова.

Вскоре в рамках проекта «Дорогами камчатских просветителей XX века» команда библиотеки отправится в поездку в Соболевский район, выйдут два новых выпуска «Точка на карте» про старинные камчатские селения Начики и Шаромы, а завершит проект большая краевая акция «II Краеведческий диктант», которая пройдет во всех библиотеках края, а затем и в онлайн-формате на сайте краевой библиотеки.

**АЛФАВИТНЫЙ СПИСОК УЧАСТНИКОВ III ИСТОРИЧЕСКИХ ЧТЕНИЙ
«КАМЧАТКА – РОССИЯ – МИР»,
5–6 СЕНТЯБРЯ 2024 г.**

Авилов Роман Сергеевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН; главный библиотекарь Научной библиотеки Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток).

Балацкая Надежда Михайловна, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Отдела библиографии и краеведения Российской национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург).

Бибиков Валерий Владимирович, президент Союза возрождения родословных традиций, член Общественного совета при Федеральном архивном агентстве, член Совета Российской генеалогической федерации (г. Москва).

Вахрин Сергей Иванович, краевед, писатель, член Союза писателей РФ, действительный член Русского географического общества, директор информационно-просветительского центра «Страна рыбы и рыбоедов» (г. Петропавловск-Камчатский).

Вишнякова Екатерина Васильевна, директор ООО «Юбилейный» (г. Якутск).

Воробьева Татьяна Владленовна, кандидат исторических наук, доцент, действительный член Русского географического общества, заведующая кафедрой экономических и социально-гуманитарных наук Петропавловского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Петропавловск-Камчатский).

Воропаева Александра Валерьевна, заведующая отделом «Центр консервации документов и изучения книжных памятников Хабаровского края» Дальневосточной государственной научной библиотеки (г. Хабаровск).

Гаврилов Сергей Витальевич, краевед, писатель, член Союза писателей РФ, действительный член Русского географического общества, старший научный сотрудник Камчатского краевого объединенного музея (г. Петропавловск-Камчатский).

Говорина Анна Александровна, главный библиограф Информационно-библиографического отдела Камчатской краевой научной библиотеки им. С. П. Крашенинникова (г. Петропавловск-Камчатский).

Головнин Петр Андреевич, действительный член Русского географического общества, директор Ассоциации «Русско-Японский центр по науке и культуре» (г. Санкт-Петербург).

Григоревский Василий Николаевич, ведущий архивист Муниципального архива Николаевского района (г. Николаевск-на-Амуре).

Дурынин Сергей Евгеньевич, краевед, потомственный казак рода Дурыниных, атаман Ямалского казачьего округа Обско-Полярной казачьей линии Союза казаков России (г. Тюмень).

Калмыков Павел Львович, краевед, писатель, врач-радиотерапевт Камчатского краевого онкологического диспансера (г. Петропавловск-Камчатский).

Каргопольцев Анатолий Алексеевич, краевед, действительный член Русского географического общества (г. Калининград).

Ким Надежда Александровна, заведующая Информационно-краеведческим отделом Мильковской библиотеки (с. Мильково, Камчатский край).

Кириллова Алина Игоревна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Камчатского государственного университета им. Витуса Беринга (г. Петропавловск-Камчатский).

Киричевский Денис Витальевич, заведующий Отделом краеведения Межпоселенческой центральной библиотеки им. К. С. Черканова (с. Эссо, Камчатский край).

Ковалёва Наталья Станиславовна, заведующая Сектором краеведческой библиографии Информационно-библиографического отдела Камчатской краевой научной библиотеки им. С. П. Крашенинникова (г. Петропавловск-Камчатский).

Красникова Ольга Алексеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заведующая сектором картографии Библиотеки РАН (г. Санкт-Петербург).

Логинова Вера Владимировна, главный библиотекарь Центральной городской библиотеки ЦБС (г. Вилючинск).

Лукоянова Мария Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-редакционного отдела Сахалинского областного краеведческого музея (г. Южно-Сахалинск).

Назаренко Светлана Владимировна, библиотекарь Камчатского медицинского колледжа (г. Петропавловск-Камчатский).

Побережная Наталья Александровна, заведующая Сектором научно-практической деятельности Отдела краеведения Камчатской краевой научной библиотеки им. С. П. Крашенинникова (г. Петропавловск-Камчатский).

Покладов Сергей Игоревич, полковник, младший научный сотрудник НИИ (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил РФ (г. Москва).

Самсонова Вера Васильевна, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник Института мерзлотоведения СО РАН (г. Якутск).

Селиванова Ирина Николаевна, журналист, член Союза журналистов Санкт-Петербурга и Ленинградской области (г. Санкт-Петербург).

Сильницкий Антон Георгиевич, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английского языка и переводоведения Смоленского государственного университета (г. Смоленск).

Смирнов Валентин Георгиевич, доктор исторических наук, капитан 1-го ранга, директор Российского государственного архива Военно-Морского Флота (г. Санкт-Петербург).

Татаренкова Наталья Александровна, действительный член Русского географического общества (г. Петропавловск-Камчатский).

Тепкина Мария Игоревна, главный хранитель фондов Сахалинской областной универсальной научной библиотеки (г. Южно-Сахалинск).

Токранов Алексей Михайлович, доктор биологических наук, действительный член Русского географического общества, главный научный сотрудник Камчатского филиала Тихоокеанского института географии ДВО РАН (г. Петропавловск-Камчатский).

Туманик Екатерина Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Государственной публичной научно-технической библиотеки СО РАН (г. Новосибирск).

Шагов Андрей Евгеньевич, полковник, кандидат исторических наук, доцент, начальник Управления (зарубежной военной истории) НИИ (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил РФ (г. Москва).

Янкин Михаил Сергеевич, полковник, кандидат исторических наук, начальник Научно-исследовательского отдела НИИ (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил РФ (г. Москва).

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ГЕРОИЧЕСКОЙ ОБОРОНЕ ПОСВЯЩАЕТСЯ (к 170-летию отражения нападения англо-французской эскадры на Петропавловский порт во время Крымской войны, 1854 г.)

Авилов Р. С. Влияние обороны Петропавловского порта в августе 1854 г. на русское военное планирование на Дальневосточном театре военных действий во 2-й половине XIX – начале XX в.	5
Вахрин С. И. Камчадалы – защитники Отечества.....	10
Воропаева А. В. Документы по подготовке к обороне Петропавловского порта в 1854 г. из фонда Дальневосточной государственной научной библиотеки.....	17
Головнин П. А. Семья адмирала В. С. Завойко на Дальнем Востоке.....	21
Григоревский В. Н. «История освоения и обороны Нижнего Амура 1848–1856 гг.» в сборнике архивных копий документов Российского государственного архива Военно-Морского Флота.....	29
Калмыков П. Л. Дневник убитого капитана.....	44
Кириллова А. И. Малые победы в ходе Крымской войны как сюжеты региональной истории (связь Петропавловской обороны и сражений у Де-Кастри в Крымской войне).....	57
Красникова О. А. Пилкин Сергей Константинович (1872–1944), сотрудник Библиотеки Академии наук СССР, сын героя Петропавловской обороны К. П. Пилкина (1825–1913).....	60
Покладов С. И. Особенности развития военно-политической обстановки накануне и в период Крымской войны 1853–1856 гг.	69
Самсонова В. В., Вишнякова Е. В. О награждении священника Петропавловского собора Георгия Логинова за участие в обороне Петропавловска.....	77
Туманик Е. Н. Петропавловская оборона в оценке декабриста И. Д. Якушкина (книжное наследие и неопубликованный эго-документ).....	84

РАЗДЕЛ II. СОБЫТИЯ ПЕРИОДА РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ НА КАМЧАТКЕ (1904–1905)

Воробьева Т. В. Столкновение двух империй на российской окраине (1904–1905 гг.).....	88
Гаврилов С. В. Основные события Русско-японской войны 1904–1905 гг. на Камчатке.....	98
Назаренко С. В. Русско-японская война 1904–1905 гг. на Камчатке.....	103
Сильницкий А. Г. Зарисовки из жизни российских иммигрантов с Дальнего Востока в Шанхае (по материалам воспоминаний Г. Г. Сильницкого).....	107
Татаренкова Н. А. Командоры в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг.....	115
Тепкина М. И. Издания о Русско-японской войне 1904–1905 гг. в фонде особо ценных и редких документов СахОУНБ.....	124
Янкин М. С. Русско-японская война 1904–1905 гг. в зеркале историографии.....	127

РАЗДЕЛ III. ПАМЯТЬ ПОКОЛЕНИЙ. КАЗАКИ НА СЛУЖБЕ РОДИНЕ

Бибиков В. В., Зайцев Г. А. От Камчатки до Себино и от камчадалки Бужениновой до Святой Матроны Московской.....	131
Вахрин С. И. Казаки Камчатки. Участие в обороне Петропавловского порта 1854 г. и обороне Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг.	138
Дурынин С. Е. О морской службе камчатских казаков Дурыниных.....	142
Каргопольцев А. А. Блуждающий Нижнекамчатский острог. Камчатка. 1697–1736 гг.	148
Лукоянова М. А. К челюскинцам на Камчатку. Дальневосточный летчик Алексей Иванов.....	155
Максутова М. Д. На службе Отечеству... ..	158
Селиванова И. Н. Три поколения Селивановых на защите Камчатки.....	166
Смирнов В. Г. Капитан 2-го ранга А. В. Колчак и исследование Камчатки.....	170
Токранов А. М. Основоположник изучения размножения и развития морских рыб Дальнего Востока (к 120-летию со дня рождения Теодора Сауловича Рассы).....	174
Шагов А. Е. Деятельность НИИ (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации по развитию отечественной военной исторической науки.....	177

РАЗДЕЛ IV. ЛУЧШИЕ БИБЛИОТЕЧНЫЕ ПРАКТИКИ ПО КРАЕВЕДЕНИЮ

Балацкая Н. М. Краеведческая библиография: проблемы и доступные решения.....	180
Говорина А. А. Архив видеоматериалов ГТРК «Камчатка» в фондах Камчатской краевой научной библиотеки – источник уникальной исторической информации.....	184
Ким Н. А. Из опыта работы клуба «Камчадалы» Милюковской библиотечной системы.....	188
Киричевский Д. В. Районная газета как источник информации по истории Быстринского района в 1926–1986 гг.	191
Ковалёва Н. С. Электронная библиотека на сайте Камчатской краевой научной библиотеки им. С. П. Крашенинникова: структура, содержание и продвижение.....	199
Логинова В. В. Пишем книги о своем городе: создание информационных краеведческих продуктов (из опыта Центральной городской библиотеки ЦБС г. Вилючинска).....	202
Побережная Н. А. Проекты Библиотечной ассоциации Камчатки: десанты и экспедиции.....	205
Алфавитный список участников.....	208
Содержание.....	210

КАМЧАТКА РОССИЯ МИР

Материалы III Исторических чтений,
посвященных 170-летию обороны
Петропавловского порта 1854 г.
и 120-летию событий Русско-японской
войны 1904–1905 гг. на Камчатке

Ответственный за выпуск – *Т. А. Дикова*
Редакторы – *И. В. Витер, А. А. Говорина*
Корректор – *Е. А. Рыбаченко*
Оригинал-макет – *М. А. Набутовский*
Дизайн обложки – *И. Ю. Хижняк*

Подписано в печать 14.11.2024.
Формат 60x84/8. Бумага «Светокопи».
Гарнитура «Minion Pro». Печать цифровая.
Усл. печ. л. 24,75. Заказ СТ 24–002367.
Тираж 85 экз.

Отпечатано в ООО «СЭТО-СТ Плюс»,
683024, Петропавловск-Камчатский, просп. 50 лет Октября, д. 1 корп. 2.
ИНН 410100004888